

РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ БАЗЫ ЗА РУБЕЖОМ

XVIII—XXI вв.

РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ
БАЗЫ ЗА РУБЕЖОМ

XX военные
тайны
века

А.Б. ШИРОКОРАД

Annotation

В беспокойном XXI веке ни одна великая держава не может существовать без могучего океанского флота. В свою очередь флот не может быть реальной силой, не имея мест базирования для заправки топливом, продовольствием, боекомплектom, а также для ремонта кораблей и отдыха экипажей.

К сожалению, отечественный читатель почти ничего не знает о заграничных военно-морских базах России и СССР. Автор рассказывает о создании таких баз, их функционировании и дальнейшей судьбе. Читатель впервые узнает о ряде засекреченных боевых операций нашего флота, морской пехоты и ВВС.

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

-
- [А.Б. Широкоград](#)
    -
    - [ВВЕДЕНИЕ](#)
    - [Глава 1.](#)
      - [ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ БАЗЫ](#)
      - [ОБОРОНА ХАНКО](#)
    - [Глава 2.](#)
    - [Глава 3.](#)
    - [Глава 4.](#)
    - [Глава 5.](#)
    - [Глава 6.](#)
    - [Глава 7.](#)
    - [Глава 8.](#)
    - [Глава 9.](#)
    - [Глава 10.](#)
    - [Глава 11.](#)
    - [Глава 12.](#)
    - [Глава 13.](#)
    - [Глава 14.](#)
    - [Глава 15.](#)
    - [Глава 16.](#)
    - [Глава 17.](#)
    - [Глава 18.](#)

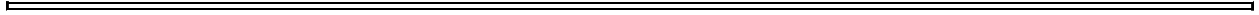
- [Глава 19.](#)
- [Глава 20.](#)
- [Глава 21.](#)
- [СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ](#)
- [СХЕМЫ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)

- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)

- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)

- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)

А.Б. Широкоград
РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ БАЗЫ ЗА
РУБЕЖОМ. XVIII—XXI вв.

XX *военные
тайны
века*

«Вече», 2013

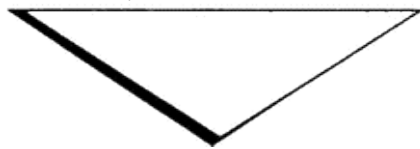
ВВЕДЕНИЕ

В беспокойном XXI веке ни одна великая держава не может существовать без могучего океанского флота. Нашим либералам давно пора понять, что если Англия еще может остаться без океанского флота и превратиться в процветающее государство — члена ЕС, то Россия без флота не может существовать физически. Благо, у нас оказались столь добрые соседи, что они претендуют на большую часть нашей территории от Курил и Дальнего Востока до Карелии и Калининградской области. Ну а где-то за океаном, на противоположной стороне земного шара, государственные мужи и дамы утверждают, что Сибирь слишком велика, что бы принадлежать одной стране, да и Русскую Арктику давно пора интернационализировать, то есть передать под контроль ВМФ США.

Так что гарантией безопасности народов РФ является океанский флот, а силу его надо считать не по тоннажу и числу кораблей, а по количеству ракет со специальными боевыми частями на борту.

К сожалению, у нас цари, генсеки и президенты постоянно забывают, что флот не может быть реальной силой, не имея мест базирования для заправки топливом, продовольствием, боекомплектom, а также для малого и среднего ремонта кораблей и отдых экипажей.

Русские моряки, пехотинцы и летчики покрыли себя славой при обороне наших ВМБ как на своей территории (Севастополь дважды, Кронштадт, Одесса, Либава, Таллин и др.), так и за рубежом (Порт-Артур, Ханко, Нокра и др.). А в потере всех наших баз за рубежом виноваты не солдаты и матросы, а недалекость и глупость наших правителей, отдавших Корфу в 1814 г., Порт-Артур и Порккала-Удд — в 1905 г., а также целый ряд баз (ПМТО) — в конце XX — начале XXI века.

Глава 1.

ВОЕННО-МОРСКАЯ БАЗА В ХАНКО

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ БАЗЫ

Значение военно-морских баз Ханко и Порккала-Удд нельзя оценить без краткого экскурса в историю и географию северного побережья Финского залива. Именно географические особенности южной Финляндии определяли характер войн как в XVIII веке, так и в XX. Северное побережье Финского залива, Аландский архипелаг и побережье Швеции от Эстхамара до Фигехолма представляет собой почти сплошные шхеры. Плавание в шхерных районах — дело весьма трудное, требующее отличного знания местности, так как навигация в шхерах возможна только по строго определенным путям — фарватерам, чрезвычайно извилистым и таящим массу опасностей. Наиболее трудными являются шхерные районы Финляндии и Або-Аландские, несколько легче плавание по шведским шхерам.

Понятно, что до появления паровых двигателей плавание в шхерах больших парусных судов (кораблей и фрегатов) было крайне затруднено, а в отдельных местах вообще невозможно. В результате этого в обеих русско-шведских войнах — 1700—1721 гг. и 1741—1743 гг. — обе стороны имели по два флота: корабельный и гребной, действовавших в подавляющем большинстве случаев независимо друг от друга. Корабельные флоты сражались в открытом море, а гребные — в шхерах.

Таким образом, классическая теория «владения морем» не действовала на Балтике. Большая флотилия русских кораблей не могла перехватить гребные суда, которые могли пройти шхерами из Стокгольма до Выборга и даже до Березовых островов, находящихся рядом с Кронштадтом. На этом маршруте гребным судам приходилось лишь три раза выходить из шхер на 30—40 км в открытое море. Это пролив Седра-Кваркен между шведским берегом и Аланским архипелагом, а также у двух острых, выдающихся в Финский залив полуостровов Ганге и Поркалаудд. Эти последние два полуострова и были главными стратегическими пунктами в ходе всех войн XVIII—XX веков.

В 1712 г. у Гангута состоялось знаменитое морское сражение — первая серьезная победа русских в Северной войне.

В 1788 г. адмирал С.К. Грейг занял Гангут, что бы прервать коммуникации заблокированной шведской эскадры со Стокгольмом. У Гангута встал отряд из корабля «Родислав» и трех фрегатов. Вскоре к ним присоединились корабли «Память Евфстафия» и «Пантелеймон».

3 октября 1788 г. русский отряд воспрепятствовал попытке шведских транспортов с провиантом с запада прорваться к своим войскам в Финляндии.

5 октября у Гангута на Тверминском рейде была отражена попытка прорыва шведского флота, на сей раз с востока, в Абоские шхеры.

В марте—апреле 1789 г. в Ганге шведы, воспользовавшись уходом русских кораблей на зимовку, построили два островных форта — «Густавсверн» и «Густав Адольф» (вместе 50 пушек), прикрывавших шхерный фарватер.

Крепость оставалась в руках шведов до 9 мая 1808 г., когда ей овладели русские.

По ведомости штатных крепостей 1816 г. Ганге (Гангут) числился во II классе.

В 1832 г. генерал-инспектор по инженерной части сообщал директору Инженерного департамента, что «нашел в сей крепости не укрепления, но одне только развалины оных». Тогда же его адъютант полковник Бакунин доносил, что «несмотря на стратегическую важность Гангута, который во время войны есть единственный порт, где наш флот при остовом ветре может, в случае нужды, найти убежище, и который, сверх того, есть ключ продовольственной линии шхерами», в нем налицо всего 5 лафетов, из них 4 еще шведских, причем все они «сквернейшие».

Вскоре крепость кое-как подправили: местами соорудили новые деревянные брустверы и валганги и немного освежили артиллерийское вооружение.

К 1853 г. укрепления Гангута состояли: а) на острове Густавсверн — из 3 каменных и 1 деревянного бастионных фронтов; б) на острове Густав-Адольф — из 3 каменных и 1 деревянного бастионных фронтов; в) на острове Мейерфельдклит — из 3 каменных бастионных форт. Кроме того, имелось 9 деревянных батарей. На вооружении состояло 100 орудий.

Союзный флот, вошедший весной 1854 г. в Финский залив, решил сделать Гангут своей временной базой и 8 мая вошел на Большой рейд. 10 мая несколько пароходо-фрегатов приблизились к укреплениям и открыли по ним жестокий огонь, на который батареи по мере возможности отвечали. После четырехчасовой безрезультатной перестрелки неприятельские корабли отступили к своей эскадре, и атака больше не возобновлялась.

Однако, опасаясь новых атак союзников, наши адмиралы решили оставить Гангут. 15 августа 1854 г. по приказу Николая I все укрепления крепости были взорваны.

В 1912 г. на обоих берегах западной части Финского залива началось

строительство крепости Петра Великого. Островные батареи вблизи Гангута должны были стать элементами этой крепости.

В 1912 г. началось строительство укреплений на острове Руссар. В 1914 г. на Руссаре установили на бетонных фундаментах шесть 234-мм пушек, купленных у фирмы «Бетлехем Стил компани». Эти пушки первоначально предназначались для чилийского флота.

В марте 1917 г. офицеры бежали с острова Руссар, и батарея оказалась во власти революционных матросов. В апреле 1918 г. Руссар и Гангут были заняты немецким десантом и отрядами белофиннов.

Еще до Советско-финской войны 1939—1940 гг. СССР требовал возвращения полуострова Гангут.

12 марта 1940 г. в Москве был подписан советско-финский мирный договор, подводящий итоги Зимней войны. Согласно его условиям Финляндия передала в аренду Советскому Союзу полуостров Ханко с морской акваторией от 3 до 5 миль, включая малые острова. Срок аренды — 30 лет. Цель аренды — создание военно-морской базы.

На эвакуацию финских войск и населения полуострова договором отводилось всего 10 дней.

Финны были вынуждены оставить в целости и сохранности форты на островах Руссар и Хэстэ-Бюсэ. С последнего финны сравнительно легко вывезли четырехорудийную батарею бывших царских 152-мм пушек Кане, а из Твермине — две трехдюймовые полевые пушки, тоже русские. На острове Руссар сняли шесть 75/50-мм пушек Кане, а вот что делать с шестью 234-мм орудиями, поначалу никто не знал. Их ствол весил 30 т, щит — 16 т, а люлька — 9 т. Тем не менее финны напрягли все свои силы, и к 20 марта все 234-мм пушки были эвакуированы в Финляндию.

Финский залив еще был покрыт льдом, но советское командование очень торопилось и решило отправить в Ханко (Гангут) своих представителей по воздуху. Поскольку на полуострове не было аэродрома, финнов заставили подготовить рядом ледовый аэродром. Понятно, что они тянули до последнего и сообщили данные по аэродрому лишь 21 марта, и попросили прибыть наши самолеты на следующий день не ранее полудня.

В 13.00 на ледовый аэродром сели пассажирский «Дуглас» (ПС-84) и бомбардировщик СБ. В составе советской делегации было 44 человека во главе с начальником тыла Балтийского флота капитаном 1-го ранга М.И. Москаленко и свеженазначенным начальником базы Ханко капитаном 1-го ранга С.Ф. Белоусовым.

В тот же день наша и финская делегации провели два многочасовых совещания по передаче полуострова. Но в 22.00 начался

импровизированный банкет. Русские привезли с собой холодную закуску — мясные консервы, черную икру, копчености и много водки. В полночь пьяные финны на автомобилях отправились в направлении Тамменфорса (Экенеса) под громкие крики «ура» советских делегатов. К этому времени все финские войска и местные жители окончательно покинули полуостров.

25 марта 1940 г. нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов отправил Сталину докладную записку за № 1132сс, где говорилось: «Подготовленный финнами аэродром (на льду в 2 км от города) в удовлетворительном состоянии, позволяет садиться тяжелым самолетам в значительном количестве. По донесению Председателя военной комиссии по предварительному изучению состояние порта и города Ханко представляется в следующем виде: водопровод и электростанция работают, жилой фонд в основном в порядке, дневное навигационное оборудование исправно, ночное требует восстановления. Гавань в хорошем состоянии, причалы имеют нефтепровод и водопровод с рожками. Пушки с острова Руссар вывезены, казармы целы. Финны эвакуированы, остался один офицер для связи и несколько человек для сопровождения. У военных объектов выставлены наши караулы, по городу ходят патрули».

Если финны-военные более-менее выполняли условия договора, то местное население гадило, как могло. Из донесения начальника штаба базы Н.П. Фарины от 31 марта 1940 г.: «Город имеет 1214 домов, не считая промышленных предприятий, больших разрушений в городе нет... В центральной и дачной частях города почти во всех домах выбиты стекла, рамы, частично вырваны "с мясом" дверные приборы, разломаны изразцовые печи, сняты и выброшены двери, демонтировано паровое отопление. В магазинах тщательно разбиты витрины, сорван линолеум, уничтожены раковины».

Для восстановления города Ганге постановлением Совнаркома СССР Исполкому Ленсовета предложено отпустить из резервного фонда СНК 19 млн. рублей.

Как уже говорилось, из-за тяжелой ледовой обстановки перевозка советских войск на Ханко поначалу производилась по воздуху. К началу апреля 1940 г. с аэродромов Ораниенбаума, Пушкина и Палдиски произведено 44 самолетовылета бомбардировщиков ТБ-3, на которых перевезено в Ханко 180 бойцов, 12 т муки, 1800 л горючего, 4 грузовых автомобиля и 52,6 т различных грузов.

В ходе 51 самолетовылета «Дуглас» (ПС-84) было перевезено 60 артиллеристов, 271 пехотинец, 2,5 т муки, 28,4 т различных грузов, две радиостанции и 6,5 т продовольствия.

В ходе 134 самолетовылетов летающих лодок МБР-2 перевезена рота моряков, два саперных взвода, аэродромный взвод, связисты, инженеры, пожарники — всего 213 человек, а также 22 т продовольствия и 17 т различных грузов.

С улучшением ледовой обстановки на Ханко пошли судовые конвои. 8 апреля 5 пароходов Ленинградского торгового порта — «Волголес», «Эльтон», «Луначарский», «2-я пятилетка» и «Днестр» — в сопровождении ледоколов «Ермак» и «Трувор» отправились из Кронштадта на Ханко.

На транспортах был перевезен стрелковый полк (без одного батальона) с артиллерией и обозом, саперный батальон, рота связи, три 130-мм береговые установки Б-13, три четырехорудийные батареи 45-мм пушек 21 К, зенитный артиллерийский дивизион в составе трех батарей, 50 т жидкого топлива, 3062 т каменного угля и дров, 3239 т продовольствия и фуража.

22 апреля 1940 г. нарком ВМФ приказом № 0098 назначил специальную комиссию «для выбора мест позиций батарей и разработки плана противовоздушной, сухопутной и противодесантной обороны п-ва Ханко и островов Руссар и Одценсхольм» под председательством флагмана 2-го ранга И.И. Грена.

Всего было намечено:

«а) Выбор мест позиций временных батарей:

— одной 130-мм трехорудийной открытой батареи на западной оконечности п-ва Ханко с директрисой 260°.

— одной 130-мм трехорудийной открытой батареи на острове Руссар с директрисой 190°.

— одной 130-мм трехорудийной открытой батареи на острове Хэстэ-Бюсэ с директрисой 195°.

— одной 100-м трехорудийной открытой батареи на острове Хэстэ-Бюсе с директрисой 195°.

б) Выбор мест позиций постоянных батарей:

— одной шестиорудийной двухбашенной 406-мм батареи на о. Одценсхольм. (Там предполагалось установить 406-мм пушки Б-37, спроектированные для линкоров типа «Советский Союз». К этому времени имелось лишь одно такое орудие, проходившее испытания на НИАПе. — А.Ш.).

— одной шестиорудийной двухбашенной 305-мм батареи на р. Руссар. (Пушки и башни предполагалось взять с законсервированного линкора «Полтава». — А.Ш.).

— одной четырехорудийной двухбашенной 180-мм батареи на о.

Одденсхольм.

— одной четырехорудийной открытой 152-мм батареи на п-ве Ханко с директрисой ориентировочно 220—230°. (152-мм пушки Б-38 в установках МУ-2. — А.Ш.).

— одной четырехорудийной открытой 152-мм (Б-38) батареи на п-ве Ханко с директрисой ориентировочно 120—130°.

— одной четырехорудийной открытой 130-мм батареи на о. Одденсхольм с директрисой ориентировочно 340—330°.

— одной четырехорудийной открытой 152-мм (Б-38) батареи на п-ве Ханко с директрисой ориентировочно 120—130°.

— десяти четырехорудийных 45-мм батарей (21 К).

в) Выбор двух мест железнодорожных позиций для 180-мм железнодорожных батарей.

А также зенитной артиллерии и т.д.».

Следует заметить, что строительство открытых стационарных береговых батарей на полуострове Ханко велось в быстром темпе и не всегда тактически грамотно. Так, позиции батареи № 170 (три 130-мм Б-13) на мысе Уддскатан на южной оконечности Ханко были неудачным в инженерном и тактическом отношениях. Открытая позиция хорошо просматривалась с моря. Аналогичная ситуация сложилась и с батареей № 174 (три 100-мм) на острове Лонгшер.

Три 130-мм установки Б-13 батареи № 179 были установлены на переходных барабанах на установочных частях от 234-мм орудий, увезенных финнами. Орудия пришлось поднять на высоту переходных барабанов так, что брустверы почти не защищали орудийные расчеты. Следовало нарастить брустверы, повесить обшивку и где брустверы не были кольцевыми, защитить тыльную часть орудийных дворики. Это было запланировано, но, судя по всему, так и не выполнено до конца обороны Ханко.

20 июня 1940 г. на Ханко было решено перебросить 9-ю железнодорожную батарею в составе трех 305-мм установок ТМ-3—12 и 17-ю железнодорожную батарею в составе четырех 180-мм установок ТМ-1—180. Теоретически железнодорожные установки можно было доставить на полуостров морским путем, но оптимальный вариант был идти своим ходом. Однако в соответствии с железнодорожными нормативами Финляндии там могли ходить поезда с нагрузкой на ось колесной пары не более 17 т. Транспортеры ТМ-1—180 имели нагрузку 21,5 т, а ТМ-3—12 — 27 т. В связи с этим финны отказались пропустить транспортеры. Понятно, что имел место и открытый саботаж.

В конце концов на конференции в Москве (с 27 по 30 июля 1940 г.) финны согласились пропускать транспортеры со средней нагрузкой на ось 21,5 т (ТМ-1—180). Причем они настояли, чтобы затраты на усиление мостов и путей были возмещены Советским Союзом. В итоге пришлось частично разбирать установки ТМ-3—12.

Передислокация 17-й батареи в объеме четырех эшелонов была закончена 1 октября 1940 г. Сразу по прибытии батарею поставили на временных позициях, и ее личный состав приступил к боевой подготовке.

Первый эшелон 9-й батареи прибыл на Ханко в 17 часов 2 октября 1940 г. Второй эшелон — в 18 часов 4 октября. Последний, пятый, эшелон прибыл на полуостров 7 октября 1940 г. Всего для перевозки 9-й батареи потребовалось 103 (!) железнодорожных вагонов.

Следует заметить, что 180-мм ТМ-1—180 могли вести круговой обстрел с железнодорожного полотна даже с неподготовленной позиции. А вот 305-мм установки ТМ-3—12 имели угол горизонтального наведения $\pm 2,5^\circ$, поэтому вести огонь с них можно было или со специально скругленных веток, или с бетонных оснований. В последнем случае на бетонное основание, сквозь которое были проложены рельсы, паровоз заводил транспортер. Затем установка опускалась на бетонное основание, а колесные тележки выкатывались. Таким образом, железнодорожная установка превращалась в стационарное орудие на центральном штыре. На все эти операции требовалось около часа.

Личный состав 9-й батареи старательно маскировал бетонные основания. Один из способов маскировки заключался в установки на бетоне бочек с молоденькими сосенками.

Для обороны Ханко от финского вторжения через перешеек и для противодесантной обороны к концу 1940 г. было построено 196 дзотов и еще 52 находились в стадии строительства. Все дзоты должны были защищать личный состав от снарядов калибра до 152 мм включительно.

Согласно директиве заместителя начальника Генерального штаба РККА генерал-лейтенанта Н.В. Ватутина от 3 марта 1941 г. на Ханко решено было начать строительство железобетонных дотов в опорных пунктах «Лаппвик», «Средний», «Дорожный» и «Левый». Всего предполагалось построить там 35 дотов, в том числе 9 артиллерийских полукапониров на два 76-мм казематных орудия Л-17 каждый. В 1940 г. на острове Руссар началось строительство 305-мм башенной батареи, но ввести ее к началу войны не удалось. Башни даже не были сняты с «Полтавы».

К началу декабря 1940 г. на полуостров Ханко перевезли 2690

красноармейцев из состава артиллерийских частей, 12 500 человек из состава 8-й стрелковой бригады^[1] и 7500 человек из состава строительных инженерных батальонов. Таким образом, всего на полуострове оказалось 22 690 военнослужащих.

К 1 декабря 1940 г. через Финляндию в Ханко проследовало 38 эшелонов, в составе которых имелось 1005 вагонов.

Весной 1940 г. в Ханко началось строительство сухопутного аэродрома и обустройство гидроаэродрома для приема летающих лодок.

К лету 1940 г. по мере завершения оборудования аэродромов на Ханко были перебазированы 13-й истребительный авиаполк 10-й авиабригады Балтийского флота и 81-я отдельная морская разведывательная эскадрилья Балтийского флота в составе девяти гидросамолетов МБР-2. 13-й истребительный полк имел около 60 истребителей И-15бис, И-16 и И-153.

Забегая вперед, скажу, что поскольку аэродром, равно как и все объекты на Ханко, простреливался артиллерией финнов, то к августу 1941 г. на аэродроме были построены ангарные укрытия для истребителей. Укрытие-ангар представляло собой наземное обсыпное временное фортификационное сооружение (иногда неправильно эти укрытия называют подземными).

Стены сооружения деревянные, двойные (по типу применявшихся для фортификационных сооружений двойного сруба), с заполнением пространства между ними камнем. Перекрытия (боевое покрытие) — накат из сплошного ряда железнодорожных рельсов и многометровая обсыпка из слоев, щебня, камня и грунта^[2].

Всего на аэродроме построили 9 укрытий для истребителей и защищенные укрытия для летного и технического состава.

До мая 1941 г. 13-й авиаполк базировался на аэродроме Ханко всем составом. Однако в связи с предстоящей реконструкцией аэродрома три эскадрильи были перебазированы под Ленинград на аэродром Керстово, где они заодно должны были быть перевооружены на новые машины. А одна эскадрилья перебазирована на аэродром Лагсберг недалеко от Таллина. В итоге на Ханко осталась одна эскадрилья в составе 11 истребителей И-153 и одного связного самолета У-2.

ОБОРОНА ХАНКО

Итак, к 22 июня 1941 г. на Ханко находились железнодорожные батареи № 9 и № 17.

Кроме того, на Ханко базировались 29-й и 30-й отдельные артиллерийские дивизионы береговой артиллерии. В их составе были наспех открыто установленные щитовые установки: девять 130-м установок Б-13 и три 100-мм установки Б-24.

Для противокатерной обороны были предназначены установленные на берегу двадцать 45-мм универсальных полуавтоматов 21К, толку от которых было мало при стрельбе, как по катерам, так и по самолетам.

Для обороны базы с берега на Ханко была дислоцирована 8-я отдельная стрелковая бригада в составе 270-го и 335-го стрелковых полков, а также 343-го артиллерийского полка. В составе бригады имелся танковый батальон, вооруженный танками Т-26. Строительством занимались 93-й и 94-й отдельные строительные батальоны, 296-я и 101-я отдельные строительные роты и 219-й отдельный саперный батальон — все части московского и окружного подчинения.

На перешейке полуострова на танкоопасных направлениях был прорыт противотанковый ров.

24 июня 1941 г. разведывательная эскадрилья в количестве шести гидросамолетов МБР-2 была перебазирована с Ханко на гидроаэродром Кихельконна на острове Эзель. В итоге на Ханко осталось лишь звено из трех МБР-2.

К 25 июня 1941 г. два звена 13-го истребительного авиаполка (шесть И-16) были вновь перебазированы из-под Ленинграда на аэродром Ханко. Всего в составе истребительной авиагруппы стало 17 самолетов, из них 16 исправных.

Около 7 часов утра 25 июня над базой прошли в направлении Турку 54 бомбардировщика СБ. С аэродрома на Ханко поднялись две эскадрильи истребителей для сопровождения наших бомбардировщиков. В 8 часов утра артиллерия Ханко открыла огонь по финским батареям.

В ответ финны с островов Мээн и Стурхольм начали обстрел города, порта, полосы обороны 8-й стрелковой бригады и островов. 26 июня они впервые обстреляли советский сухопутный аэродром. Вскоре все батареи финнов открыли огонь, и вся территория базы оказалась под обстрелом.

На Ханко базировались 20 торпедных катеров типа Г-5, но к 22 июня в

базе находилось лишь шесть катеров, да и те вскоре были отозваны. Охрану водного района базы осуществляли три морских охотника — МО-311, МО-312 и МО-313, а также пограничный дивизион таких же катеров МО-236, МО-237, МО-238 и МО-239.

Всего к началу войны на Ханко находилось 27 030 советских военнослужащих. Командиром военно-морской базы незадолго до войны был назначен генерал-лейтенант береговой службы С.И. Кабанов.

Как видим, Ханко не только не стал первоклассной морской крепостью, а наоборот, имел весьма слабые средства обороны. Это значительно усугублялось географическим положением полуострова, окаймленного с севера и востока финскими шхерами.

Для захвата советской базы финны сформировали «ударную группу Ханко» в составе 17-й пехотной дивизии, шведского отдельного пехотного батальона SFB, саперной и самокатной рот, 21 береговой и 31 полевой батареи — всего 153 орудия.

Кроме того, предполагалось использовать 163-ю германскую дивизию. Однако немцы и финны разошлись в планах взятия Ханко, и 27 июня 1941 г. было решено отправить 163-ю дивизию в Карелию.

1 июля по финнам впервые открыла огонь 305-мм железнодорожная 9-я батарея. Поначалу стрельба велась по финским позициям, причем по площадям. Но вечером 2 июля был обстрелян город Таммисаари, где сгорело 5 домов.

В своих воспоминаниях командир базы генерал-майор С.И. Кабанов утверждал: «Я приказал... бить по огневым точкам неприятеля в Таммисаари». А командир сектора обороны генерал-майор И.Н. Дмитриев записал в дневнике: «Вечерняя стрельба 12-дюймовыми снарядами по Таммисаари — один упал в центре города, два на окраине». И тут стрельба велась по площадям.

Следует отметить, что обстрел финского города Таммисаари был ответом на стрельбу по жилым районам Ханко, произведенную финским броненосцем береговой обороны в 1 ч. 37 мин. 2 июля. На Ханко сгорели 4 дома.

В ночь на 4 июля оба финских броненосца выпустили по Ханко восемнадцать 254-мм снарядов. Генерал Кабанов в своих мемуарах утверждал, что за 15 минут «взорвалось не менее 30— 40 снарядов крупного калибра».

Любопытно, что финны отрицают обстрел броненосцами Ханко 2 июля. Мол, русские первыми начали стрелять по жилым районам. Увы, данные о стрельбе финнов 2 июля я взял не из газеты «Правда», а из

служебного издания «Хроника Великой Отечественной войны на Балтийском море» части 1-й, изданной в 1945 г., да еще с грифом «совсекретно»!

Финские броненосцы «Вайнаманен» («Vainamoinen») и «Ильмаринен» («Ilmarinen») выходили по ночам на позиции в шхерах западнее Ханко. Стрельба велась с закрытых позиций на больших дистанциях. Если бы броненосцы подошли с моря, то их можно было легко уничтожить артиллерией базы. А в шхерах артиллерия Гангута не только не могла поразить броненосцы, но даже точно определить их местонахождение. Для борьбы с броненосцами нужны были ночные бомбардировщики, а их-то на Ханко и не было. Три МБР-2, разумеется, в счет не идут. Хотя и гидросамолеты делали, что могли. Так, в ночь с 4 на 5 июля два МБР-2 вместо броненосца утопили финский транспорт. На подступах к базе морские охотники систематически ставили мины.

На рассвете 5 июля 14 самолетов СБ из авиации Балтийского флота провели поиск броненосцев в шхерах западнее Ханко и, не найдя их, сбросили бомбы на запасную цель — в район скопления вражеских войск на перешейке.

Постепенно финны усиливали обстрел города Ханко. В ответ с 27 июля 305-мм железнодорожная батарея № 9 и 180-мм батарея № 17 периодически открывали огонь по финскому городу Таммисаари. Артогонь корректировался самолетами И-153. В Таммисаари была разрушена железнодорожная станция, уничтожено несколько поездов, сильные разрушения были и в городе. Финское командование произвело эвакуацию жителей города.

Обстрел Ханко финскими броненосцами прекратился в середине сентября. С подачи немцев финское командование решило поуготать русских, оборонявших острова Эзель и Даго, и произвести демонстрацию высадки десанта. 18 сентября в 10 ч. 45 мин. броненосцы «Вайнаманен» и «Ильмаринен» снялись с якорной стоянки у острова Атту в шхерах южнее Або и взяли курс на остров Утэ. Там собрался чуть ли не весь финский флот — 22 вымпела и германский минный заградитель «Бруммер». Корабельная группировка получила звучное название «Северный ветер». С борта «Ильмаринена» операцией руководил командующий финским флотом капитан 1-го ранга Рахола. Маяк Утэ эскадра прошла в 18 ч. 45 мин. На броненосцах на всякий случай поставили параваны, все боевые посты находились в готовности. На море была умеренная зыбь, небо покрывали тучи, но видимость была хорошая.

В 19 часов начало темнеть. Корабли с выключенными огнями

продолжали идти в сторону открытого моря. Когда в 19 ч. 50 мин. «Ильмаринен» лег на курс 196°, и колонна последовала за ним, отдельные корабли в темноте были плохо различимы. Предполагалось, что угрозы со стороны подводных лодок нет. Минную опасность учитывали, хотя так далеко в море минные заграждения едва ли можно было ожидать. Приближалось время поворота на обратный курс — 20 ч. 20 мин. Пройдя 24 мили на юго-запад от острова Утэ, флагман подал сигнал поворота... Броненосец развернулся примерно на 50°, как вдруг весь корпус затрясся от сильного взрыва, и с левого борта в районе трапа выше мачты взметнулся огненный столб. Корабль приподнялся из воды и тут же сел еще глубже, с сильным креном на левый борт, который угрожающе быстро стал увеличиваться... Через несколько секунд крен прекратился, но вскоре снова резко усилился, и стало ясно, что броненосец перевернется. Затем «Ильмаринен» так быстро перевернулся, что люди, находившиеся на правом борту, едва успели перебраться на киль.

Из экипажа броненосца было спасено всего 132 человека, 271 член экипажа погиб. Из 27 офицеров погибло 13. Цель действий этой корабельной группировки «Северный ветер» — ввести противника в заблуждение — не была достигнута, потому что группировка не была замечена русскими.

После этого финны надежно укрыли «от греха подальше» свою последнюю надежду — броненосец «Вайнаманен». А ханковцы до конца обороны избавились от обстрела 254-мм фугасными снарядами.

305-мм и 180-мм железнодорожные батареи Ханко и 180-мм башенная батарея острова Осмуссар фактически перекрывали огнем устье Финского залива и препятствовали финскому и германскому судоходству. Кстати, в начале октября гарнизон острова Осмуссар был подчинен командующему базой Ханко. По морским целям наша артиллерия стреляла весьма точно. Так, 180-мм железнодорожная батарея № 17 с дистанции 34,5 км со второго залпа накрыла две баржи и буксир. Одна баржа взорвалась, другая затонула, поврежденному буксиру удалось уйти в шхеры.

16 июля в Ханко пришли транспорты «Водник», «Соммерс» и «Веха», на борту которых помимо различного вооружения были три 100-мм установки Б-24. Эти установки стояли на бронированных железнодорожных платформах. Так была создана железнодорожная батарея № 10 (иногда ее называли бронепоездом). С конца августа до 2 декабря батарея № 10 провела 569 стрельб по врагу. Стоит заметить, что благодаря хорошей маскировке и быстрой смене позиции за всю оборону Ханко батареи №№ 9, 17 и 10 не потеряли ни одной железнодорожной установки.

На узком перешейке полуострова Ханко советские войска возвели три линии оборонных укреплений и еще две — в тылу. Финны также возвели четыре линии укреплений на перешейке. Поэтому обе стороны не пытались вести активных наступательных действий на узком перешейке. Зато развернулась ожесточенная борьба за прилегающие к Ханко острова. Обе стороны постоянно высаживали туда небольшие десанты. Некоторые из островов многократно переходили из рук в руки. Но в целом успех сопутствовал русским. При поддержке береговых батарей и авиации в период с 7 июля по 19 октября ханковцы высадили 13 десантов, которые овладели 19-ю островами.

В период с 22 июня по 1 ноября 1941 г. летчики, базировавшиеся на Ханко, уничтожили на земле и в воздухе 51 самолет противника, в том числе три Ю-88, один Ю-86, 12 истребителей «Фоккер» D-21, один «Хенкель-60», 4 «Бристоль Бульдог», 30 Ме-109, один «Фиат» G-51. При этом в воздухе не было потеряно ни одной нашей машины, хотя на аэродроме было уничтожено несколько самолетов. Так, только 6 июля артиллерийским огнем был уничтожен один И-153 и еще три И-153 выведены из строя.

Железнодорожные батареи № 9 и № 17 своим огнем заблокировали Финский залив. Вот только трехдневная хроника деятельности этих батарей.

28 июля. 9-я батарея вела огонь по военным объектам в Таммисаари. 17-я батарея стреляла по финской канонерской лодке «Карьяла».

29 июля. Батареи 9 и 17 дважды обстреливали город Таммисаари и вызвали там пожары.

30 июля. Огнем 9-й батареи в городе Таммисаари был взорван товарный состав и зажжена железнодорожная станция^[3].

По данным Перечнева^[4] береговые орудия Ханко за весь период обороны выпустили по врагу 625 — 305-мм, 2390 — 180-мм, 6918 — 130-мм, 5442 — 100-мм снарядов.

В первых числах октября финны стали передавать по радио обращение главнокомандующего финской армией Маннергейма «К доблестным и храбрым защитникам Ханко» с предложением капитулировать. 10 октября 1941 г. защитники Ханко в инициативном порядке написали ответ барону в стиле знаменитого письма запорожцев турецкому султану:

«Его высочеству прихвостню хвоста ее светлости кобылы императора Николая, сиятельному палачу финского народа, светлейшей обершлюхе берлинского двора, кавалеру бриллиантового, железного и соснового

креста барону фон Маннергейму...

Но мы народ не из нежных, и этим нас не возьмешь. Зря язык утруждал. Ну, хоть потешил нас, и на этом спасибо тебе, шут гороховый.

Всю жизнь свою проторговав своим телом и совестью, ты... торгуешь молодыми жизнями финского народа, бросив их под вонючий сапог Гитлера»^[5].

В начале августа из саперного батальона, инженерных частей и различных тыловых подразделений был сформирован 219-й стрелковый полк. Теперь 8-я бригада была равна по силе стрелковой дивизии, с той лишь разницей, что у нее был танковый батальон, а не полк.

В октябре на Ханко эвакуировали отдельные группы советских солдат с островов Даго и Эзель. Продовольствия и боеприпасов на Ханко по расчетам командования должно было хватить до апреля 1942 г., но командование Балтийского флота и Ленинградского фронта посчитало целесообразным эвакуировать гарнизон полуострова до ледостава. Одной из причин такого решения стал отвод финских войск от Ханко. В августе большая часть 17-й дивизии (13-й, 34-й и 54-й пехотные полки) была переброшена в Восточную Карелию. А на перешейке полуострова остался один 55-й пехотный полк, в который, кстати, входил шведский батальон, и несколько полевых батарей, а на восточных и западных островах — гарнизоны береговых батарей, пограничные войска и отдельные батальоны. Эвакуации подлежали почти 28 тысяч человек на полуострове Ханко и острове Осмуссар.

Расстояние от Ханко до Кронштадта составляет 240 миль. Оба берега Финского залива к тому времени находились в руках противника. Финский залив был буквально наспигован советскими, германскими и финскими минами. На коммуникациях между Кронштадтом и Ханко и так уже погибло несколько кораблей (самой ценной была потеря большой подводной лодки П-1, шедшей на Ханко с грузом боеприпасов и продовольствия). Тем не менее командование Балтийского флота решилось на эвакуацию Ханко. Целесообразность этого решения представляется автору спорной, гарнизон Ханко имел все шансы продержаться до весны 1942 г., и тогда ситуация в Финском заливе стала бы совсем иной.

Первый отряд кораблей в составе трех базовых тральщиков №№ 210, 215 и 218 в сопровождении трех катеров МО прибыл в Ханко 25 октября. На тральщики был погружен 1-й батальон 270-го стрелкового полка. Все суда первого отряда благополучно пришли 28 октября в Ораниенбаум.

2 ноября в 7 часов утра на рейд Ханко пришел второй отряд кораблей в составе минного заградителя «Марти», эсминцев «Стойкий» и «Славный»,

пяти базовых тральщиков №№ 207, 210, 215, 217 и 218 и шесть катеров МО. Погрузку закончили быстро, без задержки. Минный заградитель «Марти» принял на борт два дивизиона 343-го артиллерийского полка, всю артиллерию 270-го стрелкового полка и много боезапаса. Остальные корабли приняли 270-й полк, военно-морской госпиталь и много продовольствия. Всего уходило 4246 солдат и офицеров. В 19 часов 2 ноября этот отряд кораблей благополучно покинул Ханко и 4 ноября прибыл в Кронштадт.

4 ноября в 8 ч. 30 мин. на рейд Ханко прибыл третий отряд кораблей: эсминцы «Сметливый» и «Суровый», базовые тральщики №№ 205, 206, 207 и 211 и четыре катера. Командовал отрядом начальник штаба эскадры Балтийского флота капитан 2-го ранга В.М. Нарыков. Корабли, как и в прошлый раз, загружали в порту. Погрузили 2107 человек с личным оружием и много продовольствия. 4 ноября в 19 часов отряд Нарыкова покинул Ханко. В ночь на 5 ноября у острова Найссар эсминец «Сметливый» подорвался на трех минах. Первая мина в 23 ч. 10 мин. 4 ноября взорвалась в параване. Эсминец потерял ход и лег в дрейф. В 23 ч. 30 мин. вторым взрывом мины оторвало носовую часть до 58-го шпангоута. В 23 ч. 50 мин. третьим взрывом была разрушена часть корабля от 58-го до 116-го шпангоута. В 0 ч. 30 мин. «Сметливый» затонул. С эсминца было снято 80 человек команды и 274 человека из гарнизона Ханко. Их на тральщиках и морских охотниках вернули обратно на Гангуг.

10 ноября на Ханко вышел четвертый отряд кораблей под командованием контр-адмирала М.З. Москаленко. В его составе были лидер «Ленинград», эсминцы «Стойкий» и «Гордый», минный заградитель «Урал», транспорт «Жданов», быстроходные тральщики №№ 201, 206, 211, 215, 217, 218 и четыре катера МО. В состав конвоя вошли и две подводные лодки. Одна из них, Л-2, шла на минную постановку в Данцигскую бухту, а вторая, М-98, шла на позицию в устье Финского залива.

В ночь с 11 на 12 ноября в левом и правом параванах лидера «Ленинград» взорвалось по мине. От взрыва левой мины в пяти метрах от борта лидер получил повреждения и возвратился в Ленинград. Позже в тот же день у маяка Мохин погиб на мине транспорт «Жданов» водоизмещением 3869 т.

14 ноября в 0 ч. 35 мин. у острова Керн погиб на мине тральщик № 206 «Верп». С тральщика был спасен 21 член экипажа. Спасая экипаж «Верпа», погиб на мине катер МО-301. Почти одновременно с «Верпом» подорвалась на мине и затонула подводная лодка Л-2. Спаслось только 3 человека. После гибели Л-2 подводная лодка М-98 вышла из конвоя и

повернула на северо-запад. Через час и она погибла на mine. С М-98 не спасся ни один человек.

14 ноября в 1 ч. 08 мин. у острова Керн подорвался на mine и затонул эсминец «Суровый». С него удалось снять 230 человек. В 3 ч. 20 мин. подорвался на mine эсминец «Гордый», через 10 минут у его кормы взорвалась вторая мина. Корабль затонул с большей частью экипажа. В итоге 14 ноября в 8 ч. 46 мин. на рейд Ханко прибыли лишь минный заградитель «Урал», тральщик № 215 и три катера МО. Автор умышленно остановился на деталях эвакуации Ханко, поскольку наши историки фактически игнорируют гибель четвертого отряда кораблей.

20 ноября в полдень на рейд Ханко прибыл новый отряд кораблей под командованием командира дивизиона тральщиков капитана 3-го ранга Д.М. Белкова. В состав отряда входили: сетевой заградитель «Азимут», сторожевой корабль «Вирсайтис» и четыре тихоходных тральщика (№№ 58, 35, 42 и «Клюз»). Почти одновременно с этим отрядом пришли еще два больших базовых тральщика.

21 ноября погрузили и отправили четвертый эшелон в составе транспорта «Вахур», сетевого заградителя «Азимут» и шести тихоходных тральщиков. Эшелон под командой М.Д. Белкова увез с Ханко 2051 человека, 520 т продовольствия и 8 т медицинского имущества. В трюм транспорта «Вахур» было погружено 18 танков Т-26, 400 т ржаной муки, 66 т сахара, 16 т макарон, много шоколада, какао, варенья, шпротов и т.д. Недаром какой-то шутник назвал «Вахур» шоколадным транспортом.

Погода, когда этот отряд ушел, резко ухудшилась. Тихоходный «Вахур» отстал от остальных. Но он все же благополучно дошел до Гогланда. А вот сетевой заградитель «Азимут» на пути к этому острову в ночь на 22 ноября натолкнулся на плавающую мину и затонул. На нем погибли 288 человек из гарнизона Ханко и весь экипаж. Подорвался на mine и тральщик № 35 «Менжинский». Вместе с ним погибли еще 290 человек с Ханко. И только десять человек подобрали другие корабли.

22 ноября с Ханко в Кронштадт вышел, наконец, минный заградитель «Урал» в сопровождении четырех базовых тральщиков №№ 205, 215, 217 и 218 и пяти катеров МО под общим командованием капитана 1-го ранга Н.И. Мещерского. Этот пятый эшелон увез 4588 человек с Ханко. Отряд Мещерского благополучно прибыл в Кронштадт.

После ухода из базы Ханко пятого эшелона на полуострове осталось 13 180 человек. Кроме того, предполагалось отправить в Ленинград 500 тонн боезапаса и 800 т продовольствия.

23 ноября на Ханко прибыл новый отряд под командованием капитан-

лейтенанта Г.С. Дуся. В составе отряда были транспорт № 548 «Минна», сторожевой корабль «Коралл», тральщик «Ударник» и два катера МО. Немедленно началась погрузка на эти корабли. Наиболее вместимым оказался транспорт — он принял вооружение, боеприпасы и 1756 человек.

Не успела еще закончиться погрузка этих кораблей, как утром 24 ноября на рейд прибыл отряд капитана 3-го ранга Белкова. Он вновь привел два сторожевых корабля — «Вирсайтис» и № 18, два тральщика — «Клюз» и «Орджоникидзе» (ТЩ-42) и два катера МО. Теперь на Ханко собралось 11 кораблей — загруженных и ожидавших погрузки.

К вечеру 24 ноября была закончена погрузка транспорта «Минна», сторожевого корабля «Вирсайтис», тральщиков «Ударник», «Клюз», «Орджоникидзе» и четырех катеров МО. Эти корабли взяли на борт 2556 человек и 350 т продовольствия. С наступлением темноты отряд из этих кораблей под общим командованием Белкова вышел в Кронштадт. До Гогланда дошли все корабли, кроме тральщика «Клюз», который подорвался на mine. Спасти никого не удалось. Вместе с «Клюзом» и его экипажем погибли еще 150 эвакуированных. На подходе в светлое время к Гогланду отряд был трижды атакован авиацией противника, но сумел отразить все атаки, не понеся потерь.

После ухода с Ханко отряда Белкова в базе остались парусно-моторная шхуна «Эрна», пришедшая с Хийумаа, и два сторожевых корабля — «Коралл» и № 18. Началась погрузка этих кораблей. Шхуну «Эрна» решили полностью загрузить продовольствием и боезапасом и дать ей небольшую охрану (22 человека). 27 ноября с наступлением темноты шхуна «Эрна» покинула Ханко. Следуя вдоль северного берега Финского залива, она благополучно дошла до Гогаанда.

28 ноября ушли два последних сторожевых корабля — «Коралл» и № 18, имея на борту 399 человек и 150 тонн угля, необходимого для снабжения кораблей, участвующих в эвакуации гарнизона. И этот эшелон дошел благополучно.

На Ханко осталось 11 820 человек, считая гарнизон Осмуссар. 22 ноября началась эвакуация острова Осмуссар, где находилось 1008 человек. С 23 по 30 ноября канонерская лодка «Лайне» вывезла с острова на Ханко 649 человек.

Для эвакуации последнего эшелона гарнизона на Ханко 29 ноября прибыли два отряда кораблей. В первом были эсминцы «Стойкий», «Славный», базовые тральщики №№ 205, 207, 211, 215, 217, 218, семь катеров МО и огромный турбоэлектроход «И. Сталин». Во втором отряде находились базовый тральщик № 210, тральщик «Ударник», сторожевик

«Виртсайтис», канонерская лодка «Волга», два катера МО и транспорт № 538.

В ночь с 1 на 2 декабря с острова Осмуссар тральщиком «Гафель» было снято 340 последних его защитников. В ночь со 2 на 3 декабря батареи Осмуссара были взорваны, а подрывники на катере МО без захода на Гангут ушли к острову Гогланд.

На Ханко также были взорваны все батареи, семь танков Т-26 и одиннадцать плавающих танков Т-37. Интересный случай произошел с 305-мм железнодорожной батареей № 9. По приказу командования стволы были взорваны, одновременно были разрушены противооткатные устройства, а железнодорожные тележки сброшены в воду. Казалось бы, батарею полностью уничтожили. Но в 1944 г. разведка доложила, что все три установки введены в строй и ведут огонь по позициям советских войск на Карельском перешейке. Оказалось, что немцы передали финнам захваченные во Франции 305-мм стволы от линкора «Император Александр III», который был угнан Врангелем в Бизерту в 1920 г. Финны подняли тележки из воды и заменили сломанные детали противооткатных устройств. В январе 1945 г. 305-мм железнодорожная батарея была возвращена СССР, где вошла в строй под № 294. Сейчас одно из этих орудий экспонируется на форту Красная Горка, а другое — на Поклонной горе в Москве.

2 декабря в 17 ч. 55 мин. покинул Ханко отряд кораблей в составе транспорта № 538, базового тральщика № 210, канонерских лодок «Волга» и «Лайне», сторожевого корабля «Вирсайтис», тральщика «Ударник», двух катеров МО и четырех ханковских буксиров. На борту этих кораблей находилось 2885 защитников Гангута. Этот отряд прошел до Ленинграда вполне благополучно, если не считать гибели 3 декабря сторожевого корабля «Вирсайтис» и повреждения на mine канонерской лодки «Волга».

2 декабря в 22 часа с рейда Ханко вышел последний эшелон — отряд кораблей под командованием вице-адмирала В.П. Дрозда. В его составе были: турбоэлектроход «И. Сталин», эсминцы «Стойкий» и «Славный», шесть базовых тральщиков №№ 205, 207, 211, 215 и 218, семь катеров МО и четыре торпедных катера. Эти корабли везли 8935 гангутцев.

3 декабря в 1 ч. 16 мин. транспорт № 521 «И. Сталин» подорвался на mine. Взрыв вывел из строя рулевое управление. Корабль покатился вправо, став поперек курса. За первым взрывом последовал второй — в кормовой части. Судно осталось без хода и управления. Около гибнущего турбоэлектрохода находились эсминец «Славный», два базовых тральщика № 217 и № 205, четыре катера МО и ханковский катер ЯМБ. Эсминец

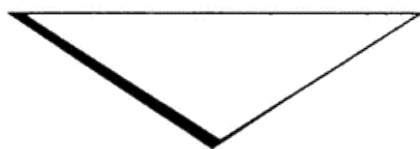
«Славный» и базовый тральщик № 217, выполняя приказ командующего эскадрой, пытались взять турбоэлектроход на буксиры.

В 1 ч. 26 мин. под корпусом турбоэлектрохода раздался третий взрыв. Эсминец «Славный», на борту которого находилось 602 эвакуированных, боясь подрыва, отошел от гибнущего судна. В довершение всего по кораблям открыла огонь 305-мм финская батарея с острова Макилуото.

У командования конвоя явно сдали нервы. Когда катер МО-112 попытался подойти к борту «Сталина» с целью спасения экипажа, командир эсминца «Славный» решил, что конвой атакован финским кораблем, и открыл огонь по катеру. Попаданием 130-мм снарядов катер был потоплен.

В конце концов командование конвоя отказалось от снятия людей со «Сталина» и приказало идти в Кронштадт. Полузатопленный корабль через несколько дней был захвачен немецкими катерами и отбуксирован к эстонскому берегу. Как писал немецкий адмирал Фридрих Руге, на борту «Сталина» было найдено «несколько тысяч трупов и живых людей». Советские историки, включая и некоторые секретные издания, хранят молчание о числе людей на «Сталине».

Всего за время эвакуации Ханко из 88 кораблей и судов, участвовавших в операции, погибло 25. Всего с Ханко и Осмуссара было вывезено 22 822 человек.

Глава 2.

ПОРККАЛА-УДД

Как уже говорилось, сильно выдающийся в море полуостров Порккала-Удд (Паркалауд) всегда имел важное стратегическое значение. К 1788 г. там уже имелись шведские порт и несколько береговых батарей. Весной 1789 г. Порккала-Удд пытался атаковать отряд капитана 2-го ранга Шкунова в составе корабля, двух фрегатов и двух катеров. Шкунову удалось занять Порккала-Удд.

21 июня 8 больших шведских гребных судов, пользуясь штилем, пытались прорваться мимо Порккала-Удда, но были отражены огнем русских судов.

В 1809 г. английский флот, вошедший в Финский залив, прежде всего высадил десант в Порккала-Удде и занял его. 27 июля 1809 г. произошло ожесточенное сражение русских и английских гребных судов. Две русские канонерские лодки и четыре иола были захвачены англичанами.

В Крымскую войну 1854—1855 гг. англо-французская эскадра не только захватила полуостров Порккала-Удд, но и сделала его своей главной базой в Финском заливе.

В связи с этим в 1912 г. был утвержден проект строительства Ревель-Порккалаудской артиллерийской позиции, позже получившей название крепость Петра Великого.

На острове Макилуото (у Порккала-Удда) были установлены четыре 203/50-мм пушки (батарея № 20), а на другом берегу залива острова Нарген 4 — 305/52-мм; 4 — 234/50-мм и 4 — 203/50-мм пушки. Эти орудия гарантированно перекрывали весь Финский залив.

В 1918 г. все эти орудия стали добычей немцев и финнов.

Еще в ходе Первой мировой войны Россия в самом узком месте Финского залива, на его южном и северном берегах, построила десятки мощных береговых батарей, вооруженных новейшими орудиями калибра 305 мм, 254 мм, 234 мм, 203 мм и 152 мм. Подавляющее большинство этих батарей в целости и сохранности достались финнам и немцам.

С 1922 г. и финны, и эстонцы затратили большие средства на приведение в порядок береговых батарей и их модернизацию. В итоге при попытке прорыва корабли Балтийского флота должны были пройти около 100 км под огнем 305-мм орудий, одновременно стрелявших с финского и

эстонского берегов и островов. А на расстоянии около 70 км залив с обеих сторон перекрывался огнем 254-мм, 234-мм, 203-мм и 152-мм орудий. В самом узком месте Финского залива по советским кораблям за 5 минут можно было выпустить до 1000 снарядов крупного калибра. (Сх. I)^[6]

Обе страны готовились перекрыть залив несколькими рядами минных заграждений. За минными заграждениями на всякий случай должны были дежурить семь современных подводных лодок (пять финских и две эстонские).

Штабы обеих стран до деталей согласовывали проведение операций по заграждению залива. Ежегодно летом, начиная с 1930 г., оба флота проводили секретные маневры по постановке минных заграждений. В ходе учений 1936 г. береговые батареи финнов и эстонцев обстреливали реальные цели в центре Финского залива.

В 1942—1943 гг. немцы устроили между Порккала-Уддом и южным берегом Финского залива несколько минных заграждений, а главное, на расстоянии в 30 миль установили двойные стальные сети глубиной до 60 м. Через эти сетевые заграждения не сумела прорваться ни одна советская подводная лодка.

5 сентября 1944 г. в Москве было подписано Соглашение о перемирии, согласно которому Финляндия обязалась отвести свои войска за линию советско-финской границы, определенной Мирным договором 12 марта 1940 г. При этом СССР отказывался от своих прав на аренду полуострова Ханко, предоставленных ему Мирным договором 1940 г., а Финляндия обязывалась предоставить Советскому Союзу на правах аренды сроком на 50 лет территорию и водные пространства для создания советской военно-морской базы в районе Порккала-Удд.

Это Соглашение было подтверждено Мирным договором, заключенным в Париже 10 февраля 1947 г. Под аренду было отдано около 100 км². Туда вошли практически вся община Дегербю, частично Сиунтио, Инкоо и Эспоо. Всего 719 островов, почти все они были необитаемы. Стоимость аренды составляла 5 миллионов финских марок в год.

На основании директивы начальника Штаба Балтийского флота от 18 сентября 1944 г. 23 сентября началось формирование военно-морской базы Порккала-Удд, вошедшей в состав Таллинского морского оборонительного района (ТМОР) Балтийского флота.

Формирование ВМБ возлагалось на капитана 1-го ранга Н.В. Антонова, которого позже назначили ее командиром. Личный состав базы формировался большей частью из военнослужащих, направлявшихся на формирование Рижского морского оборонительного района, а также из

расформированной Онежской военной флотилии и из других частей Балтийского флота.

Командующий Балтийским флотом адмирал В.Ф. Трибуц 15 сентября предложил начальнику ГМШ: «В Порккалауддском районе создать сектор береговой обороны в составе двух артиллерийских дивизионов: а) финские батареи, которые должны быть переданы флоту (предположительно, 305-мм, 203-мм, две 152-мм); б) дополнительно выделяемые от береговой обороны флота пять батарей — трехорудийная 130-мм, трехорудийная 127-мм и три четырехорудийный 45-мм противокатерной обороны. Корабельный состав специально не намечать (будет выделяться из состава Таллинского морского оборонительного района, в состав которого включить сектор береговой обороны Порккала-Удда). Для сухопутной и противодесантной обороны района Порккалаудда необходимо получить две стрелковые дивизии. Для непосредственной обороны островов, где будут находиться батареи береговой обороны, иметь два отдельных пулеметно-артиллерийских батальона, которыми флот не располагает»^[7].

20 сентября Трибуц приказал командующему Ладожской военной флотилии «11-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион и другие части противовоздушной обороны с огневых позиций снять и погрузить для транспортировки и передачи в военно-морскую базу Порккалаудда»^[8].

Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов 20 сентября приказал:

«На территории Порккала-Удд развернуть военно-морскую базу в следующем составе: отряд бронекатеров (пять катеров), два дивизиона малых охотников БМО, МО и сторожевых катеров типа КМ (25 катеров), дивизион тральщиков (девять тральщиков), два дивизиона катеров-тральщиков (19 катеров), кроме того, тралбаржи и их буксировщики, отряд транспортов (пять транспортов), сектор береговой обороны (дивизион железнодорожной артиллерии — четыре трехорудийные батареи 180—305-мм, дивизион стационарной артиллерии в составе батарей: трехорудийной 130-мм, одной трехорудийной 127-мм, четырех четырехорудийных 45-мм), бригада противовоздушной обороны в составе пяти зенитных артиллерийских дивизионов (76 стволов калибром 85—25 мм).

Если финская береговая артиллерия района Порккала-Удда окажется исправной, то ее укомплектовать личным составом флота»^[9].

26 сентября в Порккала-Удд через Хельсинки самолетом ПС-84 двумя рейсами была доставлена опергруппа ВМБ Порккала-Удд (33 человека) во главе с комендантом сектора Береговой обороны ВМБ полковником Терещенко. Опергруппа должна была заняться предварительной

рекогносцировкой района базы, составлением на месте предварительной схемы дислокации соединений и частей, а также обеспечением встречи соединений и частей, прибывавших в Порккала-Удд.

30 сентября 1944 г. к 12.00 финны полностью закончили эвакуацию населения Порккала-Уддского района. Всего за 10 дней было эвакуировано 7272 местных жителя вместе с урожаем и скотом. Наши контрразведчики, подключившись к финской телефонной сети, зафиксировали разговор эвакуируемых крестьян: «Лучше бы Финляндия присоединилась к Советскому Союзу, тогда бы мы возвратились в свои дома».

В Порккала-Удде единственным удобным местом для стоянки больших кораблей с осадкой 3—6 м была бухта Ботвикен с бухтами Уантвик и Пикала-фиорд. Однако причальных пирсов в районе базы не было, и разгружать прибывавшие из СССР транспорты приходилось вручную. Финны оставили в исправном состоянии все жилые помещения, дороги, колодцы, электрическую сеть, а из всех близлежащих хуторов жители были выселены.

Вся береговая артиллерия острова была вывезена. Осталась только 305-мм башенная двухорудийная установка, да и то «в запущенном состоянии».

Замечу, что финны построили одну 305/52-мм двухорудийную башенную установку на острове Макилуото в конце 1940 г. — начале 1941 г. на бетонном блоке строившейся в 1914—1917 гг. башенной 356/52-мм береговой батареи № 21. К моменту захвата острова немцами в 1918 г. ни станков, ни 356-мм пушек там не было.

Финны использовали блок и ряд механизмов подбашенного отделения батареи № 21. Ну а стволы им передала фирма Клягина с согласия французского правительства в мае 1940 г. В башне были использованы стволы № 91 и № 119, изготовленные Обуховским заводом в 1915 г. и установленные на линкоре «Александр III». В начале 1930-х гг. в Бизерте фирма «Клягин и К^о» сняла их с линкора.

Осенью 1941 г. 305-мм орудия Макилуото единственный раз за всю войну вели огонь. Они безрезультатно обстреляли советские канонерки, эвакуировавшие базу Ханко.

В погребе финской башни советские моряки обнаружили 97 — 305-мм снарядов, но они оказались непригодными к использованию.

Кабель подводной связи между Финляндией и Эстонией был поврежден финнами. Финны вывезли с острова Макилуото 152-мм трехорудийную батарею, 76-мм двухорудийную батарею, 47-мм двухорудийную батарею, 20-мм трехорудийную батарею зенитных

автоматов. С острова Раншер они вывезли 152-мм двухорудийную батарею; с острова Треске — 152-мм трехорудийную батарею и 2 км полотна узкоколейной железной дороги.

3 октября 1944 г. в Порккала-Удд в бухту Ботвакен прибыл первый советский конвой из Кронштадта в составе сторожевых кораблей «Тайфун» и «Туча», эскадренного тральщика «Владимир Полухин», двух самоходных барж (№ 2 и № 3), сторожевого катера типа БКМ № 654 и одного транспорта.

Конвой шел 5 дней по финским шхерным фарватерам, ведомый финскими лоцманами. Идти по Финскому заливу наши моряки не рисковали, опасаясь мин.

К 1 декабря на полуостров Порккала-Удд прибыло 11 транспортов и 5 барж. Поскольку, как уже говорилось, пирсов и разгрузочно-погрузочных средств не было, приходилось с судов перегружать грузы на баржи с помощью штатных стрел, а с барж на берег — вручную, «силами личного состава». Также использовался сооруженный на месте из надувных лодок «А-3» паром грузоподъемностью до 9 т. Все это сильно увеличило сроки разгрузки транспортов, несмотря на то, что работы велись круглосуточно. Грузы складировались прямо под открытым небом.

Финны не оставили в Порккала-Удде автомобилей, а советское командование поначалу не додумалось их туда завезти. Посему солдаты и матросы использовались в качестве «кули».

Вечером 6 октября 1944 г. начальник штаба флота донес начальнику ГМШ, что на 6 октября перебазированы из Кронштадтского морского оборонительного района в ВМБ Порккала-Удд:

1. Командование, штаб и политотдел базы;
2. охрана рейдов с береговой базы;
3. управление сектора береговой обороны;
4. 14-й артиллерийский дивизион в составе батарей № 115, 136 и 607-й пулеметной роты;
5. 15-й артиллерийский дивизион в составе батарей № 101, 159, 411 и 608-й пулеметной роты;
6. 403-я рота связи;
7. 686-я инженерная рота;
8. 11-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион в составе трех батарей.

И т.д.

Продовольствием непосредственно части были обеспечены на месяц вперед и создан базовый запас на 350 тонн; боезапас — один комплект.

Командир ВМБ Порккала-Удда донес командующему флотом, что траление залива Ботвикен закончено. Флагманский командный пункт был развернут в населенном пункте Киркслят.

В 23 ч. 05 мин. 6 октября начальник штаба флота приказал командиру бригады шхерных кораблей все имевшиеся в бригаде бронекатера направить к ВМБ Порккала-Удд для несения дозорной службы.

8 октября на переходе с острова Лавенсаари в Порккала-Удд находились канонерские лодки «Вира», «Буря», «Селемджа», тральщик № 207 и два транспорта.

Советские военные заставили финнов наладить сообщение с Порккала-Уддом по железной дороге. С 4 ноября 1944 г. началось движение грузовых составов на линиях Хельсинки — Порккала-Удд и Ленинград — Порккала-Удд. С 4 по 13 ноября в Порккала-Удд были доставлены и разгружены 302 вагона.

Однако до декабря 1944 г. пассажирского сообщения на линии Ленинград — Порккала-Удд не существовало. При необходимости одиночные пассажиры пользовались вагоном Союзной контрольной комиссии (СКК), который ходил только до Хельсинки, и для этого требовалось специальное разрешение СКК.

Финны оставили русским только одну 305-мм башенную установку, механизмы которой были уже сильно изношены.

На острове Макилуото финны оставили коммутаторы «МБ» на 20 номеров и «Кросс» на 130 пар. Также на острове остались годные для использования различные хозяйственные постройки. В двухэтажном здании с камбузом и кают-компанией обосновался личный состав 14-го отдельного артдивизиона. А остальные части сектора разместились в деревянных домах каркасно-насыпного типа. Склады были оборудованы в хозяйственных постройках. На острове имелся один пирс.

На основании Постановления ГКО № 7070сс от 3 декабря 1944 г. и приказа НКВД № 001496 от 14 декабря 1944 г. для восстановления и строительства военно-морских баз и береговой обороны Таллинского и Рижского морских оборонительных районов Балтийского флота было создано Управление строительства военно-морской базы в Порккала-Удде, входившее в состав Управления строительства военно-морских баз Таллинского и Рижского морских оборонительных районов «Балтвоенморстрой» НКВД СССР при Главпромстрое НКВД СССР.

Начальником Управления строительства военно-морской базы в Порккала-Удде был назначен полковник административной службы Леонид Александрович Тарханов (бывший начальник «Воркутлага»).

В оперативные задачи, решаемые вновь создаваемой военно-морской базой, входило:

- осуществлять оборону центральной минной позиции, чтобы не допустить прорыва морем надводных и подводных сил противника в Финский залив;

- как плацдарм, быть готовой к приему войск для развертывания активных действий на сухопутном направлении;

- во взаимодействии с находящейся в ее подчинении Военно-морской комендатурой Хельсинки обеспечивать временное базирование и оперативное развертывание кораблей КБФ, погрузку и разгрузку транспортов.

Кроме того, под наблюдением ВМБ должно было осуществляться плавание транспортов и военных кораблей на шхерной коммуникации Стокгольм — Турку — Улькотамио — Таллин.

К 11 октября 1944 г. в районе ВМБ Порккала-Удд были установлены: на острове Рэншер батарея № 136 (45-мм), на южной оконечности острова Макилуото батарея № 115 (45-мм), на южной оконечности полуострова Оббнес батарея № 159 (45-мм) и готовились к установке на остров Стурбредшер батарея № 411 (45-мм) и на остров Хастэ — батарея № 101 (102-мм).

Уже в октябре 1944 г. в Порккала-Удде советские моряки и строители приступили к строительству ряда служебных помещений и казарм. В частности, были построены здания для комсостава и личного состава ОВРа на мысе Пипури у входа в залив Ботвикен.

7 октября 1944 г. в Порккала-Удд было решено перебазировать военно-морской госпиталь Балтийского флота № 6. К началу передислокации основной госпиталь находился в Ленинграде, часть личного состава и медицинское имущество на 50 коек — в районе Койвисто и в Выборге, а подсобное хозяйство — в Петродворце.

Корабли и катера, базировавшиеся в Порккала-Удд, были использованы для осмотра и последующего демонтажа германского сетевого противолодочного заграждения, перекрывавшего Финский залив.

30 октября начальник штаба флота приказал командующему Таллинским морским оборонительным районом 5-й дивизии сторожевых катеров (прибывшей из Кронштадта) в полном составе перейти в подчинение командиру ВМБ Порккала-Удд для несения корабельного дозора и противолодочной обороны.

3 ноября шесть сторожевых катеров типа Д-3 и два малых охотника прибыли из пролива Восси-Курк в ВМБ Порккала-Удд.

2 ноября 1944 г. из Кронштадта на Лавенсаари для дальнейшего перехода в ВМБ Порккала-Удд вышел конвой с эшелоном 1-й Мозырской дивизии морской пехоты. В состав конвоя входили базовый тральщик Т-205, самоходная баржа СБ-3, два транспорта и два буксира с баржами. Однако прибытие судов с морпехами в Порккала-Удд началось 10 ноября. К 24 ноября в Порккала-Удд прибыли уже три конвоя с личным составом, вооружением и имуществом 1-й дивизии морской пехоты. 1-я Мозырская Краснознаменная дивизия морской пехоты была сформирована на базе 55-й стрелковой Мозырской Краснознаменной дивизии. Личный состав этой дивизии составлял 10,5 тыс. человек.

Любопытно, что береговым орудиям Порккала-Удда удалось пострелять по реальным целям. Так, 23 ноября в 15 ч. 20 мин. четыре финских торпедных катера, шедшие шхерным фарватером с запада без оповещения, были безуспешно обстреляны береговыми батареями ВМБ Порккала-Удд. 7 декабря батарея № 156 обстреляла предупредительным огнем финский торпедный катер, шедший без оповещения. А 8 декабря батарея № 159 с полуострова Оббнес в 15 ч. 15 мин. обстреляла три финских катера-тральщика, шедшие без оповещения. Катера были задержаны.

По состоянию на 1 января 1945 г. в составе Порккалауддского сектора береговой обороны Таллинского морского оборонительного района находились:

- 14-й отдельный артиллерийский дивизион с командным пунктом на острове Макилуото;

- четырехорудийная 45-мм батарея № 136 на острове Рэнншер;

- строящаяся трехорудийная 130-мм батарея № 212 на острове Порсэ. Три установки Б-13 для батареи прибыли в Порккала-Удд на барже 7 декабря 1944 г.

- 15-й отдельный артиллерийский дивизион и Командный пункт на полуострове Стубанс;

- строящаяся трехорудийная 152-мм батарея № 114 на острове Стур-Трескэ;

- четырехорудийная 45-мм батарея № 159 на полуострове Оббнес;

- трехорудийная 127-мм батарея № 261 на острове Кесте. Орудия 127-мм универсальные, изготовлены в США.

- четырехорудийная батарея № 411 на острове Стур-Бресте. ПВО базы Порккала-Удд обеспечивали два отдельных зенитных дивизиона:

- 11-й ОАЗ:

- Командный пункт находился на острове Реншер.

— четырехорудийная 76-мм зенитная батарея № 729 на полуострове Кюркслятт;

— четырехорудийная 76-мм зенитная батарея № 730 на полуострове Тольсбю;

— четырехорудийная 76-мм зенитная батарея № 955 на полуострове Ботвик;

— 679-я прожекторная рота на острове Эфвербью;

— 67-я станция ВНОС РЛС «Пегматит» (стационарный вариант РЛС РУС-2).

424-й ОАЗ:

— четырехорудийная 76-мм зенитная батарея № 792 в километре западнее Орамбю;

— четырехорудийная 76-мм зенитная батарея № 821 южнее мыса Ботвикен;

— четырехорудийная 76-мм зенитная батарея № 822 на полуострове Пипури;

— дальномерно-командный пункт в 1—5 км северо-западнее Пипури.

Осенью 1945 г. 76-мм орудия батарей № 792, 821 и 822 заменили на 85-мм и добавили по два 25-мм орудия.

В бухте Ботвикен базировалась группа бронекатеров в составе катеров № 60, 99, 100, 103 и 305.

На 20 июня 1945 г. в составе ВМБ Порккала-Удд имелись следующие соединения и части:

— Штаб ВМБ 1-го разряда и отделение ВМБ;

— 1-я Краснознаменная Мозырская дивизия морской пехоты в составе трех полков морской пехоты, одного танкового полка, двух пулеметно-артиллерийских батальонов, одного истребительного противотанкового дивизиона, одного зенитного дивизиона и других вспомогательных частей общей численностью 10 400 человек;

— Сектор береговой обороны в составе двух артиллерийских дивизионов (8 батарей, 2 пулеметные роты, инженерная рота, рота связи) общей численностью до 1500 человек;

— Полк ПВО в составе двух дивизионов (7 зенитных артиллерийских батарей);

— Петрозаводский дивизион бронекатеров (16 катеров);

— Район СНиС с подразделениями;

— Гидрографический район с подразделениями;

— Военный порт с отделениями, складами и производственными предприятиями;

- Четыре Военно-морские комендатуры;
- ОВР и береговая база катеров;
- два военно-морских госпиталя;
- Управление Военной железной дороги;
- одна эксплуатационная рота;
- 5 строительных батальонов;
- 9-й пограничный отряд.

Общая штатная численность ВМБ Порккала-Удд составляла 16 098 человек, с прикомандированными частями и строительными батальонами — 22 тыс. человек.

На строительство военных объектов в Порккала-Удде советское правительство не жалело средств. Так, в 1952 г. было выделено 43,8 млн. руб., в 1953 г. — 36,7 млн. руб., в 1954 г. — 29,5 млн. руб., в 1955 г. — около 25 млн. руб.

Правительство и командование ВМФ СССР придавало большое значение контролю за шхерным фарватером северной части Финского залива и Або-Аландскими шхерами.

До 22 июня 1941 г. главную ударную силу финского флота составляли два крупных боевых корабля — броненосцы береговой обороны^[10] «Вайнаманен» («Vainamoinen») и «Ильмаринен» («Ilmarinen»). Оба броненосца были построены в 1929—1932 гг. на верфи Крейтон-Вулкан в городе Турку (Финляндия).

Фактически это были плавучие платформы для стрельбы из мощных шведских 254-мм пушек длиной в 46 калибров.

Формально финские броненосцы были почти в три раза слабее советских линкоров типа «Петропавловск». Да и крейсер проекта 26 «Киров» мог один на один утопить «Вайнаманен», но только при встрече в открытом море. Но финны строили свои броненосцы исключительно для действий в шхерах, где они практически были недоступны для артогня линкоров и крейсеров. Удачная маскировка среди островов защищала их и от авиации.

Как уже говорилось, в 1941 г. финские броненосцы использовались для обстрела советской ВМБ Ханко. В октябре 1941 г. броненосец «Ильмаринен» погиб на mine недалеко от острова Уте.

12 июля 1944 г. несколько десятков советских бомбардировщиков (4 А-20, 28 Пе-8, 23 штурмовика Ил-2 и др.) атаковали в порту Котка броненосец «Вайнаманен». Замечу, что в книге, изданной в 1946 г., я сам видел картинку, где советские самолеты топят «Вайнаманен». (Сх. 2)

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 г.

четверым летчикам за налет на Котку дано звание Героев Советского Союза.

Увы, на самом деле была потоплена несамоходная баржа ПВО. Правда, в кригсмарине ее гордо называли кораблем ПВО «Ниобе». Сей корабль водоизмещением около 4000 т был построен в 1899 г. в Голландии и носил название «Gelderland». В июне 1940 г. старый крейсер был захвачен немцами. Немцы превратили его в плавучую зенитную батарею «Ниобе», получившую восемь 105-мм зенитных орудий и двадцать четыре 20-мм зенитных автомата в счетверенных и спаренных установках.

Между тем «Вайнаманен» в 1943—1944 гг. был замаскирован и стоял в гавани Пансио близ Турку. Любопытный момент: еще 28 июня 1944 г. наша воздушная разведка обнаружила в районе Турку «броненосец береговой обороны»^[11].

Однако на следующий день пара истребителей-разведчиков Як-9 пролетала над Турку и обнаружила там «минный заградитель и тральщик». Тем дело и ограничилось.

10 февраля 1947 г. в Париже был подписан мирный договор с Финляндией. Финляндия была лишена права иметь броненосцы береговой обороны. Видимо, в Париже при подписании договора наши военные узнали о том, что «Вайнаманен» не потоплен, а стоит в Турку цел и невредим. Советские представители предложили финнам продать корабль. Те оценили броненосец в 1,1 млрд. финских марок, но в конце концов согласились на 265 миллионов.

Лишь тогда на секретном отчете о потоплении «Вайнаманена» было зачеркнуто его название и написано: «Считать Ниобе». С тех пор во всех открытых изданиях, посвященных войне на Балтике, всякие упоминания об «обознатушках-перепрятушках» были запрещены и исчезло само упоминание о финском броненосце береговой обороны.

Передача «Вайнаманена» советской стороне прошла в гавани Пансио (близ Турку) с 1 по 24 марта 1947 г. 22 апреля броненосец был зачислен в списки ВМФ СССР под названием «Выборг». Финский военно-морской флаг на корабле спустили 5 июня, и тут же подняли советский. 7 июля «Выборг» перешел в ВМБ Порккала-Удд и стал базироваться на порт Западный Драгэ. Сохранив свою классификацию, броненосец береговой обороны «Выборг» был зачислен в состав 104-й бригады шхерных кораблей 8-го ВМФ.

16 февраля 1949 г. «Выборг» был переклассифицирован в монитор. В марте 1953 г. «Выборг» ушел на капитальный ремонт в Таллин. После окончания ремонта 15 сентября 1957 г. «Выборг» ушел из Таллина и

направился к новому месту службы — в Кронштадт. В феврале 1966 г. «Выборг» был исключен из состава Балтийского флота и передан на слом.

254-мм пушки монитора стреляли 225-кг снарядами на дальность 31 км. Так что «Выборг» серьезно увеличивал огневую мощь Порккала-Удда.

Кроме него в Порккала-Удде базировалась канонерская лодка «Пионер» водоизмещением 600 т, вооруженная двумя 102-мм пушками.

Любопытно, что советскими кораблестроителями было разработано несколько проектов мониторов для использования в устьях рек и шхерах Балтики. В частности, большой монитор пр. 311 при водоизмещении около 1000 т должен был иметь две 152-мм башенные двухорудийные установки типа БЛ-112 (с баллистикой и боекомплектom гаубицы-пушки МЛ-20).

Однако Никита Сергеевич был категорически против крупных надводных кораблей с артиллерийским вооружением, и подобные мониторы даже не были заложены.

К 1949 г. кроме «Выборга» и канонерки «Пионер» на Порккала-Удд базировались 20 морских бронекатеров пр. 186 (полным водоизмещением 165 т; вооружение: 2 — 85-мм пушки, 1 — 37-мм автомат, 4 — 12,7-мм пулемета и 5 морских бронекатеров пр. 161 (полным водоизмещением 160 т; вооружение: 2 — 76-мм пушки Ф-34, 1 — 37-мм автомат, два-три — 12,7-мм пулемета).

Кроме того, два десантных корабля, 11 тральщиков, 17 сторожевых катеров типа Д-3.

Как со стороны моря, и особенно с суши, база Порккала-Удд была хорошо укреплена. К 1 сентября 1955 г. там имелось:

- 831 открытое сооружение (артиллерийские и минометные окопы, окопы для танков и САУ, щели);

- 13 пулеметных точек с бронеколпаками;

- 44 дерево-земляные пулеметные точки с двойными стенками.

Всего 1024 сооружений.

Большая часть сооружений обеспечивала защиту от пуль и осколков и только командные пункты и 44 ДЗОТа — от 82-мм снарядов.

Было установлено 31,4 км препятствий из колючей проволоки.

Долговременные сооружения базы состояли из:

- 15 артиллерийских железобетонных боевых сооружений типа АДФС со 122-мм пушкой в танковой башне и с пулеметом;

- 30 артиллерийских железобетонных боевых сооружений (полукапониров) со 100-мм казематной пушкой ЗИФ-25 и с пулеметом «Максим»;

- 21 пулеметного железобетонного боевого сооружения

(полукапонира) с установкой И-8-Д — пулемет «Максим»;

— 130 пулеметных железобетонных боевых сооружения с установкой БУК (И-15 и И-16) — модернизированным пулеметом обр. 1947 г. КГСМ.

Замечу, что ЗИФ-25 и БУК были последним «писком» фортификационной науки в СССР. Так, например, установка БУК с 7,62-мм криволинейным пулеметом (или двумя) системы Горюнова имела высоту над грунтом всего 24 см, длину 70 см и ширину 30 см. То есть наружу выставлялся только ствол пулемета с толстым броневым кожухом. Обстрел установки круговой. При наезде на установку БУК танка она утапливалась на пружинах заподлицо с грунтом, а затем возвращалась в боевое положение и немедленно могла вести огонь.

Первоначально на территории базы Порккала-Удд аэродромов или даже взлетно-посадочных полос не было. В 1947 г. началось строительство аэродрома Фриггесбю. Аэродром имел взлетно-посадочную полосу с металлическим покрытием длиной 1800 м и шириной 60 м. В 1948 г. он уже начал принимать самолеты, и 1-й была переброшена одна истребительная авиаэскадрилья 8-го ВМФ. Позже ее переформировали в истребительный авиаполк.

В августе 1953 г. из состава 76-й воздушной армии ЛенВО в состав 9-го истребительного авиакорпуса 8-го ВМФ была придана 108-я истребительная дивизия. Штаб ее находился на аэродроме Ласнамяэ под Таллином. В состав 108-й дивизии был включен и отдельный истребительный авиаполк, базировавшийся в Порккала-Удде. В 1954 г. авиасостав в Порккала-Удде перешел на новые реактивные истребители МиГ-15.

Авиаполк в Порккала-Удде не только осуществлял ПВО базы, но и мог сыграть важную роль в перехвате американских бомбардировщиков, наносивших удар по Ленинграду и другим объектам Союза. Замечу, что уже в 40-х гг. XX века командование американских ВВС разработало план удара по СССР через воздушное пространство Финляндии.

В 1955 г. после вывода из Финляндии полк был расформирован.

Несколько слов о жизненных условиях гарнизона Порккала-Удда и их семей. Так, некоторым родственникам офицеров жизнь в гарнизоне нравилась. Они заводили подсобные хозяйства, держали скотину и птицу, имели теплицы. В бывшей даче маршала Маннергейма устроили детский сад.

«У нас был полковой клуб, проводились различные культурные мероприятия. Жены офицеров ездили на выходные в Таллин — это было совсем близко по Финскому заливу. Всем нравилось жить в Порккала-

Удде», — вспоминала дочь одного из офицеров, служивших в Порккала-Удде^[12].

Прямо на базе молодожены вступали в брак. Естественно, что в Порккала-Удде рождались и дети, причем в метриках и паспортах записывалось место рождения: город Порккала-Удд Ленинградской области.

Однако ряд офицеров считали Порккала-Удд чем-то вроде штафбата. Аббревиатуру БШК (бригада шхерных кораблей) они расшифровывали как «бардак, шхеры кругом». Спору нет, служба на старых катерах и тральщиках была нелегкой.

Естественно, «красотам природы успешно противостояли две распивочные с условными названиями: "Кровавая харчевня" и "Белый лебедь". В другой редакции — "Лови момент" и "Зайди, голубчик". Расположенные недалеко от пирсов, они имели широкую популярность, несмотря на скудность ассортимента. Завсегдатаи пользовались кредитом по записи. Два магазинчика типа "сельпо" в военно-морском варианте дополняли сферу услуг. В середине месяца у вышеуказанных точек было особенно оживленно, и патрулям приходилось оборонять их от страждущих, даже прибегая к стрельбе: "Расходись, бах-бах, все закрыто". Обстановка обострялась острым дефицитом женского пола. Госпиталь был далеко, а военторг со второй задачей не справлялся»^[13].

Болтовня офицеров о том, что Порккала-Удд — пистолет, нацеленный на Хельсинки, не имела никаких оснований. Рельеф местности на границе базы допускал возможность создания почти неприступной линии обороны со стороны Финляндии. Кстати, финны и построили мощную линию укреплений. Контакт у личного состава базы с финским населением не было, так что говорить о каком-либо политическом влиянии базы не приходится. База обеспечивала безопасность Финского залива и подступов к Ленинграду. Недаром еще Александр I называл Финляндию «крепкой подушкой Петербурга».

Из-за волюнтаризма Хрущева 19 сентября 1955 г. в Москве было подписано соглашение между СССР и Финляндией об отказе Советского Союза от прав на использование территории Порккала-Удд для военно-морской базы и выводе советских вооруженных сил с этой территории. В ходе советско-финляндских переговоров, проходивших в Москве с 16 по 20 сентября 1955 г., в обмен на соглашение о ликвидации военно-морской базы Порккала-Удд, советское руководство добилось продления на 20-летний срок Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Хрущеву было наплевать, что наши конструкторы к тому времени спроектировали самые эффективные в мире 406-мм береговые стационарные и железнодорожные установки. Что в Порккала-Удде строился мощный защищенный пункт командования «Лось» в скальном массиве к югу от озера Энгвин-Тряск. Гранитные стены сооружений обеспечивали защиту от попадания фугасных бомб ФАБ-2500 и воздушных взрывов атомных бомб мощностью 1 Мт.

Сооружение состояло из двухэтажного оперативно-связного и одноэтажного технического блоков, разделенных между собой входной потерной протяженностью 109 м. Обделка была железобетонной, монолитной. Свод монолитный из бетона М-170 с армированием одной сеткой по низу. Свод опирался на монолитные железобетонные стойки из бетона М-170. Стены между стойками были заполнены железобетоном.

К 1 сентября 1955 г. завершились все скальные работы и железобетонная обделка стен, а также сделаны перегородки и междуэтажное перекрытие.

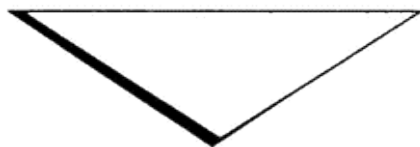
Береговая артиллерия на момент расформирования базы включала в себя:

- двухорудийную 305-мм батарею № 374 на острове Мякилуото;
- трехорудийную 152-мм батарею № 114 на острове Стура-Треске;
- четырехорудийную 130-мм батарею № 212 на острове Порее;
- четырехорудийную 130-мм батарею № 463 на острове Ярве;
- трехорудийную 127-мм батарею № 261 на острове Хесте (законсервирована).

Ствол 305-мм башенной батареи № 374 был вынут и разрезан автогеном, а сама башня подорвана.

Семьи офицеров и других жителей Порккала-Удда были эвакуированы в спешке, им даже не разрешили взять скотину.

26 января 1956 г. граница на территории Порккала перестала существовать, и 4 февраля бывшим жителям-финнам было позволено вернуться.

Глава 3.

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ БАЗЫ В ПЕРСИИ

Каспийское море у берегов Ирана мелководно, и там практически не было удобных стоянок для кораблей, за исключением порта Энзели (с 1925 г. по 1980 г. назывался Пехлеви) и Астрабадского залива. В обоих местах длительное время базировались корабли Каспийской флотилии.

Впервые русские (русы) появились на юге Каспийского моря в 880 г. По свидетельству арабского историка Ибн Исфендийара, они напали на город Абаскуна.

Ибн Исфендийар сообщает и еще о двух походах русов на южное побережье Каспия, состоявшихся в начале X века. Большинство историков датируют их 909—912 гг. «В этом году в море появилось шестнадцать кораблей, принадлежащих русам, и пошли они в Асаскун, как и во время Хасана [ибн] Зайда Алида, когда русы прибыли в Асаскун и вели войну, а Хасан Зайд отправил войско и всех перебил. В это время, когда появилось шестнадцать кораблей русов, они разрушили и разграбили Абаскун и побережье моря в той стороне, многих мусульман убили и ограбили... В следующем году русы прибыли в большом числе, подожгли Сари и округа Пянджах хазара, увели в плен людей и поспешно удалились в море...»^[14]

Затем арабский историк и путешественник ал-Мас'уди (? — 956 гг.) писал, что «после 300 г.х. (912/13 г.) около 500 русских кораблей, каждый из которых вмещал по сотне человек, получили разрешение от хазарского правителя на проход из Черного в Каспийское море. Условием прохода было обещание руссов передать правителю Хазарии половину добычи, захваченной ими на Каспии. Выйдя в Каспийское море, русы стали совершать жестокие набеги на страны, лежащие вдоль его южного и западного побережий.

"...суда руссов рассеялись по морю, и их отряды отправились в Гилян, Дейлем, Табаристан, Абескун на гурганском берегу, в область нефтяных источников и в Азербайджан, потому что главный город Азербайджана отстоит от моря всего на три дня пути. Они проливали кровь, захватывали женщин и детей, грабили имущество, снаряжали отряды для набегов, уничтожали и жгли [дома] ... При возвращении из набегов они удалялись на острова, расположенные у нефтяных источников и в нескольких милях оттуда" (Мас'уди. Т. II. С. 20—21; Бартольд. 1963. С. 829).

По словам ал-Мас'уди, действия руссов вызвали смутение у прикаспийских народов, дотоле видевших на Каспии одни торговые и рыболовецкие суда. В бассейне Каспия русы оставались "много месяцев", укрываясь на морских островах поблизости от Баку. Хотя на обратном пути русы, как и было обусловлено, послали хазарскому царю половину добычи, они подверглись нападению со стороны проживавших в Хазарии мусульман, которых возмутили грабительские действия руссов в исламских областях Прикаспия. К хазарским мусульманам присоединились и проживавшие в Итиле христиане, скорее всего, купцы. Правитель Хазарии предупредил руссов о готовившемся против них ударе, предотвратить который он якобы не мог. Русы, уцелевшие после битвы с хазарскими мусульманами в низовьях Волги, бежали вверх по реке, но были перебиты буртасами и волжскими булгарами»^[15].

В 332 г. (943—944) войско русов проплыло по Каспийскому морю. Обогнув Апшеронский полуостров и достигнув устья реки Куры, русы поднялись по ней вверх до Ширванского ханства.

А кто такие русы?

Ряд отечественных и особенно западноевропейских ученых считают, что русы — это норманны. Однако арабские и византийские источники четко разделяли норманнов (варягов) и русов. Замечу, что арабы, называя Черное море бахр Ар-рус, именовали Балтийское море бахр Варанк (бахр — море). Таким образом, они прекрасно знали, где плавают варяги, а где — русы.

Слово «русь» близко к финскому слову «routsi», что означает «гребцы» или «плавание на гребных судах». Отсюда следует, что русью первоначально называлось не какое-то племя, а двигающаяся по воде дружина. Кстати, и византиец Симеон Логофет писал, что слово «рус» — «русь» происходит от слова «корабль».

Итак, поначалу славяне и византийцы называли русью дружины норманнов и славян, передвигающиеся на гребных судах. Через несколько десятилетий это слово стало ассоциироваться с дружиной киевского князя, а затем — с его владениями и его подданными.

Но первую базу в Персии основал Степан Разин. В 1668 г. казаки-разинцы разорили город Астрабад и его окрестности. На зимовку казаки остались на полуострове Миян-Кале, отделявшем Астрабадский залив от моря. Разин приказал построить на полуострове острог с земляным валом и деревянным тыном и свез с кораблей пушки для его защиты. Из-за неблагоприятных условий в ходе зимовки умерло несколько десятков казаков. Однако отряд Разина увеличился за счет нескольких сот

туркменов, изъявивших желание воевать вместе с казаками.

Зимой и ранней весной разинцы периодически совершали налеты на туркменские поселки на юго-восточном берегу Каспия. В одной из стычек с туркменами был убит Сережа Кривой.

Разорив туркменское побережье, Разин в мае 1669 г. двинулся на запад — в Гилянский залив. Традиционно пограбив побережье, Разин отправился севернее и устроил себе базу на Свином острове недалеко от Баку.

После ухода русских персы называли место их базирования Орус-Кале, то есть русская крепость. Это название сохранялось до конца XIX века. В 1850—1860-х гг. персы показывали русским путешественникам и военным остатки городка Разина.

Закончив Северную войну, Петр Великий обратил свои взоры на Каспий. 15 мая 1722 г. царь отслужил молебен в Успенском соборе Кремля, под пушечную пальбу сел на «москворецкий струг» и отплыл вниз по Москве-реке в Астрахань. 17 мая Петр был уже в Коломне, 30 мая — в Нижнем Новгороде, а 19 июня — в Астрахани.

18 июля из Астрахани вышла целая армада судов. У персов не было военных кораблей специальной постройки, поэтому армаду конвоировали всего восемь военных судов Каспийской флотилии, самыми сильными из которых были три шнявы — «Астрахань», «Святая Екатерина» и «Святой Александр».

Двадцать две тысячи пехотинцев были посажены на двести островных лодок и 45 ластовых судов^[16]. Формально командовал армадой генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин, но фактически распоряжался всем сам царь.

Сухим путем в Персию пошла конница. В ее составе было 9 тысяч регулярной кавалерии, 20 тысяч донских и малороссийских казаков, а также 30 тысяч татар. В некоторых изданиях говорится и о калмыцкой коннице. На самом деле участие ее в операции планировалось, но собрались калмыки только после окончания похода.

27 июля 1722 г., в день Гангутской победы, русские войска высадились на берег в Агразанском заливе. Первым ступил на берег Петр. Из-за мелководья шлюпки не могли причалить, тогда царь встал на широкую доску, и четыре гребца перенесли его на берег.

Дождавшись подхода кавалерии, Петр двинулся к Дербенту. Город сдался без боя. 23 августа за версту от города царя встретил дербентский наиб (наместник), пал на колени и поднес два серебряных ключа от городских ворот.

В Дербенте русским досталось 230 пушек.

Петр произвел наиба в генерал-майоры и назначил команда-ром персидской ланд-милиции (то есть иррегулярных войск).

4 октября 1722 г. Петр вернулся в Астрахань, а 6 ноября он отправляет в Гилян (провинцию Персии на побережье Каспия) четырнадцать судов с двумя батальонами пехоты под командованием полковника Шилова. Непосредственно судовым отрядом командовал капитан-лейтенант Соймонов. Получив приказ занять Решт, Шипов спросил у Царя: «Довольно ли двух батальонов?» Петр ответил: «Стенька Разин с пятьюстами казаками персиян не боялся, а у тебя два батальона регулярного войска!»

Русские суда, воспользовавшись сильным попутным ветром, в конце ноября подошли к городу Решту и заняли его.

В марте 1723 г. Соймонов с частью отряда ушел к устью реки Куры. Воспользовавшись этим, местные персы попытались выбить русских из Решта, но благодаря грамотным действиям полковника Шилова персы были разбиты. Большую роль в этом сыграл огонь судовой артиллерии, заставивший замолчать персидскую батарею. Судами командовал капитан-лейтенант Золотарев.

28 мая 1723 г. морем в район Решта прибыло пополнение — два батальона пехоты при 24 пушках под командованием полковника Левашова. Теперь русские прочно удерживали район Энзели — Решт.

Чтобы получить «сухопутную коммуникацию» между русскими войсками в Дербенте и Реште, Петр решил занять город Баку и прилегающую часть побережья. Царь приказал генерал-майору Михаилу Афанасьевичу Матюшкину: «Идти к Баке как наискорее и тциться оный город, с помощью божиею конечно, достать, понеже ключ всему нашему делу оный».

В июле 1723 г. двадцать русских судов появились перед Баку. Матюшкин отправил в город письмо, где утверждал, что он пришел защищать Баку от мятежников, действовавших против персидского шаха. Но местные власти отвечали, что они верные подданные шаха и четыре года отбиваются от мятежника Сауда, так что не нуждаются ни в чьей помощи и защите.

Тогда Матюшкин приказал высадить десант. Атака персидской конницы, стремившейся помешать высадке, захлебнулась под огнем судовой артиллерии. У стен Баку русские выстроили две осадные батареи. 22 июля началась бомбардировка города, в которой помимо осадных батарей приняли участие и семь гекботов^[17] с тяжелыми мортирами. Семидневная бомбардировка подействовала на персов, и 28 июля Баку

сдался.

Русские батальоны вступили в город с распущенными знаменами и барабанным боем. В Баку было взято 80 пушек. Начальник гарнизона и его 700 подчиненных попросились на русскую службу. Матюшкин удовлетворил их просьбу.

Вслед за Баку русские войска высадились в устье Куры и заняли прилегающий район побережья.

Петр произвел Матюшкина в генерал-лейтенанты. 17 сентября царь писал новому генерал-лейтенанту: «Поздравляю со всеми провинциями, по берегу Каспийского моря лежащими, понеже посол персидский оные уступил». (Сх. 3)

Договор был подписан в Петербурге 12 сентября 1723 г.

В интересующей нас части договора говорилось: «А насупротив того его шахово величество уступает императорскому величеству всероссийскому в вечное владение города Дербень, Баку со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, такожде и провинции: Гилянъ, Мазандеран и Астрабат, дабы оными содержать войско, которое его императорское величество к его шахову величеству против его бунтовщиков в помощь посылает, не требуя за то денег».

Для ратификации договора, заключенного в Петербурге Исмаил-беем, в Персию отправились Преображенского полка унтер-лейтенант князь Борис Мещерский и секретарь Аврамов. В апреле 1724 г. они въехали в персидские владения. На послов напала вооруженная толпа, однако охрана сумела разогнать бунтовщиков. Шах Тахмас Кули-Хан милостиво принял Мещерского, но уклонился от ратификации договора.

Несмотря на смерть Петра I, русские войска не ушли с южного побережья Каспия. Алексашка Меншиков, правивший от имени Екатерины I, приказал генерал-лейтенанту Матюшкину вновь двинуться в Персию. В 1725 г. русские войска заняли Астрабад и Торку. После этого шах был вынужден ратифицировать договор 1723 г.

Для удержания прикаспийских областей, отнятых у персов, требовались большие силы. Так, в 1729 г. там дислоцировалось 17 пехотных и 7 конных полков. Кроме того, имелись иррегулярные конные отряды из грузин, армян и горных черкесов.

В 1733—1734 гг. русские войска были введены в Речь Посполитую в связи с попыткой Станислава Лещинского овладеть

польским престолом. Османская империя сама претендовала на польские земли и начала подготовку к войне с Россией. Правительство

Анны Иоанновны решило вступить в союз с Персией против Турции.

Персы к этому времени находились в состоянии войны с Турцией. Русское правительство ради войны с турками решило пожертвовать прикаспийскими землями. Русский посол князь С.Д. Голицын 16 декабря 1734 г. объявил Тахмасу Кули-Хану, что императрица Анна Иоанновна, «имея полную надежду на скорое очищение Персии от неприятелей, согласна... возвратить ему остававшиеся в русском владении персидские города под тем условием, что города эти никогда не будут отданы в неприятельские руки... Кулы-хан так обрадовался, что изменился в лице и объявил, что готов все сделать, чтоб отблагодарить императрицу за такую милость пусть императрица располагает им как своим последним слугою, и, обратясь к стороне Генжи, крикнул: "Горе вам! Не только вы все, но и сам ваш султан погибнет от персидской сабли, если бог продолжит мою жизнь"»^[18].

В 1735—1739 гг. русские войска оставили южное побережье Каспия, а также Баку и Дербент.

Следствием персидского похода Петра стало создание регулярного флота на Каспии. В ноябре 1722 г. царь издал указ об учреждении в Астрахани военного порта. Замечу, что ряд историков утверждают, что этим же указом Петр основал там и Адмиралтейство. На самом же деле в Астрахани в 1722 г. была построена верфь, а Адмиралтейство по-прежнему находилось в Казани. И только в 1827 г. его перенесли в Астрахань.

Позже ноябрь 1722 г. был официально объявлен временем основания Каспийской военной флотилии и отмечается до сих пор.

К 1730 г. в составе флотилии было 21 судно (гекботы, гукоры и т.д.), а в «добавку ж 9 оных имеются на мели», 6 ботов больших, 30 ботов ординарных. На тех судах «обреталось» 1047 морских служителей. А на верфи числилось 186 мастеров и рабочих. (Сх. 4)

Императрица Анна Иоанновна по неразумению или по совету подкупленных Лондоном сановников в 1734 г. дала разрешение англичанам торговать с Персией, плавая по Волге к Каспийскому морю.

Ну а императрица Елизавета Петровна была крайне возмущена деятельностью англичан на Каспии. 24 апреля 1746 г. «при докладе об иностранных делах она рассуждала, что английские купцы действуют в Персии так, что для России могут быть от этого дурные следствия, что они там уже построили два корабля и еще строить хотят, а для России было бы очень вредно, если бы у персиян заведен был флот. Англичанам позволено торговать с Персиею через Россию; но от этой торговли велика прибыль только англичанам, а здешней империи, особенно купцам и фабрикантам,

помешательство и убытки происходят; очень жаль, что такое позволение дано, и всеми мерами надобно эту английскую торговлю прекратить»^[19].

В августе 1746 г. этот вопрос вновь встал, так как было получено известие, что один персидский корабль с пушками, уже достроенный и оснащенный, подошел к Дербенту и потребовал от русских судов салютовать ему, «а командир и его команда били и другие озлобления делали русским купцам». Елизавета попеняла Бестужеву, что все это происходит из-за того, что англичанам разрешено торговать с Персией через Россию, а когда у персиян появится морской флот, станет еще хуже. «И потому английскую коммерцию в Персию теперь непременно пресечь и английскому послу о том объявить; а каким бы образом это заведенное у персиян строение судов вовсе искоренить, о том в Сенате вместе с коллегиею Иностранных дел советоваться и меры без упущения времени принимать»^[20].

21 августа Елизавета приказала пригласить в Коллегию иностранных дел для обсуждения персидских дел и разработки плана действий генерала графа Румянцева, генерал-прокурора князя Трубецкого, генералов Бутурлина, адмирала Апраксина и тайного советника барона Черкасова.

27 августа этот совет постановил: «1) удостовериться в смерти шаха Надира; ... 5) отправить нынешней же осенью как можно скорее к гилянским берегам до 1000 четвертей пшеничной муки для продажи тамошним жителям на деньги или для мены на шелк; 6) воспользоваться смутою в Персии и смертью шаха для искоренения корабельного строения, заведенного Элтоном: для этого предписать находящемуся в Гиляни резидентом Черкасову подкупить из бунтовщиков или других персиян, чтоб сожгли все корабли, построенные или еще строящиеся, сжечь также заведенное там адмиралтейство, анбары, парусные и прочие фабрики и инструменты, что можно будет, то бы все сожгли, а иное разорили б до основания, к чему хотя несколько их разных людей уговорить, чтоб они это сожжение как можно скорее сделали, и за то им хотя бы и знатную сумму из казенных денег выдать. Если б это не удалось, можно тем командирам, которые на судах с продажным хлебом к гилянским берегам будут отправлены, поручить, чтоб они как на походе в море, так и в бытность при берегах всегда примечали и, где им персидские корабли попадутся, всячески старались если возможно, скрытно, а по нужде хотя и явно зажечь и таким образом сделать, чтоб они вовсе пропали; также командиры приложили бы старание, будучи там на малых судах, тайно или под видом разбойников съездить в Ленгерут и случая искать находящиеся там корабли

и всякое адмиралтейское строение сжечь и до основания разорить. Равномерно и о том стараться, чтоб заводчика этого корабельного строения Элтона оттуда достать, или уговорить, или тайно схватить, или у персиян за деньги выпросить и немедленно в Астрахань отослать»^[21].

Императрица одобрила этот доклад, подписанный графом Алексеем Бестужевым.

Финал британской авантюры со строительством персидского флота на Каспии состоялся в октябре 1752 г. Канцлер Бестужев доложил императрице о награждении морских офицеров и служителей, которые в 1751 г. из Астрахани были посланы к персидским берегам и там тайно сожгли два корабля, построенные Элтоном. Елизавета велела каждого повысить на один чин и раздать им три тысячи рублей. Куда делся сам Элтон, установить не удалось.

В 1776 г. Григорий Потемкин решил устроить торговый путь в Индию через Волгу, Каспийское море и Персию. Для реализации этой затеи требовалось захватить базу в Астрабадском заливе.

По приказу Потемкина в 1778 г. в Казани началось строительство трех фрегатов — № 1, № 2 и № 3. Каждый из фрегатов был вооружен двадцатью 6-фунтовыми пушками и четырьмя 2-фунтовыми фальконетами.

Одновременно в Казани был заложен бомбардирский корабль, не имевший названия. Он имел две 2-пудовые мортиры, две 1-пудовые гаубицы и десять 6-фунтовых фальконетов.

К лету 1780 г. в Астрахань было приведено 3 фрегата, 1 бомбардирский корабль и 5 ботов, вооруженных двенадцатью 3-фунтовыми пушками. Из Петербурга были присланы команда и офицеры, и наконец в июне 1781 г. в Астрахань прибыл полномочный начальник готовившейся экспедиции, капитан 2-го ранга граф Марк Иванович Войнович.

Следует заметить, что Марк Иванович очень гордился графским титулом, но, увы, ранее был обычным пиратом. В 1770 г. он попросился на службу к командующему Архипелажной эскадрой Алексею Орлову. Марк представился графом Войновичем. Алексей, будучи таким же липовым графом, не стал перечить. Граф, так граф, главное, что Архипелажной эскадре позарез нужны были лихие пираты, или корсары, называйте как хотите.

29 июня 1781 г. эскадра Войновича в составе трех фрегатов, бомбардирского корабля и пяти ботов покинула Астрахань.

13 июля эскадра подошла к острову Жилому напротив Апшеронского полуострова. Здесь встали на якорь и послали один бот в Баку «для проведения тамошних обстоятельств», а тем временем произвели съемку и

промеры глубин вокруг острова.

Через пять дней, 18 июля, послав вернувшийся из Баку бот в Энзели, эскадра пошла к восточному берегу Каспия, к острову Огурчинскому, и 21 июля стала у его юго-восточной оконечности. Убедившись, что остров этот голый, песчаный и безводный, Войнович 23 июля ушел оттуда и направился прямо в Астрабадский залив в юго-восточном углу Каспия, куда и прибыл на третий день.

Астрабадский залив Войновичу понравился. Просторный, глубокий и закрытый со всех сторон. С юга залив прилегал к цветущей лесистой равнине у высоких гор, прорезанной многочисленными ручьями. В течение целого года пребывания эскадры в заливе климат только радовал: здоровый, всегда теплый и лишь иногда жаркий. Долина изобиловала строевым лесом, плодовыми деревьями, богатыми полями, множеством редких птиц и пастбищами, что обеспечивало эскадру продовольствием. Недалеко находилось несколько деревень, а немного далее раскинулись развалины шахских увеселительных дворцов с роскошными садами.

В это время в Персии шла гражданская война между Ага-Мухаммадом и его сводными братьями. Ага-Мухаммад доброжелательно отвечал на посланное от Войновича с офицером письмо и охотно предоставил любое место на берегу Астрабадского залива для возведения строений, пообещав даже помочь, предоставив рабочую силу и материалы.

Получив положительный ответ от претендента на шахский престол, Войнович в сентябре 1781 г. приступил к строительству форта на берегу в 80 саженьях (170 м) от моря в урочище Городов-ня. С фрегатов на берег свезли 18 шестифунтовых пушек, соорудили временные, из тростника, казарму, госпиталь, амбар. Выстроили несколько домиков, базар и пристань.

За четыре месяца пребывания эскадры Войновича отношения к местным жителям и властям были самые дружественные, а взаимные посещения — почти постоянными. Войнович щедро одаривал гостеприимных хозяев.

15 июля 1781 г. Войнович и его офицеры были приглашены ханом на торжество, где их внезапно схватили. На русских офицеров надели тяжелые колодки. Кроме того, персам удалось захватить 30 (а по другим сведениям — 50) солдат, отправлявшихся на рубку леса. Попытка же захватить форт была встречена картечью.

Персы потребовали от Войновича отдать приказ скрыть форт и эвакуировать личный состав на корабли. Войнович, не мудрствуя лукаво, отправил старшего офицера капитан-лейтенанта Баскакова с приказанием

скрыть укрепление, а пушки перевезти на фрегаты. Когда это было сделано, персы освободили захваченных солдат, а на офицерах лишь только заменили оковы на тяжелые колодки с цепями, а на третий день плена всех отвезли в город Сари, где тогда находился сам Ага-Мухаммад.

Хан принял пленников ласково, извинился за насилие над ними, уверяя, что его принудили к этому слишком подозрительные подданные, и пообещал немедленное освобождение, и даже предложил построить новый форт. Через две недели — 2 января 1782 г. — Ага-Мухаммад приказал отпустить Войновича и офицеров.

Войнович отправил в Астрахань бот с донесением о действиях хана, а сам с остальными кораблями стал ждать ответа у острова Ашур-Аде. Из-за ледостава на Волге ждать ответа пришлось долго. Тем не менее Ага-Мухаммад исправно снабжал русских водой и продовольствием.

В итоге 8 июля 1782 г., судя по всему, так и не получив ответа из Петербурга, Войнович с эскадрой оставили Астрабадский залив и ушли в Баку. Ну а 16 сентября он прибыл в Астраханский порт.

Войнович уехал в Петербург, где был хорошо принят, получил следующий чин и перстень, еще несколько лет считался начальником Каспийской флотилии. В 1787 г. граф Войнович был произведен в контр-адмиралы и направлен командовать эскадрой в Черном море.

В 1783 г. в Астрабадском заливе крейсировал отряд из трех русских судов для защиты русских купцов. Заодно с Баскаковым русское правительство передало Ага-Мухаммаду ценные подарки.

В 1785 г. Ага-Мухаммад занял престол и стал шахом Персии. Именно от него пошла династия Каджаров.

Весной 1795 г. персидские войска по приказу Ага-Мухаммад-шаха вторглись в Грузию и Армению. Война в Закавказье затянулась.

В июне 1797 г. Ага-Мухаммад-шах был убит, а на престол вступил его 26-летний племянник Фатх-Али. В 1805 г. персидские войска вторглись в Грузию. Фатх-Али-шах поклялся «выгнать из Грузии, вырезать и истребить всех русских до последнего человека»^[22]. У генерала Цицианова было всего 8 тысяч человек, да и то разбросанных по всему Закавказью. А только главные силы персов — армия наследного принца Аббас-Мирзы — насчитывали 40 тысяч человек. Эта армия двинулась на Тифлис. Однако небольшой отряд полковника Корягина разгромил 20-тысячный персидский корпус.

С началом навигации 1805 г. в Астрахани была сформирована эскадра из фрегата, четырех галиотов, яхты и шкоута под командованием капитан-лейтенант Ф.Ф. Веселаго. На суда эскадры был посажен десант под

командованием генерал-майора И.И. Завалишина (около 800 человек при трех пушках).

23 июня 1805 г. эскадра подошла к персидскому порту Энзели. Три галиота под огнем персов высадили десант. Персы, не приняв боя, бежали. Однако попытка Завалишина овладеть городом Решт провалилась, и десантный отряд был принят на суда.

Война приняла затяжной характер.

Лишь 12 октября 1813 г. в урочище Гюлистан в Карабахе на реке Зейве Россия и Персия подписали трактат (Гюлистанский мир). Россия окончательно приобрела ханства Карабахское, Ганжинское, Ширванское, Шикинское, Дербентское, Кубинское, Бакинское, часть Талышского, Дагестан, Грузию, Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию.

Российским и персидским подданным позволялось ездить сухим путем и морем свободно в оба государства, жить в них, кто сколько пожелает, «и купечество отправлять, также и обратный выезд иметь без всякого задержания».

Кроме того, Персия отказывалась держать военный флот на Каспийском море. «В рассуждении же военных судов, то как прежде войны, так равно во время мира и всегда российский военный флаг один существовал на Каспийском море, то в сем уважении и теперь предоставляется ему одному прежнее право с тем, что кроме российской державы никакая другая держава не может иметь на Каспийском море военного флага»^[23].

Однако Гюлистанский мир не способствовал установлению добрососедских отношений между Россией и Персией. Персы не желали мириться с потерей вассальных закавказских ханств, и пограничные инциденты случались довольно часто.

В начале 1825 г., еще при жизни императора Александра I, Персия нарушила Гюлистанский мир, заняв пограничные с Карабахом земли между реками Капанакчай и Чудур.

16 июля 1826 г. войска наследника шахского престола Аббас-Мурзы вступили в принадлежавшую России Карабахскую провинцию. В начавшейся войне русские одержали несколько побед. 1 октября 1827 г. генерал-адъютант Н.В. Паскевич взял Эривань.

Взятие Эривани нанесло Персии окончательный удар. В октябре 1827 г. русским покорилась вся ее северо-западная часть. 14 октября был взят Тавриз (Тебриз), и 21 октября персы запросили мира.

Мирные переговоры длились около четырех месяцев, и 10 февраля 1828 г. в Туркманчае ровно в полночь был подписан мир. Этот момент

предложил персидский астролог, как наиболее благоприятный для прочного мира. И астролог не ошибся — с тех пор Россия больше не воевала с Персией.

По Туркманчайскому миру Персия уступала России ханства Нахичеванское и Эриванское и выплачивала 20 миллионов рублей контрибуции, а также закреплялась статья Гюлистанского договора о запрещении Персии держать военные суда на Каспии.

Теперь Каспий окончательно превратился в русское озеро.

Глава 4.

АШУР-АДЕ И ЭНЗЕЛИ

В 1836 г. для обследования Астрабадского залива из Баку было направлено экспедиционное двухмачтовое судно «Святой Гавриил». Замечу, что судно не входило в состав Каспийской флотилии, но имело сравнительно мощное для Каспия вооружение: одну 10-фн, три 3-фн пушки и несколько фальконетов. Начальником экспедиции был назначен коллежский асессор Карелин. В состав экспедиции вошли корпуса горных инженеров поручик Фелькнер, врач Заблоцкий, топограф Ульянов и т.д.

Участник экспедиции Бларамберг Иван Федорович писал: «5 июня я вместе с топографом и 15 казаками отправился на остров Ашур-Аде, чтобы произвести его топографическую съемку. Длина береговой линии острова, частично поросшего камышом, — 2 версты. Здесь мы обнаружили гранатовые кусты. Казаки вырыли в песке несколько неглубоких колодцев, в которых показалась пресная вода. Мы спали под москитными сетками из муслина, однако мириады комаров не давали нам покоя, и мы поспешили рано утром закончить съемку острова и обеих его песчаных банок (западной и восточной) и вернуться на судно»^[24].

В 1842—1844 гг. остров Ашур-Аде был превращен во вторую после Баку базу Каспийской флотилии. Замечу, что остров находится в нескольких километрах от развалин разинского острога и форта, построенного графом Войновичем. Именно около острова Ашур-Аде проходил сравнительно глубоководный фарватер, соединявший Астрабадский залив с морем. Длина острова в XIX веке составляла около 3 км, ширина — около 600 м. Данные приблизительные, поскольку уровень Каспийского моря постоянно меняется. Так, сейчас Ашур-Аде не остров, а полуостров, соединенный песчаной косой с материком.

Существенным преимуществом базы на острове была теплая погода: средняя температура в январе $+7^{\circ}$, средняя июня $+27,2^{\circ}$. Большую часть года на море близ острова штиль, волнения бывали крайне редко.

Основная функция базы — защита русских торговых и рыболовецких судов у персидских берегов, а также предотвращение нападений племен йомудов на персидскую территорию. Ну и, само собой разумеется, пушки русских кораблей должны были произвести успокаивающее действие на персидского шаха, если у него появится желание слушать британских

советчиков, науськивавших персов против России.

Устройство базы началось с повеления Николая I учинить «особую» экспедицию к берегам Персии для борьбы с морскими разбоями «и учреждения более строгого полицейского надзора».

Весной 1842 г. к Астрабадскому заливу прибыли целая экспедиционная эскадра в составе парохода «Кама», бригов «Араке» и «Мангышлак» и нескольких мореходных ботов. Командовал ею капитан 1-го ранга Евфимий Васильевич Путятин.

Выбор был не случаен. К этому времени 39-летний Путятин побывал в трехлетнем (1822—1825) кругосветном плавании на фрегате «Крейсер», в 1827 г. участвовал в Наваринском сражении, в конце 30-х годов организовывал десанты на Кавказское побережье против разбойников-горцев.

В Астрабадском заливе у местечка Гасан-Кум Путятин высадил десант с 8 гребных судов — 70 человек при восьми 3-фн и 2-фн фальконетах. Дело в том, что суда его эскадры не могли подойти близко к берегу из-за мелководья.

Десантники уничтожили несколько десятков киржилов — больших лодок, на которых туркмены совершали свои грабительские походы на персидское побережье.

К туркменам был послан знатный туркмен с ультиматумом Путятина, содержащим 4 пункта:

- 1) немедленно выдать русского купца Герасимова, захваченного туркменами;
- 2) выдать всех персидских пленных, в Гасан-Кули находящихся;
- 3) выдать главаря разбойников Гасан-Чехана;
- 4) составить и скрепить клятвенное обещание не делать насилий русским купцам и морских набегов на берега персидские.

В задачу посланника также входило предупредить туркмен, что если с их стороны будет замечено хоть малейшее сопротивление, то русские немедленно откроют огонь по ним и по их кибиткам.

Туркмены выполнили все требования Путятина, за исключением выдачи пленных персов, которых у них якобы не было. Сил и возможности для поиска пленных у русских не имелось, и они поверили туркменам на слово.

В 40—50-х гг. XIX века русские построили на острове Ашур-Аде несколько казарм для матросов и домов для офицеров. Естественно, возвели и деревянную крепость, а также несколько складских помещений. На остров специально из Персии завозили плодородную землю и в поселке

сажали деревья. Первоначально

гарнизон состоял из 130 человек при двух орудиях. Европейцу эти силы покажутся малыми, но база (станция, как ее называли в русском флоте) Ашур-Аде имела огромное стратегическое значение в Центральной Азии.

В начале 50-х гг. XIX века племена йомудов (туркмен) вновь предприняли серию нападений на персидскую территорию.

Вот характерный эпизод. Шхуна «Тарантул», вооруженная четырьмя пушками, отбила нападения лодок йомудов на якорную стоянку русских коммерческих судов у Ферхада. Одна из лодок была разбита пушечным ядром, остальные ретировались. На обратном пути шхуна обнаружила «в 25 милях от острова Ашур-Аде русское коммерческое судно без команды и парусов и персидский киржил в таком же положении, вероятно ограбленное туркменами»^[25].

Летом 1852 г. туркмены обстреляли русский военный бриг «Мангышлак» и даже сделали попытку захвата острова Ашур-Аде. Десант туркмен на острове был отбит. К этому времени отряд военных судов, находившихся при станции, состоял из двух шхун, брига, парохода и транспорта.

19 сентября 1852 г. эскадра капитана 2-го ранга И.И. Свинкина разгромила артиллерийским огнем аул Гассан-Кули. В этой операции отличился командир шхуны «Тарантул» Кирилл Никифорович Петриченко. Любопытно, что у Петриченко на острове Ашур-Аде 6 августа 1854 г. родилась дочь Эмилия, впоследствии ставшая писательницей и переводчицей (по мужу Эмилия Пименова).

Ну а 27 января 1869 г. капитан 2-го ранга Петриченко был назначен начальником Астрабадской станции.

Замечу, что Петриченко был не только опытным моряком, но и первоклассным журналистом. Ему мы обязаны прекрасным описанием острова, сделанным в 1869 г.:

«На рассвете подул легкий ветерок с берега, и мы снова подняли якорь, поставили паруса и пустились в путь. Горы были покрыты густым туманом, но вправо к западу солнце светило ясно, и в зрительную трубу можно было рассмотреть на горизонте небольшое темное пятно и около него мачты судов. Это была цель моего плаванья, остров Ашур-Аде.

Подходя ближе и ближе к острову, я не мог надивиться, едва узнавая его; в пять лет, которые я не был там, он очень изменился. Пустынный и совершенно голый, он походил тогда на песчаный бугорок, выдавшийся из моря; на нем был только маленький домик для лазарета, часовня и пекарня; а теперь я видел церковь, много домиков и даже, что еще удивительнее,

несколько деревьев...

Было воскресенье, когда я тихо подходил к Ашур-Аде; обедня еще не начиналась; все офицеры и команда были на своих судах...

Астрабадская станция устроена для защиты берегов персидских от нападения Трухмен; дикие орды этих потомков Чингисхана кочуют по всему восточному берегу Каспийского моря и по степям, простирающимся от него до Хивы. Земли трухмен прилежат границам Персии и даже многие из их племен кочуют на ее земле, признавая себя данниками шаха, если он пришлет достаточно войска, чтобы заставить их заплатить подать. Прибрежные Трухмены занимаются рыболовством около своих берегов и рыбу продают русским купцам, приходящим для этого из Астрахани; но так как рыболовство бывает там только с января месяца до половины апреля, то в остальное время года они производят меновую торговлю с Персиянами. У Трухмен, на острове Челекене и противулежащем полуострове Дардже, есть богатые источники нефти и соли, которые они добывают и, привозя на своих лодках к персидским берегам, меняют жителям на пшеницу, ячмень и сарачинское пшено.

Под видом торговли, свободно расхаживая по всему персидскому побережью, Трухмены разузнавали местность и потом ночью, небольшими партиями, нападали на персидские деревни.

Так как грабить у Персиян нечего, то Трухмены забирали в плен народ и заставляли выкупаться. Убийства бывали редко, потому что Персияне никогда не защищаются: довольно одного крика Трухмен, чтоб Персияне от страха потеряли всю бодрость.

С тех пор как на Ашур-Аде основалась наша станция, морские грабежи почти прекратились, а если случается иногда, что Трухмены ночью проберутся в залив и захватят несколько человек Персиян, то скоро возвращают их по требованию начальника станции»^[26].

В оценке деятельности туркменского племени йолудов Путятину можно верить. В 1871 г. русский путешественник П. Огородников писал: «...одно имя Атрека, придаваемое реке и всей, прилегающей к ней местности, наводит необыкновенный страх на несчастных жителей Мазандерана и Таберистана, и что персиянин только в сильном гневе решается на страшные слова: "Атрек бюфти", что в переводе значит: "чтобы тебе попасть на Атрек"»^[27].

Замечу, что на Атреке, на границе России и Персии, жили самые разбойничьи племена.

С 1862 г. на станцию Ашур-Аде начали заходить пароходы общества

«Кавказ и Меркурий», летом — каждую неделю, а зимою — два раза в месяц. На станции производился осмотр туркменских лодок, идущих к персидским берегам. Причем у туркмен отбиралось оружие, а взамен выдавались билеты, которые они обязаны были предъявлять по возвращении. Тогда туркменские лодки снова осматривали, чтобы убедиться, что они не захватили с собой пленных, и после этого туркменам возвращали их оружие.

О пароходном обществе «Кавказ и Меркурий» стоит сказать особо. В 1848 г. купцы В.В. Скрипицын и Н.А. Жеребцов основали пароходное общество «Меркурий» с основным капиталом в 750 тыс. рублей. Первоначально пароходы этого общества плавали по Волге и Каме. Было открыто регулярно грузопассажирское сообщение на линии Рыбинск — Астрахань.

В начале 1856 г. статский советник Н.А. Новосельский при поддержке наместника Кавказа князя Барятинского основал пароходное общество «Кавказ» для плавания по Каспийскому морю. А уже 25 апреля того же года произошло слияние обоих обществ в одну компанию «Кавказ и Меркурий».

Когда Маккензи, британский консул в Реште и Энзели, узнал о создании русского акционерного общества «Кавказ», он в своих депешах в Форин оффис настаивал на немедленных превентивных действиях в Средней Азии. Маккензи призывал «любой ценой» взять под английский контроль «Решт-Энзелийский порт». Занятие этого порта позволило бы Британской империи утвердиться на всем Каспийском море. «Обладая этим орудием, мы легко овладели бы торговлей всей Средней Азии», — писал Маккензи.

Британский консул указывал на особую важность открытия торгово-политического агентства в Астрахани: «Присутствие британского ока в Астрахани будет необходимым условием перевеса торгового баланса в нашу пользу» и «существенным шагом нашей торговли и политики на Востоке».

Однако еще в 30-х гг. XIX века Николай I заявил: «У англичан нет никаких торговых интересов на Каспийском море, и заведение их консульств в этой стране не имело бы иной цели, кроме заведения интриг». Александр II также отказал англичанам, но в более мягкой форме.

В 1867 г. главная база Каспийской военной флотилии была переведена из Астрахани в Баку, а территория военного порта в Астрахани вместе с механическим заводом и тринадцатью мастерскими передана пароходному обществу «Кавказ и Меркурий».

Теперь становится понятно, почему власти сделали столь щедрый

подарок компании в виде астраханского порта. Были и другие подарки. Например, в 1860 г. Каспийская военная флотилия передала обществу железный пароход «Ленкорань».

На Волге существовало множество пароходных компаний, но ни одна из них не получала от правительства ни копейки, что ставило их в невыгодное положение. Дело в том, что конкуренты пароходов — железные дороги — получали большие субсидии от властей. Исключение составляло общество «Кавказ и Меркурий». За содержание пароходных сообщений и перевозку почты ему выплачивалось особое «помильное вознаграждение», а в 1884 г. — еще и ежегодная выплата в размере 300 тыс. рублей. В результате «Кавказ и Меркурий» стал почти монополистом в перевозках на Каспии, хотя туда прорвались и другие пароходства. В отличие от остальных морей, морскими перевозками на Каспии могли заниматься только подданные Российской империи. К 1888 г. только к астраханскому порту было приписано 90 частных пароходов и 1152 парусных судна. По числу приписанных пароходов Астрахань была на втором месте в империи после Одессы, а по парусникам — на первом.

В навигацию 1902 г. на Каспии плавало 47 почтово-пассажирских и товаропассажирских пароходов, 96 товарных и наливных пароходов и свыше 400 парусных товарных и наливных судов.

К 1914 г. торговый флот увеличился по тоннажу и получил новые, более совершенные, суда. Число почтово-пассажирских пароходов достигло 12, а вместимость их составляла 4015 брт. Соответственно, товаропассажирских судов было 54, а их вместимость — 21 тыс. брт., товарных судов было 24 вместимостью 7431 брт, танкеров (наливных шхун) — 112 вместимостью 74,5 тыс. брт. Нужды коммерческого флота на Каспии обеспечивали 50 буксирных, спасательных и ледокольных судов. Итого на Каспии плавали 252 парохода и теплохода общей вместимостью 111 тыс. брт. Следует заметить, что среди них было очень много старых судов: 50 судов прослужили свыше 30 лет и 65 судов — от 20 до 30 лет.

Кроме того, на Каспии плавали 556 товаропассажирских и наливных парусных судов. Средняя вместимость их составляла 200 брт.

В морской торговле Каспийского моря первое место занимала нефть, затем — сахар, лес, спички, сундуки, фарфор, мануфактурные товары, соль, рис, хлопок, рыба, фрукты, ковры, шелк, шерсть.

Несколько слов стоит сказать и о рыболовстве. Практические все рыбные промыслы на Каспии принадлежали подданным Российской империи. В 1893 г. предприимчивые армяне — братья Лианозовы сумели получить от правительства Персии рыболовную концессию, дававшую им

права на добычу осетров в южной части Каспийского моря. В прошлом у берегов Персии не было интенсивного рыболовства, отчасти из-за того, что море там более глубокое и более опасное, чем в северной части. Впрочем, в числе причин были и местные традиции. Жителями южного берега Каспия были мусульмане-шииты — персы и азербайджанцы. Большинство из них считали осетров и их икру нечистой пищей. Некоторые из местных рыбаков отказывались даже прикасаться к осетрам. Братьям Лианозовым пришлось набрать русскую команду для работы на своих судах. Однако икра была хуже, чем в районе Астрахани. Одна из причин заключалась в том, что икру брали у незрелых осетров в открытом море, а не у идущих на нерест в реки. Но благодаря проникновению Лианозовых в персидские воды увеличивалась зона промысла и рос общий вылов осетров в Каспийском море.

Любопытно заметить, говоря о военных судах на Каспии, интересную деталь. На Балтике, Черном море и других театрах русских кораблей, как правило, в мирное и в военное время несли одинаковое вооружение. Но на Каспии во второй половине XIX века обстановка была достаточно мирная, а вот море неоднократно показывало свой свирепый нрав. Поэтому суда Каспийской флотилии в те годы имели вооружение военного времени и вооружение мирного времени. Тяжелые пушки в мирное время хранились в арсенале, а суда флотилии плавали с легким вооружением. Так, к примеру, три однотипные паровые винтовые шхуны типа «Персиянин», построенные в 1858—1859 гг. в Нижнем Новгороде, в мирное время, в 1860—1870 гг., плавали с четырьмя 6-фунтовыми и одной 1-фунтовой гладкоствольными пушками, а в военное время на них было положено ставить одну 30-фунтовую пушку № 1 и четыре 24-фунтовые карронады^[28]. В середине 70-х гг. XIX века гладкоствольные пушки «мирного времени» на всех трех шхунах заменили на четыре 4-фунтовые нарезные пушки обр. 1867 г. Эти шхуны использовались в качестве стационаров на острове Ашур-Аде.

Самыми сильными по огневой мощи во второй половине XIX века на Каспии были паровые канонерские лодки. С 3 июня по 20 августа 1862 г. по Мариинской системе с Балтики были переведены две канонерки — «Пищаль» и «Секира». Эти лодки были построены в 1856 г. в Петербурге. Водоизмещение их составляло 180 т, паровая машина имела мощность 80 номинальных лошадиных сил^[29]. Канонерки имели на вооружение гладкоствольные орудия: одну 60-фунтовую пушку № 1 и две 24-фунтовые карронады. Однако деревянные корпуса обеих лодок оказались слишком слабыми для плавания по Каспию, и 22 марта 1869 г. их сдали в порт.

Летом 1862 г. по Мариинской системе перешла еще одна канонерская лодка — «Тюлень», построенная в 1860 г. в Гавре. Ее водоизмещение составляло 215 т, машина мощностью 40 номинальных л.с. позволяла развивать скорость 9 узлов. Вооружена канонерка была одной 60-фунтовой пушкой № 1 и двумя 4-фунтовыми нарезными пушками, заряжаемыми с дула. В 1877 г. лодка прошла капитальный ремонт в Баку и прослужила до 1892 г.

Еще две канонерки были построены на Каме в 1865—1866 гг. Они получили названия первых канонерок, сданных к порту: «Пицаль» и «Секира». В боевой состав Каспийской флотилии их ввели в 1872 г. Водоизмещение лодок составляло 328 т и 346 т соответственно, машина мощностью 70 номинальных л. с. В 1875—1877 гг. обе лодки перевели с угля на мазут. Вооружение лодок состояло из одной 6-дюймовой, двух 9-фунтовых и двух 4-фунтовых пушек обр. 1867 г. Обе лодки были сданы к порту в 1899—1900 гг.

К середине 1906 г. в составе Каспийской флотилии осталось всего три вооруженных парохода (посыльных судна) — «Астрабад», «Геок-Тепе» и «Красноводск».

Для таможенной службы на Каспии использовался крейсер пограничной стражи «Часовой». Слово «крейсер» не должно вводить нас в заблуждение: его водоизмещение равнялось всего 230 т, машина мощностью в 300 л. с. позволяла развивать скорость 11 узлов, дальность плавания составляла 1500 миль. Вооружение крейсера состояло из одной 4-фунтовой пушки обр. 1867 г. Крейсер был построен в Бьернеборге (Финляндия) в 1874—1875 гг. Затем его по Мариинской системе перевели на Каспий. Крейсер «Часовой» с небольшими перерывами до весны 1917 г. базировался на Ашур-Аде. С середины XIX века практически постоянно до октября 1917 г. один и более кораблей Каспийской флотилии базировались на Энзели. Они числились там стационарами.

Замечу, что русские торговые суда постоянно ходили в Энзели. Так, например, в 1786 г. русский купец Андрей Варваций погрузил на шхоут «Св. Анна», «следующий в Энзели, следующие товары: полосовое железо — 1000 пудов, проволоки — 5 пудов, гвоздей — 6 пудов, наперстков медных — 300 штук, железных ножей, ножниц, ложек, подносов, замков павловских — 3000 штук, муки пшеничной — 250 мешков, солоду — 29 пудов, котлов тульских — 420 штук, зеркал российских — 376 штук, бумаги русской — 200 стоп, краски — 14 пудов, мерлушек калмыцких — 47 штук, холста — 800 аршин, пестряди ярославской — 2200 аршин».

В конце XIX века в Энзели проживали многие сотни русских — от

купцов до рабочих промысловиков Лианозова и др. В чем-то Энзели напоминал Харбин.

В 1906 г. в Персии началась революция. В связи с этим в северные районы Персии были введены небольшие отряды русских войск. Еще летом 1907 г. по Мариинской водной системе с Балтики перешли на Каспий миноносцы «Пылкий» и «Пронзительный». Их появление у персидских берегов произвело фурор. П. Стрелянов писал: «В 1907 году, на Энзелийском рейде, появился русский миноносец и стал на якорь. На другой день, утром, был день тезоименитства Государыни Императрицы. Командир миноносца произвел установленный салют. При первых выстрелах Энзели опустело. Жители бросились в погреба, часть их поспешно, в лодках и пешком, направились по дороге к Решту»^[30].

В 1911 г. с кораблей Каспийской флотилии в Энзели был высажен десант русских войск. Город был занят русскими частями. Тем не менее беспредел продолжался. Министр торговли и промышленности сообщал военному министру: «9.12.1911 г. Третий день в Энзели забастовка. Пароходы не выгружаются и не нагружаются. Лавки закрыты... в Энзели стычка между русскими войсками и населением. Ранены офицер и солдаты. На Астаринских промыслах служащие и рабочие, ввиду угроз со стороны населения, фидаев будут беззащитны, находятся в большой тревоге. 12.12. 1911 г. Бойкот русских товаров продолжается. Склады забиты товарами, предназначенными в глубь Персии и в Россию. Полное разорение русской торговли».

8 декабря в Энзели толпа забросала камнями русский патруль. Солдаты отвечали огнем на поражение.

Из донесения консула: «Арестован мулла, призывающий в мечети народ к вооруженному восстанию и к изгнанию русских из Персии, организовавший убийство Энзелийского Губернатора и нападение на наш патруль».

«Во время прохождения по городу 6-й сотни Кубанского и 6-й сотни Кизляро-Гребенского полков, по казакам из домов и с крыш была открыта сильная стрельба. Из засады все персы были выбиты. "В двух домах обнаружен склад патронов и оружия. Отобрано 165 ружей разных систем, 3 ящика трехлинейных боевых патронов, 42 ящика с новыми берданочными гильзами, полученными из Вены и адресованные в Тегеран"»^[31].

В 1907—1908 гг. в Энзели и на базе в Ашур-Аде установили мощные радиостанции, обеспечивавшие связь с Баку, Астраханью и Севастополем.

В связи с революцией и развалом вооруженных сил империи

Каспийская флотилия ушла из Энзели и Ашур-Аде в Баку.

Весной 1918 г. британские войска вышли на южное побережье Каспийского моря и захватили порт Энзели, сделав его своей главной базой. Там они приступили к формированию военной флотилии. Командовал английскими морскими силами командор Норрис. Задача создания флотилии на Каспии для англичан облегчалась наличием британской военной флотилии на реке Тигр. Перевезти на Каспий канонерские лодки они, естественно, не могли, зато сняли с них морские орудия калибра 152, 120, 102, 76 и 47 мм.

Англичане захватили в Энзели несколько русских торговых судов и приступили к их вооружению. Команды поначалу были смешанные — русская вольнонаемная команда и английские расчеты орудий. Командовали всем судами английские офицеры, на второстепенные должности брали и русских морских офицеров.

История Гражданской войны выходит за рамки нашей работы, и я отсылаю читателя к моей книге «Великая речная война 1918—1920 годы» (М: Вече, 2006).

Здесь я лишь замечу, что к началу лета 1920 г. белые, интервенты и азербайджанские националисты были практически полностью изгнаны со всего побережья Каспийского моря, входившего в состав Российской империи к 1914 г. Напомню, что формально ни Ашур-Аде, ни Энзели в состав России никогда не входили.

Белогвардейцы и англичане угнали в Энзели почти весь каспийский торговый флот.

В Советской России уже давно бушевал топливный кризис. Наконец Баку был занят частями Красной армии, но из-за отсутствия наливных судов нефть в Центральную Россию доставить было невозможно.

1 мая 1920 г. командующий Морскими силами Советской России Немитц^[32] дал директиву командующему Волжско-Каспийской военной флотилией Федору Раскольникову о захвате персидского порта Энзели: «Очищение Каспия от белогвардейского флота должно быть выполнено во что бы то ни стало. Так как для достижения этой цели потребуются десант на персидской территории, то он и должен быть совершен вами. Вы известите при этом ближайшие персидские власти о том, что десант предпринят военным командованием исключительно для выполнения боевого задания, которое возникло только потому, что Персия не в состоянии разоружить белогвардейские суда в своей гавани, и что персидская территория остается для нас неприкосновенной и будет очищена немедленно по выполнении боевого задания. Это извещение

должно исходить не от центра, а только от вас»^[33].

Эта директива была согласована с Лениным и Троцким. Нарком иностранных дел Чичерин предложил хитрый ход — считать высадку в Энзели личной инициативой Раскольникова, а в случае осложнений с Англией «повесить на него всех собак», вплоть до объявления его мятежником и пиратом.

Ситуация с белой флотилией, стоявшей в Энзели, была очень сложной в правовом отношении. С одной стороны, Персия — формально независимое государство, придерживавшееся формального и фактического нейтралитета в Гражданской войне в России. Белые суда, пришедшие в Энзели, были интернированы в полном соответствии с международным правом. К примеру, точно так же были интернированы в нейтральных портах несколько русских кораблей в 1904—1905 гг., и японцы их не посмели тронуть.

Но, с другой стороны, большинство судов, ушедших в Энзели, раньше были танкерами, и они были более чем необходимы для перевозки нефти из Баку в Астрахань. Не было никакой гарантии, что белые суда в нужный момент не будут вооружены и не начнут крейсерские операции на Каспии. Замечу, что в начале апреля 1920 г. преемник Уордропа на посту Верховного британского комиссара в Закавказье Г. Люк телеграфировал в Константинополь, в штаб командования британской «Армии Черного моря» о необходимости немедленно направить в Энзели группу британских моряков. В результате из Константинополя через Тифлис были срочно направлены в Энзели 32 британских морских офицера и технические специалисты во главе с будущим первым лордом Адмиралтейства Б. Фрэзером. Они приехали в Баку в день вступления в город Красной армии, и вся группа оказалась в плену.

Наконец, согласно Туркменчайскому миру (от 10 февраля 1828 г.), Персия вообще не имела право содержать на Каспии военный флот. В начале XX века было несколько прецедентов — высадок русских десантов в Энзели. Прочитую «Военную энциклопедию» 1912 г.: «Постоянные волнения и беспорядки в Персии за последние годы заставляли очень часто наших дипломатических представителей обращаться за содействием к Каспийской флотилии; своз десанта в Энзели, в Решт, в район Астрабада и и других пунктах побережья сделался обычным явлением»^[34].

Любопытно, что в рукаве у председателя Реввоенсовета Льва Давидовича была еще одна козырная карта — Азербайджанский флот.

Не знаю у кого в Москве, то ли у Ленина, то ли у Троцкого, возникла

идея иметь на Каспии целых два флота — Волжско-Каспийскую флотилию и Красный флот Советского Азербайджана. Причем Ф.Ф. Раскольников, по-прежнему командовавший Волжско-Каспийской флотилией, становился по совместительству и командующим Азербайджанским флотом. В состав Азербайджанского флота были включены суда, находившиеся в Баку к 1 мая 1920 г. Естественно, их переименовали. 19 мая 1920 г. «Каре» и «Ардаган» стали «Лениным» и «Троцким», а 23 мая «Пушкин» стал «Советским Азербайджаном». Понятно, что «Ардаган» пробыл «Троцким» до 1 февраля 1927 г., а потом был переименован в «Красный Азербайджан».

Два флота в одном небольшом море? Да, в военно-техническом отношении это идиотизм, но в политическом — интересное «ноу-хау». Если по соображениям большой политики у персидских берегов не сможет появиться советская Волжско-Каспийская флотилия, то это сделает Азербайджанский флот, и пущай Лондон объясняется с бакинскими вождями.

14 мая 1920 г. в Баку Раскольников издает совершенно секретный приказ по флотилии: «Оставшиеся в распоряжении противника суда в настоящее время интернированы в бухте Энзели, охраняемой английскими войсками численностью до 2000 чел.

Для защиты бухты с моря на берегу, за восточной окраиной города, установлены 6-дюймовые [152-мм] батареи; вход в бухту, кроме того, охраняется плавучей батареей "Коротость", вооруженной двумя 6-дюймовыми пушками и находящейся у южной оконечности канала.

С целью не допустить возможности противнику вновь воссоздать боевую силу на море и в корне обеспечить за нами господство на Каспийском море необходимо захватить в свои руки все находящиеся в Энзели плавучие средства»^[35].

18 мая в 7 ч. 15 мин. Волжско-Каспийская флотилия была уже в 60 кабельтовых от Энзели. Здесь корабли разделились. Четыре эсминца — «Карл Либкнехт», «Деятельный», «Расторопный» и «Дельный» — повернули на запад для обстрела района Копурчаль, чтобы отвлечь внимание противника от места высадки десанта. Вспомогательный крейсер «Роза Люксембург» в охранении сторожевого катера «Дерзкий» направился к югу для обстрела района Казьяна. Транспорты в сопровождении отряда артиллерийской поддержки (вспомогательный крейсер «Австралия», канонерские лодки «Каре» и «Ардаган», тральщик «Володарский») направились к населенному пункту Кивру для высадки десанта.

В 7 ч. 19 мин. эсминцы открыли артиллерийский огонь по району Копурчаль. В 7 ч. 25 мин. вспомогательный крейсер «Роза Люксембург»

начал артобстрел Казьяна, где находился штаб английских войск. Вскоре после начала артобстрела по радио был направлен ультиматум командующему английскими войсками о сдаче порта Энзели со всеми находящимися там русскими кораблями и имуществом. (Сх. 5)

Около 8 часов крейсер «Австралия» и канонерки начали артподготовку высадки десанта вблизи Кивру, в 12 км к востоку от Энзели.

Любопытно, что один из первых 130-мм снарядов крейсера «Роза Люксембург» взорвался в помещении британского штаба. Английские офицеры выпрыгивали из окон буквально в нижнем белье. Просвещенные мореплаватели просто-напросто проспали советскую флотилию. Время в Волжско-Каспийской флотилии и у англичан различалось на 2 часа, и первые выстрелы «Карла Либкнехта» для красных прозвучали в 7 ч. 19 мин. утра, а для англичан — в 5 ч. 19 мин. (по второму поясному времени). Кто ж встает в 5 часов утра? Порядочные джентльмены должны еще спать.

Вслед за артобстрелом красные высадили десант.

В 8 ч. 55 мин. к большевикам был послан парламентар — лейтенант Крислей на белогвардейском торпедном катере английского производства. Но на крейсере «Австралия» не заметили белого флага и, решив, что это — торпедная атака^[36], артогнем заставили катер повернуть назад.

Примерно в 10 часов утра из-за Энзелийского мола выскочил еще один катер. На нем был большой белый флаг. Первым его заметил штурман Арвид Буш и с трудом удержал комендоров эсминца «Деятельный» от открытия огня. Надо ли говорить, что у англичан не положено было по штату иметь белый флаг. Что же они использовали в качестве его — до сих пор не ясно. Очевидцы кардинально расходятся во мнениях. Командир канонерки «Ленин» К.И. Самойлов утверждал, что катер парламентаря имел впереди вместо флага прикрепленный белый китель. Б.П. Гаврилов, бывший главарт и один из флагманов флотилии, в своих воспоминаниях пишет: «...из гавани выскочил быстроходный катер с громадным белым флагом размером с простыню...» В.А. Снежинский в 1950-х годах утверждал, что «...на носовом флагштоке катера развевались дамские панталоны...»

Так или иначе, но капитан пехоты Джон Крачлей явился на переговоры, и на несколько часов было заключено перемирие. Однако в 12 ч. 40 мин. красные суда вновь ненадолго открыли огонь. К вечеру был подписан окончательный вариант перемирия.

Персидский губернатор Энзели на грязном буксирчике подошел к «Карлу Либкнехту» и поднялся на его борт. От имени персидского правительства он приветствовал Красный флот. На улицах Энзели

постепенно стали появляться красные флаги.

В результате занятия Энзели были захвачены большие трофеи: крейсера «Президент Крюгер», «Америка», «Европа», «Африка», «Дмитрий Донской», «Азия», «Слава», «Милютин», «Опыт» и «Меркурий», плавбаза торпедных катеров «Орленок», авиатранспорт «Волга» с четырьмя гидропланами, четыре английских торпедных катера, десять транспортов, свыше 50 орудий, 20 тысяч снарядов, свыше 20 радиостанций, 160 тысяч пудов хлопка, 25 тысяч пудов рельсов, до 8 тысяч пудов меди и другое имущество^[37].

Захваченные в Энзели суда постепенно стали переводить в Баку. Из сводки штаба Волжско-Каспийской флотилии от 23 мая 1920 г.: «Прибыл в Баку из захваченных в Энзели транспортов противника "Талмуд" с 60 000 пудов керосина; отправлены из Энзели в Баку (из захваченных) транспорты: "Ага Мелик" с 15 000 пудов ваты, "Волга" с двумя гидропланами на борту и "Армения" с 21 000 пудов хлопка».

Весьма любопытна реакция советского правительства на взятие Энзели. 23 мая 1920 г. газета «Правда» писала: «Каспийское море — советское море». И в тот же день Наркомат иностранных дел отправил в Тегеран ноту, где утверждалось, что Энзелийская операция была предпринята по инициативе военного командования «без распоряжения» центральной власти, и что «о совершившихся в Энзели фактах Российское советское правительство было поставлено в известность лишь после того, как означенная операция была доведена до конца»^[38].

Захват Энзели вызвал большой шум в британской прессе. Так, 27 мая 1920 г. газета «Тайме» сообщала: «Страна открыта большевизму, весь английский престиж теперь поставлен на карту, захват персидского порта Энзели является громадной угрозой, которая может заронить искру в легко воспламеняющийся материал, рассеянный по всему Среднему Востоку».

Однако британское правительство не рискнуло вступить в вооруженный конфликт с Советской Россией.

В течение нескольких месяцев части Красной армии занимали северные провинции Персии, а корабли Каспийской флотилии базировались на Энзели.

По целому ряду внешних и внутренних политических причин советское правительство было вынуждено 26 февраля 1921 г. заключить договор с Персией, предусматривавший эвакуацию из Персии как войск, так и военно-морских баз. В частности, в договоре говорилось: «Российское Советское Правительство заявляет о своем отказе от участия в

каких бы то ни было мероприятиях, клонящихся к ослаблению и нарушению суверенитета Персии, и объявляет отмененными и потерявшими всяческую силу все конвенции и соглашения, заключенные бывшим Правительством России с третьими державами во вред Персии и относительно ее...

Не желая пользоваться плодами захватной политики бывшего Царского Правительства России, отказывается от пользования островами Ашур Ада и другими островами, расположенными у побережья Астрабадской провинции Персии, возвращая вместе с тем Персии местечко Фирузе и окружающие его земли, уступленные Персией России по Соглашению 28 мая 1893 года... г) все выстроенные бывшим Царским Правительством в пределах Персии телеграфные и телефонные линии со всем имуществом, зданиями и инвентарем; д) порт Энзели с товарными складами, электрической станцией и другими постройками».

Следует заметить, что, несмотря на заявления советского правительства о добровольном отказе от всех привилегий царской России в Персии, Чичерин и Карахан в ходе переговоров в Москве упорно добивались сохранения за РСФСР на севере Персии нефтяной и рыбной концессий. До 1917 г. они принадлежали частному русскому капиталу.

Удалось сохранить только рыболовную концессию, и на ее базе в 1927 г. возникло совместное производственно-коммерческое объединение «Иранрыба», национализированное иранским правительством в 1953 г.

Итак, к концу 1921 г. части Красной армии были полностью выведены из Персии. Тем не менее в Энзели в 1921—1925 гг. под видом стационаров постоянно дислоцировались эсминцы и канонерские лодки.

К примеру, в Энзели находились:

в сентябре—октябре 1922 г. — эсминцы «Дельный» и «Деятельный»;

в январе—мае 1923 г. — эсминец «Карл Либкнехт» («Финн»);

в январе—марте 1923 г. — эсминец «Яков Свердлов» («Эмир Бухарский»);

в 1921—1924 гг. — канонерская лодка «Троцкий» («Ардаган»);

в 1922—1924 гг. — канонерская лодка «Ленин» («Каре»);

в 1922—1923 гг. — эсминец «Альтфатер» («Туркменец Ставропольский»).

В 1925 г. в Персии была низложена династия Каджаров. А 15 апреля 1926 г. произошла коронация полковника Реза-хана, который принял фамилию Пехлеви и, соответственно, стал основателем династии Пехлеви. В честь него город Энзели в 1925 г. был переименован в Пехлеви, а старое название возвратили ему в 1980 г. Новый шах не ограничился

переименованием городов, и в 1935 г. изменил название страны. Теперь Персия стала называться Ираном. Иран означает — страна Ариев.

Формально иранские суда теперь могли плавать по всему Каспию, но фактически пограничные суда НКВД лишь несколько отошли от персидских берегов за линию их тервод.

В ноябре 1934 г. НКВД направил в Наркомат иностранных дел письмо, в котором предлагал считать за государственную границу на Каспийском море линию, идущую по прямой от селения Гасан-Кули на восточном берегу до селения Астарачай на западном берегу. Однако предложение это не нашло поддержки, и в ответном письме от 25 декабря того же года министр иностранных дел высказал мнение, что можно в порядке внутренней и не подлежащей распространению инструкции рассматривать упомянутую линию как отделяющую советские воды от персидских.

В результате 9 января 1935 г. НКВД издал приказ, предписывавший при организации службы судов погранохраны на Каспии исходить из того, что северная его часть, ограниченная с юга линией, соединяющей пункты выхода на побережье сухопутной границы в районе селений Астара и Гасан-Кули, является советской.

Прогерманские симпатии шаха Реза Пехлеви и активность немецкой агентуры в Иране привели к совместной оккупации страны английскими и советскими войсками.

22 августа 1941 г. пароходства «Каспфлот» и «Касптанкер» получили приказание собрать в Бакинском порту отряд судов, вооруженных зенитными орудиями и пулеметами и подготовленных к перевозке войск. Среди них были пассажирский теплоход-экспресс «Дагестан», сухогрузные суда «Куйбышев», «Осетин», «Баксовет», «Спартак», танкер «Коминтерн». Утром 24 августа началась погрузка личного состава и техники 105-го горнострелкового полка и 563-го артиллерийского дивизиона, а также походного госпиталя. Операцию возглавлял командующий флотилией контр-адмирал Ф.С. Седельников.

На рассвете 25 августа суда с десантом вышли в море. Их конвоировали канонерские лодки и катера. У острова Куринский камень (устье реки Куры) капитаны вскрыли пакеты, где указывались пункты назначения каждого судна. В районе Астары было высажено 2500 десантников.

В порту Пехлеви нашими войсками был захвачен весь иранский «флот» — яхта шаха и три сторожевых катера. Следует заметить, что катера «Дехноу», «Махсус» и «Шахсевар» оказались в хорошем состоянии — их построили в 1935 г. Катера были перевооружены советскими орудиями

(они получили по одной 45-мм пушке 21К и по одному 12,7-мм пулемету ДШК) и включены в состав Каспийской флотилии под названиями СКА № 200, СКА №201 и СКА №202.

12 сентября 1941 г. посол Великобритании в Москве Крипе предложил Молотову заменить шаха в Иране. Поздно вечером того же дня Молотов доложил о разговоре с послом Сталину. Генсек согласился с британской кандидатурой — Мухаммадом Реза.

16 сентября 1941 г. Реза Пехлеви отрекся от престола в пользу своего сына Мухаммад Резы, ставшего новым шахом Ирана. Через 11 дней бывший шах покинул Иран.

Итак, с августа 1941 г. все иранское побережье Каспия перешло под контроль СССР.

Оккупация Ирана представляла для США и Англии еще один путь в СССР, причем наиболее безопасный от воздействия вооруженных сил Германии и Японии. 19 сентября 1941 г. Черчилль писал Сталину: «Я придаю большое значение вопросу об открытии сквозного пути от Персидского залива до Каспия не только по железной дороге, но и по автомобильной магистрали, к постройке которой мы надеемся привлечь американцев с их энергией и организационными способностями».

Первые корабли с грузом для СССР вышли из американского порта в ноябре 1941 г.

Из Ирана грузы ленд-лиза шли или сухопутным путем через Джульфу в Азербайджанскую ССР, или морем.

Поставки вооружения и стратегических материалов от союзников через Иран еще более осложнили работу морского транспорта на Каспии. В конце октября 1941 г. из портов Ирана начали поступать первые импортные грузы — каучук, медь, свинец, химикаты, джут, которые нужно было срочно доставить в Красноводск и Баку.

Поскольку судов катастрофически не хватало, ГКО разрешил «Каспфлоту» фрахтовать в Иране лодки-«туркменки», каждая из которых могла перевезти до 70 т грузов. И вот в конце октября 1941 г. в Красноводск и Баку прибыла целая флотилия этих «туркменок».

Грузовые работы в иранских портах велись исключительно силами судовых команд и советских воинских частей.

Еще в сентябре 1941 г. советское правительство поручило Наркомморфлоту обеспечить прием портовыми сооружениями в Иране сухогрузных судов «Каспфлота» для переработки импортно-экспортных грузов. При обследовании выяснилось, что в порту Бендер-Шах необходимо заново прорыть морской канал длиной 13 км. Определились

также характер и объем работ в портах Ноушехр и Пехлеви. Основное внимание было уделено реконструкции порта Бендер-Шах, куда в конце ноября поступили четыре землесоса.

К концу 1941 г. дноуглубительные и строительные работы в иранских портах еще не были закончены. К 25 декабря в канале порта Бендер-Шах землеснаряды «Ленкорань» и «Бабушкин» прошли только 400 м, а строительные работы и вовсе не начинались. Строительство канала находилось под угрозой срыва. Это объяснялось в первую очередь тем, что в Наркомморфлоте не было конкретно определено управление, ответственное за выполнение правительственного задания. «Союзднотрест» и «Цуморстрой» остались в стороне. Посланный Наркомморфлотом в Иран специальный уполномоченный по дноуглубительным работам начальник «Касптехфлота» Калишер плохо организовал работы. В декабре землесосы «Ленкорань» и «Бабушкин» простояли по 15 дней из-за отсутствия воды и топлива.

1 января 1942 г. Совнарком СССР выдал Наркомморфлоту новое распоряжение о строительстве в иранских портах, в котором указывалось, что во всех иранских портах глубины должны быть доведены до 14 футов. Завершить дноуглубительные работы предусматривалось по порту Бендер-Шах к 15 апреля 1942 г. До 15 мая 1942 г. предлагалось реконструировать старые причалы, построить новый деревянный пирс, способный одновременно принимать два крупнотоннажных судна. На пирсе и причалах предстояло проложить подъездные и подкрановые железнодорожные пути. К 1 марта необходимо было привести в порядок пристанское и складское хозяйство. В Ноушехре дноуглубительные работы следовало закончить к 1 февраля 1942 г. К этому же сроку нужно было подготовить причалы для одновременного приема двух судов.

По мере возрастания грузопотока реконструкция иранских портов принимала более организованный характер, чему способствовало создание специального «Строительного управления на юге Каспия». Общие затраты по строительству к весне 1942 г. составили 11 млн. рублей.

Особенно сложными были подготовительные работы к погрузке в Бендер-Шахе средних танков. В конце июня 1942 г. здесь началось строительство специального пирса. Но ждать было некогда, и 28-тонные танки начали перегружать с железнодорожных платформ на суда с помощью плавучего крана. Это занимало много времени, и кран в конце концов был выведен из строя.

Тогда помощник капитана шаланды № 29 Я.Г. Сорокин предложил грузить танки следующим образом. Поставив шаланду к пирсу и закрепив

ее наглухо, от железнодорожной платформы через фальшборт выкладывали клетку из шпал, на которую укладывались 8 рельсов, а поверх рельсов — настил из шпал, скрепленных скобами. Палубу шаланды также покрывали шпалами. По этому спуску танки шли своим ходом до назначенного места на шаланде и вставали плотно друг к другу. Шаланда № 29 за 2,5 часа приняла 34 танка и через двое суток выгрузила их в Баку.

Для прямых поставок по ленд-лизу танков и артиллерийских орудий в Бакинском порту была построена специальная платформа, с которой техника непосредственно грузилась в вагоны и на открытые железнодорожные платформы.

Тоннажа не хватало. Пусть после сказанного кто-нибудь попрекнет моряков Волжско-Каспийской флотилии, вернувших флот законному владельцу и не давших ему сгнить в Энзели. Инженеры «Каспфлота» изыскивали все новые возможности увеличения провозоспособности судов. Так, в начале войны крупнотоннажные шаланды брали танки только на палубу, а зимой 1941/1942 г. люки шаланд были расширены, и танки стали грузить в трюмы — по настилам машины своим ходом шли к переборкам. Стволы танковых пушек мешали полностью использовать трюмные помещения. Тогда моряки прорубили окна в цепные ящики, ввели в них стволы танковых пушек, и танки встали вплотную к переборкам. Теперь каждая шаланда могла брать в один рейс 59 танков.

Перевозились танки и в трюмах теплоходов «Казахстан», «Микоян», «Баксовет», которые имели большие люки.

Решением ГКО от 16 июня 1943 г. Наркомморфлоту было предложено к сентябрю 1943 г. значительно увеличить переработку грузов через иранские порты. Для выполнения этого задания требовалось расширение портов и их механизация. В Иран выехал замнаркома морского флота Ф.А. Матюшев с бригадой инженеров. Они осмотрели порты Пехлеви, Бендер-Шах и Ноушехр и установили объем работ, составив по ним смету. Общая стоимость работ составила 8331 тыс. реалов.

Расширением и механизацией иранских портов занялось специально созданное строительное управление Наркомморфлота, и все работы были выполнены в срок.

Теперь выросшее хозяйство и грузооборот порта Бендер-Шах потребовали обеспечения порта квалифицированными кадрами и хорошей внутренней организации работ. Поэтому решением Совнаркома Наркомморфлот создал 12 ноября 1943 г. Управление морского порта в Бендер-Шахе, подчиненное «Каспфлоту».

К марту 1944 г. в Бендер-Шахе были построены здание управления

порта, радиостанция, столовая, четыре жилых дома, четыре общежития, амбулатория, баня и магазин, на что было затрачено 14 458 тыс. реалов. Благодаря всем этим мерам порт Бендер-Шах к декабрю 1943 г. увеличил суточную погрузку.

В ночь с 29 на 30 января 1944. порт Бендер-Шах, хранивший на своих складах более 100 тыс. т грузов, чуть не стал жертвой катастрофы. В трюме стоявшей у причала баржи-гаража № 2044 с грузом высокооктанового бензина произошло несколько взрывов, вызвавших пожар. Применение всех противопожарных средств, которыми располагал порт, не дало результатов. Тогда баржу отвели на рейд, где она горела трое суток. Выгорели все надстройки и палуба. Позже комиссия «Каспфлота» установила, что виновником пожара был иранский грузчик, закуливший в трюме, наполненном парами бензина.

Другие иранские порты находились в ведении «Ирансовтранс», там «Каспфлот» имел лишь своих морских агентов по обслуживанию флота.

В 1944 г. порты увеличили переработку грузов и стали работать лучше, чем в 1943 г. За 10 месяцев 1944 г. было вывезено почти столько же грузов, сколько за 1942 и 1943 годы вместе взятые.

После освобождения Крыма в апреле—мае 1944 г., а особенно после выхода Румынии из войны осенью 1944 г., появилась возможность доставлять грузы в СССР через Черное море — куда более коротким путем. Соответственно, поставки через Иран прекратились в ноябре—декабре 1944 г.

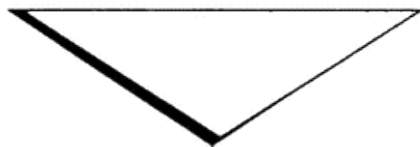
Тем не менее Красная армия по-прежнему оставалась в Северном Иране, а корабли Каспийской флотилии постоянно дислоцировались в Энзели и на острове Ашур-Аде.

Лишь 24 марта 1946 г. правительство СССР заявило о выводе своих войск из Ирана в течение шести недель. Кстати, наши части еще в сентябре 1945 г. были выведены из районов, близких к Тегерану, а 2—26 февраля 1946 г. — с южного побережья Каспийского моря и районов, сопредельных с туркменской границей. И, наконец, 9 мая 1946 г. был завершён вывод войск из иранского Азербайджана.

Как видим, военное присутствие наших морских сил в южных портах Ирана было органически необходимо Российской империи и СССР. Самые разные персонажи нашей истории — Стенька Разин, Петр Великий, Потемкин, Николай II и Сталин — стремились создать военно-морские базы в одной и той же точке Астрабадского залива.

75 лет, с 1842-го по осень 1917 г., корабли Каспийской флотилии постоянно базировались на станцию Ашур-Аде и в порт Энзели. Ну а в

советское время наши корабли находились там в 1920—1921 и 1941—1946 гг.

Глава 5.

АРХИПЕЛАЖНАЯ ГУБЕРНИЯ

Жила-была русская губерния. Маршировали по ней солдаты, строились казармы, «присутственные места», имелось даже собственное Адмиралтейство. Тысячи подданных в православных храмах возносили молитвы о здравии государыни императрицы Екатерины. Всё как и положено, но губерния сия была в... Средиземном море. Боюсь, что на лицах остепененных историков появится гримаса — опять эти фантазии журналистов?

Тем не менее все это — подлинная, но давно забытая история. 26—27 июня 1770 г. русская эскадра под командованием графа Алексея Орлова сожгла турецкий флот в Чесменской бухте. Погибло 14 кораблей, 6 фрегатов и до 50 малых судов. Трофеями русских стали 60-пушечный корабль «Родос» и 5 больших галер. Русский флот стал хозяином Эгейского моря. В Петербурге Екатерина II приказала в честь победы отчеканить медаль, на которой был изображен горящий турецкий флот с лаконичной надписью: «Был». А в Царском Селе на пруду возвели Чесменскую колонну. Все вышесказанное описано во всех учебниках истории, а к колонне и поныне водят экскурсантов.

А вот что было дальше с эскадрой Орлова — и школьные, и даже вузовские учебники истории умалчивают. Далее историки описывают блестящие победы Румянцева и Суворова, восстание Пугачева и т.д. А между тем русский флот ушел из Средиземного моря лишь в начале 1775 г. А что он там делал пять (!) лет? Ловил княжну Тараканову?

Екатерина II после Чесмы направила на Средиземное море еще три эскадры, всего в Архипелаге^[39] имелось только кораблей (тогда термин «линейный корабль» не употреблялся) — аж девятнадцать!

Вообще говоря, сама отправка русских эскадр на Средиземное море была гениальным стратегическим замыслом великой императрицы и ее советников, которых позже назовут «екатерининскими орлами». Ведь до этого ни один русский военный корабль не выходил даже в Атлантику, если не считать перевода «новопостроенных» кораблей из Архангельска в Кронштадт.

Все победы русского флота меркнут перед Чесмой, и не только по числу потопленных вражеских судов, но и из-за того, что битва была

выиграна за многие тысячи миль от своих баз. В прежних и последующих сражениях на Балтике и Черном море русские эскадры выходили в море на неделю, от силы на три, давали сражение в 100 милях от базы, а то и в виду собственного берега, и шли домой. В базе выгружались раненые и больные, корабль вставал в ремонт. И лишь через несколько недель или даже месяцев эскадра пополнялась новыми моряками взамен выбывших и, приняв на борт боезапас и провиант, вновь выходила в море.

А тут граф Орлов оказался один в чужом море. Транспортные суда, пришедшие из Кронштадта за 5 лет, можно пересчитать по пальцам. Все побережье Средиземного моря от Далмации до Дарданелл и от Дарданелл до Туниса было турецким. Франция и Испания враждебно относились к русским и не допускали их в свои порты. Правда, мальтийские рыцари и итальянские государства готовы были оказать гостеприимство, но только за очень хорошие деньги. Эскадра Орлова должна была погибнуть менее чем за месяц, как Великая армия Наполеона в России.

По первоначальному плану Екатерины предполагалось высадить небольшие десанты на территории материковой Греции, а затем «сыны Эллады» должны были поднять восстание, выгнать турок и предоставить свои порты русским. Но турки сосредоточили в Греции большие силы, а вожди повстанцев не ладили между собой и так и не сумели создать регулярное войско. В итоге русским десантникам пришлось убраться на корабли.

После Чесмы Екатерина II всячески понуждала графа с боем прорваться через Дарданеллы и бомбардировать с моря Стамбул. Укрепления турок в проливе тогда были очень слабы, и технически задача была легко выполнима. Но Алексей Орлов испугался. 24-летний сержант Преображенского полка не побоялся составить заговор против законного императора в пользу немки, не имевшей никаких прав на престол, а позже в Ропше лично устроить Петру III «геморроидальные колики». Но после Чесмы граф находился в зените славы. Раньше нищий гвардеец рисковал только головой, а при удаче приобретал всё. Сейчас он мог потерять всё, а в случае удачи не получить ничего. Орлов уже имел всё, что мог иметь подданный ее величества.

С вероятностью 95% русская эскадра прорвалась бы через Дарданеллы. А что дальше? Хорошо, если Мустафа III, увидев русский флот под окнами дворца, запросит мира. А если нет? Высаживать десант? Нет войск. Сжечь Стамбул можно, но зачем? Султан обозлится и будет продолжать войну, а Екатерина потеряет в Европе имидж мудрой и просвещенной государыни, который она с таким трудом создавала много

лет. А уходить из Дарданелл обратно русской эскадре будет куда сложнее.

Флоту срочно нужна была база. 12 июля 1770 г. кордебаталия, то есть передовой отряд русских кораблей под командой графа Алексея Орлова в составе кораблей «Три Иерарха» и «Ростислав», пакетбота «Почталион», бомбардирского корабля «Гром» и фрегатов «Победа», «Слава» и «Парос» подошел к острову Лемнос. Местом базирования был выбран залив Мондрос (Мудро). Собственно, его и выбирать было нечего. Об удобствах этой огромной естественной гавани указано в карте начала XVI века турецкого адмирала Пири Рейса, а также в описании П.А. Толстого (1709 г.).

Остров Лемнос расположен примерно в 56 км от входа в Дарданелльский пролив, то есть представлял собой идеальное место для базирования кораблей, блокировавших Проливы.

Проблемой была небольшая турецкая крепость Литоди в бухте Пелари на западной стороне Лемноса.

20 июля русские осадили Литоди. 22 июля началась бомбардировка крепости. Бомбардирский корабль «Гром» «напротив неприятельской крепости лег на якорь и стал бомбардировать». «Грому» оказывали огневую поддержку 66-пушечные корабли, стоявшие на шпрингах в бухте бортами к крепостному валу. Русские высадили на берег десантные роты «морских солдат» (148 человек), а также 650 албанцев и 1200 «славон».

С кораблей свезли несколько пушек и единорогов, из которых устроили 4 осадные батареи. Однако двухдневная бомбардировка не привела к капитуляции крепости, и вечером 24 июля Орлов приказал прекратить огонь.

Между тем контр-адмирал Эльфинстон с эскадрой, преследуя турецкие суда, 14 июля вошел в пролив, стал на якорь посреди него и демонстративно под огнем батарей с обоих берегов приказал играть музыкантам и бить в литавры и барабаны. Сам же адмирал сел с офицерами пить чай на палубе. При этом русские корабли не отвечали туркам ни единым выстрелом. В Константинополе эта демонстрация произвела удручающее впечатление. Зато Орлов пришел в ярость и вместо приказа о штурме Дарданелл написал Екатерине донос на Эльфинстона.

В результате Эльфинстону пришлось ограничиться блокадой Дарданелл: кораблем «Не тронь меня» — между Имбро и Румелией; кораблем «Саратов» и фрегатом «Африка» — между Тенедосом и Анатолией; кораблем «Святослав» и фрегатом «Надежда» — между Имбро и Тенедосом.

Блокада пролива была достаточно эффективна. 19 августа фрегат

«Африка» отконвоировал к Лемносу целую флотилию захваченных торговых судов. 29 августа «Африка» вернулась к Дарданеллам.

Графу Орлову пришла в голову дурацкая мысль вызвать к себе «на ковер» Эльфинстона, как будто нельзя было письменно снестись с адмиралом, занятым блокадой Дарданелл. А тот был тоже непрост, и 5 сентября отправился к командующему не на легком судне, которых у него хватало (ехать-то было всего 50 миль по спокойному теплему морю), а на самом сильном корабле «Святослав».

Утром 6 сентября «Святослав» сел на камни у юго-восточной оконечности Лемноса. На корабле открылась сильная течь. Эльфинстон приказал срубить все мачты и выбросить часть тяжестей за борт, но это не помогло снять «Святослав» с камней. На следующий день на помощь флагману подошли суда его эскадры: корабль «Не тронь меня», фрегат «Надежда» и пинк «Святой Павел». 9 сентября Эльфинстон перенес свой флаг на корабль «Не тронь меня», туда же начали свозить и команду «Святослава».

По приказу Орлова к «Святославу» стянулась чуть ли не треть русской Архипелагской эскадры. Так, 12 сентября к «Святославу» подошли шесть греческих корсарских судов. 12—13 сентября от Дарданелл ушли последние остатки эскадры Эльфинстона — фрегат «Африка» и корабль «Саратов».

Теперь блокада Дарданелл была полностью снята. Этим не преминули воспользоваться турки. Алжирский адмирал Хасан набрал из религиозных фанатиков Стамбула 4 тысячи головорезов, вооруженных лишь саблями и пистолетами. Их посадили в гребные суда и скрытно высадили на Лемносе. Воинство Хасана незаметно подошло к позициям русских, осаждавших Пелари, и устроило резню. 26 сентября остатки русских войск были эвакуированы на суда. А на следующий день по приказу Орлова был сожжен стоявший на камнях «Святослав». Понятно, что в иной ситуации корабль можно было спасти. Алжирца же Хасана султан наградил чином капудан-паши.

Непосредственным виновником аварии «Святослава» был английский лоцман Гордон. Но Орлов со Спиридовым пожелали все свалить на Эльфинстона. Кроме того, Эльфинстона обвинили в том, что он-де ослабил блокаду Дарданелл, благодаря чему «турки успели перевезти на Лемнос значительные силы, заставившие Орлова прекратить осаду крепости и удалиться с Лемноса».

По приказу Орлова Эльфинстон был с первой же оказией отправлен в Россию, а корабли его эскадры включены в состав эскадры (отряда)

Спиридова.

Ряд наших военно-морских теоретиков рассматривают попытку захвата Лемноса лишь как возможность получить базу для флота для «ближней блокады» Дарданелл. По моему же мнению, захват Лемноса был частью плана по прорыву русской эскадры в Дарданеллы. Те же теоретики считают, что при «ближней блокаде» Дарданелл, осуществленной кораблями, базировавшимися на Лемносе, можно было полностью парализовать снабжение Константинополя морским путем, заставить турок заключить мир и т.д. На мой же взгляд, создание военно-морской базы русского флота на острове Лемнос было бы опасно для русских. Остров довольно большой — 480 кв. км, наряду с греками там проживало и турецкое население, хотя преобладало греческое. До проливов было около 60 верст, но до ближайшего острова Имбро — всего 20. Турки могли в ночное время или при безветрии на гребных судах высадить большой десант на Лемнос, и русским пришлось бы плохо. Для ближней блокады Дарданелл нужен был сильный русский гарнизон не только на Лемносе, но и на ближайших островах — Имбро, Самотраки и других. А достаточных сухопутных сил, как уже говорилось, у Орлова не было.

Итак, попытка прорыва русского флота в Проливы провалилась. Надвигалась зима — холода и шторма. О захвате какого-либо порта на материковой Греции нечего было даже и думать. Оставалось захватить какой-нибудь остров.

Кто предложил выбрать остров Парос главной базой русского флота — неизвестно.

Во всяком случае, стратегически он выбран удачно. Парос принадлежит к Кикладским островам (южная часть Эгейского моря) и находится в центре их. Таким образом, владея Паросом, можно легко контролировать Эгейское море и подступы к проливу Дарданеллы, до которого около 350 км. До ближайшей точки полуострова Малая Азия от Пароса 170 км, и туркам высадить десант с материка на остров невозможно, не обеспечив себе господства на море. (Сх. 6)

15 октября 1770 г. эскадра графа Алексея Орлова в составе кораблей «Три Иерарха», «Ростислав», «Родос», бомбардирского корабля «Гром», фрегатов «Слава», «Победа» и «Святой Павел» прибыла к острову Парос.

24 ноября к Парусу пришли фрегат «Надежда Благополучия» и пинк «Сатурн». К 4 декабря там собрались почти все суда Архипелагской эскадры.

В течение нескольких месяцев конца 1770 г. и начала 1771 г. 27 населенных островов Эгейского моря были заняты русскими или

добровольно перешли на их сторону, причем население островов обращалось к командованию эскадры с просьбой принять их в подданство Екатерины II. Фактически в Эгейском море вокруг Пароса образовалась губерния Российской империи.

Несколько слов стоит сказать о самом Паросе. В различные периоды истории его называли Пактия, Миноксо и Ирия. Площадь острова составляет 196 кв. км, длина побережья около 60 км, а максимальная длина острова около 25 км. Для сравнения, площадь Мальты 220 кв. км. На острове преобладают каменные породы, известняки, много мрамора, за что греки называли Парос Белым островом.

Парос имеет две большие бухты, удобные для стоянки кораблей. На северном берегу расположена бухта Ауза (Наусса). Ширина входа в нее 800 саженей (1707 м), длина бухты 2700 саженей (5762 м). На юго-восточной стороне острова три небольших островка образуют с Паросом большой рейд Порто-Трио. Интересно, что вода, пригодная для питья, была обнаружена русскими именно у этих двух бухт. В прочих местах острова вода «нечиста и нездорова». В Аузе русские сделали водохранилище и провели водопровод.

На Кикладских островах и в том числе на Паросе постоянные поселения были уже в третьем тысячелетии до нашей эры. В истории есть даже термин «Кикладские идолы», то есть статуэтки XXIV—XV веков до н.э. Именно на Паросе критский царь Минос приносил жертвы харитам. В античные времена Парос был известен как родина Архилоха (VII в. до н.э.), основоположника ямбической поэзии.

В XIV—XVII веках Парос несколько раз переходил от византийцев к венецианцам и туркам. На юге острова до сих пор существуют остатки венецианской крепости Сунгон, разрушенной турками в XVII веке.

Подобно ряду других островов Архипелага, в XVII веке и в начале XVIII века Парос был пристанищем пиратов. Уже упомянутый Роберте писал, что только пираты знали секрет входа в бухту, прегражденную большим подводным рифом и старой затопленной насыпью. Между двумя соседними островами — Парос и Антипарос — пираты умудрились построить подводную стену с несколькими узкими проходами, также державшимися ими в строжайшей тайне.

К моменту захвата русскими на Паросе проживало 5 тысяч человек, в подавляющем большинстве православных греков. Они занимались хлебопашеством, виноградарством и овцеводством. Население острова влачило нищенское существование.

Турецких властей на острове не было, и греки радостно

приветствовали наши корабли. Русские моряки использовали обе бухты острова — Аузу и Трио, где были оборудованы стоянки кораблей. Но столицей «губернии» стал город Ауза, построенный русскими на левом берегу одноименной бухты.

Первым делом бухта была укреплена, на ее левом берегу построили два редута с каменными брустверами на девять и восемь 30- и 24-фунтовых пушек. На островке у входа в бухту расположили 10-орудийную батарею. Соответственно, была укреплена и бухта Трио.

На левом берегу бухты Ауза возвели здание Адмиралтейства. Да, да! Российского Адмиралтейства! Балтийский флот имел Адмиралтейство в Петербурге, на Черном море Адмиралтейства вообще не было, как не было и флота, а вот на Средиземном море возникло Адмиралтейство для нашего Архипелагского флота. В Аузу из Петербурга были выписаны десятки корабельных мастеров, включая знаменитого А.С. Касатонova, который позже стал главным инспектором кораблестроения. 3 июля 1772 г. адмирал Спиридов выдал Касатонову премию 50 червонцев с объявлением в приказе.

Корабли в Аузе не строили, да и в этом нужды не было, но ремонтировали корабли всех рангов. Зато строили в большом числе малые парусные и разнообразные гребные суда.

Адмиралтейство было видно в море издалека благодаря высокой сигнальной мачте. Рядом с Адмиралтейством выстроились многочисленные флотские магазины (склады), а подальше располагались пороховые склады. Ну и как у нас в России, первыми строились особняки из мрамора для местного начальства — контр-адмирала Борисова, бригадира Ганнибала и др.

Аузу заполнили различные административные здания, пекарни, прядильни, казармы матросов. Замечу, что сухопутные войска по каким-то объективным, а скорее субъективным соображениям дислоцировались вне города. Так, казармы Шлиссельбургского пехотного полка располагались на правом берегу бухты Ауза. Чуть дальше находились лагеря греков, славян и албанцев. В глубине острова располагался лагерь лейб-гвардии Преображенского полка.

13 ноября 1770 г. граф Орлов на корабле «Три Иерарха» отправился в Ливорно «на лечение». Командовать эскадрой он оставил адмирала Г.А. Спиридова. 4 марта 1771 г. Орлов оказался в Петербурге и лишь в июне 1771 г. вернулся в Архипелаг.

В отсутствие Орлова, а также после его возвращения «губерния» управлялась следующим образом. Во главе ее стоял командующий флотом.

Ему напрямую подчинялись:

- «капитан над портом»;
- Экспедиция, в составе которой были интендантская, комиссариатская, артиллерийская и казначейская части;
- Военно-морская комиссия (флотские судебные дела);
- Адмиралтейская комиссия призово-военного суда;
- Греческая канцелярия. Именно она управляла греческим населением: собирала налоги, улаживала церковные споры, вела уголовные и гражданские дела.

12 января 1771 г. адмирал Спиридов написал свое «Первое объявление приматам четырнадцати островов». Судя по тексту, адмирал вызвал к себе по одному представителю от каждого из 14 островов, зачитал им «объявление» и вручил текст, чтобы те над ним подумали. В «объявлении» Спиридов пытался объяснить ограниченные возможности русских в борьбе с турками: «Вы, греки, должны и сами иметь простое понятие о том, что кораблями действие всегда бывает с моря, что корабли по берегам не ездят, а производятся внутри берегов дела людьми». Правда, писал далее Спиридов, не все островные греки могут «вдруг от агарян освободиться», поскольку на многих островах «есть турецкие крепости и города, и

в них живут военные турки. Надобно мне будет врученном мне флоту с помощью других греков нашими регулярными войсками с тех островов турок согнать, ежели греки сами того похотят, и будут чинить нам пристойные вспоможения».

Короче, сами освобождайтесь, а мы немного пособим.

Спиридов требовал от населения островов «нимало не боясь турок, ныне публично отказаться от рабства и подданства турецкого, и турок на острова свои не пускать. И при всяком случае неприятелей и злодеев, егда бы на острова приехали, ловить грабить и убить до смерти».

Через неделю Спиридов потребовал у аузских греков ведомости с указанием размеров налогов, какие жители Пароса платили капудан-паше и другим представителям турецких властей. Ознакомившись с бумагами, Спиридов выяснил, что последний раз греки платили налоги в 1770 г.

28 января 1771 г. Спиридов официально объявил «господам приматам и всем обывателям острова Парос» об установлении десятины. Собирать натуральные налоги должны были три депутата с помощниками, избираемые самими греками. В обращении к ним говорилось: «Сих выбранных вами депутатов вы должны почитать, и быть им послушными во всех случаях. Без их ведома не должны вы отлучаться с острова вашего».

13 февраля 1771 г. на обращение адмирала Спиридова от 12 января в

Аузу пришел ответ. Три греческих архиепископа и один иеромонах во главе с митрополитом Наксийским Анфимом от своего имени и от имени паствы обратились к нему с просьбой «всех греческого исповедания православных христиан» препоручить «в покровительное защищение крыл Ея Величества». А 14 февраля к Спиридову обратились «богомольцы» пяти островов с просьбой о защите их епархий «от безбожных агарян».

К концу февраля 1771 г. в подданстве России состояло уже 18 греческих островов, что сравнительно немного, если учесть, что в Эгейском море около тысячи больших и малых островов.

Эти 18 островов перечислены в записке контр-адмирала СП. Хмелевского: Андро, Делос, Тино, Микони, Зея, Термия, Сифано, Нио, Сичино, Поликандро, Серфо, Парос, Антипарос, Наксия, Санторин, Чимело, Сиро и Мило.

Любопытно высказывание Спиридова о греках: «Нам больше лгут, нежели правду сказывают, особливо такие бездельники греки, которые имеют свои интересы и дружбу с турками. Мы об наших намерениях от служащих нам греков должны все таить».

Все греческие купцы острова Парос были взяты под контроль русского командования. Всем греческим купцам, проживавшим на острове, русское командование стало выдавать специальные «билеты» — что-то вроде пропуска на свободное передвижение из одного пункта в другой. Владелец такого «билета» в случае задержания его лодки русским судном обязан был предъявлять его командиру. Вот пример одного из таких «билетов»: «Дан сей билет греку Юрию Афанасьеву. На лодке людей с ним три человека. Из порта Ауза во остров Наксию».

Между тем на Средиземное море с Балтики прибыло пополнение. 15 июля 1770 г. из Ревеля вышла 3-я Архипелагская эскадра в составе новых 66-пушечных кораблей «Всеволод» и «Св. Георгий Победоносец», а также нового 54-пушечного корабля «Азия». Эскадра конвоировала зафрахтованные британские суда, которые везли в Архипелаг оружие и провиант. Кроме того, на борту этих судов было 523 гвардейца Преображенского полка и 2167 человек пехоты других полков. Командовал эскадрой контр-адмирал Иван Николаевич Арф, приглашенный Екатериной II в 1770 г. из королевского датского флота. Вместе с ним на корабли эскадры было принято несколько десятков датских офицеров и матросов.

В Англии к эскадре присоединился 40-пушечный фрегат «Северный орел», купленный в Лондоне, с командой с проданного одноименного корабля.

Эскадра Арфа шла по проторенному 1-й Архипелагской эскадрой

маршруту: Англия — Менорка.

19 октября эскадра контр-адмирала Арфа в составе кораблей «Всеволод», «Азия» и «Победоносец», фрегата «Северный Орел» и шестнадцати транспортов прибыла в Порт-Магон. Корабль «Всеволод», пинки «Венера» и «Соломбала» и три транспорта остались зимовать в Порт-Магоне. А остальные суда эскадры Арфа 25 декабря прибыли в российскую военно-морскую базу Ауза.

С января 1771 г. русский флот начал пользоваться еще одной базой на острове Миконо (в настоящее время Миконос), расположенном примерно в 35 км к северо-востоку от Пароса. 16 января туда прибыл фрегат «Надежда Благополучия», а 21 января — корабли «Азия» и «Победоносец». С этого времени остров Миконо стал вторым по значению пунктом базирования русского флота в Архипелаге после Пароса.

Губерния из 27 островов (на середину 1771 г.) должна была обеспечивать флот численностью до 50 вымпелов и несколько пехотных полков. Поэтому острова были обложены податью (10-процентным налогом) на хлеб, вино, строевой лес и т.д. Определенная доля налога взималась деньгами. Кроме того, часть этих товаров покупалась русскими властями, но установить пропорцию между оплачиваемыми товарами и собираемыми налогами автору не удалось.

Например, на острове Парос не было леса, поэтому строевой лес доставляли с островов Имбо и Тассо. Замечу, что Имбо находится всего в 17 милях от Дарданелл, и там располагалась передовая база русского флота. В Екатерининской бухте стояли корабли и суда, блокировавшие Дарданеллы. На Имбо жили 3 тысячи греков под управлением епископа, они-то и поставляли лес русским. Остров Тассо имеет 30 миль в окружности. На нем жили 4 тысячи православных греков, ими также управлял епископ.

Замечу, что и на других островах епископы, как православные, так и католики, охотно сотрудничали с русскими властями и исполняли как бы роль городничих в островной губернии. Кстати, и при турках православное духовенство на островах выполняло функции администраторов, судей и сборщиков султанских налогов.

Так, например, на острове Наксия^[40] в 4 милях к востоку от Пароса, окружностью 60 миль, жило 6 тысяч греков, как православных, так и католиков, и у каждой общины был свой епископ. С Наксии русские власти получали хлеб, вино, дровяной лес и хлопчатобумажную ткань. Русские власти учредили на острове греческую гимназию, где учились не только наксийцы, но и жители других островов. Забегая вперед, скажу, что в 1775

г. при эвакуации «губернии» все учащиеся гимназии (с их согласия) были вывезены в Петербург. Многие из них позже заняли важные государственные посты в России и других странах.

На острове Тино в большом количестве пекли сухари, грузили их на суда и отправляли в порт Ауза. В одном из указаний, данных контр-адмиралу И.Н. Арфу по поводу заготовки сухарей, Орлов писал: «К понуждению скорейшего их изготовления и привозу к нам послана команда. Упрямящихся под караулы брать и принуждать, чтобы без замедления в самом скорейшем времени все определенные сухари, хорошо изготовленные, на корабли "Победоносец" и "Всеволод" доставлены были, которых по отпуску пшеницы и по наряду должно быть до четырех тысяч пудов».

Понятно, что «губерния» все же не могла обеспечить все нужды флота и сухопутных войск. Оружие, обмундирование и продовольствие везли морем из России и Англии, но это выходило крайне дорого. Все, что желали русские, охотно продавали мальтийцы и жители вольного города Ливорно, но и там цены «кусались». Поэтому основным источником снабжения губернии стало пират... извиняюсь, корсарство.

С приходом 1-й Архипелагской эскадры к берегам Морей в море вышли десятки греческих пиратских судов, которые начали нападать на турецкие суда. Собственно, как уже говорилось, ничего нового в этом не было. Средиземное море и до 1769 г. кишело пиратами всех национальностей — варварийскими^[41], мальтийскими и т.д. Замечу, что случаи полного уничтожения экипажа и пассажиров судна были часты, но в подавляющем большинстве случаев знатных пленников отдавали за выкуп. Притом условия торга были честными — личность посредника неприкосновенна, а с пленными хорошее обращение. Тех же, за кого выкуп явно не светил, включали в состав команд пиратских кораблей, отпускали на волю или продавали в рабство. Вообще, в XVIII веке в Восточном Средиземноморье, которое турки называли Белым морем, пиратов считали, в общем-то, достойными людьми, занимающимися полузаконным промыслом.

Кстати, о законности. Уже в XV—XVI веках монархи Западной Европы стали выдавать пиратам каперские свидетельства, которые позволяли им нападать на корабли неприятеля уже на законных основаниях. К середине XVIII века, согласно морским законам, капером считался корабль, который с разрешения правительства снаряжается для военных действий частным лицом и укомплектовывается вольнонаемной командой. Слово «капер» происходит от германского «*Carper*». У французов

каперы назывались корсарами (corsaire), у англичан — приватирами (privateer). Любопытно, что в служебной переписке русские моряки и дипломаты во времена Екатерины Великой использовали все три термина — каперы, корсары и приватиры, подразумевая одно и то же. Я же, чтобы не путать читателя, буду называть их корсарами.

Суда же корсаров, кроме трех уже перечисленных терминов, назывались крейсерскими. Крейсера же в современном понимании этого слова в русском флоте появились 1 февраля 1892 г., когда по высочайшему повелению состоявшие в составе флота казематные фрегаты, корветы и клипера были переклассифицированы в крейсера, а башенные фрегаты — в броненосцы береговой обороны.

Замечу, что с петровских времен и до 1892 г. в русском флоте классификация судов (фрегаты, корветы, бриги и т.д.) шла не по их размерам, водоизмещению или артиллерийскому вооружению, а по парусному вооружению. Были и исключения. Так, к примеру, бомбардирские суда отличались от других судов исключительно вооружением. Они имели орудия крупного калибра: две 5-пудовые мортиры для навесной стрельбы и две 3-пудовые гаубицы для настильной стрельбы. (До начала XX века в России гаубицы и единороги имели максимальный угол возвышения около 20°, и лишь в редких случаях — до 25°, то есть навесная стрельба из них была исключена.)

Бомбардирский корабль мог нести различное парусное вооружение — фрегата, брига^[42] и др. Точно так же и крейсерские (корсарские) суда именовали по их назначению. Они могли нести самое различное артиллерийское и парусное вооружение.

По законам XVIII века государство не только выдавало каперам патент на ведение боевых действий, но и брало с них залог для выплаты компенсаций жертвам незаконных каперских действий. Екатерина II установила сумму залога в 20 тыс. рублей. Другой вопрос, что, видимо, его никто не платил, а матушка государыня просто соблюдала приличия. Да и откуда у нищих греков такие деньги?!

Формально корсары должны были соблюдать все обычаи морской войны и все захваченные суда (призы) доставлять в порты государства, выдавшего патент, где морской суд рассматривал правомерность захвата. Надо ли говорить, что подобные процедуры в XVIII веке выполнялись крайне редко, и даже не из-за злой воли корсаров, а просто из-за технической невозможности их реализации.

По морским законам пиратством считается «морской разбой, чинимый частными лицами, по частному почину, в корыстных целях и против чужой

собственности»^[43]. Военные суда всех национальностей были обязаны преследовать пиратские суда, а захваченных в плен пиратов судить вплоть до применения смертной казни.

Но законы законами, а не только корсары, но и военные суда в XVIII веке занимались форменным пиратством, действуя не по морским законам, а с точки зрения целесообразности, то бишь «по понятиям». Особенно этого и не скрывали. Так, в XVII веке британский адмирал Дрэк Нет официально заявил: «Нет мира вне европейских вод», то есть вне этих вод не действуют законы морской войны. Замечу, что «европейскими водами» Восточное Средиземноморье ни англичане, ни французы не считали.

Общее число пиратских или корсарских судов, пусть каждый именуется по желанию, действовавших в 1770—1774 гг., было не менее 500. Все эти суда можно разделить на три категории.

В первую входили несколько судов, купленных Россией. Их владельцы, как правило, принимались на русскую службу, им присваивались офицерские чины, а вольнонаемная команда из греков, албанцев, славян и т.д. вроде бы тоже состояла на русской службе и получала жалованье. Эти суда поднимали Андреевский флаг и включались в списки судов Архипелагских эскадр. Современные историки о таких судах скромно говорят: «добровольно присоединившиеся к Архипелагской эскадре».

Во вторую категорию входили каперские (крейсерские) суда, которые считали себя российскими каперами и по мере необходимости поднимали Андреевский флаг. Периодически командование русской эскадры снабжало такие суда деньгами, оружием и продовольствием.

К третьей, самой многочисленной, категории относились суда, не подчинявшиеся русским властям и не имевшие с ними зачастую никаких дел. Но опять же при необходимости они поднимали русский Андреевский флаг. Тут справедливости ради надо заметить, что русские военные суда в Архипелаге очень часто нападали на турецкие и иные суда, вообще не поднимая флага.

Понятно, что русское командование старалось не афишировать действия греческих корсаров, и в служебных документах они упоминались крайне редко.

Греческие корсары, действовавшие в Архипелаге, делились с русским командованием не только добычей, но и захваченными кораблями. По просьбе Орлова самые большие и быстроходные турецкие суда доставлялись в Аузу, где их переделывали во фрегаты.

Таким образом, в 1770—1772 гг. в строй русских эскадр были введены

фрегаты «Архипелаг», «Делос», «Зея», «Мило», «Накция», «Тино», «Андро», «Миконо», «Минерва» и «Санторин». Правда, часть из них оказалась негодной для боевых действий и числилась в составе эскадры только на бумаге. Те же «Мило», «Андро» и «Миконо», переоборудованные в Аузе во фрегаты в 1771 г., простояли там без дела более года, а затем в 1772 г. были разобраны на дрова. Зато другие активно действовали в Архипелаге, а потом еще лет 10 плавали на Черном море.

Весьма любопытный приз вручили корсары Алексею Орлову осенью 1770 г. Лихие пираты захватили у самого малоазиатского берега турецкое судно, на борту которого оказалась семнадцатилетняя красавица — дочь того самого алжирского адмирала Гассана, с которым русские сражались при Чесме. Она плыла из города Масира в Константинополь.

Орлов, узнав о подарке корсаров, категорически запретил любопытным офицерам знакомиться с ней и даже сам не заходил в ее каюту. (Хотя, может, и заходил...) Во всяком случае, он отпустил девушку в Стамбул, да еще подарил ей бриллиантовый перстень. Гассан-бей не остался в долгу и послал графу великолепных арабских скакунов с богато украшенной упряжью.

Слухи о «галантности» Орлова дошли до императрицы, и та написала Алексею: «...услышала я, что у вас пропал перстень с Моим портретом в чесменскую баталию, тотчас заказала сделать другой, который при сем прилагаю, желая вам носить оный на здоровье. Потерян перстень, вы выиграли баталию и истребили неприятельский флот; получая другой, вы берете укрепленные места».

Под «укрепленными местами» Екатерина явно подразумевала Дарданеллы, но Орлов давно решил, что сей орех ему не по зубам.

С греческими корсарами случались иной раз забавные, а иной раз и необъяснимые истории. Так, 13 января 1771 г. командир фрегата «Надежда Благополучия» Петр Аничков, находясь в районе острова Микони, обнаружил два судна. Одно было французское и шло под купеческим флагом, а другое греческое, под российским флагом. Владелец малого парусника был грек Иван Варвац. Он рассказал Аничкову, что взял французское судно еще 2 января. На нем находились два турецких купца и один турок — их «служитель». Судно шло из Александрии в Константинополь, груженное 500 мешками сорочинского пшена, 39 тюками льна, 15 мешками кофе и 6 мешками фиников, а также различными благовониями и слоновой костью. Варвац уверял, что захватил судно «для отвозу и конвоирования» его в Аузу.

Но Аничков не поверил греку. Ведь было уже 13 января, а тот до сих

пор судно «ко флоту не отвел, а был с ним во взятии на острове Псаро». К тому же грек в момент встречи с русским фрегатом шел курсом от Пароса, хотя ветер был «самый способный иттить в порт Аузу».

После разбирательства дела Адмиралтейская комиссия призового суда вынесла постановление: «Шхипера французской нации, хоть он и вез из неприятельских в неприятельские же порты турецкие товары, однакож для соблюдения с сею нацией нейтрала сделать сво с судном и с людьми свободным». Вначале решили за конфискованный груз выдать шкиперу 1125 пиастров, но учитывая, что были изъяты и ящики с ладаном и кусковым сахаром, стоимость товаров оценили в 1650 пиастров. А турецкие пассажиры были объявлены пленными.

Суд так и не разобрался, почему один (!) грек сумел взять в плен судно с 4 небольшими пушками и 13 человеками экипажа, не считая пассажиров-турок.

Другое российское судно захватило французскую полакру и конвоировавший его греческий парусник. Выяснилось, что греки на этом паруснике русским ничего не платили, а занимались, так сказать, «индивидуальной трудовой деятельностью». А кроме того, его капитан Дмитрий Марофор оказался уроженцем острова Специи, жители которого не приняли российского подданства и платили Турции ежегодные подати.

Адмиралтейская комиссия призового военного суда постановила: «то греческое судно... оказалось воровское... но при обыске судна нашли спрятанный у них флаг из холстины, шитый таковой, как Российский при флоте суда имеют». На допросе Дмитрий Марофор показал, что российский флаг он сделал якобы для того, что «когда принят будет в Российский флот в службу, тогда мог поднять, а прежде его никогда не поднимал».

Адмирал Спиридов решил примерно наказать конкурента: «С объявлением комиссии, признавая его за вора и морского разбойника, я, адмирал Спиридов, согласен».

Дмитрий Марофор был повешен на ноке рея. Ну а других членов экипажа комиссия постановила, поскольку «смертного убийства никому не учинено, но, однако, в страх другим на том же их судне всех двадцать пять человек сечь нещадно кошками и, заковав в железа, отослать вечно на каторгу». Трех же малолетних, «ничего не знающих, но при тех бездельниках бывших, дабы от малолетних отвести к бездельническим делам отвращение, высечь батоном и не спускать с судов как невольников».

Владельцу полакры француззу Бонифасу Рустону вернули все, что находилось на судне, а стоимость недостающих товаров и вещей

компенсировали деньгами.

25 греков публично высекли кошками, а троих малолетних били батогами и определили в «кают юнги» на корабль «Три Святителя».

Но вот беда, в Архипелажной губернии еще не было... каторги. Посему все 25 греков пытались заставить служить на российских судах. Кстати, каторга — это турецкое гребное судно.

Через месяц службы на «каторгах» трое греков, признанные «по старости» неспособными к службе на флоте, были отпущены. Молодые также просили отпустить их домой, объясняя это тем, что у них есть жены и дети, а на военных кораблях они «быть не желают». В конце концов отпустили всех, включая трех юнг с «Трех Святителей».

К концу зимы 1771 г. накопилось столько «призовых товаров», что по приказу адмирала Спиридова в Аузе был устроен аукцион. Поначалу греческие купцы бойкотировали этот аукцион, пытаясь сбить цену, но потом торговля пошла бойко.

19 мая 1772 г. Россия и Турция на Дунае заключили перемирие. 2 июля в порту Ауза адмирал Спиридов и представитель турецкого султана Мустафа Бей скрепили своими подписями текст договора о прекращении военных действий в Эгейском море.

Условия перемирия включали следующие пункты:

1. На время действия перемирия все «непрязненные» и боевые действия в Архипелаге приостанавливаются. Они прекращаются как на море, так и в акватории тех островов, где находился военный флот.

2. Противоборствующие флоты должны были оставаться на тех же позициях, где они находились в момент заключения перемирия. То есть российский флот — «от острова Тассо близ Романии к югу, юго-западу и юго-востоку у архипелагских всех островов и на островах, где турецких крепостей и гарнизонов и жителей ныне нет, до островов Станчо и Кандии. А флот и войска турецкие в Дарданеллах и подле Анатолического берега в заливах, в Будруме и у островах Лемнос, Тенедос, Метелини, Шио, Станчио, Родос, Кандия, где турецкие города и крепости и жители и поныне состоят. Также подле берегов, заливов и портов европейских и острова Нагропонта».

3. Акватория греческого Архипелага объявлялась зоной, свободной от боевых действий. Турецким военным судам запрещалось выходить на соединение с дарданелльскими, а дарданелльским — на соединение с теми судами, которые находились в Будруме и на Родосе. Дружественным Турции алжирским, тунисским и египетским судам также запрещалось «ходить по архипелажскому морю».

22 августа 1772 г. адмирал Г.П. Спиридов убыл в Ливорно «на лечение», а оттуда — в Петербург. Вместо себя он оставил контр-адмирала А.В. Елманова.

20 октября 1772 г. перемирие между русскими и турками закончилось. А еще 20 октября 1772 г. Орлов получил сведения, что перемирие с турками закончилось, но в Египте об этом не знали, так как с Константинополем не было связи по морю. И Алексиано на своем «Св. Павле» и с корсарской гребной фелукой, которой командовал грек Паламида, отправляется «за зипунами» к устью Нила. Замечу, что оба судна на походе шли без флагов, спасибо хоть «веселый роджер» не подняли.

Фрегат «Св. Павел» — это торговое судно длиной 28,7 м и шириной 7,6 м. Орудийные порты были замаскированы. И фелука тоже ничем не отличалась от сотен таких же фелук, плававших в Восточном Средиземноморье. Таким образом, суда Алексиано, не вызвавшие никаких подозрений у египтян, спокойно вошли в гавань Дамиетты^[44]. И уже в порту корсары открыли огонь. Остальное читатель может представить себе сам, вспомнив эпизоды из англо-американских фильмов, где пираты врываются в порты Карибского моря.

После приключений в Дамиетте Алексиано вместе с полakoй капитана Паламидо до конца октября корсарствовал у сирийских берегов.

Любопытно, что уже в советское время академик Е.В. Тарле поверил, а скорее сделал вид, что поверил басням Орлова. Он писал о Дамиетте: «Полная победа настоящего героя Алексиано и его матросов», «огромно было значение Патрасской победы эскадры Коняева и Дамиеттской победы Алексиано»^[45]. Позднее наши историки с завидным упорством переписывали перлы академика.

Забавная история, хорошо характеризующая нравы как корсаров, так и местных турецких гарнизонов, произошла у берегов острова Кипр. У восточной оконечности Кипра находится маленький безлюдный остров Клидес, где в свое время крестоносцы построили замок Кастро Россо (Красный замок). Замок находился на высоких утесах, и его защищал приличный турецкий гарнизон численностью 130 человек.

В 1772 г. славонец (увы, его имя история утаила), командир шебеки «Забияка», решил захватить Кастро Россо. Естественно, одна шебека сделать этого не могла. Тогда командир пошел на хитрость: захватил греческих рыбаков с Кипра и подробно допросил их о замке. Спросил и о глубинах, могут ли близко подойти к крепости бомбардирские и 66-пушечные корабли, и т.д. А в заключение пообещал повесить рыбаков, если

они хоть слово скажут о своем пребывании на шебеке. Мол, шебека послана на разведку, а через три дня здесь будет весь флот с самим Орловым.

Как и следовало ожидать, греки, вернувшись, раззвонили по всей округе, что, мол, идет русский флот. В ту же ночь турецкий гарнизон на малых судах бежал, и не на Кипр, отделенный узким проливом в несколько километров, а аж в малоазиатский порт Караманию в 130 км. Причем все пушки и припасы были оставлены турками в целости и сохранности.

Так команда «Забияки» без боя овладела Кастро Россо, и до конца войны остров Клидес был базой греческих корсаров.

В июне 1774 г. отряд Марка Войновича подошел к острову Эмброу, где получил «контрибуцию» скотом, а сверх того, хлеба на 4000 пиастров. Затем Войнович взял на острова Самодраки (Самотраки) 50 быков и 200 баранов.

Одновременно отряд капитан-лейтенанта Псасора на островах Шкат-Скапель и Полидром собрали «контрибуцию» хлебом и дровами для флота.

6 июля к острову Тассо за корабельным лесом прибыли корабль «Саратов», фрегат «Улисс», пинки «Венера» и «Сатурн», полака «Св. Екатерина» и ландра «Донец». Понятно, что столь внушительная эскадра нужна была не для борьбы с противником, благо, на острове не было турок и выход турецкого флота из Дарданелл не ожидался. Просто заготовка леса шла «хозяйственным способом», и нужны были матросы для использования в качестве рабочей силы.

В 1771—1773 гг. команды русских кораблей насчитывали большой некомплект. И дело не столько в боевых потерях, сколько в болезнях и истощении, после чего матросов приходилось списывать.

Посему на корабли стали зазывать греков. Те охотно служили на корсарских судах с греческими капитанами, а на русские суда идти не желали. Многие греки брали жалованье, а потом «со службы отлучались». В итоге с 1773 г. было разрешено зачислять «на корабли в комплектное число из малолетних греков в качестве юнг». Этим юнгам полагалось обмундирование и еда. «Содержать» их следовало «по закону», а корабельным священникам вменялось в обязанность «обучать их российской грамоте, читать и писать». Возрастная ведомость набранных во флот юнг впечатляет. Из 46 малолетних греков от 14 до 15 лет, приписанных на корабли «Иоанн Креститель», «Чесму», «Граф Орлов», «Всеволод», «Ростислав» и «Три Иерарха» было: двое пятилетних, двое семилетних, четверо восьмилетних, пятеро девятилетних и 13 десятилетних. Насколько добровольно происходил набор юнг, документы

умалчивают.

25 июля к русской эскадре Елманова, стоявшей у острова Тассо, подошла турецкая полугалера с белым флагом. На ней прибыли майор Белич (серб на русской службе) с письмом от фельдмаршала Румянцева, в котором говорилось, что 10 июля был заключен мир с турками. Кампания в Архипелаге закончилась.

Заключение Кючук-Кайнарджийского мира принесло не облегчение, а тревогу и беспокойство русскому флоту в Архипелаге — всем, от вице-адмирала Елманова до простых матросов.

Подписавший договор фельдмаршал Румянцев хотя и считался великим полководцем, ни уха, ни рыла не смыслил в морских делах и согласился с турецким требованием, чтобы русский флот ушел из Архипелага в течение трех месяцев, что было абсолютно нереально.

Начнем с того, что не менее 60% русских судов нуждались в ремонте. А ведь турки не разрешили русскому флоту идти на родину самым коротким путем — через Проливы в Черноморские порты. По условиям мирного договора все военные суда должны были идти обратно на Балтику вокруг Европы. А такое плавание не сравнить с крейсерством в Эгейском море в 200—300 км от главной базы. Большинство судов подлежало ремонту, а многие вообще не могли идти.

Но это полбеды. Главное — надо было эвакуировать целую «губернию» с администрацией, Адмиралтейством, госпиталями и другими казенными учреждениями, сухопутные войска и т.д. Жители более двадцати греческих островов приняли русское подданство, на стороне России воевали многие тысячи греков, албанцев, славонцев и других народов. Как быть с ними? В первые два-три года войны Екатерина ставила перед дипломатами цель: добиться на мирных переговорах закрепления «губернии» за Россией. И это греки хорошо знали. А вот теперь их предали.

Русские власти попытались исправить ситуацию с союзниками различными полумерами. Во-первых, предоставили возможность желающим переселиться в Россию. Во-вторых, в статьях Кючук-Кайнарджийского мира содержалось обязательство султана не мстить союзникам русских из числа османских подданных.

По Кючук-Кайнарджийскому миру Россия получила право учреждения консульств в Османской империи. Почти все консульства были учреждены в южной части Балкан, в городах и на островах Греции: в Салониках, Патрах (Пелопоннес), Арте (Эпир), на Негропонте (Эвбее), Хиосе, Родосе, Крите, Миконесе, Самосе, Санторине, а также в Смирне (Измире), на

азиатском берегу Эгейского моря и на Кипре. Консульства были учреждены и на находившихся под венецианским господством островах — Корфу, Закинфе и Кефалинии. Замечу, что больше Россия никогда не имела столь обширной консульской сети в Греции, как в Екатерининскую эпоху.

Консульства должны были следить за выполнением турками своих обязательств и по мере возможности защищать греков. Об этом свидетельствует греческий писатель Адамантиос Корис, живший во Франции и вовсе не принадлежавший к числу поклонников Екатерины II. В 1803 г. он писал: «Русские консулы по славному для России мирному трактату, к которому императрица успела принудить турок, приобретши право на некоторое во всех странах Турции диктаторское самовластие, часто исторгали греков из мстительных рук правительства, представляя, будто они вступили в подданство или служили под начальством русских»^[46].

В Россию греки, славонцы и албанцы ехали тремя путями: морским вокруг Европы в Петербург, сухопутным через Австрию и морским через Константинополь.

17 октября 1774 г. из порта Ауза на Балтику отправилась 1-я дивизия Архипелагского флота в составе кораблей «Св. Великомученик Исидор», «Александр Невский», «Дмитрий Донской», «Мироносец» и фрегата «Св. Павел». Командовал эскадрой контр-адмирал С.К. Грейг. «Св. Павел» более чем на год встал на ремонт в Ливорно, а остальные корабли пошли домой. К их плаванью мы вернемся позже.

12 декабря 1774 г. из Аузы ушла 2-я дивизия в составе кораблей «Ростислав», «Саратов», «Граф Орлов»; фрегатов «Помощный», «Запасной» и бомбардирского корабля «Страшный». Командовал дивизией контр-адмирал К.М. Базбаль. Он повел корабли мимо Ливорно — столь любимого места длительных стоянок, и 19 августа 1775 г. прибыл в Кронштадт.

13 марта 1775 г. из Аузы ушел одиночный фрегат «Надежда». Капитан М.Г. Кожухов благополучно привел его в Петербург 15 октября. Фрегаты же «Минерва» и «Григорий» ушли из Средиземного моря на Балтику в 1774 г., еще до окончания войны.

Ряд кораблей и судов можно было отремонтировать и послать в Россию, но на это требовалось время, лес и мастеровые, а последних в Аузе как раз и не хватало. А главное, хотя Елманов и растянул эвакуацию «губернии» на 10 месяцев вместо трех положенных, но все равно времени на ремонт всех судов не хватило. В результате корабли «Св. Иануарий», «Три Святителя», «Не тронь меня», фрегаты «Надежда Благополучия»,

«Накция» и «Делос», бомбардирский корабль «Гром» и ряд других судов были сданы на лом в порту Ауза.

По Кючук-Кайнарджийскому миру Россия впервые получила возможность проводить свои торговые суда через Проливы. Этим и решил воспользоваться вице-адмирал Елманов и отправить ряд корсарских судов под торговым флагом (нынешним триколором) через Проливы на Черное море. Этим решалось сразу две проблемы: перевод на Черное море судов, которые можно было использовать в военных целях, и оперативная доставка на новое место жительства тысяч греков и албанцев.

С марта по май 1775 г. под торговым флагом России через Проливы прошли фрегаты «Архипелаг», «Тино», «Победа», «Св. Николай» и «Слава», лакаки «Патмос», «Св. Екатерина», № 53 и № 55. Более мелкие суда с греками приходили в Константинополь под видом каботажных судов, что-то там продавали, что-то покупали, а затем шли в Черное море.

Фрегат «Слава» привез греков в Крым, а затем вернулся в Аузу, но из-за повреждений сделать второй рейс не смог и был в 1776 г. продан на лом в Ливорно.

Фрегат «Победа», везший греков в Балаклаву, разбился 5 сентября 1775 г. у входа в Балаклавскую бухту, но вся команда и пассажиры были спасены.

Интересно, что турки очень внимательно следили за судами, проходившими Проливы. Как видим, они пропустили все военные (корсарские) суда, обращенные в 1769—1772 г. из греческих торговых кораблей, но категорически отказались даже впустить в Дарданеллы «Северный Орел» — фрегат, специально построенный для военных целей, и ему пришлось тащиться вокруг Европы.

Ряд дореволюционных историков негативно оценивали поход русского флота в Средиземное море. Так, утверждалось, что количество всех моряков и сухопутных команд, отправленных в Средиземное море в 1769—1773 гг., составило 12 200 человек, из них вернулось обратно в Кронштадт 4516. В рублевом эквиваленте на Первую Архипелажную экспедицию было израсходовано 4 434 939 рублей. Помимо этого лично Алексею Орлову на «чрезвычайные расходы» выделялось 300 тыс. рублей, адмиралу Спиридову — 480 тыс. рублей, контр-адмиралам Эльфинстону и Арфу — по 200 тыс. рублей каждому.

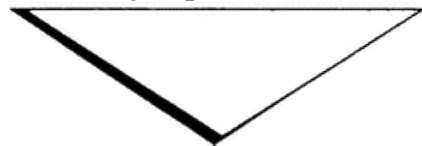
Я не согласен с подобными выкладками. Так, разница между убывшими и прибывшими в Кронштадт морскими и сухопутными чинами вовсе не означает, что 7684 человека, то есть 63% личного состава, погибло. Тут надо учесть раненых, больных и отставных, которые были

отправлены в 1771—1774 гг. из Архипелага сухим путем в Россию или отправились на фрегатах в Черное море в 1775 г.

Ну а рассматривая две турецкие войны Екатерины Великой, в целом надо сказать, что хотя они и обошлись России дорого, но приобретение Новой России и выход к Черному морю с лихвой окупил все затраты. Я уж не говорю о контрибуциях, выплаченных Османской империей.

После ухода русских столица «губернии» порт Ауза, да и весь остров Парос быстро пришли в первоначальное состояние. И русские, и греки постепенно забыли о происходивших там событиях, и уже в 1922 г. русские моряки из бизертской эскадры, оказавшись случайно на острове, не смогли обнаружить никаких следов пребывания там русских в 1770—1775 гг. Местный историк-краевед Фанориус Алимпрандис утверждает, что на месте братского кладбища русских, снесенного «довольно давно», ныне построен отель «Порто Парос». А у островка Аналипсис в бухте Наусса, где был русский госпиталь, лежит на грунте русский корабль.

Исследователь Алексей Никулин, побывавший на Паросе в 2011—2012 гг., рассказал мне, что там сохранился каменный форт, построенный Орловым. Остались фундаменты от «дома Ганнибала», Адмиралтейства и госпиталя. Остатки береговых батарей едва просматриваются. Вот и все, что осталось от Архипелажной губернии России.

Глава 6.

ОСТРОВ КОРФУ

Остров Корфу, греческое название Керкира, самый западный и самый большой из семи Ионических островов. Длина острова 60 км, ширина от 4 до 30 км, площадь 592 кв. км.

Корфу, расположенный у самого входа в Отрантский пролив, контролировал вход в Адриатическое море и одновременно обеспечивал господство в северо-западной части Ионического моря.

В Средние века Корфу принадлежал Византии, а в 1386 г. был захвачен Венецианской республикой. Турки в 1537 и 1716 гг. пытались захватить Корфу, но оба раза венецианцам удавалось отсидеться в его укреплениях.

В 1797 г. Наполеон покончил с независимостью Венецианской республики. Ее флот, равно как и Ионические острова, стали добычей французов. Генерал Жанийн отправился к Корфу с четырьмя батальонами пехоты и несколькими артиллерийскими ротами на захваченных в Венеции кораблях. Остров сдался французам без боя. Узнав о занятии Корфу, Наполеон назвал его «подлинным ключом Адриатики».

После того как парижане взяли Бастилию. Екатерина Великая была крайне возмущена событиями во Франции. Ее гневные слова разлетались по всей Европе. Она называла депутатов национального собрания интриганам, недостойными звания законодателей, «канальями», которых можно было бы сравнить с «маркизом Пугачевым». Екатерина призывала европейские государства к интервенции — «дело Людовика XVI есть дело всех государей Европы». После казни короля Екатерина публично плакала, позже она заявила: «...нужно искоренить всех французов для того, чтобы имя этого народа исчезло».

И что же сделала после таких слов столь агрессивная государыня? Да ровным счетом ничего.

Мнение матушки-государыни о событиях во Франции в узком кругу резко отличалось от публичных высказываний. О Людовике XVI она заметила: «Он всякий вечер пьян, и им управляет, кто хочет». 4 декабря 1791 г. Екатерина сказала своему секретарю Храповицкому: «Я ломаю себе голову, чтобы подвинуть венский и берлинский дворы в дела французские... ввести их в дела, чтобы самой иметь свободные руки. У меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтобы эти дворы были

заняты, и мне не мешали».

Под грохот пушек на Рейне матушка-государыня приступила к решению государственных задач в Речи Посполитой и на Черном море, к воссоединению всех земель Древнерусского государства и решению проблемы Проливов.

Увы, случай изменил ход истории. 6 ноября 1796 г. скончалась Екатерина Великая. На престол вступил ее сын Павел. Придя к власти, он решил делать все наоборот. Павел прекратил подготовку к босфорской операции.

Весной 1798 г. в Тулоне началось сосредоточение кораблей и транспортов. Туда же был стянут 38-тысячный десантный корпус под командованием самого Бонапарта. Вся Европа затаила дыхание. Газеты распространяли самые противоречивые сведения о планах Бонапарта — от высадки в Англии до захвата Константинополя. На берегах Невы испугались, что злодей Буонапарте не иначе как замыслил отнять Крым. 23 апреля 1798 г. Павел I срочно посылает приказ Ушакову выйти с эскадрой в море и занять позицию между Ахтиаром и Одессой, «наблюдая все движения со стороны Порты и французов».

19 мая французский флот вышел из Тулона. 23 мая французы подошли к Мальте, которая принадлежала ордену мальтийских рыцарей. Мальта сдалась без боя, а рыцарям пришлось убираться с острова под добродушным покровом. 20 июня 1798 г. французская армия высадилась в Египте. Бонапарт легко победил турок и занял Египет, но 20—21 июля адмирал Нельсон в Абукирской бухте разгромил французский флот. Армия Бонапарта оказалась отрезанной от Франции.

Изгнанные с Мальты рыцари обратились за помощью к Павлу I и предложили ему стать Великим магистром ордена. Павел радостно согласился, не думая о комизме ситуации — ему, главе Православной церкви, предложили стать магистром католического ордена. 10 сентября 1798 г. Павел издал манифест о принятии Мальтийского ордена в «свое Высочайшее управление». В этот же день эскадра Ушакова соединилась с турецкой эскадрой в Дарданеллах, и они вместе двинулись против французов.

Бонапарт турок напугал еще больше, чем русских. Хотя Египет и управлялся полунезависимыми от Стамбула мамелюкскими беями, и Бонапарт неоднократно заявлял, что воюет не с турками, а с мамелюками, все равно султан Селим III считал высадку французов нападением на Османскую империю. Мало того, иностранные дипломаты, скорей всего, русские, довели до султана «секретную» информацию о планах

«Бонапартия», который решил ни много ни мало как разорить Мекку и Медину, а в Иерусалиме восстановить еврейское государство. И как этому не поверить, когда французы на Ниле и двигаются в Сирию? Тут уж не до воспоминаний об Очакове и Крыме.

Султан Селим III повелел заключить союз с Россией, а французского посла, как положено, заточили в Семибашенный замок.

7 августа 1798 г. Павел I послал указ адмиралу Ушакову следовать с эскадрой в Константинополь, а оттуда — в Средиземное море.

12 августа 1798 г. из Ахтиарского порта вышли шесть кораблей, семь фрегатов и три авизо^[47]. На борту кораблей было 792 пушки и 7406 «морских служителей». Попутный ветер надувал паруса, гордо реяли Андреевские флаги, эскадра знаменитого «Ушак-паши» шла к Босфору. Все, начиная от вице-адмирала до юнги, были уверены в успехе. Никому и в голову не приходило, что именно в этот день началась шестнадцатилетняя кровопролитная война с Францией. Впереди будет и «солнце Аустерлица», и горящая Москва, и казаки на Елисейских Полях.

19 октября в Константинополе была заключена военная конвенция между Россией и Турцией, по которой последняя должна была отпускать ежегодно по 600 тысяч пиастров на содержание русской эскадры и обязывала всех начальников приморских пашалыков (областей) и городов Турции оказывать помощь в снабжении русской эскадры.

Чтобы более не возвращаться к русско-турецким переговорам, скажу, что 23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г. по новому стилю) в Константинополе был заключен Союзный оборонительный договор между Империей Всероссийской и Оттоманской Портой. Договор подтверждал Ясский договор 1791 г. («от слова до слова»). Россия и Турция гарантировали друг другу территориальную неприкосновенность по состоянию на 1 января 1798 г. В секретных статьях договора говорилось, что Россия обещала Турции военную помощь, определенную в 12 кораблей, и 75—80 тысяч солдат. Турция обязалась открыть Проливы для русского военного флота. «Для всех же других наций без исключения вход в Черное море будет закрыт». Таким образом, договор сделал Черное море закрытым русско-турецким бассейном. В то же время было зафиксировано право России как черноморской державы быть одним из гарантов судоходного режима Босфора и Дарданелл.

Как говорится, история не терпит сослагательного наклонения, но если бы Турция неукоснительно соблюдала этот договор, то в истории Русско-турецких войн можно было бы поставить точку. Ведь заключили же в 1809 г. Швеция с Россией мир и до сих пор ни разу не воевали. Хотя на Швецию

постоянно давила Европа, чтобы заставить воевать с русскими. В 1812 г. этого требовал Наполеон I, в 1855 г. — Наполеон III и лорд Пальмерстон, в 1914 г. — Вильгельм II, а в 1941 г. — Гитлер. Но Швеция оказалась невосприимчива к давлению Европы. К сожалению, Турция повела себя иначе.

9 ноября 1798 г. Ушаков с основными силами эскадры прибыл к острову Корфу. Крепость Корфу по праву считалась одной из сильнейших в Средиземном море. Она состояла из пяти отдельных укреплений, взаимно обстреливавшихся огнем своих батарей. К востоку от города, окруженного двойным валом с глубокими сухими рвами, на мысе Капо-Дезидеро находилась старая цитадель, отделявшаяся от города широким каналом. К северо-западу от нее была расположена новая цитадель с укреплениями, высеченными в скале. Три отдельных укрепления защищали город с юго-запада: форты Св. Авраама, Св. Рока и Св. Сальвадора. С моря Корфу защищался двумя укрепленными островами: Видо и Лазарето. На Видо находилось пять батарей, а на значительно меньшем Лазарето — укрепленный карантин.

Французский гарнизон, защищавший Корфу, насчитывал 3 тысячи человек. На укреплениях находилось 650 орудий. В гавани между островом Видо и старой цитаделью стояли два корабля — 74-пушечный «Женеро» («Genereux») и 54-пушечный «Леандер» («Leander»), а также фрегат «Ля Брюн» («La Brune»), бомбардирское судно «Ля Фример» («La Frimer»), бриг и четыре мелких судна.

Любопытна история корабля «Леандер» («Леандр»). После Абукирского сражения адмирал Нельсон отправил «Леандер» в Лондон с донесением о своей победе. Но на рассвете 7(18) августа 1798 г. недалеко от Крита «Леандер» нарвался на французский корабль «Женеро», участвовавший в Абукирском бою. После шестичасового боя англичанин спустил флаг и был отведен в Корфу. Рангоут «Леандера» был сильно поврежден, и за неимением корабельного такелажа в Корфу французы заменили его на фрегатское парусное вооружение. Тем не менее ко времени прихода русских «Леандер» был небоеспособен.

Первое время Ушаков ограничивался блокадой Корфу, одновременно предпринимая отчаянные усилия для усиления своих сил. 15—19 ноября по приказанию адмирала на Корфу были выстроены две батареи: одна, 10-орудийная, 15 ноября, десантом под командой капитана Кикина против передового форта противника Св. Авраама, другая, трехорудийная, 19 ноября, десантом под командой лейтенанта Ратманова на холме Св. Пантелеймона.

В осаде Корфу активное участие принимали и местные жители. Так, грек инженер Маркати сформировал добровольческий отряд численностью 1500 человек, и Ушаков помог этому отряду, дав ему три орудия.

Обстрел возведенных русскими батареями нанес некоторый ущерб крепости, но 20 ноября около 600 французов пошли на вылазку. Греки разбежались, три русских канонира были убиты, а 17 взяты в плен. Правда, их оперативно разменяли на французских пленных.

К этому времени Корфу блокировала союзная эскадра в составе 12 кораблей, 11 фрегатов и множества мелких судов. Тем не менее единственное боеспособное французское судно — корабль «Женеро» — в ночь на 25 января прорвал блокаду вместе с двумя малыми судами.

Несмотря на наступление зимы, русские продолжали осадные работы под Корфу. 20 января под прикрытием шебеки «Макарий» они приступили к постройке батареи на холме Св. Пантелеймона. Батарею эту вооружили 16 большими корабельными пушками, 14 мортирами и полевыми пушками. Через 10 дней батарея была построена. Командовать ей Ушаков назначил капитана 1-го ранга Юхарина. Вскоре была построена еще одна батарея на 7 мортир. Огонь этих батарей вызвал разрушения и пожары в крепости. Вылазка французов с целью захвата батарей успеха не имела.

В середине февраля Ушаков начал подготовку к штурму. Для начала было решено овладеть укреплениями острова Видо. В 7 часов утра 18 февраля по сигналу с флагманского корабля «Св. Павел» соединенный русско-турецкий флот (корабли «Св. Петр», «Захарий и Елизавета», «Богоявление Господне», «Симеон и Анна» и «Мария Магдалина», фрегаты «Григорий Великия Армении», «Св. Николай», «Навархия» и «Казанская Богородица», шхуна, посыльное судно, а также два турецких корабля, шесть фрегатов, корвет и канонерская лодка) подошел к укреплениям острова Видо на картечный выстрел и, став на шпринг, открыл огонь по береговым батареям. Вскоре все пять французских батарей были «истреблены и обращены в прах». В 11 часов был высажен русско-турецкий десант общей численностью 2159 человек. Французы, бросив батареи, бежали в глубь острова. «Храбрые войска наши, — доносил после боя адмирал Ушаков, — ...мгновенно бросились во все места острова, и неприятель повсюду был разбит и побежден...» В 2 часа дня на острове Видо был водружен русский флаг. Комендант острова бригадный генерал Пивром, 20 офицеров и 402 солдата взяты в плен.

Пытавшиеся оказать поддержку батареям острова Видо французский корабль «Леандер» и французский фрегат в бою с русскими кораблями получили столь сильные повреждения, что едва смогли уйти под защиту

крепости Корфу. В плен попали комендант острова Видо генерал Пиврон, 20 офицеров и 402 нижних чина. Было убито и потоплено 200 человек, и только 150 человек успели уйти на гребных судах и укрыться в главной крепости.

Сразу же после взятия Видо с судов эскадры был высажен десант для поддержки войск, атаковавших крепость со стороны укреплений Св. Сальвадора и Св. Авраама. Соединенные силы русских матросов и солдат, турок, албанцев и корфиотов, подавив отчаянное сопротивление французов, ворвались в оба укрепления, овладели ими и заставили неприятеля бежать во внутреннюю крепость.

В то же время русские батареи у деревни Мандуккио и с холма Св. Пантелеймона громили французов, а корабль «Св. Троица», фрегат «Сошествие Св. Духа», aviso «Акат-Ирана», шебека «Макарий» и турецкий корабль, стоявший у южной части старой цитадели, непрерывным огнем обстреливали ее.

При взятии острова Видо и действиях на берегу русские потеряли 31 человека убитыми и 100 ранеными.

«Взятие Видо, укреплений Св. Авраама и Св. Сальвадора решило участь крепости Корфу». Эта фраза кочует из одного отечественного издания в другое. Лишь полковник Генерального штаба В.А. Мошнин иначе оценил сдачу Корфу: «Не бомбардированием, а скорее голодом он вынудил крепость к сдаче»^[48].

И действительно, старая крепость могла еще держаться долго. Принципиально важным был вопрос, сумеют ли французы получить подкрепление извне или нет. Военно-политическая же ситуация в Италии и Средиземноморье с 1796 г. по 1815 г., как мы увидим, кардинально менялась десятки раз самым непредсказуемым образом. Поэтому в конце концов обе стороны решили не рисковать и пришли к определенному компромиссу. Согласно условиям почетной капитуляции, «...гарнизон с собственным его экипажем перевезен будет в Тулон на судах наймом и содержанием российской и турецкой эскадр под прикрытием военных судов, и дивизионному генералу Шабо со всем его штатом, разными чиновниками позволено отправиться в Тулон, или в Анкону, из оных мест, куда он пожелает коштом договаривающихся держав; генералитет и весь французский гарнизон обязывается честным словом в течение 18 месяцев отнюдь не принять оружие против Империи Всероссийской и Порты Оттоманской и их союзников.

Французы, попавшие в плен во время осады Корфу, на тех же правах отправлены будут вместе с французским гарнизоном в Тулон с

обязательством на честное слово не принимать оружие противу помянутых империй и союзников их во все течение настоящей войны, пока размена их с обоими империями российской и турецкою учинена не будет...

В крепостях острова Корфу при приеме по осмотру определенных оказалось мортир медных разных калибров 92, чугунных 9-ти пудовых каменнострельных 13, голубиц (гаубиц) медных 21, пушек медных разных калибров 323, чугунных разного калибра 187, ружей годных 5495... пороху разных сортов 3060 пудов, пшеницы немолотой в разных магазинах до 2500 четвертей и... морского и сухопутного провианта по числу французского гарнизона месяца на полтора, также оказалось во многих магазинах по разным должностям припасов и материалов немалое количество. Судов при Корфу находящихся: корабль 54-пушечной, обшитый медью "Леандр", фрегат 32-пушечной "Бруна" ("Ля Брюн"), полакра "Экспедиция" о 8 пушках медных, одно бомбардирское судно, галер 2, полугалер годных 4, негодных 3, бригантин негодных 4 и 3 купеческие судна, и оные купеческие судна надлежит казне или хозяевам; велено комиссии об них сделать рассмотрение; в порте Гуви один 66-пушечный корабль ветхой, также один корабль, 2 фрегата ветхие, затопшие; при крепости же Корфу и в порте Гуви нашлось не малое количество дубовых и сосновых лесов, годных ко исправлению кораблей и в перемену рангоута-Февраля 23 числа послано на корабль "Леандр" пристойное число жителей для его исправления, а на фрегат "Бруна" посланы служители с турецкой эскадры, которой по согласию главнокомандующих соединенными эскадрами взят турками, а корабль "Леандр" достался российской эскадре»^[49].

Горацио Нельсон был, безусловно, талантливым адмиралом, но в жизни он был на редкость упрям и мелочен. Еще во время осады Корфу он через британского посла в Стамбуле добивался от турецкого правительства передачи корабля «Леандер» Англии. После сдачи Корфу великий визирь предложил Томаре обменять «Леандер» на фрегат «Ля Брюн», доставшийся при разделе трофеев туркам, да еще и приплатить.

18 мая 1799 г. Ушаков ответил Томаре: «Об отдаче корабля "Леандера" без особого повеления государя я не могу, а будет, мол, повеление, я все исполню». Аналогично наш адмирал ответил на личное послание Нельсона. Тогда сэр Горацио решил действовать через посла в Петербурге Витворта, того самого, который готовил и заговор против Павла I. «Рыцарь на троне» ответил в стиле булгаковского Ивана Васильевича: «Кемска волюсь? Пущай забирают!» В итоге Ушакову пришлось расстаться с единственным ценным призом.

Как уже говорилось, в целом вся кампания 1798—1799 гг., ведомая

Павлом против революционной Франции, противоречила интересам Российской империи. Лишь взятие Корфу в какой-то мере оправдывало посылку эскадры на Средиземное море.

По всей империи повторяли слова фельдмаршала Суворова: «Великий Петр наш жив. Что он, по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах, произнес, а именно: природа произвела Россию только одну: она соперницы не имеет, то и теперь мы видим. Ура! Русскому флоту!.. Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу, хотя мичманом!»

Вопрос о дальнейшей судьбе Ионических островов обсуждался Россией и Турцией еще до взятия Корфу. Турки предлагали передать их Неаполитанскому королевству или создать там княжество, зависимое от Турции. Павел же предложил учредить на островах... республику! Конечно, по современным понятиям конституция этой республики была не совсем демократической. Так, выборы в Большой совет проходили по куриям, отдельно для каждого сословия. Но тем не менее факт остается фактом: Павел I стал первым русским царем, учредившим республику.

Адмирал Ушаков по достоинству оценил стратегическое значение острова Корфу и мощи его укреплений. 13 марта 1799 г. он рапортовал Павлу I: «Вашему императорскому величеству осмеливаюсь всеподданнейше донести в рассуждении важных критических нынешних обстоятельств, да и навсегда почитаю я необходимой надобностью, чтобы остров и крепости Корфу предохранены были от французов, нужно иметь во оных крепостях по крайней мере не менее полка российских войск вашего императорского величества, а если снабдить их хотя посредственно, то не менее двух полков надобно. Старая и Новая крепости Корфу со многими к Новой крепости наружными пристройками укрепление имеют неподобное, а в нынешнее время французы, защищавшиеся здесь, беспрерывными работами укрепили их еще наисовершеннее. Если они когда-либо по отсутствию нашему вновь оными овладеют и будут в них иметь до десяти тысяч войска, тогда отнять от них будет весьма трудно и, что на оное повелено будет, имею ожидать высочайшего вашего императорского величества указа»^[50].

То есть, говоря популярно, Федор Федорович объясняет царю, что уходить русским из Корфу никак нельзя, и размещенный в его укреплениях 10-тысячный русский гарнизон при наличии достаточных припасов может держаться годами.

С марта 1799 г. остров Корфу был главной базой русского флота на Средиземном море. Базируясь на Корфу, наши корабли и доставленные

части вели боевые действия в южной и центральной Италии. В частности, русские десанты участвовали в освобождении от французов Неаполитанского королевства и Папской области.

30 сентября (11 октября) 1799 г. в первый раз за историю Рима русские войска вступили в Вечный город. Вот что доносил об этом событии лейтенант Балабин адмиралу Ушакову: «Вчерашнего числа с малым нашим (корпусом вошли мы в город Рим. Восторг, с каким нас встретили жители, делает величайшую честь и славу россиянам. От самых ворот Св. Иоанна до солдатских квартир обе стороны улиц были усеяны обывателями обоего пола. Даже с трудом могли проходить наши войска»^[51].

Между тем 12 (23) августа 1799 г. генерал Бонапарт покинул Египет на фрегате «Мюнкон». Вместе с ним отплыли фрегат «Каррэре», шебеки «Реванж» и «Фортюн».

Формально отъезд генерала Бонапарта без приказа из Парижа являлся чистой воды дезертирством. Однако с точки зрения военной стратегии, а главное — большой политики, это был гениальный ход. Позже Стефан Цвейг назвал его «звездным часом человечества».

В начале сентября русская эскадра Ушакова, вышедшая из Палермо, разошлась с судами Бонапарта на расстоянии примерно в 100 км. Переход в открытом море от берегов Африки к берегам Сардинии был самым опасным местом маршрута. Отклонись русская эскадра чуть левее, ход истории мог существенно измениться. Что же касается многих десятков британских кораблей и фрегатов, циркулировавших между Мальтой, Сицилией и берегами Ливии, тот тут Нельсон «обмаковался» не хуже самого генерала Мака.

Но, увы, история не терпит сослагательного наклонения, и беглый генерал 9 октября 1799 г. высадился во Франции близ Фрежюса. А ровно через месяц, 9 ноября, то есть 18 брюмера по революционному календарю, генерал Бонапарт совершил государственный переворот. Директория была низложена, и египетский герой сам себя назначил Первым консулом.

Австрия и Англия, использовав армии Суворова в Северной Италии и эскадру Ушакова на Средиземном море, в очередной раз обманули русских.

Взбалмошный и, судя по всему, психически нездоровый Павел как вдруг глупо ввязался в войну с Францией, так и в конце 1799 г. приказал Суворову и Ушакову уходить из Европы, бросая все.

11 октября 1799 г. Павел приказал Суворову возвращаться с войсками в Россию. А 8 октября был подписан высочайший указ Ушакову, в котором говорилось: «Когда из открывающихся в Италии обстоятельств усмотрите, что помощь флота уже более там не нужна, в таком случае, буде Мальте

еще не будет взята от французов и скорой оной сдачи не предвидится, то забрать туда назначенной гарнизон под командою генерал-майора Волконского, равно и назначенной для охранительной гвардии королю неаполитанскому генерал-майора Бороздина, возвращаться к своим портам, дебаркируя означенные войска в Одессе».

7 января 1800 г. эскадра Ушакова в составе семи кораблей, одного фрегата и одного авизо прибыла в Корфу. Вице-адмиралу Павлу Васильевичу Пустошину, блокировавшему Геную, капитану 2-го ранга Сорокину, находившемуся с тремя фрегатами в Неаполе, и капитану 2-го ранга Войновичу, блокировавшему Анкону, были отправлены приказания Ушакова о возвращении в Корфу.

Помимо всего прочего петербургские и севастопольские адмиралы перестали снабжать эскадру Ушакова продовольствием. Так что не столько указы Павла, сколько сильный голод на русских кораблях заставили Федора Федоровича покинуть Средиземное море. Хотя сам он по-прежнему считал необходимым оставить Корфу за Россией.

Перед уводом эскадры на родину Ушаков написал инструкцию начальнику русского гарнизона на острове Корфу подполковнику Гастферу, согласно которой Гастфер оперативно был подчинен русскому послу в Константинополе Томаре. Отношения же с российским генеральным консулом Бенаки не определены: «...сноситься обо всем и советоваться». Кормить русский гарнизон численностью в 150 человек и снабжать всем необходимым обязаны местные власти. «Ни в какие разбирательства гражданских дел входить не должно, ибо оное следует правительству островов»^[52].

Исключения допускались лишь в случае вооруженного мятежа против властей. Наряду с русским в Корфу оставался и равный ему по численности турецкий гарнизон.

Однако к 16 октября 1799 г. турки забрали свой гарнизон на корабли и, дождавшись попутного ветра, уплыли восвояси.

Для поддержки короля Фердинанда в Неаполь Ушаковым была послана эскадра из трех фрегатов: «Михаил», «Григорий Великия Армении» и «Св. Николай». Начальником эскадры назначался командир «Михаила» капитан 1-го ранга А.А. Сорокин. В письме Сорокину Ушаков писал: «Состоящие в команде вашей три фрегата... и войска морские с эскадр, в причислении на оных фрегатах состоящие, также и находящихся военных служителей трех гренадерских баталионов князя Волконского при обозе в Неаполе оставить там, которые и могут быть вспоможением при Неаполе в потребных военных надобностях для содержания при оном

месте тишины и спокойствия»^[53].

Федор Федорович прекрасно понимал, что три гренадерских батальона и три фрегата противодействовать злобному Буонапарту не в состоянии, но зато могут помочь королю держать в повиновении «супостата внутреннего». Соответственно, и гренадеры, и моряки полностью переходя на королевский кошт. «Ежели минуется угрожаемая опасность Неаполю, и буде откроются случаи к занятию Мальты, как в высочайшем повелении от 10 апреля означено»^[54]. То бишь, занимайте Мальту, а как — сами разбирайтесь вместе с кавалером Италийским^[55].

6 (17) июля 1800 г. эскадра Ушакова покинула Корфу. Уже на подходе к Дарданеллам адмирал получил указ Павла, датированный 22 мая. Взмалошный император требовал вывода всех без исключения кораблей и сухопутных войск из Средиземного моря.

4 сентября, стоя уже 5 дней у Константинополя^[56], Ушаков пишет Томаре: «...по всем обстоятельствам верно известно, как бы скоро эскадру и войска взял я из Неаполя, Неаполь тотчас пропал бы от бунтовщиков, войска наши только сей столичный город от гибели спасают. Также и из Корфу когда войска наши будут взяты, по мнению моему, и там тотчас начнутся величайшие беспокойства и, уповательно, многие найдутся пожелают опять французов... По таковым обстоятельствам и по всем тем донесениям, какие от меня отправлены, может быть, от государя императора последует какая другая резолюция»^[57]. То есть попросту Федор Федорович решил погодить, пока император еще чего не надумает. И в принципе оказался прав. Войска и корабли так и остались на Средиземном море.

26 октября (6 ноября) эскадра Ушакова прибыла на Ахтиарский рейд. Экспедиция Ушакова длилась 2 года и 2 месяца. При этом не было потеряно ни одного боевого корабля. Ну а если быть совсем точным, то из-за навигационных аварий утонули фрегат «Поспешный» и два транспортных судна Черноморского флота. Трофейный корабль «Леандер», как мы знаем, Нельсон выцеганил у Павла. Несколько малых трофейных судов были проданы в Корфу и на острове Занте.

Крайне важно было то, что Турция впервые разрешила русским боевым судам проходить через Проливы. «Статус проливов изменился, они становились объектом международно-правового соглашения, подписанного двумя соседними причерноморскими державами, причем по его условиям он мог быть продлен и на будущее время»^[58].

Интересно, что вместе с кораблями Черноморского флота Проливы

прошли и корабли эскадры Карцева, которые формально числились в составе Балтийского флота. В Черноморский флот их перечислили лишь в 1801 г. Это был первый в истории случай, когда корабли Балтийского флота под Андреевским флагом прошли Проливы. Турки, естественно, знали, что это за корабли, но пропустили их без вопросов.

Результаты экспедиции Ушакова могли быть куда значительнее, если бы не авантюризм и полная бездарность императора Павла I как в военных, так в политических вопросах.

У наших военно-морских историков стало традицией, рассказывая о торжественной встрече эскадры Ушакова в Севастополе, затем ставить точку, а в следующей главе переходить к плаванию в Средиземное море эскадры Сенявина. Ну, не будем придирааться и напоминать, что до 1801 г. Севастополь был еще Ахтиаром, а вот выкидывать из истории отечественного флота плавание и боевые операции десятков судов по Средиземному морю явно негоже.

Как уже говорилось, после ухода эскадры Ушакова на Средиземном море осталось два отряда кораблей — Войновича (три фрегата и два авизо) в Анконе и Сорокина (три фрегата) в Неаполе.

21 сентября 1800 г. отряд Войновича прибыл в Корфу на зимовку. С 24 февраля по 4 апреля 1801 г. фрегаты «Навархия», «Сошествие Святого Духа» и «Казанская Богородица» ходили в Бриндизи за русскими войсками, эвакуируемыми из Италии. 13 августа 1801 г. отряд Сорокина покинул Корфу и 9 октября прибыл в Константинополь, где и зазимовал. И лишь 25 апреля 1802 г. отряд пришел в Севастополь.

26 сентября (8 октября) 1801 г. в Париже был подписан русско-французский мирный договор. В тот же день была подписана русско-французская секретная конвенция. Из «этических» соображений ее поместили 28 сентября, то есть двумя днями позже. Согласно этой конвенции оба государства становились гарантами при разрешении споров между многочисленными германскими государствами. Франция сохраняла целостность владений короля Обеих Сицилии как друга императора Александра I. Неаполитанское королевство признавалось нейтральным, причем Россия должна была употребить свое влияние, чтобы этот нейтралитет признали Англия и Турция. Франция и Россия должны были покровительствовать королю Сардинии. Обе стороны гарантировали независимость Ионической республике (Республике Семи Островов).

Еще раз повторю, что русский гарнизон на Корфу так и остался. Надобность в русских войсках в Неаполе отпала, и отряд графа Войновича был отозван. Корпус фрегата «Св. Николай» прогнил, и его 26 июля 1802 г.

продали в Неаполе за 11 460 дукатов. Пушки со «Св. Николая» погрузили в трюмы фрегата «Михаил», который в конце июня 1802 г. отправился в Корфу, куда и прибыл 19 августа.

Фрегат «Григорий Великия Армении» с двумя транспортными судами погрузили остатки войск и 28 июня 1802 г. вышли из Неаполя в Корфу. 21 октября фрегат прибыл в Константинополь, где и остался зимовать. В Николаев он пришел лишь 23 июля следующего года.

Взамен из Севастополя в Корфу был выслан новый 44-пушечный фрегат «Назарет», прибывший туда 15 октября 1802 г. В 1803 г. фрегат «Михаил» вернулся из Средиземного моря в Севастополь. В 1801-1802 гг. «транспорт большого размера» «Григорий» совершил два рейса на Корфу. Таким образом, на Средиземном море с конца 1800 г. по 1804 г. находилось от 6 до 12 русских боевых и транспортных судов.

30 апреля (12 мая) 1804 г. русское правительство направило в Париж ноту с резким протестом против казни герцога Энгиенского. «Наполеон приказал своему министру иностранных дел Талейрану дать знаменитый ответ, который никогда не был забыт и не был прощен Александром, потому что более жестоко его никто никогда не оскорблял за всю его жизнь. Смысл ответа заключался в следующем: герцог Энгиенский был арестован за участие в заговоре на жизнь Наполеона; если бы, например, император Александр узнал, что убийцы его покойного отца, императора Павла, находятся хоть и на чужой территории, но что (физически) возможно их арестовать, и если бы Александр в самом деле арестовал их, то он, Наполеон, не стал бы протестовать против этого нарушения чужой территории Александром. Более ясно назвать публично и официально Александра Павловича отцеубийцей было невозможно. Вся Европа знала, что Павла заговорщики задушили после сговора с Александром, и что юный царь не посмел после своего воцарения и пальцем тронуть их: ни Палена, ни Беннигсена, ни Зубова, ни Талызина и вообще никого из них, хотя они преспокойно сидели не на "чужой территории", а в Петербурге и бывали в Зимнем дворце»^[59].

Лично я не склонен, подобно академику Тарле, переоценивать личную обиду Александра в качестве причины вступления России в новую войну с Францией.

Дореволюционные историки объясняли это приверженностью царя к священным правам легитимизма и т.п., советские историки — заинтересованностью дворянства в торговле с Англией. Хотя уж в чем дворяне, и особенно их жены и дочери, были заинтересованы, так это во французских товарах. На самом деле решающими оказались два

субъективных фактора — влияние «немецкой» партии и честолюбие молодого царя. Матерью Александра была вюртембергская принцесса София-Доротея, а женой — Луиза Баденская, при переходе в православие получившие имена Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна. Вместе с ними в Россию наехала толпа родственников и придворных. Я уже не говорю о «гатчинских» немцах, которым Павел доверил самые ответственные посты в государстве. Вся это компания настойчиво требовала от Александра вмешательства в германские дела — у кого были там корыстные интересы, а у кого на родине от Наполеона пострадали родственники. Свои интересы были и у «польских друзей» императора Адама Чарторыского и К°. Все они доказывали царю, что дело герцога Энгийенского касается всей Германии. Неприкосновенность ее границ нарушена самым наглым образом, и т.д., и т.п.

Следует учесть и субъективные факторы: Александр был крайне честолюбив и жаждал воинской славы, надеясь, что она покроет позор отцеубийства. Император решил лично предводительствовать войсками, двинувшимися в Германию.

Наконец, дворянство было избаловано прежними победами русских войск. Бахвальство и откровенная глупость царили в гостиницах и салонах Петербурга и Москвы. Узколобые аристократы забыли, что всеми победами и территориальными приобретениями Россия обязана мудрой внешней политике великой императрицы, а не каким-то мифическим «непобедимым россам».

25 октября (6 ноября) 1804 г. Австрия и Россия подписали в Петербурге союзный договор, направленный против Франции, а 11 мая 1805 г. был подписан и аналогичный англо-русский договор. Так была образована Третья антифранцузская коалиция. Согласно договоренности союзников новой коалиции Россия обязывалась выставить 180-тысячную армию, Австрия — 300-тысячную. Англия ассигновывала по 1 125 000 фунтов стерлингов на каждые 100 тысяч союзных войск и принимала на себя сверх того четвертую часть расходов по мобилизации.

Увы, и сейчас находятся историки, объявляющие казнь герцога Энгийенского 20 марта 1804 г. преступлением, вызвавшим новую войну. Предположим, что это так. Но попробуем перенестись на два месяца назад, когда герцог еще жил припеваючи в Баденском герцогстве. 20 марта 1804 г. Севастополь. В море выходит

отряд капитана 1-го ранга Н.С. Леонтовича. На борту фрегатов^[60] и транспортов сухопутные войска, боеприпасы и продовольствие, предназначенные для Корфу. Элементарный расчет показывает, что приказ

об отправке войск на Средиземное море «властитель слабый и лукавый» мог отдать не ранее осени 1803 г. Зачем? На Средиземном море мир и благодать, в 1803 г. не произведено ни одного выстрела.

Нравится нам или нет, но посылка отряда Леонтовича свидетельствует о том, что еще в середине 1803 г. Александр I принял решение начать войну, и любые действия Наполеона, как-то: казнь герцога и террористов, мелкие административные изменения в Северной Италии — были лишь предлогом для объявления войны.

И вот вслед за отрядом Леонтовича из Севастополя, Одессы, Очакова и Николаева летом—осенью 1804 г. отправляются в Корфу десятки боевых и транспортных судов с войсками, оружием и продовольствием. Кавалерийские и артиллерийские части перевозятся вместе с лошадьми.

8 мая 1804 г. из Очакова уходит отряд капитана 1-го ранга Салтыкова (корабли «Св. Параскева», «Симеон и Анна» и другие суда) с батальоном Сибирского пехотного полка.

28 июня 1804 г. из Севастополя вышел отряд капитана 1-го ранга П. Макшеева в составе корабля «Мария Магдалина» (2-я) и фрегата «Михаил» с 14-м егерским полком.

В июне того же года к Корфу отправился отряд капитана 1-го ранга Т. Мессера в составе кораблей «Варахаил», «Победа», а также других судов с Витебским полком.

Ряд судов шел отдельно. Так, 11 августа 1804 г. из Одессы на Корфу вышел новый фрегат «Григорий Великия Армении». «Транспорт большого размера» «Григорий» в 1801—1804 гг. совершил три плавания на Корфу и обратно.

В итоге численность русских войск на Ионических островах с середины 1803 г. до конца 1804 г. возросла с 1,2 тысячи человек до 8 тысяч. Командовал сухопутными силами генерал-майор граф Р.К. Анреп.

За неимением достаточного количества транспортных судов в составе Черноморского флота производилась закупка бригов и бригантин у частных лиц, переделывались в транспорты бомбардирские суда и т.д.

7 сентября 1804 г. главный командир Кронштадтского порта П.И. Ханыков получил через товарища морского министра П.В. Чичагова повеление императора срочно подготовить и отправить на Средиземное море наиболее боеспособные корабли «Ретвизан», «Елена», фрегаты «Автроил» и «Венус». 19 сентября командующим эскадрой назначили капитан-командора А.С. Грейга.

8 1805 г. в Корфу продолжали регулярно приходить транспортные и боевые суда с Черного моря. Так, 4 апреля прибыли корабль «Исидор» (74

пушки), фрегат «Назарет» и три вспомогательных судна капитана 1-го ранга Перского, они доставили боеприпасы, продовольствие и 1669 человек сухопутных войск. Фрегат «Назарет» Грейг оставил на Корфу, отправив на ремонт в Россию «Поспешный».

15 сентября на Черное море ушли фрегат «Николай Беломорский» и бриги «Александр» и «Диана», 20 сентября — корабль «Павел» и бриг «Диомед» из отряда капитана 1-го ранга Мессера; 5 октября ушел транспорт «Царь Константин». Транспорт «Григорий» Грейг оставил на Корфу для перевозки леса из Албании.

5 июля 1805 г. полный задора и воинственного азарта 28-летний Александр I приказывает отправить с Балтики на Средиземное море еще одну эскадру. Чего мелочиться, когда идет такая большая охота на злодея Буонапарте.

16 августа 1805 г. Сенявин был произведен в вице-адмиралы и назначен главнокомандующим морскими и сухопутными силами, находившимися на Средиземном море. 31 августа 1805 г. последовал секретный рескрипт царя на имя Сенявина. Не хочу утомлять читателя очень длинным и очень бестолковым текстом рескрипта. Суть его — эскадра направляется с единственной целью: защиты Республики Семи Островов. Спору нет, секретность в военном деле необходима, но зачем так бессовестно врать командующему всеми силами на Средиземном море?

10 сентября 1805 г. эскадра Сенявина вышла из Кронштадта и направилась в Ревель. Через неделю она покинула Ревель и отправилась в Портсмут, куда и прибыла 9 декабря.

В состав эскадры входили 80-пушечный корабль «Уриил», 74-пушечные корабли «Москва», «Св. Петр», «Ярослав» и «Селафаил», а также 22-пушечный фрегат «Кильдюйн». На борту кораблей и фрегатов находились две роты Первого и две роты Второго морских полков, всего 749 человек, в том числе 17 офицеров.

В Англии Сенявин закупил бриги «Феникс» и «Аргус». 18 января 1806 г. эскадра Сенявина прибыла на Корфу, где вице-адмирал принял командование русским флотом на Средиземном море у капитана-командора Грейга. Всего под началом Сенявина оказалось 9 кораблей (не считая корабля «Михаил», обращенного в 1805 г. в транспорт), 5 фрегатов, 11 бригов и других малых судов и 12 канонерских лодок^[61]. Русские сухопутные войска на Ионических островах насчитывали 10,2 тысячи человек, не считая двух тысяч добровольцев из албанцев и греков.

В начале 1806 г. на Корфу под началом Сенявина оказалось^[62]:

(Наименование полка — Списочная численность нижних чинов — Командир)

Козловский мушкетерский — 1528 — Генерал-майор Макшаев

Колыванский мушкетерский — 1601 — Генерал-майор Жердок

Витебский мушкетерский — 1765 — Генерал-майор Мусин-Пушкин

Куринский мушкетерский (2 батальона) — 1230 — Генерал-майор Назимов

13-й егерский — 1149 — Генерал-майор князь Вяземский

14-й егерский — 1154 — Генерал-майор Штегер

Сводный батальон из двух рот 1-го морского и двух рот 2-го морского полков — 699

Гарнизонный батальон о. Корфу (включая 62 чел., находившихся на островах Цериго и Паксо) — 622 — Командор Куринского полка генерал-майор Назимов

Артиллерийские роты — 433 — Майор Кулешов

Всего русских войск — 10181

Легион легких стрелков — 1964 — Генерал-майор Попандополо

Итого сухопутных войск — 12145

Почти все сухопутные войска были сосредоточены на острове Корфу. На других же шести островах Ионической республики находилось 2250 человек. Только на острове Занте гарнизон превышал тысячу человек, а на острове Св. Мавры и на Кефалонии гарнизоны составляли примерно по 500 человек. На Цериго — 48 человек, на Паксо и Итаке стояли гарнизонные команды по 14 человек. Корабли, как и сухопутные силы, удерживались командующим у Корфу.

В свое время Ушаков устроил Адмиралтейство на острове Корфу, где производился ремонт кораблей и фрегатов. После 1800 г. оное Адмиралтейство было заброшено. Грейг приступил было к его восстановлению, но до прибытия эскадры Сенявина толком сделать ничего не успел.

17 февраля 1806 г. Сенявин доносил товарищу морского министра, что необходимых ему мастеровых людей «в здешнем краю приискать невозможно». Большие трудности встречались при заготовке корабельных припасов. Как только Сенявин прибыл, Грейг доложил, что железо, парусина и такелаж покупали ранее в Триесте, Венеции и Неаполе, но война прервала связь с этими городами. Недоставало продовольствия.

Лиснянский, ведавший на эскадре Сенявина хозяйственной частью, также доносил Чичагову, что провианта на Корфу мало, так как из Италии он не может быть доставлен, а из Албании подрядчики доставляли только

живых быков, да и то «с великим затруднением, по причине, что Али-паша скрытным образом делал во всем им препятствие». Не хватало лекарств для госпиталя. Не были заготовлены дрова, необходимые для кузнечных работ. Не было свечей. В довершение всего эскадра испытывала острый недостаток в деньгах. Перед отправкой Сенявина из Кронштадта ему был дан аккредитив на венецианский банк. Но когда эскадра прибыла в Средиземное море, Венеция оказалась уже занятой французами, и реализовать так аккредитив было невозможно. Наличных же денег у Сенявина было очень мало.

Сенявин ускоряет восстановление Адмиралтейства. За мастеровыми и материалом он 19 февраля отправляет на Черное море фрегат «Кильдюин» и несколько малых судов. «Кильдюин» вернется лишь в октябре 1806 г.

Сенявин обращается к маркизу де Траверсе с ходатайством о создании на Корфу запаса корабельных материалов на 4 месяца, запаса провианта на 6 месяцев, муки и круп — на год. Но за счет того, что было поставлено из черноморских портов в марте-июле 1806 г., невозможно было удовлетворить даже текущие потребности Средиземноморской эскадры.

В апреле из черноморских портов в Корфу доставили груз продовольствия. Однако при приемке его была обнаружена недостача сотен пудов муки и мяса, а сухари оказались гнилыми, «с паутиной и червями». Отвечая на запрос морского министра, командир Черноморского флота де Траверсе признал, что еще до отправки груза на Средиземное море «в некоторых сухарях начала оказываться паутина и с оною маленькие червячки». Но маркиз все же признал их «добротою годными для пищи» русского солдата и матроса. В доказательство своей правоты де Траверсе сообщил, что сам он роздал уже более 5 тысяч пудов этих гнилых сухарей «в сухопутную дачу» и немало «на суда и морскую дачу». Траверсе беспокоился лишь о том, «дабы служители не имели повода к противоречию», и поэтому приказал перебирать сухари перед выдачей. Но Сенявин не считал возможным кормить своих солдат и матросов гнилью и отправил весь груз сухарей (8061 пуд) обратно.

«Траверсе мало волновала "непрочность" севастопольских магазинов, в которых гнили продовольственные запасы флота. Сенявин же на Корфу принимал действенные меры к улучшению их хранения. В момент его прибытия на Корфу провиантских магазинов было очень мало, и муку приходилось класть в бунты на улицах; а в мае Лиснянский сообщал Чичагову, что городские власти передали в распоряжение русского командования И магазинов. Были заключены более выгодные подряды на выпечку сухарей и на доставку мяса. Даны были подряды и на доставку

дров.

Высокие цены на дрова сильно удорожали производство кузнечных работ в Корфу. И, заботясь о государственном рубле, Сенявин потребовал, чтобы ему прислали из Таганрогского порта донецкий каменный уголь. Там, писал командующий, "земляного угля, сколько мне известно, есть довольное количество". Траверсе, к которому было направлено это требование, нашел, что сенявинская идея не выдерживает критики: при транспортировке часть угля превращается "в мусор и трату", писал маркиз. Вдобавок кузнецам придется "приучаться работать" на новом топливе»^[63].

Самое забавное — за то, что де Траверсе морил голодом эскадры Ушакова, Сорокина, Грейга и Сенявина, царь Александр наградил маркиза орденом Александра Невского.

Несмотря на все старания Сенявина, местное Адмиралтейство ограничивалось ремонтом кораблей и постройкой малых судов. В связи с этим в 1806 г. Сенявиным на Средиземном и Черном морях было закуплено несколько боевых и коммерческих судов. Причем последние также были обращены в боевые суда. Среди них были корветы «Дерзкий» (28 пушек), «Версона» (22 пушки), «Павел» (18 пушек) и «Альциное» (18 пушек); бриги «Богоявленск» (16 пушек), «Курьер», «Орел» (16 пушек), «Летун» (12 пушек), «Александр» (16 пушек), «Диана» (10 пушек).

Но все хозяйственные трудности на Ионических островах оказались мелочами по сравнению с нелепыми и тупыми приказами из Петербурга. Император Александр и его фавориты П.П. Долгоруков, А.Е. Чарторыйский и др., еле унесшие ноги под Аустерлицем, запаниковали. Со страху царь 14 декабря 1805 г. подмахнул Высочайшее повеление Сенявину: «По переменявшимся ныне обстоятельствам пребывание на Средиземном море состоящей под начальством вашим эскадры соделалось ненужным, и для того соизволяю, чтобы вы при первом удобном случае отправились к черноморским портам нашим со всеми военными и транспортными судами, отдаленными как от Балтийского, так и Черноморского флота, и по прибытии к оным, явясь к главному там командиру адмиралу маркизу де Траверсе, состояли под его начальством...»^[64]

14 декабря 1805 г. по условиям Пресбургского мира Австрия уступила французам в числе прочих отошедших от нее в пользу Наполеона земель также и Далмацию, которую тот же Наполеон, уничтожив Венецианскую республику в 1797 г., отдал австрийцам. Немедленно после ратификации Пресбургского мира дивизионный генерал Лористон по повелению императора занял Дубровник («Рагузинскую республику») и потребовал от

австрийцев сдачи города Бокка-ди-Каттаро^[65]. Но тут французы сразу натолкнулись на упорное сопротивление славянского населения города, которое решило не впускать французов. Однако у Лори-стона силы были значительные: 7 тысяч человек при 16 орудиях.

Горожане были вынуждены обратиться за помощью в Цетинье — столицу Черногории. Верховный правитель и глава Церкви Черногории Петр Негош уже 27 февраля 1806 г. созвал скупщину. На этом собрании черногорцы решили отправить владыку Петра с отрядом в тысячу человек на помощь Бокка-ди-Каттаро. Русский комиссар в Цетинье Санковский объявил населению, что он безотлагательно даст знать адмиралу Сенявину, стоящему с русской эскадрой у Корфу, обо всем, что происходит.

Сенявин оказался умнее «обмаковавшегося» царя и проигнорировал Высочайшее повеление. Мало того, он решил помочь бокезцам еще до получения их просьбы. Адмирал отправил к Бокка-ди-Каттаро отряд капитана 1-го ранга Белле в составе трех кораблей, двух фрегатов и трех малых судов. Замечу, что, стремясь к приобретению важной которской позиции, командующий разрешил Белле высаживаться на берег только после явного приглашения населения. А до этого Белле должен был ограничиться действиями на коммуникациях противника, чтобы не допустить в Которскую бухту французские суда.

Корфу оставался главной базой русского флота в ходе войны с Францией в 1805—1807 гг., а также с турками в 1806—1807 гг.

24 июня 1807 г. русская эскадра Сенявина нанесла поражение турецкому флоту. После Афонского сражения англичане предложили Сенявину начать совместную операцию в Проливах. Однако через три недели после Афона произошло Фридландское сражение, а еще через 11 дней (25 июня 1807 г.) Александр I и Наполеон подписали Тильзитский мир. Обстановка написания этого мирного договора и значение его для России в целом выходят за рамки данной работы, поэтому я останавлиюсь лишь на аспектах договора, касающихся русско-турецких отношений.

Тильзитский договор состоял из собственно договора и секретных статей. Любопытно, что секретные статьи полностью так и не были раскрыты, и я вынужден опираться на русский перевод того, что было рассекречено французским министерством иностранных дел.

Согласно секретным статьям, русские должны были передать французам район Котора. Ионические острова должны перейти «в полную собственность и державное обладание» Наполеона. Александр I «обязуется признать Е.В. Короля Неаполитанского Жозефа-Наполеона Королем Сицилии непосредственно после того, как Король Фердинанд IV получит в

вознаграждение Балеарские острова или остров Кандию, или что-либо иное такого же значения». То есть Александр I признавал оккупацию Наполеоном Южной Италии, заранее одобряя вторжение французов в Сицилию.

В итоге Россия была принуждена заключить унижительный договор с Турцией. Русская армия и флот должны были отдать свои базы на Ионических островах французам и убираться из Средиземного моря. Население Ионических островов, принявшее русское подданство, вероломно выдавалось французам. Вот во что обошлось вмешательство Александра в германские дела.

Победители турок при Афоне не только должны были все бросить и уйти. Тильзит сделал последних союзников Сенявина — Англию и Фердинанда IV — врагами.

Ни Александр I, ни его приближенные в Петербурге даже не пытались понять ситуацию на Средиземном море. 28 июня царь подписал указ Сенявину: судам, числящимся в Балтийском флоте, идти в Кронштадт, а судам, числящимся в Черноморском флоте, идти в Севастополь. Причем указ, благодаря петербургским бюрократам, дошел до Сенявина аж 23 августа. Царь и не думал о штормах и бурях в Средиземном море и Атлантике в осенний и зимний период.

К этому времени русский флот на Средиземной море был разделен на две эскадры. Большая эскадра непосредственно под командованием Сенявина находилась в Эгейском море, а эскадра капитана-командора И. А. Баратынского вела боевые действия против французов в Адриатике. В ее составе были корабли «Св. Петр», «Москва», трофейный корабль «Сед-эль-Бахри», фрегат «Михаил» и ряд малых судов.

19 сентября 1807 г. Сенявин вышел из Корфу и направился к Гибралтарскому проливу. Вместе с ним шло 9 кораблей («Рафаил», «Мощный», «Сильный», «Скорый», «Селафаил», «Ретвизан», «Св. Елена», «Твердый», «Ярослав») и фрегат «Кильдюин». Сенявин планировал пройти из Корфу до Копенгагена (свыше 3000 миль) без захода в порты, что до него не делала ни одна русская эскадра. Но после прохода Гибралтара русская эскадра встретила с сильным противным ветром, не прекращавшимся в течение 20 суток. Из-за повреждений кораблей эскадра была вынуждена 30 октября 1807 г. зайти в Лиссабон. Португальская королева приветливо и доброжелательно встретила русских и обещала помочь в ремонте.

Но в это время наполеоновские войска вторглись в Португалию. 18 ноября войска генерала Жюно заняли Лиссабон.

Между тем в октябре 1807 г. Александр I объявил войну Англии. Поначалу царь по просьбе Наполеона подчинил русскую эскадру в Лиссабоне русскому послу в Париже Толстому. А 1 марта 1808 г. и вовсе подчинил Сенявина Наполеону. Этот указ был вручен Сенявину 8 апреля 1808 г. К этому времени англичане начали теснить французов на Пиренейском полуострове. Генерал Жюно несколько раз предлагал Сенявину принять участие в боевых действиях против англичан, но каждый раз получал вежливый отказ.

9 сентября 1808 г. Жюно потерпел поражение в битве у Веми-Эйро и капитулировал. По условиям капитуляции остатки войск Жюно на английских транспортах были перевезены во Францию. Там же было сказано, что порт Лиссабон остается нейтральным для русской эскадры. Но командующий английской эскадрой, блокировавшей Лиссабон, адмирал Котгон, отказался признать условия капитуляции и потребовал сдачи русских кораблей. Заметим, что англичане всегда соблюдали лишь те договоры и соглашения, которые устраивали их, вспомним отказ Нельсона принять условия капитуляции в Неаполе.

Русские корабли стояли на реке Тахо в Лиссабоне. Англичане захватили оба ее берега. В море русских ждали 15 английских кораблей и 10 фрегатов. Сенявин мог выйти лишь на семи кораблях и одном фрегате, так как корабли «Рафаил» и «Ярослав» имели течь и могли потонуть, едва только показавшись в море.

В такой ситуации Сенявин 25 августа 1808 г. подписал договор о передаче русских кораблей на хранение английскому правительству. Под конвоем английской эскадры семь русских кораблей и фрегат «Кильдюин» 15 сентября 1808 г. были доставлены в Портсмут. «Рафаил» и «Ярослав» «за ветхостью» были оставлены в Лиссабоне, где их захватили англичане.

Экипажи кораблей, пришедших в Портсмут, в 1809 г. были отправлены в Ригу на английских транспортах. Сами же корабли остались в Англии. Лишь в 1813 г. в Россию вернулись «Мощный» и «Скорый». Остальные корабли были негодны к переходу в Россию, они так и остались в Англии.

Не лучше сложилась судьба и остальных кораблей русского Средиземноморского флота. По царскому указу эскадра капитана-командора Салтанова, состоявшая из судов Черноморского флота, должна была идти в Севастополь. В ее составе было пять кораблей, четыре фрегата, четыре корвета, четыре брига и двадцать призовых судов. Но турки отказались пропустить их через Проливы.

Корабли «Москва» и «Св. Петр» 2 октября 1807 г. вышли из Корфу и двинулись к Гибралтару в надежде прорваться в Россию. Но 9 октября

между Сицилией и Сардинией они попали в сильнейший шторм и из-за повреждений были вынуждены зайти в порт Ферайо на острове Эльба. Французы не пустили их дальше. В начале 1808 г. оба корабля перешли в Тулон, где и простояли 22 месяца под русским флагом. 27 сентября 1809 г. поступило Высочайшее повеление продать корабли Франции.

Фрегат «Венус» под командой капитана 1-го ранга Андреянова, отправленный Сенявиным из Лиссабона с депешами в Палермо, благополучно дошел до этого порта, но находившийся там с отрядом английский вице-адмирал Торнбороу потребовал сдачи фрегата. Андреянов, ответив, что «фрегат взлетит на воздух, но не сдастся», приготовился защищаться до последнего и потом взорваться. Но по ходатайству русского посланника Татищева неаполитанское правительство разрешило поднять на «Венусе» неаполитанский флаг и тем избавило фрегат от неминуемой гибели.

Фрегат «Григорий Великия Армении» и старый корабль «Св. Михаил» за ветхостью были в 1809 г. проданы в Корфу.

А остальные корабли и суда Средиземноморского флота собрались в Триесте, где в сентябре 1809 г. были сданы французам. Среди них были корабли «Азия», «Уриил», «Св. Параскева», «Сед-эль-Бахри» (бывший турецкий); фрегаты «Легкий» и «Михаил»; корветы «Дерзкий», «Версона» и «Павел»; бриги «Феникс», «Богоявленск» и другие суда.

Гибель русского флота в Средиземном море произошла не по вине моряков и адмиралов, а из-за бездарной политики Павла I и Александра I, четырежды втягивавших Россию в войну с Францией — государством, которое с 1789 по 1812 г. не претендовало ни на дюйм русской земли.

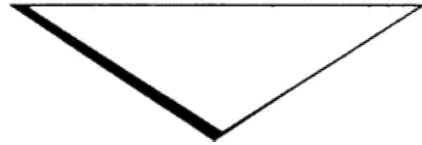
После ухода русских из Корфу Ионические острова решили занять англичане. В 1809 г. генерал Освальд взял Занте, Кефалонию и Цериго, а в следующем году овладел островом Св. Мавры. В 1814 г. англичане захватили остров Наксос. Однако французский генерал Данзело упорно защищал Корфу.

Лишь после отречения Наполеона, получив приказ нового короля Франции Людовики XVIII, brave генерал согласился сдать Корфу англичанам. До 1864 г. Ионические острова находились под контролем Англии и лишь потом были переданы Греции.

Недавно у нас пышно отметили 200-летнюю годовщину Бородинской битвы и изгнания Великой армии из России. Увы, потери русской армии и огромные жертвы русского народа оказались напрасными.

«Коллежский ассессор по части иностранных дел» с треском проиграл все дипломатические баталии.

Россия, столько воевавшая при Павле и Александре из-за Мальты и Корфу, без звука отдала их англичанам. Все, что получила страна, победившая Наполеона, это царство Польское, населенное панами — ненавистниками России. Именно присоединение этих земель привело к мятежам 1831 и 1863 гг., а также к полонизации Белоруссии и Украины и, соответственно, трагедии 1991 г.

Глава 7.

ОСТРОВ ПОРОС

В 1821 г. в Греции началось восстание против турецкого владычества. В значительной мере оно было инспирировано извне греческой диаспорой, проживавшей в Европе. Англия и Франция также понемногу помогали повстанцам.

25 марта 1821 г. митрополит Патраский Герман выпустил прокламацию с призывом к всеобщему восстанию. Воспользовавшись тем, что гарнизоны в Морей сокращались — войска направлялись в Янину, греки в начале апреля сумели овладеть большинством крепостей. «Действуя согласно с ними на море, греческие пираты с их смертоносными, маневренными брандерами обеспечили контроль над всеми ключевыми портами побережья.

Это ограничило возможности снабжения и переброски турецких подкреплений наземными коммуникациями, пролегавшими по гористой, удерживаемой в руках партизан территории. В числе островов повстанцы удерживали Спеце, расположившись на котором, богатая вдова-гречанка организовала блокаду залива Нафплиона за свой собственный счет, а также Псару и, в зависимости от обстоятельств, Гидру, благодаря капитану судна, который поднял людей против их собственных примасов.

По всему полуострову популярная песня восставших "В море не должно остаться ни одного турка" спровоцировала массу кровожадных нападений на мусульман. Восстание перекинулось через Коринфский залив, где "неверные" горожане Ливадии были жестоко истреблены. Крестьяне преодолели наскоро возведенную стену, чтобы взять Афины, в то время незначительный провинциальный городок с десятью тысячами жителей, который был личной собственностью султана. Но афинский Акрополь, дополнительно укрепленный со времен его осады венецианцами, держался еще больше года. На западе решительно восстал Месолонгион. На севере восстание вспыхнуло среди "овчарен Пелеона" и на тройке македонских полуостровов Халкидики, где монахи Афонского монастыря с готовностью вооружились ради одновременно религиозного и национального дела»^[66].

Повторяю еще раз — большие цитаты я даю, дабы избежать обвинений в необъективности — разбой, зверства греков и т.п.

В декабре 1821 г. — январе 1822 г. в городе Эпидавр собрались 67 депутатов, представлявших различные области Греции. Они провозгласили независимость Греции и выбрали законодательный исполнительный совет. Однако в руководстве греков не было единства, и они более занимались интригами, нежели войной с турками.

Вскоре «общественное мнение» Европы и России захлебнется от негодования по поводу зверств турок, хотя все началось с диких расправ повстанцев над мусульманами — турками и греками.

Так, к примеру, 12 сентября 1821 г. 15 тысяч повстанцев-греков под командованием Теодороса Колокотрониса захватили город Триполици. Причем не взяли штурмом, а приняли капитуляцию. За три дня в городе было вырезано до 30 тысяч мусульман (турок и греков) и 5 тысяч евреев. Греческий историк гордо называет Триполици греческой Бастилией^[67].

Но резня в Триполици и других городах Морей западную и российскую общественность совершенно не интересовала. Чтобы урвать свою долю на Востоке, Лондону, Парижу и Петербургу нужна была только греческая кровь. И случай вскоре представился.

10 марта 1822 г. 2500 греческих пиратов с острова Самос высадились в бухте Мегас на острове Хиос, где ранее не было межнациональных и религиозных столкновений. Полуторатысячный турецкий гарнизон попытался сбросить самиотов в море, но потерпел неудачу и укрылся в крепости. Большинство жителей Хиоса тихо сидели по домам, закрыли лавки. Однако несколько сотен люмпенов кинулись резать и грабить турок.

24 марта из Константинополя вышла турецкая эскадра во главе с капудан-пашой Кара-али в составе 16 фрегатов, 18 корветов и бригов с войсками на борту. 30 марта османский флот появился у Хиоса. Корсарская флотилия псариотов, пришедшая на помощь самиотам, немедленно ретировалась.

Турецкий корвет сел на мель у берега. Тогда толпа повстанцев захватила его и перерезала 80 человек команды. Ну а далее Кара-али высадил десант на остров. Кроме того, через узкий пролив (около 5 км), отделявший Хиос от Малой Азии, вернулись тысячи турок, бежавших с острова после прибытия туда корсаров. Естественно, началась резня — убивали правых и виноватых, благо, различить их не было никакой возможности. Правда, щадили желающих принять ислам, а таковых набралось довольно много.

Замечу, что на Хиосе вдоволь «порезвились» пятьсот «неверных» запорожцев под началом кошевого атамана Семена Мороза и войскового старшины Лоха. Кстати, Мороз — уроженец города Киева, а Лох —

знатный польских шляхтич, уроженец Правобережья. В сражении на Хиосе кошейвой и сложил свою буйную головушку.

24 июня 1827 г. Россия, Англия и Франция на основе Петербургского протокола подписали в Лондоне конвенцию об образовании автономного греческого государства. Стороны обязались предложить Порте свое посредничество в целях примирения с греками на следующих условиях: греки будут находиться в зависимости от султана и платить ему ежегодную подать; управление будут осуществлять местные власти, но в их назначении известное участие будет принимать Порта. «Для отделения греческой национальности от турецкой и предотвращения столкновений между ними греки получают право выкупать всю турецкую собственность, находившуюся на их территории».

Параллельно с дипломатическими усилиями русское правительство еще в 1826 г. начало готовить на Балтике эскадру для посылки в Средиземное море. В состав эскадры вошло 9 кораблей, 8 фрегатов и 3 корвета.

8 августа 1827 г. отряд контр-адмирала Гейдена вышел из Портсмута, а остальная часть эскадры под командованием Сенявина вернулась в Кронштадт. К отряду Гейдена должен был присоединиться 44-пушечный фрегат «Вестовой», но он 3 июля 1827 г. погиб, сев на камни в Финском заливе.

1 октября 1827 г. русская эскадра у острова Занте (Ионические острова) соединилась с английской и французской эскадрами. Эскадры английского вице-адмирала Кодрингтона и французского вице-адмирала де Риньи с 11 сентября крейсировали вблизи Наваринской бухты, где стоял турецко-египетский флот.

8 октября союзные флоты вошли в Наваринскую бухту и уничтожили свыше 60 турецких судов, включая 3 корабля, 9 фрегатов, 24 корвета и 14 бригов.

Англия и США предоставили повстанцам мощные боевые корабли: 58-пушечный фрегат «Эллас», корвет и два парохода. Союзные флоты устроили жесткую блокаду Греции и не пропускали туда даже судов с продовольствием. В конце концов им удалось добиться эвакуации египетских войск.

И, наконец, в Греции был высажен французский экспедиционный корпус генерала Мезона. Французские войска силой овладели турецкими крепостями Наварин, Корон, Модон и Патрас. Правда, турки понимали, что их дело проиграно, и особенно не сопротивлялись.

Сложилась трагикомическая ситуация. Правительства и

«общественность» Англии, Франции и России восхищались героями Эллады, освободившими свой народ от турецкого рабства, и помалкивали о многих десятках тысяч мирных жителей — турках, греках, евреях, албанцев и других, вырезанных повстанцами.

А с другой стороны, корабли ведущих морских держав гонялись по всему Средиземноморью за судами «героев Эллады» и вешали их капитанов, а иной раз и всю команду. Историограф русской эскадры И.И. Кадьян приводит вот такие данные о деятельности греческих пиратов: за десять месяцев 1827 г. было разграблено 90 нейтральных судов (31 австрийское, 18 английских, 4 ионических, 11 французских, 9 сардинских, 7 русских, 4 шведских, 4 американских, одно неаполитанское и одно голландское). Похищенные с этих судов грузы оценивались в огромную по тем временам сумму — 24 млн. пиастров, то есть около 2 млн. испанских талеров^[68].

Странная картина получается. На суше греки сплошь герои, «белые и пушистые», и на защиту их вся Европа поднялась, а на море — дикие головорезы!?

Русские корабли участвовали в борьбе с греческими пиратами весьма неохотно. С одной стороны, русских торговых судов в Средиземном море практически не было^[69], а с другой стороны — у офицеров было слишком велико презрение к туркам, которых и за полноценных людей-то не считали. Тем не менее несколько эпизодов имели место. Так, фрегат «Нестор» в феврале 1828 г. попытался захватить базу корсаров в районе порта Миндра (Мандра). Фрегат встал у выхода из залива. По приказу его командира капитан-лейтенанта И.С. Сытина были спущены шлюпки с десантом, которые отправились в глубь залива. Там были обнаружены два корсарских судна. Одномачтовый бот с одной пушкой и 40 человеками команды сдался сразу, а команда шестипушечной двухмачтовой шхуны решила драться. Греки посадили шхуну на мель, а сами укрылись на берегу в развалинах монастыря. Командир десанта лейтенант И.Л. Тимашев стал высаживать десантников на берег. Одна из шлюпок села на мель, и греки тут же открыли по ней ружейный огонь. Тогда Тимашев повел десантников в атаку, в результате которой греки были вытеснены из развалин и прижаты к морю. Русские матросы, мстя за троих своих тяжело раненых товарищей, почти всех корсаров перекололи штыками, а пытавшихся спастись вплавь перестреляли. Из 60 корсаров только десять остались живы и были взяты русскими в плен.

А в это время фрегат «Нестор» обстреливал из пушек корсарский бот

со 150 греками на борту под командой «капитана» Грезииоти. Бот пытался проскочить к берегу и помочь засевшим в развалинах грекам, но огонь «Нестора» вынудил его сдаться.

Первые два судна русские моряки сожгли, а десятерых пленных, захваченных на берегу, заковали в кандалы и оставили на фрегате. Бот же был разоружен и под конвоем приведен в Эгину, где вместе с пленными сдан греческому правительству.

Еще в 1827 г. три союзные державы практически признали независимость Греции и согласились на избрание ее президентом графа Каподистрии. Союзники определили, что территорией Греции будет вся материковая часть и примыкающие к ней Кикладские острова. Крит и другие острова считались территорией Османской империи.

11 апреля 1827 г. народным собранием в Трезане граф Каподистрия был избран на 7 лет правителем Греции («председателем греческого правительства»).

Обратим внимание, город Тризана расположен на полуострове Пелопоннес напротив острова Поро (Порос) — не путать с Паросом. Ну а у одного острова стояла русская эскадра.

Когда прибыли к острову первые русские корабли, установить не удалось, но уже к концу 1827 г. фрегат «Нестор» и бриг «Усердие» захватили турецкий 20-пушечный египетский корвет «Шарк Йилдызы» («Восточная Звезда»).

29—30 апреля большая часть пленных турок была высажена на берег в районе Корона, а сам корвет 4 мая приведен к острову Парос, где стояла эскадра Гейдена. На Паросе корвет перевооружили четырьмя 12-фунтовыми пушками и шестнадцатью 18-фунтовыми карронадами, и он под названием «Наварин» вошел в состав русского флота. Первым командиром корвета стал капитан-лейтенант Павел Степанович Нахимов.

Почему Гейден выбрал остров Парос, где, как мы помним, еще Орлов «учинил русскую губернию»? Контр-адмирал лично осмотрел Парос и обсудил вопрос с греческим президентом Каподистрией. В итоге вместо Пароса был выбран остров Поро (Поро).

Остров Парос находится в самом центре Эгейского моря и почти равноудален от материковой Греции и Малой Азии, то есть в стратегическом плане он более выгоден как для контроля дальних походов к Константинополю, так и более безопасен от десантов турок, поскольку во времена Орлова вся материковая Греция контролировалась османами.

Теперь же на материке была дружественная греческая армия, но рядом находились пока нейтральные английская и французская эскадры. Остров

же Порос площадью 33 кв. км находится в заливе Сироникос между Аттиной и Пелопонесским полуостровом. Порт Пирей находился в 40 км, так что в случае чего греческому правительству можно легко помочь справиться с «врагом внутренним». А нападут с моря англичане — легко драпануть на Пелопоннес: ширина пролива, отделяющего остров от материка, около 300 метров.

Окончательно Гейден убедился в правильности выбора Пороса 17 мая, когда туда корвет «Гремящий» привез из Анконы депешу министра иностранных дел Нессельроде от 21 марта 1828 г., в которой прямо говорилось, что в предстоящей войне с Турцией России «быть может, придется иметь дело с коалиций».

В былые времена, и даже в 1827 г., остров Порос служил прибежищем греческих корсаров, или пиратов, — пусть каждый сам выбирает им название. Очевидец Кадьян так описал остров: «Порос есть один из лучших и превосходнейших портов Архипелага, мореходец всегда найдет в нем верное и совершенно безопасное пристанище. Серповидные берега Арголиды [историческая область Греции на северо-западе Пелопоннеса] и острова Порос, древле Серерия именующегося... образуют рейд его в виде длинного бассейна или озера и защищают от всех ветров и волнения, коего здесь никакие аквилоны производить не могут. Глубина оного умеренная, а грунт ил, свежей воды здесь довольно, но сие я разумею только в отношении портов Архипелага, потому что здесь берут оную из ручейков, вытекающих из гор и болот морейских... Лесу здесь нет, дрова, в коих жители по счастливому климату имеют мало нужды, добывают в горах, вырывая большей частью из земли коренья прежде срубленных деревьев. Скота, живности, зелени и фруктов всегда достаточное количество сыскать можно».

Однако русские моряки, долго находившиеся на Поросе, убедились, что климат там не такой уж и «счастливый», особенно в летний зной и при безветрии. В такую жару продовольствие быстро портилось. Вода оказалась мало пригодной для питья, дров же едва хватало для приготовления пищи.

В восточном углу рейда, где часть острова, «загибаясь к Зюйду, отделяется от берегов Морей узким каналом, не ограждающая с сей стороны оный, находится город Порос, расположенный по косоуглу, внутри порта обращенный, около коего становятся на якорь купеческие суда»^[70].

Итак, база для эскадры была найдена. Но тут возникла неуверенность со статусом эскадры. 21 марта 1828 г. Нессельроде предписывал Гейдену «пользоваться всеми правами, которые предоставляет ему война, над

флотом, собственностью и владениями Турции» — атаковать или отражать нападения турецких, египетских и «варварийских» (то есть тунисских и алжирских) судов, перехватывать военную контрабанду, доставляемую на нейтральных судах, «прибегая к взятию или потоплению нейтрального судна только в крайнем случае». Но всеми этими правами воюющей стороны Гейден мог пользоваться только в греческих водах. А в остальном Гейден был обязан вместе с союзными эскадрами по-прежнему «содействовать достижению общей цели, то есть исполнению Лондонского договора».

Гейдену предписывалось относиться к грекам как к союзникам, помогать им оружием и «всякими пособиями», при этом уверяя их, что помощь эта оказывается «только из-за войны» и что Россия, выполняя Лондонский трактат, не имеет ввиду «разрушение Турецкой империи»^[71].

Но 18 апреля, то есть менее чем через месяц, царь повелел отправить Гейдену новую инструкцию, предписывавшую приостановить действия «права воюющей державы». Нессельроде от 18 апреля писал Гейдену: «Государь предписывает вам не раздроблять слишком силы вверенной вам эскадры и заботиться, чтобы расположение общего плана блокады и крейсерства не отнимало у вас средства начальником греческого правительства». Адмирал должен был сам решать, «достаточен ли будет самый неприступный порт Архипелага для обеспечения... эскадры от враждебных действий сильнейшего флота и не заставил ли вас недостаток в средствах к продовольствию и истощению военных снарядов удалиться в один из французских портов Средиземного моря»^[72]. Гейдену также предписывалось выдать президенту Каподистрии полтора миллиона рублей ассигнациями «на расходы по его усмотрению».

К 1 января 1829 г. корабли «Эммануил», «Ольга» и «Мария» несли блокадную службу у Дарданелл. На Поросском рейде находились корабли «Азов», «Царь Константин», «Александр Невский» и «Иезекииль», а в Эгине стояли корабль «Князь Владимир» и фрегат «Елена».

Кроме того, на Мальте готовились к возвращению в Кронштадт фрегат «Кастор» и корвет «Гремящий».

6 января к Мальте на Валеттский рейд пришел корабль «Великий Князь Михаил», а 12 января подошли остальные суда «третьей эскадры»: фрегат «Княгиня Лович» и бриги «Телемак» и «Улисс».

По предписанию Гейдена все вновь прибывшие из Кронштадта суда должны были перейти в главную базу — на Порос. На Мальте оставался лишь один бриг, служивший для перевозки депеш между Мальтой и

Неаполем взамен «Гремящего». Этим пока занялся «Телемак». «Великий Князь Михаил» и «Улисс» задержались в Валетте для мелкого ремонта, а фрегат «Княгиня Лович» 20 января покинул Мальту и 5 суток шел до Пороса. Через неделю туда же пришли и «Князь Михаил» с «Улиссом».

Служба на русских судах на рейде Пороса мало отличалась от службы в Кронштадте. По будням на кораблях проходили артиллерийские, парусные и шлюпочные учения, а по выходным и праздникам команды по очереди отпускались на берег. Адмирал Гейден периодически посещал суда, осматривал их, проверял выучку команд и общался с офицерами.

После передачи в распоряжение И. Каподистрии фрегата «Елена» корабль «Князь Владимир» перевели и надолго оставили на Поросе, так как на нем испрели якорные канаты. И до получения новых корабль не мог выйти в море. Из офицеров «Князя Владимира» была создана хозяйственная комиссия под председательством командира корабля капитана 1-го ранга А.И. Грена. Комиссия занялась приемкой и распределением получаемых из России и со складов на Мальте запасов материалов и продовольствия для судов эскадры, а также занималась приемкой задержанных или конфискованных во время блокады судов и грузов.

С лета 1828 г. русские моряки всячески благоустраивали остров. Они вырыли несколько глубоких колодцев, построили магазины (морские склады), большой госпиталь, для детей местных жителей построили школу.

У рейда были построены две береговые батареи. На горе, с которой хорошо просматривался весь внешний рейд и подходы к острову, русские моряки поставили сигнальную мачту и организовали круглосуточный пост.

На западном рейде острова Гейден разрешил базироваться и греческой эскадре адмирала Андреас-Бокоса Миаулиса. В 1828—1829 гг. там базировались фрегат «Эллас», корвет «Индра», два-три брига и два парохода. Греческие парусники выходили в море редко, а оба парохода постоянно курсировали между Поросом, Эгиной и Навплией. А более двух десятков вооруженных частных бригов, шхун и других мелких судов простаивали в небольшой городской гавани. Часть из них Гейден использовал под плавучие магазины. Бриги «Киман» и «Фортуна» («Фортумато») были зафрахтованы в январе 1829 г. для грузовых перевозок. На каждый бриг было назначено по одному русскому офицеру с эскадры с разрешением поднимать российский командирский флаг. Эти бриги использовались при эскадре до конца войны.

Осенью 1828 г. — весной 1829 г. 66-пушечный корабль «Эммануил» участвовал в блокаде Дарданелл. Несмотря на то что он был введен в строй

в конце 1824 г., корабль пришел в ветхое состояние и 1 мая 1829 г. был приведен в Порос, где обращен в блокшив для нужд русской эскадры.

В мае 1830 г. корпус «Эммануила» был продан греческому правительству за 30 тысяч талеров, а фактически в долг. Греки так и не отдали ни копейки.

В Порос регулярно приходили русские и иностранные (зафрахтованные) суда с грузами для эскадры. Только в 1829 г. из Кронштадта на Порос пришло 12 зафрахтованных Морским ведомством купеческих судов.

2 сентября 1829 г. в Адрианополе был подписан мир с Турцией. Теперь русской эскадре вроде бы нечего было делать в Средиземном море, и Гейден стал готовиться к уходу.

В своем прощальном письме Гейдену греческий президент Каподистрия писал: «Порос был еще недавно бедненьким местечком, не имеющим ни дорог удобных для езды, ни другого какого-либо народного учреждения. Ваше Превосходительство избрали этот порт местом для собрания флота, и вскорости этот остров оживился: громадные строения... дали средства к честному существованию многим рабочим людям и многим бедным и неимущим. Через несколько месяцев, благодаря всеобщему успокоению жителей, город Порос принял благоприятный вид проложением дорог, украсился площадями и выстроенными набережными, и обширное училище было в нем учреждено и устроено»^[73].

22 октября 1829 г. адмирал Гейден получил Высочайший рескрипт, подписанный царем 24 сентября, о возвращении русского флота. А для поддержания порядка в Греции оставались корабли «Фершампенуаз» и «Александр Невский», фрегат «Елисавета», бриги «Улисс», Телемак» и «Ахиллес». Позже к ним присоединился фрегат «Княгиня Лович», который должен был находиться в Константинополе в распоряжении русского посланника. Все же остальные корабли и суда «к 1 мая непременно» должны были прибыть в Кронштадт «под началом старшего под вами флагмана». Самому Гейдену царь повелел остаться на Средиземном море. Однако адмирал отказался, и командовать оставшимися судами пришлось Рикорду.

Оставшиеся суда продолжали базироваться на Порос. В отдаленной части рейда Пороса уже в 1828 г. было устроено нечто типа артиллерийского полигона. Стрельбы там продолжались до 1831 г. Так, в октябре 1830 г. за удачные стрельбы адмирал Рикорд наградил матросов-артиллеристов корабля «Фершампенуаз» пятью испанскими талерами, что по тем временам было суммой немалой.

Между тем в Греции росло недовольство коррумпированным правительством Каподистрии и особенно деятельностью его братьев Виароса и Августиноса, а также другой родни, занявшей самые хлебные места.

Недовольство правительством Каподистрии греки стали переносить и на русских. Адмирал Рикорд писал: «Жители Пороса сразу после ухода эскадры [главных ее сил. — А.Ш.] стали ярыми нашими врагами».

В 1831 г. в Греции вспыхнуло восстание. В связи с этим эскадра контр-адмирала Рикорда получила приказание Николая I содействовать «законному» правительству президента Каподистрии.

В ночь на 14 (26) июля 1831 г. 150 греков с острова Индра под командованием адмирала Миаулиса захватила на рейде Пороса суда греческого флота: фрегат «Эллас» и корветы «Идра» и «Спеце».

После захвата этих кораблей греческого флота Каподистрия немедленно обратился к командирам союзных эскадр с просьбой содействовать возвращению этих кораблей правительству. На этот призыв откликнулся только русский адмирал Рикорд. Русская эскадра была рядом, да и Париж с Лондоном не собирались поддерживать Каподистирию. К этому времени на рейде Пороса стояли 44-пушечный фрегат «Княгиня Лович», бриги «Тельман», «Ахилл», «Улисс». 25 июля туда пришел из Константинополя люгер «Широкий». 18 (30) июля 1831 г. русская эскадра блокировала подходы к Поросу.

Через пять дней к Поросу подошли английские и французские корабли. Их старшие начальники Лайонс и Лаланд предложили Рикорду вступить в совместные переговоры с Миаулисом, однако русский адмирал отказался, считая, что такие переговоры придали бы видимость легитимности действиям мятежников Идры. Тогда английский и французский командиры сами вступили в переговоры с Миаулисом. Как позднее сообщил сам мятежный адмирал, позиция английского и французского командиров во время этих переговоров была двучленной. Формально они осудили действия идриотов и призвали их покинуть Порос. Но в приватной беседе Миаулису дали понять, что не применят силу против греческих кораблей, и посоветовали мятежникам создать какой-либо временный орган власти, для того чтобы придать их действиям вид законности.

В тот же день, 25 июля (6 августа) 1831 г., Лайонс и Лаланд покинули Порос, утверждая, что вопрос мог быть решен мирно только в случае уступок со стороны Каподистрии.

27 июля (8 августа) командир пушечного брига «Телемак» капитан-

лейтенант Д.П. Замыцкий послал к греческому корвету «Спеце» шлюпку. Зачем? С целью начать переговоры? Но ведь адмирал Рикорд категорически отказался от любых переговоров. Единственной альтернативой была попытка захватить «Спеце». С борта корвета греки сделали несколько предупредительных выстрелов. Замыцкий использовал этот как повод начать бомбардировку. 20-пушечный бриг «Телемак» и 12-пушечный люгер «Широкий» открыли огонь по «Спеце». Греческие пароходы и береговые батареи на Поросе открыли ответный огонь. 24-фунтовые карронады брига нанесли сильные повреждения «Спеце». Корвет загорелся, а команда перебралась на берег.

На следующий день, 28 июля, Рикорд атаковал остальные греческие суда. Артиллерия русских кораблей была существенно сильнее греческой, а канониры куда лучше обучены. Греческий фрегат «Эллис» взорвал корвет «Индра». Два парохода и несколько малых судов сгорели. Большой части греческих команд удалось спастись на берегу. Потери русских составили 6 человек убитыми и 13 ранеными.

Если бы противником были не греки, а турки или, еще лучше, англичане, то сражение при Поросе было бы приравнено к Синопскому. А адмирал Рикорд был бы канонизирован отечественными историками и вошел бы в Пантеон славы наряду с Лазаревым, Корниловым и др.

Но, увы, увы... И Рикорду пришлось оправдываться в содеянном. В донесении начальнику Главного морского штаба князю Меншикову от 2 (14) августа 1831 г. говорилось: «Не желая быть причиною совершения мятежниками столь отчаянного намерения лишить греческое правительство всей почти, можно сказать, морской силы, а довольствуясь тем, что привел его [Миаулиса. — А.Ш.] в ничтожное положение, хотел спокойно дожидаться возвращения гг. Лаланда и Лайонса, чтобы при них все кончить. Утром 1-го августа, находясь на молитве, я услышал сильный треск и, выбежав из шханцы, взоры мои поражены были ужасною картиною взрыва на воздух корвета "Идра" и фрегата "Эллас"».

Ну, прямо «унтер-офицерская вдова сама себя высекла» — адмирал Миаулис сам со скуки сжег свои корабли.

Зато Каподистрия был в восторге от действий Рикорда. В письме адмиралу от 19 (31) августа 1831 г. он выразил ему «признательность Греции за содействие, которое оказано ей императорской эскадрой».

Получил он и монаршее благоволение. На докладе Меншикова о деле у Пороса Николай I написал: «Кажется, А[дмирал] Рикорд исполнил свой долг, а что наши моряки храбро дерутся, то нам не новое». В декабре 1831 г. Рикорд был произведен в чин вице-адмирала, а российская эскадра в

Греции была подкреплена еще тремя судами.

Русские корабли установили блокаду острова Индра. Блокада эта продолжалась до октября 1831 г.

Помощь русских моряков не помогла Каподистрии. Наоборот, это привело к еще большему падению его популярности в стране.

27 сентября (9 октября) 1831 г. президент был убит заговорщиками. После этого командующие английской и французской эскадрами потребовали от Рикорда немедленно снять блокаду с острова Индра. Русским кораблям пришлось уйти от берегов острова.

В Греции было экстренно созвано 5-е Национальное собрание. 5(17) декабря 1831 г. в Аргосе оно избрало брата Иоанна Каподистрии Августиноса сначала председателем греческого правительства, а затем временным президентом Греции. Российское правительство признало передачу власти Августиносу Каподистрии и обещало ему всяческую поддержку.

Однако новое правительство продержалось всего две недели. В ночь на 31 марта (12 апреля) 1832 г. Августинос Каподистрия на русском бриге «Парис» бежал на свой родной остров Корфу.

7 мая 1832 г. Лондонская конференция избрала грекам короля — Отгона I, сына баварского короля Людовика I. 8 августа греческое «народное собрание» проголосовало за нового короля. Русское влияние в Греции сильно упало. В июне 1833 г. русские корабли надолго покинули греческие воды. Сам адмирал Рикорд вернулся в Петербург через Константинополь.

Отгон I не пользовался особой любовью греческого народа. В довершение всего он даже не смог родить наследника. В октябре 1862 г. он бежал из Греции в родную Баварию.

Великие державы после жестких споров сошлись на сыне датского короля Кристиана IX принце Кристиане Вильяме Георге. Принц был 100-процентным немцем из династии Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбург.

30 марта 1863 г. Учредительное собрание избрало принца Георга греческим королем.

В октябре 1867 г. в Петербурге сыграли пышную свадьбу греческого короля Георга I с великой княжной Ольгой Константиновной (1851—1926), племянницей императора Александра II. Король был счастлив в семейной жизни. У супругов родилось пятеро сыновей и две дочери. Этот брак способствовал усилению русофильской партии при дворе и укреплению дипломатических связей Греции с Россией.

В конце 60—70-х гг. XIX века русские корабли регулярно посещали Грецию, но в большинстве случаев они заходили в порт Пирей. Там корабли периодически посещались королевой Ольгой. Русские строения в Поросе были заброшены. Большую часть их русское правительство продало в 1870 г. Тем не менее русские корабли периодически заходили на Порос. Так, например, там в 1883 г. стоял крейсер «Забияка».

Постоянное базирование русских кораблей на Поросе возобновилось в 1892 г., после стоянки там черноморской канонерской лодки «Донец». С этого времени на рейде Пороса почти постоянно находились русские корабли.

Так, в 1893—1894 гг. там базировался крейсер «Память Азова». Недалеко от острова наши моряки устроили минно-артиллерийский полигон. Почти все корабли, начиная с «Памяти Азова», проводили там учебные стрельбы. Регулярно проводились и пуски торпед. К примеру, крейсер «Новик» 2 декабря 1902 г. на скорости 10 узлов выпустил 5 торпед («мин» по тогдашней терминологии) на дистанцию 550 м.

На Поросе для нужд русского флота было восстановлено несколько зданий, построенных еще адмиралом Гейденом в 1828—1829 гг.

11 января 1895 г. на Поросском рейде собралась целая эскадра в составе броненосца «Николай I», крейсеров «Владимир Мономах» и «Джигит», канонерской лодки «Кубанец» (черноморская) и большой царской яхты «Полярная Звезда».

В сентябре следующего 1896 г. в Поросе собралась новая эскадра в составе броненосцев «Александр II», «Наварин» и канонерской лодки «Грозный». Через три недели к ним присоединился крейсер «Вестник». А в январе 1897 г. в Порос пришли минный крейсер «Посадник» и миноносцы № 110 и № 120.

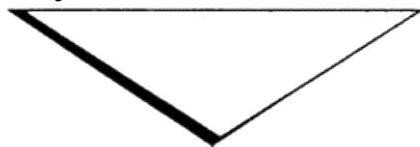
3 сентября 1903 г. в Порос зашел броненосец «Цесаревич». Там его уже ожидал прибывший из Севастополя пароход «Штурман» с боеприпасами. Кроме того, «Цесаревич» провел в Поросе средний ремонт. А загрузившись углем, 24 сентября броненосец ушел к Суэцкому каналу.

Перечисление судов, базировавшихся в Поросе от недели до нескольких месяцев, займет не менее полстраницы. Это броненосец «Сисой Великий», крейсера «Адмирал Нахимов» (1894 г., 1903 г.), «Громобой», «Баян», «Аврора», «Аскольд», «Адмирал Макаров» и др.

Порос использовался как база русских кораблей на Средиземном море, а также как перевалочный пункт для перехода кораблей с Балтики на Дальний Восток. В начале Первой мировой войны базирование русских кораблей в Поросе прекратилось, и на сей раз навсегда.

На Пороге осталось несколько десятков русских могил, да название бухты в западной части — Русская.

Глава 8.

ВИЛЛА-ФРАНКО

В 1856 г. Россия получила на Средиземном море нечто подобное военно-морской базе в порту Вилла-Франко (Виллафранка), в нескольких милях от Ниццы. Сардинский король передал России «для надобностей флота» здание бывшей тюрьмы и прилегающую к ней территорию в старой французской крепости Вилла-Франко. Эта тюрьма была известна под названием «Вилла-Франкская галера».

В 1860 г. после передачи района Ниццы Франции Наполеон III подтвердил права нашего Морского ведомства на владение этим зданием и территорией. В тюрьме и примыкающих зданиях размещались «сенявинские» казармы, лазарет, склады и мастерские. В 1886 г. там была основана русская зоологическая станция.

В 1864 г. великий князь Александр Александрович в связи с кончиной его брата Николая посетил Вилла-Франко. Придворный историк С.С. Татищев писал: «В Генуе на вокзале встретили Цесаревича (Александра Александровича) в полной парадной форме контр-адмирал Лесовский и командиры трех судов его эскадры: фрегата "Александр Невский", корвета "Витязь" и клипера "Алмаз". Фрегат "Олег" остался в Вилла-Франке. Цесаревич очень обрадовался свиданию с ними и пригласил их обедать к себе в гостиницу. Обед прошел очень оживленно. Моряки рассказывали о впечатлениях, вынесенных из Соединенных Штатов, порты которых посетила эскадра Лесовского. Тут же было решено, что Наследник отправится в Ниццу на флагманском судне "Александр Невский"».

К 1879 г. «Русский дом» в Вилла-Франко был заброшен и находился под охраной одного служителя. Тем не менее Морское ведомство, не желая терять столь важный в стратегическом отношении пункт базирования кораблей, ежегодно выделяло на его содержание 1700 франков.

В 1884 г. приват-доцент Киевского университета А.А. Коротнеев вместе с русским зоологом М.Ю. Погтенполем обратился в Морское ведомство с просьбой передать «никому не нужное, кроме смотрителя, здание» для создания в нем русской зоологической станции на Средиземном море. Расходы по обустройству станции и ее содержанию Коротнеев брал на себя.

Весной 1886 г. Морское ведомство выделило Коротнееву три комнаты

в «Русском доме». Там разместились кабинет директора, библиотека и лаборатория. На станции велись работы по сравнительной зоологии, изучению жизни моря и проводились практикумы для русских студентов. Финансировали станцию русские научные общества и лично Коротнеев. Также Морским ведомством и Министерством народного просвещения выплачивалась субсидия в 1000 рублей. С лета 1898 г. великий князь Михаил Александрович и великая княжна Ольга Александровна взяли станцию под свое августейшее покровительство.

В связи с этим Морское ведомство передало Коротнееву весь «Русский дом» и ассигнуемую на его содержание субсидию в 1700 руб. под «нравственную гарантию, что означенное имущество пойдет на устройство станции». Здание и земля передавались станции безвозмездно «на правах пользования», при сохранении всех юридических прав собственности за русским флотом. (Сх.7)

С высочайшего соизволения Морское ведомство и Министерство народного просвещения выделило средства на поддержку зоологической станции — 26 тыс. рублей на устройство и обзаведение и 7200 рублей ежегодно.

В 1906 г. у станции оказалась даже своя парусно-моторная яхта «Велелла». Особо Морское ведомство считало необходимым иметь на Средиземном море «нейтральное судно», которое при необходимости могло привлекаться для обслуживания русских стационаров.

Официально яхта была заказана в 1897 г. савойским принцем А. Видом, который «любезно обещал выделять ее для проведения зоологических экскурсий».

Яхту проектировал инженер К.П. Боклевский, в то время исполнявший во Франции обязанности «наблюдающего по кораблестроительной части», где строились броненосец «Цесаревич» и крейсер «Баян». Общий же контроль за постройкой всех русских кораблей, в том числе и яхты «Велелла», осуществлял капитан 2-го ранга И.К. Григорович, будущий морской министр. Уже одно это говорило о военном значении строившегося судна.

«Велелла» строилась в 1898—1899 гг. в Цюрихе фирмой «Gescher-Wyss & Co». В начале 1900 г. яхта по железной дороге была перевезена в Геную, а затем на буксире парохода переведена в порт Санта-Маргарита. Там в поместье А. Вида ее окончательно снарядили и испытали. 30 апреля яхта своим ходом перешла в Вилла-Франко.

Но в исследовательских работах «Велелла» участия почти не принимала, и в первых отчетах станции упоминания о ней не встречаются.

Это объясняется тем, что до 1903 г. яхта находилась в Тулоне в распоряжении «наблюдавших за постройкой».

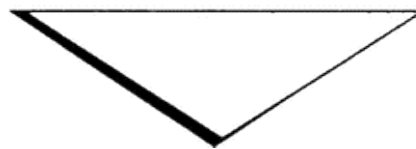
«Велелла» имела существенный недостаток — слишком тихий ход. Установить на ней более мощные двигатели не удалось, и в 1906 г. теперь уже морской министр Григорович для зоологической станции «счел возможным разрешить приобретение специально приспособленного судна».

Яхта «Велелла» имела водоизмещение 13 т и была оснащена вспомогательным керосиновым двигателем мощностью 6 л. с, позволявшим развивать скорость до 5 узлов. Причем керосин для нее завозили прямо из России.

Сотрудничество Морского ведомства и станции продолжалось до 1914 г. Затем станция перешла в ведение исключительно Министерства народного просвещения. Однако право собственности сохранялось за Морским ведомством.

После революции 1917 г. централизованное финансирование станции прекратилось, и она существовала на субсидии Пражского, Варшавского и Белградского университетов, оставаясь в собственности России. В 1924 г., после признания Францией СССР и отказа советского правительства платить царские долги, французское правительство секвестрировало станцию и все ее имущество и передало ее Министерству общественного просвещения.

В ноябре 1932 г. декретом президента станция была окончательно передана в собственность Парижского университета, где она и находится по сей день.

Глава 9.

БАЗЫ В АЛБАНИИ

В 1952 г. в НАТО вступили Турция и Греция. В ответ советское правительство пыталось найти пункты базирования нашего флота на Средиземном море. С союзницей Югославией Сталин быстро поссорился. Оставалась маленькая Албания.

28 мая 1954 г. из Севастополя вышел отряд кораблей Черноморского флота в составе крейсера «Адмирал Нахимов» и двух эсминцев пр. 30бис — «Буйный» и «Беспокойный» — под командованием командующего ЧФ адмирала С.Г. Горшкова с официальным визитом в Народную Республику Албания.

По пути в проливе Босфор катера под флагом США опасно маневрировали в 10—20 м от борта «Нахимова». В албанском порту Дуррес наши корабли пробыли 5 дней.

На обратном пути на «Адмирале Нахимове» шли премьер-министр Албании Энвер Ходжа и член правительства министр обороны Бекир Балука. На одном эсминце находилась известная албанская актриса, влюбившаяся в одного из курсантов ВВМИУ им. Ф.Э. Дзержинского. Они решили пожениться.

А тем временем адмирал С.Г. Горшков повел наши корабли к греческому острову Крит и проследовал вдоль его берегов. С флагманского крейсера последовала команда вести радиотехническую разведку, а штурманам и гидрографам — тщательно изучать район. В Севастополь отряд вернулся 6 июня.

В ноябре 1957 г. командующий Черноморским флотом адмирал В.А. Касатонов предоставил начальнику Главного штаба ВМФ адмиралу В.А. Фокину свои предложения об использовании Албании для базирования сил флота в Средиземном море. Он предложил базировать во Влёрском заливе — в бухте Паша-Лиман — бригаду подводных лодок из 10—12 единиц, часть из которых позже передать албанскому флоту. Для обороны баз предполагалось передать албанцам четыре дивизиона противокорабельных самолетов-снарядов^[74] «Стрела». Вход в бухту Паша-Лиман закрыть боносетевыми заграждениями. Для охраны базы иметь дивизион противолодочных кораблей и противолодочные вертолеты.

В декабре 1956 г. из состава вспомогательных сил Черноморского

флота в Албанию был переведен отряд судов: танкер «Линда», землеснаряд «Землесос-7» производительностью 1200 кубов, морской буксир (500 л. с), наливная баржа и водолазный бот. Старшим на переходе был назначен капитан 1-го ранга П.А. Керенский. Процесс передачи занял месяц, албанцев пришлось сначала обучать работе с механизмами, кроме того, на судах остались наши специалисты во главе с капитанами еще на год по двустороннему договору.

По соглашению с Албанией летом 1958 г. четыре подводные лодки проекта 613 и плавбаза подводных лодок «Немчинов» перешли с Балтийского флота в албанский залив Влёра, где в удобной бухте Паши-Лиман был оборудован пункт базирования со всей необходимой для подводных сил береговой инфраструктурой. Через полгода во Влёре разместились 12 подводных лодок и две плавбазы — «Немчинов» и «Виктор Котельников». Директивой начальника штаба Черноморского флота от 27 октября 1958 г. эти лодки были объединены в 40-ю отдельную бригаду, оперативно подчиненную командующему Черноморским флотом.

Перебазирование наших подводных лодок в Средиземное море производилось по возможности скрытно. Но в декабре 1959 г. разразился грандиозный скандал. Президент США Д. Эйзенхауэр решил прокатиться по Средиземному морю на тяжелом крейсере «Де Мойн». Крейсер шел в Тунисском заливе внутри авианосного ордера. И вдруг почти у самого борта «Де Мойна» поднялся перископ. Командование соединения охватила паника. Американские эсминцы кинулись преследовать лодку.

Валентину Козлову, командиру подводной лодки С-360 (проекта 613) удалось оторваться от янки лишь на третьи сутки и в положенное время вернуться на базу во Влёру.

Нарушение подводной лодкой С-360 скрытности стало предметом разбирательства у Главкома ВМФ. Командиру светило снятие с должности. Хотя он, собственно, и не был виноват. Время для сеансов связи с подводными лодками устанавливало начальство, и, замечу, часто выбирало его безграмотно. Вот Козлов и вышел на связь в положенное время в Тунисском заливе. Спас капитана сам Хрущев. Он по «иным» каналам узнал об испуге американского командования и самого Эйзенхауэра и велел не только не наказывать, но и наградить подводников.

Помимо подводников во Влёре базировались и другие соединения флота. На острове у входа в бухту Паша-Лиман обустроивалась бригада ОВР, имевшая в своем составе дивизион тральщиков. В 1958 г. во Влёре была развернута радиодальномерная гидрографическая партия «Координатор» и другие гидрофизические партии 8-го отдельного

Краснознаменного маневренного дивизиона гидрографического обеспечения Черноморского флота.

Поскольку для обеспечения нашей базы во Влёре кораблей снабжения Черноморского флота не хватало, пришлось фрахтовать суда Одесского морского пароходства для доставки в бухту Влёра необходимых грузов.

25 мая 1959 г. в Тирану на самолете Ту-104 прибыл с официальным визитом генеральный секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. Его сопровождали министр обороны СССР Р.Я. Малиновский и заместитель министра иностранных дел Н.П. Фирюбин.

Целью визита было разъяснение положений доклада о «разоблачении культа личности», сделанного Хрущевым на XX съезде КПСС, а также согласование планов усиления советского военного присутствия на Адриатическом море.

Никита Сергеевич мечтал в противовес американским ракетам «Юпитер», развертываемым в Италии, установить наши ракеты: «...если в Албании поставить ракеты средней дальности или даже ракеты ближнего боя, то они могут накрыть всю Италию».

30 мая после нескольких дней переговоров советская делегация во главе с Хрущевым посетила советских моряков во Влёре. Их сопровождали албанские руководители Энвер Ходжа и Мехмет Шеху. Встреча началась с ритуала приветствия и обхода строя моряков, выстроившихся на плавпричале, где стояли подводные лодки. В тени у борта плавбазы «Владимир Немчинов» Никита Сергеевич пообщался несколько минут с командирами лодок, а затем отобедал на той же плавбазе и к вечеру вышел на ней на морскую прогулку к порту Саранде. Однако Ходжа был не в восторге от охаивания Сталина, и еще более его возмущал отказ Хрущева дать большие кредиты Албании.

Ходжа начал сближение с Пекином, и уже в октябре 1959 г. албанская печать заняла прокитайскую позицию по поводу огульной критики Сталина и других разногласий в коммунистическом движении.

В 1960 г. бригада продолжала пополняться кораблями: в январе с Черноморского флота прибыл корабль радиотехнической разведки «Угорь», осенью того же года в Албанию пришел второй корабль — разведчик «Краб». На Черноморском флоте был сформирован морской радиоотряд, который до декабря 1960 г. базировался на албанском острове Сазан. В базе разместились также бригада кораблей охраны водного района, имевшая в своем составе дивизион тральщиков. В том же 1960 году во Влёре началось строительство мощной динноволновой радиостанции для связи с подводными лодками.

В 1960 г. крейсер «Куйбышев» в мае—июне и в августе посетил Албанию.

В том же 1960 году в Средиземном море было проведено учение, в котором принимали участие шесть подводных лодок отдельной бригады подводных лодок. Центральным эпизодом его стали поиск и атака ими отряда кораблей в центральной части Средиземного моря. «Флагманский корабль противника» обозначал крейсер «Куйбышев», шедший в охранении двух эсминцев со скоростью 18 узлов. При подходе к последней завесе лодок к ним пристроился американский крейсер «Олбани» с фрегатом.

Две учебные торпеды прошли впереди форштевня «Куйбышева». А начальство видело пузыри воздуха под днищем корабля — след отставал от торпеды. Далее учебные торпеды направились к американским кораблям. На «Олбани» не стали рисковать и решили «для прогулок подальше выбрать закоулок».

Зато через несколько дней янки представился шанс утереть нос русским. На советском эсминце кончался мазут, и он запросил командование пополнить запас мазута. Дозаправка осуществлялась при штилевой погоде, кильватерным способом, на скорости хода 4—5 узлов и продолжалась около 5 часов.

На следующий день корабли 6-го флота продемонстрировали, как это делается у них. Быстроходный танкер-заправщик произвел заправку американского эскадренного миноносца на скорости 18 узлов траверзным способом с дистанции 25—35 м. Полная заправка эсминца была проведена менее чем за 1,5 часа.

Несмотря на идеологические разногласия между лидерами СССР и Албании, отношения между моряками в 1960 г. продолжали оставаться хорошими. Как вспоминал контр-адмирал А.В. Загребин, весь 1960 год наши военные, в частности моряки, работали с албанцами очень дружно, никаких конфликтов не было. Был расширен порт в Дурресе, сооружались военные объекты во Влёрском заливе для базирования кораблей и противодесантной обороны побережья.

В конце 1960 г. 40-я отдельная бригада подводных лодок (ОБПЛ) передала албанскому флоту четыре подводные лодки С-241, С-242, С-358, С-360 и плавбазу «Владимир Немчинов». На церемонии передачи во Влёрском заливе, проходившей довольно торжественно, присутствовали руководители албанского флота и офицеры Генштаба вооруженных сил Албании.

Но и после передачи лодок по просьбе албанцев наши офицеры и старшины продолжали обучать албанцев и выходить с ними в море.

Погружение и маневрирование лодок проходило под непосредственным контролем наших офицеров. В Албанию планировалось перебазировать 17-й отдельный береговой ракетный полк Черноморского флота с ракетным комплексом «Сопка», но из-за разрыва отношений передислокация не состоялась.

Советский Союз фактически создал албанский военно-морской флот. Были переданы 4 подводные лодки пр. 613 в 1960 г. (С-241, С-242, С-358 и С-360), 5 торпедных катеров пр. 123К, 4 больших охотника пр. 122бис в 1958 г. (МПК-388, МПК-389, МПК-394, МПК-450), 2 морских тральщика пр. 254 в 1960 г., 6 речных тральщиков пр. 255 в 1960 г., плавбазу «Владимир Немчинов» в 1960 г., судно размагничивания пр. 220, 2 малых танкера пр. 437М, торпедолов пр. 368Т, водолазный бот пр. 522, буксир пр. 730, 11 катеров пр. 376 (использовавшихся как СКА и как КАТЩ), плавучий док. Часть судов являлись плавсредствами 40-й ОБПЛ. Кроме того, албанцам предназначались для передачи еще два больших охотника пр. 122бис (МПК-345 и МПК-346), но в 1961 г. они были возвращены в состав Черноморского флота.

В конце концов в июне 1961 г. советская ВМБ в Албании была ликвидирована. Восемь советских подводных лодок и плавбаза «Виктор Котельников» из Влёрского залива направились на Балтику.

Несколько слов стоит сказать и об отношениях с Югославией. После снятия Сталина Хрущев попытался наладить отношения с Югославией. В июне—июле 1953 г. был произведен обмен послами, а в мае 1955 г. Хрущев отправился в Белград.

28 мая отряд черноморских кораблей в составе крейсера «Михаил Кутузов» и двух эсминцев пр. 30бис «Безукоризненный» и «Бессменный» вышел из Севастополя. Отрядом командовал командующий ЧФ адмирал В.А. Касатонов.

31 мая корабли вошли в югославский порт Сплит. Касатонов посетил Белград, где встретился с высшим руководством страны. При этом обговаривались и возможности базирования сил советского флота, о чем югославы обещали подумать. 4 июня отряд вышел из Сплита и пошли в Албанию. «Для баланса», — как пояснил советский посол Н.П. Фирюбин. Через 16 часов достигли албанских берегов. 4—12 июня 1956 г. советские корабли вновь находились в албанском порту Дуррес с официальным визитом.

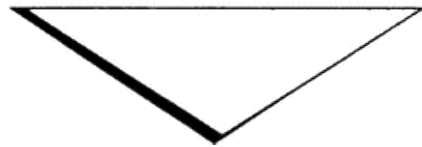
В сентябре 1956 г. президент Тито посетил Севастополь. Хрущев постарался во всей красе показать гостю Черноморский флот. Так, 29 сентября ему продемонстрировали пуск самолета-снаряда КСС с борта

крейсера «Адмирал Нахимов» (это был 17-й испытательный пуск КСС).

Однако события в Венгрии в 1956 г. существенно осложнили советско-югославские отношения, и военно-морскую базу в Югославии Хрущев так и не получил.

Как изрек мудрый Мао: «Мы наступаем — враг отступает, мы отступаем, враг наступает». Так было почти со всеми покинутыми советскими военно-морскими базами. После 1961 г. в порту Влёра хозяйничали китайцы. По сведениям западных СМИ, четыре албанские подводные лодки пр. 613 обслуживались китайскими экипажами. Ну а после 1991 г. начались «новые времена» — на аэродромах Албании появились самолеты НАТО, принимавшие участие в войне в Югославии.

В начале 1990-х гг. Турция и Албания заключили секретное соглашение. Согласно ему Турция перестроила всю инфраструктуру порта Влёра и фактически создала там свою военно-морскую базу.

Глава 10.

БАЗЫ В ЕГИПТЕ

Первый раз после Второй мировой войны советские корабли прибыли в порт Александрия в июне 1956 г. 11 июня там были переданы египтянам два эсминец пр. 30бис — «Сметливый» и «Современный».

С началом «шестидневной войны», 10 июля 1967 г., в Александрию прибыло сразу 13 советских кораблей из 14-й эскадры, в числе которых были крейсер «Дзержинский», БПК «Комсомолец Украины» и эсминец «Пламенный». Еще через два дня у Нового мола Александрии пришвартовалась плавмастерская ПМ-26.

В середине июня 1967 г. в Москве приняли решение сформировать на Средиземном море 5-ю оперативную эскадру. 14 июля Главнокомандующий ВМФ подписал приказ № 0195, в котором говорилось: «С сего числа считать сформированной для несения боевой службы на Средиземноморском театре 5-ю Средиземноморскую эскадру кораблей ВМФ СССР. Место дислокации — Средиземное море».

Тут следует заметить, что к середине 1960-х гг. в ВМФ сложилась новая форма поддержания сил в высшей степени боевой готовности в мирное время — боевая служба. Ее содержание заключалось в том, чтобы мероприятиями и действиями флота, проводимыми по единому замыслу и плану, предотвратить внезапное нападение или ослабить до минимума возможные ракетно-ядерные удары ВМС США и НАТО. Эта цель могла быть достигнута при своевременном обнаружении атомных подводных лодок с баллистическими ракетами и авианосно-ударных соединений противника и уничтожении первых до старта ракет, а вторых — до массового подъема палубной авиации в воздух. Заблаговременное развертывание части боевых сил ВМФ в определенных акваториях морей и океанов для немедленного их применения в случаях неконтролируемого развития военно-политических кризисов стало объективной необходимостью.

В 1968 г. для обеспечения кораблей 5-й Средиземноморской эскадры в портах Александрия и Порт-Саид на правах аренды было организовано хранение топлива и масел, которые доставлялись туда вспомогательными судами. В состав 5-й эскадры входило несколько судов обеспечения, сведенных в 52-е оперативное соединение.

В этот же период в военном порту Александрия на арендованном причале на постоянной основе находились суда дивизиона судов обеспечения в составе плавмастерской, водоналивной самоходной баржи (500 тонн), морского буксира, водолазного бота и несамоходного плавсклада. Этот дивизион должен был проводить межпоходовые ремонты подводных лодок, обеспечивать их материальными запасами, организовывать отдых личного состава подводных лодок, а также обеспечивать продовольствием, водой и другими запасами корабли боевой службы, заходящих в порт.

Советские дизельные и атомные подводные лодки с 1968 по 1974 г. проходили малый ремонт на заводе «Торсана Бохарел» в Александрии.

Кроме Александрии и Порт-Саида наши корабли в Египте базировались на небольшой порт Мерса-Матрух в 240 км к западу от Александрии. Замечу, что с арабского название порта переводится как «Брошенный якорь».

Для обеспечения кораблей малого водоизмещения в Мерса-Матрух были установлены две секции плавпричала ПЖ-61, у которого постоянно находился Плавсклад-7 Тыла Черноморского флота. Периодически там находился морской буксир и водолазный бот. На плавскладе хранились продовольствие, шкиперское имущество и регенерация, которые систематически пополнялись судами вспомогательного флота. В Мерса-Матрух обеспечивались тральщики, малые противолодочные и сторожевые корабли. Кроме того, в Мерса-Матрух периодически заходили суда с малой осадкой (рефрижераторы, танкер «Руза», морские водоналивные баржи и буксиры). Они принимали с плавсклада продукты, воду, масла и другие материальные средства для обеспечения ими кораблей в восточной части Средиземного моря.

В 1969 г. командование советского флота приняло решение о вводе ракетных катеров и МРК на Средиземное море. Они должны были нести боевую службу на Средиземном море во взаимодействии с ракетными кораблями.

В августе 1970 г. в Мерса-Матрух пришла плавучая ракетно-техническая база ПРТБ-33.

В августе 1972 г. из Севастополя вышли ракетные катера Р-83 и Р-84, а также ПРТБ-13. Корабли заходили в Мерса-Матрух и Тартус.

Стоит поподробнее рассказать о базировании в Египте советской морской авиации.

В марте 1968 г. между СССР и Египтом было достигнуто соглашение о размещении на территории ОАР авиационной группы морской авиации в

составе шести самолетов Ту-16Р для ведения разведки в Средиземном море в интересах обеих стран. Согласно договоренности первоначальная численность этого подразделения, получившего название «90-я отдельная дальне-разведывательная эскадрилья особого назначения» (90 ОДРА ОН) с базированием на аэродроме Каир-Вест, составила 130 человек.

Дальнейшее комплектование группы морских разведчиков производилось на базе 943-го морского ракетноносного авиаполка (МРАП) ВВС ЧФ, дислоцированного в поселке Октябрьское.

Первоначально эскадрилья подчинялась непосредственно главному военному советнику министра обороны ОАР генералу П.Н. Лашенко, но при необходимости переходила в оперативное управление КП 5-й эскадры, который размещался в Александрии.

12 апреля 1968 г. первые самолеты Ту-16Р под командованием подполковника Морякова из Североморска-1 перелетели на египетскую авиабазу — аэродром Каир-Вест.

К концу октября 1968 г. туда перелетели шесть Ту-16Р из состава 967-го ОДРП Северного флота.

Летом 1968 г. на аэродром Каир-Вест перебазировались два самолета Ан-12РР из 912-го ОТАП ВВС СФ.

Для справки. Ту-16Р — версия бомбардировщика Ту-16, на который были установлены РЛС РБП-4 или РБП-6, которые могли легко обнаруживать крупные надводные корабли на дистанции 150—180 км, что позволяло осуществлять целеуказание ракетноносцам Ту-16КС. Позже на Ту-16Р начали устанавливать станции радиотехнической разведки СРС-1 и СРС-3.

Ну а Ан-12РР — версия транспортного самолета Ан-12, на которой были установлены станции радиотехнической разведки «Квадрат» и «Ромб», а также радиоразведки «Вишня». Всего на службе состояло восемь Ан-12РР, по два на каждый флот.

Весной 1970 г. эскадрилья полностью перешла в распоряжение командования Черноморского флота. Разведчики Ту-16Р парами выходили на Средиземное море, а иной раз на Красное для слежения за кораблями НАТО. Основной целью эскадрильи были авианосные ударные группы 6-го флота США в Средиземном море во главе с флагманом — авианосцем «Индепенденс».

С появлением в составе эскадрильи самолетов, оборудованных станцией радиотехнической разведки СРС-4 («Квадрат-2»), в интересах арабской стороны советские Ту-16Р занимались радиоперехватом и обнаружением израильских РЛС.

Из-за того, что аэродром Каир-Вест находился на расстоянии более 200 км от побережья, в июне 1969 г. самолеты Бе-12 и Ан-12РР были перебазированы на аэродром Мерса-Матрух.

19 августа 1968 г. три летающие лодки Бе-12 из 318-го ОПЛАП ЧФ через Венгрию и Югославию перелетели на аэродром Каир-Вест, где вошли в состав 90-й ОДРАЭ ОсНаз. Позже самолеты отряда были перебазированы на аэродром Мерса-Матрух. Оттуда экипажи выполняли вылеты на поиски подводных лодок в Средиземном море в интересах командования 5-й оперативной эскадры.

Уже через неделю после прибытия экипажи самолетов Бе-12 в условиях африканской жары приступили к выполнению поставленных перед ними задач. Вылеты обычно проводились в утренние часы. Все вылеты осуществлялись парой самолетов. Максимальное удаление районов поиска от аэродрома базирования составляло 350—400 км.

В октябре 1968 г. были обнаружены две первые иностранные субмарины в Средиземном море. За первой слежение производилось 1 ч. 37 мин., за второй — 48 минут.

Поскольку аэродром Каир-Вест находился на расстоянии более 200 км от побережья, по договоренности с арабской стороной Бе-12 перебазировали на аэродром Мерса-Матрух.

Всего было произведено 165 самолетовылетов, в том числе на поиск подводных лодок — 101 вылет, на обеспечение кораблей 5-й эскадры — 55 вылетов, на испытания поисковой аппаратуры по теме «Гагара» — 9 вылетов.

В марте—апреле 1970 г. данный отряд Бе-12 принял участие в стратегических маневрах «Океан», выполняя вылеты в Средиземное море.

В июне 1971 г., после прибытия на аэродром Мерса-Матрух самолетов Ил-38 24-го ОПЛАП ВВС СФ, отряд самолетов Бе-12 318-го ОПЛАП покинул Египет и вернулся к месту постоянной дислокации.

В сентябре 1970 г. два самолета Ил-38 из 24-го ОПЛАП с опознавательными знаками ОАР сели на аэродроме Мерса-Матрух и через несколько дней приступили к поисковым действиям. В июне 1971 г. прилетела еще пара Ил-38. С применением самолетов Ил-38 границы районов поиска значительно расширились.

Работа экипажей Ил-38 началась не с поиска подводных лодок в глубинах Средиземного моря, а с попытки обнаружить израильские ракетные катера на переходе из Франции. Задача решалась по просьбе руководства ОАР. Катеров на переходе не обнаружили, и, судя по всему, их переход закончился успешно.

Самолеты Ил-38 иногда производили длительные разведывательные полеты на большой высоте, выходили в Тирренское море и доходили до острова Монтекристо (между Италией и Корсикой). Добытая экипажами Ил-38 информация представляла большую ценность для командования 5-й эскадры.

Следует заметить, что аэродромы, на которых базировалась советская авиация, и базы кораблей с февраля 1970 г. по июнь 1972 г. прикрывались советской же ПВО.

Так, порты Александрия и Мерса-Матрух с воздуха прикрывались советскими истребителями МиГ-21. «Как первый этап взаимодействия с самого начала боевых действий наших войск была налажена и периодически действовала организация выполнения кораблями эскадры задач радиолокационного дозора (РЛД) в интересах КП наших и египетских войск ПВО и ВВС. Корабль РЛД с трехкоординатной РЛС (обычно БПК проекта 61) выдвигался в район севернее Порт-Саида и по специальной разработанной штабом эскадры сетке квадратов ПВО передавал донесения о пролетах израильской авиации из морского сектора (собственно, ради египтян пришлось разработать эту сетку, отказавшись от "общесоюзной" сетки ПВО). Как отмечалось командованием наших войск и египетской стороной, это значительно увеличивало дальность ("руку") предварительного (предупреждающего) обнаружения следующих над морем групп израильской авиации, совершающей налеты на объекты АРЕ.

В дальнейшем было установлено тесное взаимодействие с КП ЗРБР и ЗРДН, непосредственно осуществляющими зенитное огневое прикрытие кораблей эскадры в гавани Александрии. Эту задачу выполняли два ЗРДН: восточный — с одного из центральных городских пляжей Александрии (прямо в центре города в районе фешенебельного отеля Сан-Стефано, на глазах "отдыхающей публики" и иностранных туристов. Здесь же, наверняка, дневали и ночевали постоянно не один израильский шпион или соглядатай. И западный — тоже с пригородного пляжа (местечко Агами). Третий дивизион позднее прикрывал гавань и аэродром небольшого порта Матрух, куда с июля 1970 года заходили наши корабли среднего и малого водоизмещения и вспомогательные суда, а также базировались самолеты морской противолодочной авиации Бе-12, и периодически Ил-38, Ан-12, Ан-24»^[75].

Задачу прикрытия кораблей эскадры в море истребительной авиацией выполняла 108-я истребительная бригада 35-й отдельной истребительной эскадрильи (фактически полк МиГ-21 — 30—40 самолетов) с аэродрома Джанаклис близ Александрии.

Прикрытие осуществлялось по заявкам КП эскадры способом «дежурства на аэродроме» (иногда «дежурства в воздухе») одного-двух звеньев истребителей. На период прикрытия радиосвязь КП бригады с КП эскадры, если флагманский корабль эскадры действовал в зоне прикрытия. По сигналу с КП эскадры через 3—5 минут в небе появлялись советские истребители, но с египетскими опознавательными знаками на крыльях. Такая организация действовала устойчиво, без сбоев весь период пребывания советской истребительной авиации в Египте.

25 мая 1970 г. сухогруз «Демьян Бедный» доставил в порт Александрию личный состав и материальную часть 1058-го отдельного зенитно-ракетного дивизиона. Двумя железнодорожными эшелонами дивизион был отправлен в Мерса-Матрух, где 31 мая 1970 г. заступил на боевое дежурство.

Помимо его Мерса-Матрух прикрывали еще два египетских зенитных дивизиона, оснащенных ракетами С-75.

Осенью 1971 г. в Египет прибыли 10 ракетоносцев Ту-16К-11-16 с экипажами из 9-го гвардейского МРАП. Самолеты перегоняли парами через Венгрию и Югославию.

Обучение египетских летчиков велось вплоть до полного вывода советского контингента из Египта по требованию президента Анвара Садата. В июле 1972 г. летчики и технические специалисты покинули Египет. Перед отъездом все 10 ракетоносцев были переданы египетской стороне. В составе ВВС АРЕ из них сформировали 36-ю эскадрилью под командованием подполковника Рауфа.

Но, несмотря на категоричность требования Анвара Садата о полном выводе советских военнослужащих и специалистов, командованию ВВС Египта пришлось прибегнуть к помощи советских специалистов по эксплуатации Ту-16. И в декабре 1972 г. в АРЕ прибыла группа так называемых «инструкторов» из того же 9-го гвардейского МРАП. Руководил группой летчик майор Корнев. В состав группы входили: штурман самолета, по одному технику по всем специальностям (даже инструктор по авиаскладам), и четыре специалиста по ракетному оборудованию и крылатым ракетам.

Советские авиационные специалисты проработали в Египте 6 месяцев, а «ракетчики» задержались еще на 3 месяца, до конца октября 1973 г.

Весной 1973 г. самолеты 36-й эскадрильи ВВС АРЕ перебросили на авиабазу Каир-Вест, поближе к линии фронта. Во время «октябрьской» войны ракетоносцы Ту-16 наносили удары по позициям противника на линии Бар-Лева вдоль Суэцкого канала, и их успешная боевая работа

подтвердила высокий уровень подготовки как египетских экипажей, так и самой техники.

Использование морских и воздушных баз в Египте резко усиливало возможности советской 5-й оперативной эскадры на Средиземном море.

В период с 1967 г. по 1976 г. советский ВМФ 1240 раз заходил в порты Египта. Всего за время базирования на аэродроме Мерса-Матрух самолеты Ил-38 имели 20 обнаружений подводных лодок.

До сих пор остается тайной доставка из СССР в Египет ядерного оружия. Хорошо известно, что Хрущев до октября 1962 г. постоянно заявлял о том, что Советскому Союзу нет никакой необходимости размещать свое ядерное оружие за рубежом, а тем временем в ходе операции «Анадырь» доставил весьма внушительный арсенал стратегического и тактического ядерного оружия на Кубу.

Корабли 5-й оперативной эскадры были широко оснащены спецзарядами, и, по моему мнению, противолодочные самолеты Бе-12 и Ил-38, базировавшиеся в Египте, среди другого вооружения несли и противолодочные бомбы 5Ф-48 «изделие Скальп».

Ядерная бомба позволяла применять ее в диапазоне высот от 2000 до 8000 м с подрывом на глубинах 200 или 400 м. Вес «Скальпа» — 1600 кг, радиус поражения подводных лодок в зависимости от глубины погружения и ее типа — 600—700 м.

Не будем забывать, что тогда главной целью наших Бе-12 и Ил-38 были американские ядерные подводные лодки с баллистическими ракетами, базировавшиеся в испанском порту Рота.

Детали соглашения между СССР и АРЕ о статусе советских военнослужащих в Египте до сих пор секретны. Но фактически на наших базах действовал режим экстрасекретности. Так, летом 1972 г. при подъезде к базе порту Мерса-Матрух советские солдаты остановили президента Египта Анвара Садата, который захотел показать порт ливийскому лидеру Муамару Каддафи. Разразившийся скандал был замят с большим трудом.

6 июля 1972 г. Анвар Садат отдал распоряжение об отказе от услуг советских военных советников и специалистов. В итоге морским и воздушным путем Египет покинули около 15 тысяч советников.

В июле—августе 1972 г. 90-я отдельная дальнеразведочная авиационная эскадрилья особого назначения была расформирована, а ее личный состав и самолеты переброшены в Крым.

Однако поначалу решение Садата не коснулось базирования наших кораблей в Египте. Ранее принятое соглашение о заходах в порты, проведении слепоходовых ремонтов подводных лодок в Александрии,

стоянке десантных кораблей в Порт-Саиде, а также в Мерса-Матрух и на бочках в заливе Эс-Саллум — 12-я точка (она располагалась в территориальных водах Египта) оставалось в силе. Во исполнение директивы Главного штаба ВМФ от 20 марта 1972 г. в целях улучшения руководства кораблями и судами в порту Мерса-Матрух, начиная с 1 июня 1972 г., поочередно дислоцировалось одно из управлений дивизионов вспомогательных судов Черноморского флота.

СССР оказал большую военную помощь Египту в ходе «октябрьской войны» 1973 года. Но после окончания войны Садат взял курс на сотрудничество с США. Стали возникать трения между советскими моряками и властями АРЕ.

Во второй половине декабря 1975 г. подводные лодки Северного флота Б-26 и Б-9, выполнявшие боевую службу в Средиземном море в составе бригады подводных лодок, зашли в Александрию для отдыха и ремонта. В порту Александрии в 1973—1976 гг. на арендованном причале на постоянной основе базировалась корабли дивизиона судов обеспечения в составе плавмастерской, водолея (500 тонн), морского буксира, водолазного бота и несамоходного плавсклада. Задача дивизиона состояла в обеспечении межпоходовых ремонтов подводных лодок, в обеспечении их материальными запасами и организации отдыха личного состава субмарин, а также обеспечение продовольствием, водой и другими запасами кораблей боевой службы, заходящих в порт. Состав дивизиона постоянно менялся, но костяк (ПКЗ-152, ПСКЛ-16, ВМ-12) был постоянным, а плавмастерские и военные транспорты менялись через полгода.

Подводные лодки пришли в порт в сопровождении крейсера «Адмирал Головкин», вооруженного ПКР П-35, две из которых имели специальные боевые части. Египтяне заявили протест по поводу нахождения советского корабля с ядерным оружием в порту. Командиру крейсера капитану 2-го ранга В.И. Чурикову пришлось через четыре часа после прибытия покинуть порт. Основные экипажи сдали субмарины резервному экипажу и отправились в Севастополь на отдых. В конце января — начале февраля 1976 г. экипажи вновь приняли свои подводные лодки и продолжили службу, но это были последние наши субмарины, завершившие ремонт в Александрии.

14 марта 1976 г. президент Анвар Садат внес в Народное собрание АРЕ предложение о прекращении действия Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и АРЕ от 27 мая 1971 г. 15 марта Народное собрание АРЕ приняло закон о прекращении действия Договора.

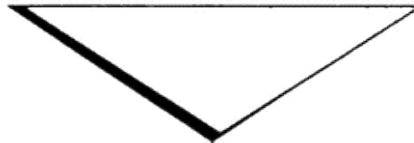
Египтяне дали Советскому Союзу только один месяц, чтобы

эвакуировать весь персонал и их имущество из Александрии.

Материальные средства из портов Александрия и Мерса-Матрух были частично погружены на вспомогательные суда и корабли и отправлены в Севастополь, остальное имущество, запасы, суда и плавсредства были перебазированы в Сирию. Личный состав, специалисты и их семьи были доставлены в Севастополь на санитарном транспорте «Кубань».

Находившийся на боевой службе в Средиземном море БПК «Керчь» заходил в Александрию и обеспечивал вывод советских судов, подводных лодок и вывоз имущества. Старпом БПК «Керчь» капитан-лейтенант В.А. Крикунов вспоминал: «Нам не давали воду с берега, не пускали на причал, у сходни стояла вооруженная охрана, на причале проходили провокационные демонстрации и т.д. Во время швартовки произошел обрыв якорной цепи, и якорь остался на грунте в порту»^[76].

В 1976 г. личному составу 161-й бригады подводных лодок Северного флота, которой командовал Е.Г. Мальков, довелось участвовать в выводе наших кораблей и эвакуации техники, имущества и советских граждан из Египта. На момент прекращения договора в Александрии на ремонте стояли две советские подводные лодки, их стали срочно готовить к буксировке. Так как лодки были разобраны, все отверстия на них заварили сваркой, после этого они были взяты на буксир двумя кораблями. Погода была ветреная, при буксировке два раза рвало буксировочные тросы, из-за этого чуть было не утопили одну из субмарин.

Глава 11.

БАЗА В ТАРТУСЕ

Тартус — второй по величине портовый город в Сирии после Латакии, административный центр мухафазы Тартус.

На латыни город назывался Антарадус (Antaradus), крестоносцы его называли Антаргус (Antartus) или Тортоса (Tortosa).

Тартус расположен в 220 км на северо-запад от Дамаска и в 80 км к югу от порта Латакия. Расстояние до границы с Ливаном — 25 км.

Климат в Тартусе — умеренный, средиземноморский. Температура воздуха летом 30—35 °С, зимой температура может опускаться до 5—10 °С, а иногда — до нуля.

Около 70% населения города — алавиты^[77], которые поддерживают президента Асада. Остальные 30% населения — мусульмане-сунниты и христиане.

В 1971 г. Советский Союз заключил с Сирией соглашение об использовании порта Тартус для маневренного базирования. При этом в порту мог проводиться небольшой ремонт кораблей с привлечением советских плавбаз и плавмастерских. Использование береговых ремонтных мастерских было ограничено. ВМФ СССР, оплачивая использование порта Тартус, пользовался при этом различными льготами, как, например, упрощенный заход в порт.

В ноябре 1972 г. командир 211-й бригады подводных лодок капитан 1-го ранга А. Акатов с плавмастерской ПМ-24 и подводной лодкой Б-26 прибыл в порт Тартус для проведения межпоходового ремонта и отдыха личного состава. Это был первый заход для отдыха и ремонта в порту Тартус. Акатов вспоминал: «С прибытием в порт познакомился с нашими представителями в САР. Нанес визит командиру ВМБ. К нам отнеслись очень доброжелательно. Обеспечили всем. Через несколько дней я устроил обед для командования и офицеров базы, он прошел очень хорошо. Местные власти отвели нам участок пляжа для отдыха, предоставили автобус, организовали несколько интересных экскурсий. Мои офицеры штаба и подводной лодки приняли участие в подготовке масштабного для Сирии учения по высадке десанта. По окончании учения был устроен большой прием от Командующего Сирийским флотом.

За период нахождения в порту два раза мы были свидетелями

нападения израильской авиации по объектам порта и базы.

Прошел месяц, подводная лодка была хорошо отремонтирована, личный состав отдохнул. Очень тепло распрощались и вышли из порта»^[78].

В ходе «октябрьской войны» 1973 г. советские транспорты с оружием устремились в сирийские порты Латакия и Тартус.

Для обеспечения безопасности проводки транспортов по зонам Эгейского моря и восточной части Средиземного моря специально сформировали отряд боевых кораблей Черноморского флота до 10 единиц, в том числе БПК «Красный Кавказ», «Проворный» и эсминец «Сознательный». Ими командовал командир 70-й бригады эсминцев Черноморского флота капитан 1-го ранга Н.Я. Ясаков. Корабли заходили в территориальные воды Сирии, стояли на внешнем рейде порта Тартус во время боевых действий.

В начале 1974 г. начальник тыла ВМФ адмирал Л.В. Мазин, изучая возможности маневренного базирования советских кораблей в Сирии, договорился с командованием ВМС Сирии: в случае острой необходимости заправлять наши корабли их топливом с последующим возвращением. Вскоре на эскадру пришло приказание Главного штаба ВМФ: направить в порт Тартус разведывательный корабль «Крым» для заправки 300 тоннами дизельного топлива и хронометрировать время заправки.

Начальники политотдела Средиземноморской эскадры контр-адмирал П.Р. Дубягин вспоминал: «РЗК "Крым" принимал топливо двое суток. Как выяснилось, топливохранилища в Тартусе, как и положено, находятся за городом. Дизтопливо в порт доставлялось автоцистернами и из них перекачивалось на РЗК. Сирийское командование, не располагая большим количеством автозаправщиков, заключило договор с частной фирмой, которая, выполнив эту работу, выставила счет, в котором учтены километры перевозки, а также аккордная оплата круглосуточной работы водителей. И вылилось это в четырехзначную цифру в сирийских фунтах.

Вот теперь на плавбазе идем в Тартус возвращать взятые займы 300 тонн дизтоплива. Аккордную оплату мы исключим — нам торопиться некуда, а за обратную перевозку придется платить. Этот эксперимент обошелся нам дороже самого топлива. О ситуации доложили в Главный штаб ВМФ.

Больше мы у сирийцев топлива не брали»^[79].

Никаких капитальных сооружений в Тартусе наши моряки не имели. Тем не менее подводные лодки могли в этом порту производить ремонт, пополнение запасов, отдых и смену экипажей.

Кроме того, там находились склады средств регенерации, различного технического имущества, масел и продовольствия, а также производился малый межпоходовый ремонт подводных лодок. Для этого в Тартусе 30 апреля 1977 г. было сформировано Управление 229-го дивизиона морских и рейдовых судов. Там постоянно находились плавмастерская, плавсклад, буксир, морская водоналивная баржа и водолазный бот. Непосредственное руководство тыловым обеспечением кораблей в акватории Средиземного моря осуществлялось штабом 5-й оперативной эскадры. Управление судами обеспечение производилось с командного пункта командира 52-й оперативной бригады судов обеспечения.

В 1984 г. в порту Тартус был создан 720-й пункт материально-технического базирования с подчинением заместителю командующего Черноморским флотом по тылу. На выделенной сирийской стороной территории был установлен плавпричал ПМ-61М, построено административно-хозяйственное здание, два хранилища типа СРМ, дизельный цех, казарма, столовая и другие хозяйственные объекты. Стала постоянно базироваться плавмастерская.

С 1985 г. после перелета экипажей 30-го разведывательного полка ВВС ЧФ в Сирию на аэродром Тифор начались регулярные вылеты на боевую службу в Средиземном море самолетов Ту-16Р с задачей воздушной разведки и выявления районов действия АУГ и КУГ ВМС НАТО.

ПМТО в Тартусе активно использовалась. Так, в середине 1980-х гг. ежегодно в сирийском порту Тартус проводились межпоходовые ремонты 7 подводных лодок и 8 надводных кораблей. Казарменные помещения позволяют разместить полностью экипаж одной подводной лодки.

Объект занимает площадь в 2,3 га, но пока сирийская сторона денег за аренду земли не требует, так же как за электроэнергию и воду для технических нужд.

Постоянно шло развитие инфраструктуры базы. В 1987—1988 гг. отдельный мобильный инженерный батальон Черноморского флота выполнил работы по созданию пункта маневренного базирования в Тартусе.

Британские и американские СМИ утверждают, что в Тартусе существует мощная советская, а позже российская станция радиоэлектронной разведки. Российские военные никогда это не подтверждали и не опровергали.

В начале 1990-х гг. из-за развала СССР и прекращения существования 7-й оперативной эскадры ПМТО в Тартусе влачил жалкое существование. В 1996 г. ПМТО уже в сокращенном составе обеспечил заход в Тартус

отряда российских кораблей во главе с авианосцем. В конце января 1996 г. соединение в составе авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов» и эсминца «Бесстрашный» прибыли на рейд порта Тартус. Плавмастерская в это время не только производила межпоходовые ремонты судов, входивших в состав отряда, но и использовалась как баржа, перевозя грузы (только одного картофеля было подано на корабли более 100 т) и заправляя водой стоящие на внешнем рейде корабли.

Посещения ПМТО становились редкими, в 1997—1998 гг. ПМТО приходилось обеспечивать по два корабля в год. Нормальному функционированию базы мешала затонувшая секция плавпричала № 1. Летом 1998 г. в Тартусе СБ-5 и КИЛ-158 в короткий срок, за две недели, подняли затопленный во время шторма железобетонный причал — собственность РФ. Предварительные работы на объекте выполнили водолазы плавмастерской ПМ-56. А затем этот причал буксир СБ-5 вывел в море и затопил на большой глубине. Руководил судоподъемными работами и операцией подъема и затопления плавучего причала главный инженер УПАСР ЧФ капитан 1-го ранга Василий Бех.

В марте 1999 г. началась агрессия НАТО во главе с США против Югославии, а у российского ВМФ в Средиземном море находилась только одна плавмастерская ПМ-138 в Тартусе. Именно после этого началось медленное возвращение российского флота в Средиземное море, и опорой ему здесь могла быть только ПМТО.

С января по май 1999 г. три российских корабля воспользовались услугами ПМТО. На май 1999 г. ПМТО Тартус структурно состоял из четырех основных подразделений: автомобильной команды (12 единиц автомобильной техники), электростанции, хозяйственного отделения и объединенного склада.

К настоящему времени в Тартусе прорыто несколько глубоких скважин, от которых к пирсу проложен трубопровод длиной 1,5 км. Производительность его составляет до 100 т воды в сутки.

В оперативном подчинении ПМТО постоянно находится одна из плавмастерских ЧФ. Полная штатная численность ПМТО — 14 российских военнослужащих.

В декабре 2004 г. после многолетнего перерыва в ПМТО побывала специальная инспекция Черноморского флота, которая оценила его состояние и подготовила ряд предложений по дальнейшему использованию ПМТО. База была в плачевном состоянии. По оценке начальника МИС ЧФ полковника Сергея Тавадяна, состояние казарменно-жилищного фонда и военного городка находится в удовлетворительном состоянии. Состояние

административно-жилого здания, построенного 16 лет назад, неудовлетворительное, поскольку за все это время его ни разу толком не ремонтировали.

Кроме того, необходимо благоустроить прилегающую к этому объекту территорию, прежде всего в районе автопарка. Для нормального обеспечения базирования кораблей и судов предстоит выполнить ремонтные работы на единственном действующем плавпричале № 2. Куда более серьезные усилия требуются для восстановления притопленной секции плавпричала № 1, который не функционирует. Для его восстановления нужны две дополнительные секции и рейдовое оборудование: бетонные якоря, смычки, бридели.

Намеченные работы растянулись на несколько лет. В марте 2005 г. БДК «Азов» ЧФ доставил в порт Тартус и произвел очередную плановую замену тылового имущества на пункте материально-технического обеспечения Черноморского флота. Моряки доставили оборудование, необходимое, для ремонта плавпричала и систем жизнеобеспечения военного городка.

По сообщениям ряда СМИ, летом 2006 г. Россия приступила к дноуглубительным работам в сирийском порту Тартус. Приступить к реальным работам на Тартусском фарватере удалось с началом выполнения российско-сирийского соглашения о погашении сирийского долга в размере 3,6 млрд. долларов (общая сумма долга составляет 14,4 млрд. долларов). Однако представители ВМФ России опровергли сообщения, что этими работами занимаются корабли флота и в его интересах: «Никакие дноуглубительные работы ни в Тартусе, ни в других местах мы и раньше не проводили, и теперь проводить не будем. Имеющиеся там глубины достаточны для захода кораблей и судов с малой осадкой. Крупные корабли типа крейсера могут стоять и на рейде того или иного порта. Конечно, придется отремонтировать, модернизировать или построить заново причалы, но главное — создать развитую береговую инфраструктуру с необходимыми объектами, обеспечивающими ремонт, пополнение запасов продовольствия,

воды, топлива, боеприпасов, отдых экипажей. Этим нам и предстоит заниматься в ближайшие годы»^[80].

В августе 2008 г. на пресс-конференции в Дамаске заместитель посла РФ в Сирии Игорь Беляев заявил: «Россия намерена значительно увеличить свое военное присутствие в Средиземном море, а российские военные корабли станут частыми гостями в портах Сирии и других дружественных стран Средиземноморского бассейна».

И вскоре моряки пункта это почувствовали. Так, в январе 2009 г. в

Тартус для пополнения запасов воды и продовольствия зашел отряд кораблей Северного флота. Тяжелый авианесущий крейсер «Адмирал Кузнецов» встал на рейде Тартуса, а БПК «Адмирал Левченко» и судно обеспечения «Николай Чикер» ошвартовались у причалов порта. Через пару месяцев ракетный крейсер «Москва» в ходе боевой службы в Средиземном море на рейде сирийского порта Тартус пополнял запасы от танкера «Иман». Во время стоянки экипаж корабля получил возможность отработать действия по организации охраны и обороны корабля на незащищенном рейде.

В связи с большой востребованностью базы работы в Тартусе ускорили. Вспомогательное судно Черноморского флота КИЛ-158 с помощью водолазов подняли несколько многотонных якорей, удерживающих плавпричал, заменили оборванные цепи на новые и вновь закрепили причалы. Были также восстановлены бетонные покрытия, проведены сварочные и покрасочные работы. Экипаж КИЛ-158 также оказал помощь сотрудникам морской инженерной службы порта в прокладке подводного трубопровода для подачи пресной воды. Вместо пришедшего в негодность и затопленного в 1998 г. плавпричала в 2009 г. были доставлены с Черного моря две новые секции. В июле 2009 г. спасательный буксир «Шахтер» отбуксировал железобетонную секцию плавпричала в Тартус, также в июле другую секцию причала довел до Тартуса СБ-5.

Как показывает практика, ПМТО крайне необходима флоту России и не простаивает без дела. В октябре 2009 г. в Тартусе помимо целого ряда вспомогательных судов флота одновременно находились 4 российских БДК — «Азов», «Ямал», «Новочеркасск» и «Цезарь Куников». В конце 2009 г. в порт заходил балтийский СКР «Неустрасимый», следовавший на боевую службу в Аденский залив. В апреле 2010 г. для пополнения запасов в ПМТО заходил тяжелый атомный ракетный крейсер «Петр Великий».

В августе 2010 г. главнокомандующий ВМФ РФ адмирал В.С. Высоцкий сообщил РИА «Новости» что пункт базирования кораблей Военно-морского флота РФ в порту Тартус сможет после 2012 г. принимать тяжелые корабли, в том числе крейсера, и даже авианосцы. «Тартус будет развиваться сначала как пункт базирования, а затем и как база флота. Первый этап развития и модернизации завершится в 2012 году», — сказал Высоцкий.

В августе 2010 г. во время своей инспекционной поездки на базу Тартус при загадочных обстоятельствах исчез, а затем был убит заместитель начальника ГРУ генерал-майор Юрий Иванов. Его тело

обнаружили 16 августа 2010 г. выброшенным морем на берег на побережье Средиземного моря в турецкой провинции Хатай, которая граничит с Сирией.

Любопытно, что в декабре 2011 г. Тартус посетили два российских корабля. В начале января 2012 г. к Тартусу подошла эскадра российских кораблей. Непосредственно в порт зашли БПК «Адмирал Чабаненко», СКР «Ладный» и танкер «Лена». На внешнем рейде остались авианосный крейсер «Адмирал Кузнецов», морской буксир «Александр Чикин» и два танкера.

С 18 по 20 февраля 2012 г. с визитом в Тартус прибыли два иранских корабля — эсминец «Шахид Канди» и корабль обеспечения «Харг».

В начале XXI века в Тартусе постоянно находится одна плавмастерская Черноморского флота.

В 2008 г. случилось досадное происшествие с плавмастерской ПМ-138. При следовании из Севастополя в Тартус 18 февраля 2008 г. плавмастерская потеряла ход в Эгейском море в 18 милях от острова Икария. В спасательной операции участвовали два греческих военных самолета и два судна. В конце концов греческий фрегат «Бабулина» взял на буксир ПМ-138 и довел ее до порта на острове Хиос.

2 ноября 2012 г. из Тартуса в Севастополь вернулась плавмастерская ПМ-138, а на замену ее ушла ПМ-56.

Кроме того, осенью 2012 г. в Восточном Средиземноморье постоянно находился разведывательный корабль Черноморского флота.

7 декабря 2012 г. в Севастополь вернулся из десятидневного похода в Средиземное море РЗК «Лиман», а взамен туда отправился РЗК «Экватор».

Надо ли говорить, что война в Сирии существенно осложняет функционирование 720-го ПМТО в Тартусе. В нашей прессе появляются утверждения о том, что этот ПМТО не играет никакой роли, и нашим морякам надо уходить не только из Тартуса, но и из Средиземного моря в целом.

«Нашей корабельной группировке в Средиземном море не продержаться и недели... Гораздо проще не иметь кораблей в Средиземном море, чем решать задачи по их спасению, не имея возможности нанести противнику реальный ущерб». Создается впечатление, что люди, утверждающие подобное, мыслят категориями 30-х гг. XX века. В случае начала боевых действий наша группировка не продержится в Средиземном море не то что неделю, но и пяти часов. Однако за это время при грамотном использовании спецбоеприпасов наши корабли могут нанести «неприемлемый ущерб» как кораблям, там и городам стран НАТО.

Так что на Западе прекрасно понимают, что нападение на наши корабли — это «казус белли» максимум для тотальной, а как минимум — для локальной ядерной войны. Командиры наших кораблей 5-й оперативной эскадры в Средиземном море, выйдя на пенсию, в РФ помалкивают в тряпочку, а на Украине, не стесняясь, говорят, что в случае массированного нападения на их корабли они бы не раздумывая пустили в ход спецбоеприпасы, не дожидаясь приказа из Москвы.

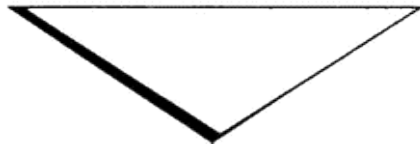
Флот на Средиземном море должен быть. Вспомним любимую пословицу адмирала Нельсона: «Fleet in being», то есть флот своим существованием решает те или иные военные и политические задачи.

Верховный муфтий Сирии сказал: «Если Россия уйдет с базы в Тартусе, ей во всем Средиземном море никто стакана воды не подаст».

Тем не менее российские власти сейчас лихорадочно ищут место для нового ПМТО на Средиземном море. В качестве вариантов рассматриваются порты Кипра, Ливана и других государств.

А что касается войны в Сирии, то уже давно стало ясно, что с регулярной сирийской армией воюют не какие-то мифические повстанцы, а наемники, одна часть которых обучена странами НАТО, а другая — ортодоксальным» исламистами. На взгляд автора, российское правительство обязано и имеет реальную возможность прекратить войну в Сирии. Причем для этого вовсе не обязательно посылать туда свои вооруженные силы. В ответ на поставки НАТО вооружений боевикам следует прямо или через Иран поставить достаточное количество вооружения режиму Асада.

Вспомним, что Англия с XVIII до середины XX века воевала с Францией, Россией и Германией на 99% чужими руками. А чем мы хуже? Есть Иран, есть курды, палестинцы и т.д. и т.п. Короче, нужен эффективный асимметричный ответ НАТО.

Глава 12.

ДЕВУШКИ ИЗ НАГАСАКИ

В ходе Крымской войны русским пришлось эвакуировать порт Петропавловск-Камчатский, который затем был полностью razорен англо-французской эскадрой.

Интересы империи потребовали резкого усиления военного присутствия на Дальнем Востоке и в Тихом океане.

8 июля 1857 г. из Кронштадта на Тихий океан ушел фрегат «Аскольд» под командованием флигель-адъютанта Унковского.

Вечером 18 июля 1858 г. в 58 милях от Шанхая фрегат «Аскольд» был настигнут сильнейшим ураганом. Ураган длился ровно сутки. Утром 20 июля экипаж приступил к восстановлению судна. Рангоут был сломан. Открылась сильная течь. Две мощные помпы с трудом удерживали уровень воды в трюме на высоте 11 дюймов (23 см).

В японском порту Нагасаки фрегат «Аскольд» прошел почти 10-месячный ремонт. На корабле началась эпидемия холеры. Четверо матросов умерли и были похоронены на берегу. По другим сведениям, умерло 13 человек. Заболевших моряков Унковский свез на берег, а японцы устроили там лазарет в местном храме. Затем и вся команда была переведена на берег, где все отдохнули и поправились. Унковский докладывал: «Благодатный нагасакский климат в продолжение одного месяца послужил благотворным средством к прекращению пагубной болезни. Устроенная русская паровая баня, при отличных климатических условиях, послужила благодетельным средством к восстановлению сил, утраченных людьми в трудном плавании в продолжение лета». Ну а корабль прошел в Нагасаки капитальный ремонт.

17 сентября 1859 г. фрегат «Аскольд» покинул Дальний Восток и 10 мая 1860 г. прибыл в Кронштадт.

Фрегат «Аскольд» был «первой ласточкой», отправленной на Тихий океан. А за ним на Дальний Восток отправились несколько отрядов русских кораблей. 19 сентября 1857 г. из Кронштадта на Тихий океан впервые в истории российского флота пошла целая эскадра под командованием капитана 1-го ранга Д.Н. Кузнецова. Она получила название 1-го Амурского отряда, в составе которого были корветы «Воевода», «Новик», «Боярин» и клипера «Джигит», «Пластун» и «Стрелок». Российско-

американская компания предоставила для них судно снабжения — транспорт «Николай I».

В июле 1858 г. из Кронштадта на Тихий океан отправился второй Амурский отряд под командованием капитана 1-го ранга А.А. Попова. В его составе были корветы «Рында», «Гридень» и клипер «Опричник».

Почти через год, в конце августа 1859 г., на Тихий океан отправятся из Кронштадта новый отряд: корвет «Посадник» и клипера «Наездник» и «Разбойник». Причем, чтобы быстрее дойти до места, им было приказано идти раздельно. Впрочем, это, видимо, была формальная причина, а на самом деле это затрудняло слежение за ними британских кораблей.

11 апреля 1860 г. транспорт «Японец» бросил якорь в Новгородской гавани залива Посьет. На следующий день Лихачев осмотрел бухту и объявил ее территорией Российской империи. Собственной властью он распорядился основать пост в бухте

Новгородская и оставил там команду численностью в 21 человек под командованием лейтенанта П.Н. Назимова, которому дал специальную инструкцию. Там говорилось, что в случае появления иностранных судов надлежит поднимать русский флаг и объяснять их командирам, что бухта Новгородская и залив Посьет являются собственностью России.

Объявив район залива Посьет русской территорией, И.Ф. Лихачев рисковал лишиться чина, пенсии, а то и попасть под суд. Однако генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, узнав о случившемся, лично написал Лихачеву: «Ты совершенный молодец, и я обнимаю тебя мысленно от всей души!.. Все письма твои я давал читать государю, и он в высшей степени доволен твоей распорядительностью и находчивостью...»

С 1859 г. русский посланник генерал-майор Н.П. Игнатьев вел трудные переговоры в столице Китая о территориальном разделении земель. Правительство богдыхана упорствовало, и Александр II решил послать в Печилийский залив эскадру с целью демонстрации Китаю серьезных намерений Российской империи, да и англичан попугать, что наши «не лыком шиты».

В связи с этим фрегат «Светлана», находившийся в Тулоне, получил секретный приказ и 7 февраля 1860 г. срочно отправился на Тихий океан. 7 мая 1860 г. фрегат прибыл в Сингапур, где его ждали клипера «Посадник» и «Наездник». Спустя 10 дней «Светлана», ведя на буксире оба клипера, вышла из Сингапура. Это было сделано для сбережения запасов угля на клиперах, куда меньших, чем на фрегате. 2 июня 1860 г. «Светлана» и клипера соединились с эскадрой Лихачева.

Кроме того, еще осенью 1859 г. из Кронштадта на Дальний Восток

вышел отряд судов в составе корветов «Рында», «Новик» и клипера «Пластун». А в 1860 г. на Дальний Восток отправили корвет «Калевала», клипера «Абрек» и «Гайдамак», а также канонерскую лодку «Морж». Все суда шли раздельно. Замечу, что на «Калевале» впервые отправился в плавание семнадцатилетний кадет Морского корпуса Костя Станюкович, впоследствии знаменитый писатель.

Летом 1860 г. в Печилийском заливе у порта Таку, от которого до Пекина 150 верст, стояла эскадра в составе фрегата «Светлана», корвета «Посадник», клиперов «Джигит», «Разбойник» и «Наездник», а также транспорта «Японец».

Эскадра у ворот Пекина оказалась весьма кстати, а посланник даже приезжал 20 мая на «Джигит» советоваться с Лихачевым. Китайская сторона стала податливее, и 2 октября 1860 г. был заключен Пекинский договор, по которому неразграниченные ранее территории отошли к России.

Замечу, что речь шла не о территориях, заселенных китайцами, а о не разделенных между двумя государствами землях. Территории, официально присоединенные к России в 1858—1860 гг., были малонаселенными. Там жили негидальцы и ряд других малых народов. Никаких китайцев в этих краях не было.

Так 145 лет назад сформировались современные границы между Россией и Китаем по рекам Амуру и Уссури. Все побережье Приморья до границы с Кореей стало русским.

20 июня 1860 г. 28 солдат и 2 унтер-офицера 3-й роты 4-го линейного батальона Восточной Сибири, под командованием прапорщика Н.В. Комарова высадившиеся в первой половине дня на северный берег бухты Золотой Рог с винтового транспорта «Маньчжур» (командир капитан-лейтенант А.К. Шефнер), поставили на нем палатки и основали пост Владивосток. Расположение поста было выбрано с таким расчетом, чтобы с него всегда был виден вход из пролива Босфор Восточный в бухту Золотой Рог.

Ну а в марте 1861 г. началось строительство первой пристани будущего порта Владивосток.

Но, увы, условия базирования отрядов кораблей Балтийского флота на Дальнем Востоке и судов Сибирской флотилии были крайне неудовлетворительные.

Охотский порт был упразднен в 1850 г. Как уже говорилось, порт в Петропавловске на Камчатке перестал существовать еще в 1855 г. Постепенно Петропавловск-Камчатский начал восстанавливаться. Однако

из-за своего географического положения ни Охотск, ни Петропавловск-Камчатский во второй половине XIX века не подходили в качестве военно-морской базы.

В 1855—1856 гг. был основан Николаевский пост. Там в 1858/1859 г. зимовали корветы «Новик» и «Боярин», в 1859/1860 г. — «Воевода» и «Боярин», а в 1860/1861 г. — клипер «Стрелой».

В 1860/1861 г. во Владивостокском посту зимовал корвет «Гридень».

Но, увы, в обоих портах не было инфраструктуры для ремонта кораблей и отдыха экипажа. 6 января 1862 г. на скотный двор Владивостокского поста залез тигр и задрал трех лошадей, а 14 сентября купец 3-й гильдии Яков Семенов и лейтенант Меншук застрелили тигра на территории Владивостокского поста.

Ну а главное, оба порта замерзали и длительный срок не имели выхода в открытый океан.

Поэтому русские политики и адмиралы лихорадочно искали незамерзающий порт для наших кораблей. Причем чем южнее, тем лучше. И дело, естественно, было не в климате, а в близости к Китаю и британским торговым коммуникациям. Один из таких портов мог быть построен на острове... Цусима в одноименном проливе. Самое интересное, что на сей остров уже претендовали «просвещенные мореплаватели».

В 1855 г. английское судно «Сарацин» произвело гидрографическую съемку островов Цусимы. Японский историк Синтаро Накамура в книге «Японцы и русские» писал: «Английский консул в Хакодате в "Памятной записке" сообщил: "Для нас срочной необходимостью является захват Цусимы и превращение ее в остров Перим" (английская военно-морская база на юге Красного моря). Еще в 1859 г. капитан английского корабля Уорд, придя в гавань Имосаки, потребовал открытия портов Цусимы для английских судов. Тогда же произошло столкновение между англичанами и местными жителями, в результате которого было убито и ранено несколько японских чиновников. Вскоре разнесся слух о том, что Англия и Франция имеют план захвата Цусимы...»^[81]

Об этих событиях стало известно командиру русской эскадры на Тихом океане И.Ф. Лихачеву. 4 апреля 1860 г. он записал в своем дневнике: «По слухам... англичане имеют виды на этот остров... мы должны там их предупредить».

Хорошо понимая значение Цусимского пролива, Лихачев отправил докладные записки, адресованные главе Морского ведомства генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу и управляющему Морским министерством адмиралу Н.К. Краббе с предложением опередить

англичан и создать на Цусиме «военно-морскую станцию». Тогда Россия получила бы незамерзающий порт на Тихом океане, который, «как часовой на страже», стоял бы посредине Корейского пролива.

Глава Министерства иностранных дел России А.М. Горчаков в те годы панически боялся конфликта с Англией и Францией, хотя после Итальянской войны 1859 г. обстановка в Европе начала кардинально меняться, и европейские страны не только не собирались образовывать коалиции против России, как это было в 1855—1856 гг., а наоборот, всеми правдами и неправдами стремились заполучить ее в союзники в преддверии предстоящих войн за передел европейских границ. Поэтому Горчаков настоял на отклонении проекта Лихачева. 26 июля 1860 г. генерал-адмирал сообщил Лихачеву об этом решении и одновременно предложил «под его личную ответственность» попытаться заключить частную сделку с главой княжества Цусима относительно аренды участка земли для морской станции, если это не вызовет протеста центрального правительства Японии и вмешательства западных держав.

20 февраля 1861 г. по приказанию Лихачева на острова Цусима из Хакодате вышел корвет «Посадник» под командованием капитан-лейтенанта Н.А. Бирилева. 1 марта корвет бросил якорь вблизи деревни Осаки в западной части бухты Татамура (ныне залив Асо).

Главой княжества Цусима в то время был Мунэ Ёсиёри. О приходе русских он немедленно сообщил правительству бакуфу, но указаний от него долго не приходило. Главой совета старейшин бакуфу был Андо Нобумаса, а правительство при нем проводило нетвердый внешнеполитический курс, руководствуясь в основном принципом «как бы чего не вышло».

По прибытии в Цусиму Бирилев заявил, что он хотел бы вручить главе княжества послание русского императора в связи с готовящимся нападением англичан и обязательно встретиться с ним. Стремясь не обострять отношений с русскими, Мунэ Ёсиёри направил Бирилеву один то (18,039 литра) сакэ и двадцать куриц. Бирилев в качестве ответного дара передал ружье, бинокль и европейское вино.

Бирилев добился разрешения Мунэ Ёсиёри на обследование бухты Имосака, куда корвет перешел 2 апреля. На следующий день команда сошла на берег, где была поставлена палатка и на флагштоке поднят русский флаг. Русские офицеры во главе с Бирилевым осмотрели берег и выбрали место, удобное для постройки склада и лазарета, а также ремонта корвета, поскольку необходимо было заменить фок-мачту и сделать понтоны для осмотра кормовой части корабля и дейдвудной трубы. Японские чиновники выделили в помощь русским матросам пятнадцать

плотников и снабдили команду продовольствием. При входе с запада в бухту Татамура на скалистом острове Уси русские моряки установили сигнальный пост.

Лихачев дважды — 27 марта на клипере «Опричник» и 16 апреля на фрегате «Светлана» — посетил Цусиму и остался доволен действиями командира «Посадника». Бирилев в рапорте Лихачеву отметил дружелюбное отношение местного населения к русским. При рубке леса японцы указывали на лучшие деревья и помогали доставлять бревна. Очень им понравилась русская песня «Дубинушка». В начале апреля русские моряки и японские плотники приступили к строительству зданий морской станции. Предстояло построить коттедж для командира, больницы, бани, шлюпочные и угольные сараи и другие постройки. Во время отлива «заложили пристань в 20 футов ширины».

Мунэ Ёсиёри моряки подарили пару малокалиберных пушек из вооружения гребных судов. Для обучения японских мальчиков русскому языку на Цусиме была организована школа. Бирилев рапортовал, что «дружба царствовала во своей силе».

Однако, как явствует из японских источников, картина была несколько иной. 12 апреля, когда русские матросы начали высадку на берег, жители деревни по инициативе крестьянина Ясугоро попытались воспрепятствовать этому. Ясугоро был убит, двоих японцев русские взяли в плен, а остальные жители деревни разбежались. Волнение охватило весь остров, сложилась напряженная ситуация. Это событие встревожило Мунэ Ёсиёри, но он успокаивал жителей, говоря, что «это дело государственное, и следует обратиться по этому поводу к правительству бакуфу, мы направим туда гонца. Поскольку решается судьба дома Мунэ,

прошу проявить преданность, чтобы не запятнать имени дома». Как видим, японские местные власти вели двойную игру.

В мае в Цусиму приехал наконец уполномоченный правительства бакуфу Огури Тадамаса. Между ним и Бирилевым состоялась встреча. Огури вежливо потребовал ухода русских, но Бирилев отклонил требование и заявил, что «без приказа начальства из Цусимы ни за что не уйдет». Огури, напрасно прождав 13 дней, покинул Цусиму. Во время беседы Огури вручил Бирилеву документ, разрешающий встречу с главой княжества.

В конце концов Бирилев сумел договориться с главным советником князя Мураока Ооми и губернатором острова Нии Моготииро. Участники совещания подготовили проект, где, между прочим, говорилось: «Князь Тсусимский вполне желает принять покровительство России во всех

отношениях, во исполнение чего если Русское Правительство признает нужным держать здесь суда, то мы согласны охотно на это, и место от Хироуры до Имосаки включительно и по указанную черту отдать в распоряжение русских судов и под защиту их всю бухту Татамура, то есть от Усисима до Обунокоси. С другими нациями никакого дела иметь не будем.

Мы просим Русское Правительство снабдить нас сколько будет можно новейшими огнестрельными оружиями, а также и просим русских обучать наших молодых офицеров новейшему военному делу... просим русских не нарушать наших древних обычаев и не стараться вскоренять их веру... Но все это мы можем выполнить только тогда, если не будет к тому препятствий со стороны нашего Правительства в Эдо» (Токио).

Однако центральное правительство Японии решительно выступило против присутствия русских. Оно дало указание губернатору Хакодате Мурагаки Авадзи вступить в переговоры с русским консулом И.А. Гошкевичем о «принятии надлежащих мер с тем, чтобы немедленно удалить русский военный корабль из Цусимы». Параллельно правительство бакуфу обратилось за посредничеством к английскому посланнику Олкоку, который в середине августа 1861 г. отправил на Цусиму своего секретаря Олифанта с отрядом из двух кораблей под командованием вице-адмирала Хоупа. Последний незамедлительно послал письма на имя Лихачева, где требовал удаления русского корабля.

В это же время Лихачев, находившийся во Владивостоке, получил письма от Гошкевича. Он сразу же решил отозвать Бирилева и с этим приказом направил на Цусиму «Опричник», о чем и сообщил в письме Гошкевичу в Хакодате.

7 сентября 1861 г. Бирилев на корвете «Посадник» покинул Цусиму. Однако там остался «Опричник», а через некоторое время пришел и клипер «Абрек». Но в конце сентября обоим клиперам также пришлось уйти с Цусимских островов.

Министерство иностранных дел России предписало консулу Гошкевичу разъяснить правительству бакуфу, что военно-морская стоянка на Цусиме была основана Лихачевым и Бирилевым без санкции русского правительства. Японское правительство выразило удовлетворение этим объяснением, и на этом инцидент был исчерпан.

Впоследствии адмирал Лихачев писал: «Одного только мы, может быть, достигли: не дали Англии захватить этот остров». Намерения англичан подтвердили результаты беседы А.М. Горчакова с британским послом лордом Нэпиром, который в ответ на просьбу русского министра

иностранных дел дать обещание, что Англия «никогда не завладеет Цусимой», уклонился от ответа.

Поэтому нашим кораблям приходилось часто заходить в порты Японии — в Иокогаму и особенно в Нагасаки. Так, 10 января 1865 г. в Нагасаки зашел корвет «Варяг», где его ждал корвет «Богатырь». Кстати, на борту «Варяга» находился кадет Николаевского штурманского училища Степан Макаров, будущий знаменитый адмирал. Лишь 13 апреля 1865 г. «Варяг» покинул гостеприимный Нагасаки.

19 апреля 1866 г. «Варяг» пришел в Иокогаму, где отремонтировал винтовую раму. На время ремонта с него сняли три орудия и временно оставили их на берегу, чтобы позднее вернуться и забрать их. Но этого не случилось, и пушки до сих пор, почти 150 лет, находятся в Иокогаме. Теперь они установлены на пьедесталы в порту.

26 апреля 1865 г., приняв 59,5 тонн угля, «Варяг» ушел в Хакодате. 10 мая он пришел в залив Посьета, а оттуда — во Владивосток.

5 сентября «Варяг» и «Богатырь» пришли в Нагасаки, где пробыли до 30 сентября и пошли в Гонконг.

«Богатырь» 12 октября 1865 г. ушел на Балтику, а «Варяг» 18 февраля 1866 г. вновь зашел в Нагасаки. С перерывом «Варяг» находился в Нагасаки до 5 ноября 1866 г., а затем отправился в Кронштадт.

Как видим, Нагасаки становится неофициальной базой русских военных кораблей. В конце 1871 г. русское Морское ведомство связывает Нагасаки подводным телеграфным кабелем с портом Владивосток.

А между тем корвет «Боярин» в 1870 г. прошел тимберовку в мастерских Кронштадтского порта, а затем вернулся на Дальний Восток. В ноябре 1873 г. «Богатырь» провел ремонт котлов в Нагасаки. А в декабре того же года на ремонт в Нагасаки прибыл военный транспорт «Японец».

25 апреля (7 мая) 1875 г. министры иностранных дел России и Японии Александр Горчаков и Эномото Таксаки подписали в Петербурге договор о передаче России спорной с Японией территории Южного Сахалина, а Россия отдавала Японии Курильские острова.

Почему же в 1875 г. Россия, обладая в ту пору огромным превосходством на море (Япония практически не имела военного флота), согласилась отдать японцам все Курильские острова? Основных причин было две. Во-первых, Россия готовилась к войне с Турцией и не исключала при этом конфликта с Англией. Соответственно, Россия хотела обезопасить свои дальневосточные рубежи. Во-вторых, промышленная эксплуатация Курильских островов, по мнению царских чиновников, не сулила больших выгод. Русских рыбаков там было очень мало. Для земледелия острова

вообще были непригодны. Военного значения Курильская гряда протяженностью в 1200 верст, по мнению Морского ведомства, практически не имела.

Была и еще одна причина уступки Курильских островов. В Петербургском договоре 1875 г. ни слова не говорилось о порте Нагасаки, но стороны устно договорились о расширении использования порта в интересах ВМФ России.

В сентябре 1877 г. клипер «Абрек» вывез с островов Уруп, Симушира и Шусима в Петропавловск-Камчатский 83 подданных России.

Уже в июле 1875 г. управляющий Морским министерством предписал начальнику отряда судов Тихого океана контр-адмиралу О.П. Пузино заключить контракт с японским землевладельцем Сигой о десятилетней аренде участка земли, на котором, «не выходя их ассигнованной суммы, предполагалось установить и оборудовать баню, лазарет, шлюпочный сарай и кузницу».

Замечу, что в сентябре 1879 г. в Нагасаки стояли корвет «Баян», клипер «Гайдамак» и канонерская лодка «Соболь».

30 августа 1880 г. в Нагасаки на рейсовом пассажирском пароходе прибыл известный русский писатель и публицист Всеволод Крестовский, назначенный управляющим Морским министерством на должность секретаря для военно-сухопутных сношений «при главном начальнике русских морских сил в Тихом океане».

Крестовский писал: «В два с половиной часа пополудни пароход бросил якорь. На рейде, по соседству, стояли японский и английский военные корветы, а из русских судов крейсера: "Азия" под контр-адмиральским флагом и "Африка", иллюминированные флагами по случаю тезоименитства государя»^[82].

Крестовский с двумя офицерами, переодевшись в гражданское, отъехал на берег: «Едва прошли мы сотню шагов по набережной канала, впадающего в бухту, как вдруг слышим — раздаются знакомые звуки. Несколько голосов распевают какую-то русскую песню, которая невольно мешается со звуками шарманки, наигрывающей тоже что-то русское. Вслушиваемся, что такое? Батюшки, да это несомненный "Камаринский"! Но какими же судьбами попал он, сердечный, в Нагасаки?.. Подходим ближе, вывеска, и на ней крупными буквами надпись: "Санкт-Петербургский трактир". Из этого трактира в раскрытые настежь большие широкие окна несутся звуки "Камаринского". Десятка два наших матросов, разбившись на группы, сидят вокруг столиков, а несколько человек из них же, обнявшись друг с другом, как "кавалер с дамой", топчутся посередине

комнаты, выплясывая нечто вроде вальса...

Хозяин словно каким-то собачьим нюхом почуял в нас русских и поэтому сразу на русском языке любезно приветствовал с благополучным прибытием: но уже один акцент, не говоря о физиономии, не оставил никаких сомнений насчет семитического происхождения этого джентльмена. С первого же слова он поспешил заявить, что он "з Россия, з Одестру".

— Но какими же судьбами попали вы в Нагасаки?

— Так уже мне Бог дал... Штоби быть приятным русским матросам»^[83].

31 августа флагманский доктор В.С. Кудрин пригласил Крестовского посетить вместе с ним русский госпиталь, расположенный в предместье Иноса, а заодно посмотреть и саму Иносу, которая у всех иностранцев давно уже была известна под названием «русской деревни».

Вновь предоставляю слово Крестовскому, чтобы читатель оценил колорит «русской деревни»:

«Иноса лежит против города, на северо-западной стороне Нагасакской бухты, недалеко от ее пяты. Расположена эта деревня по берегу и на скалистых взгорьях западных холмов, так что пробираться от домика к домику нередко приходится разными закоулками, по каменным ступеням, мимо бетонных заборов и скалистых глыб серого и красного гранита, но всегда среди самой разнообразной растительности. Здесь наше правительство уже несколько лет арендует у местного жителя, господина Сига, участок земли, на котором построены у нас шлюпочный сарай, поделочные мастерские и небольшой госпиталь для своих моряков. Последний помещается в двух японских домах, переделанных и приспособленных, насколько было возможно, к госпитальным требованиям руками наших матросов, под руководством командиров и судовых врачей. Госпиталь, конечно, маленький, но по мирному времени больше, пожалуй, и не требуется...

...Пошли побродить по Иносе, посмотреть, какая она такая. Ничего, деревня как деревня: ступенчатая дорога ведет легким подъемом в гору, образуя улицу, по бокам которой уютятся деревянные, большею частью одноэтажные домишки с открытыми легкими галерейками и верандочками. У лавчонок, вместо вывесок, качаются большие, продолговатые фонари, испещренные черными японскими литерами. Встречаются и русские вывески на досках с надписями: "Здесь размен денег", "Мелочная лавка" и тому подобное...

...На взгорьях разбросано несколько красивых, отдельно стоящих

домиков японского стиля, около которых мелькнет иногда белая матросская фуражка офицерского "вестового". В таких домиках по большей части квартируют офицеры с русской эскадры "на семейном положении". Цена за квартиру, то есть, в сущности, за весь дом, — от 20 до 30 иен в месяц, причем домохозяева, если жильцу угодно, будут в той же цене и кормить его произведениями японской кухни.

Каждый квартирант необходимо имеет и свой собственный "экипаж", роль которого играет здесь фуне, для ежедневных сообщений с городом и судами на рейде. Фуне нанимаются тоже помесечно, обыкновенно за 30 иен, и нанятый таким образом лодочник уже во всякое время дня и ночи безусловно находится в распоряжении своего хозяина. Как бы ни засиделся офицер в городе или сколько бы ни пробыл он у себя на судне, лодочник неотлучно будет ожидать его у известной, указанной ему пристани или терпеливо качаться в своей фуне на волнах, недалеко от левого борта судна. Это, впрочем, не представляет для него особенного неудобства, так как фуне есть не только "экипаж", но в то же время и его жилище, где под сиденьем, в ящике, да в кормовом шкафчике хранится весь необходимый ему скарбик.

Каждый из помесечных лодочников непременно сочиняет для себя свой особый флаг, под тем предлогом, чтобы хозяину приметнее была его фуне, а в сущности, ради утехи собственному самолюбию: "я, дескать, плаваю под флагом капитана такого-то", и не иначе как "капитана". Все они более или менее понимают и даже говорят несколько слов и фраз по-русски, по крайней мере, настолько, что в случае надобности можно объясниться с ними и без японского словаря.

Впрочем, знакомство с русским языком среди жителей Иносы вовсе не редкость: благодаря постоянному пребыванию на рейде русских стационаров, имеющих ежедневные сношения со "своим" берегом в Иносе, жители этой "русской деревни" уже вполне освоились с ними и в большинстве своем научились кое-как объясняться по-русски...

...На одном из холмов стоит здесь довольно большой двухэтажный дом, прозванный почему-то нашими моряками "холодным домом", хотя сам он имеет претензию называться "гостиницей «Нева»", о чем свидетельствует его вывеска. Замечательно, что эта "гостиница «Нева», с буфетом и бильярдами", содержится каким-то японским семейством исключительно для русских. А чтобы не затесался в нее какой-нибудь посетитель иной национальности, хозяева сочли за нужное прибить над входом особую доску с предупреждающими надписями по-японски, по-русски и по-английски, которые гласят, что "сюда допускаются только

русские офицеры"»^[84].

Увы, Крестовский из этических соображений или опасаясь царской цензуры не упомянул о том, что больше всего притягивало господ офицеров в Нагасаки. Это, говоря современным языком, секс-туризм.

Чтобы современный читатель мог понять ситуацию в Нагасаки, нужно сказать пару слов об офицерских нравах в России конца XIX века. Так, вступать в брак младшим офицерам было запрещено уставом. В Морском ведомстве исключение сделали лишь для младших офицеров, служивших в Сибирской, а позже и в Амурской флотилиях, поскольку «в местах не столь отдаленных» найти достойную невесту было практически невозможно.

Невеста должна была быть из породистой семьи, то есть из дворян, лишь в отдельных случаях делались исключения для семей интеллигенции. В свое время, изучая подшивку «Артиллерийского журнала» за 90-е гг. XIX века, я полчаса не мог понять, в чем суть скандала, когда армейский артиллерийский офицер женился на дочери мебельного фабриканта. Его за сей брак хотели выкинуть из бригады, да тут вступилась либеральная пресса.

Мало того, даже если невеста была из знатного дворянского рода, ее должны были принять в свой круг «полковые дамы» (то есть жены офицеров полка, не путать с «полковыми дамами» другого сорта). Если полковые дамы не принимали невесту или жену офицера в свой круг, то ему приходилось уходить из полка (с корабля).

Но зато в отношении неофициальных «подруг» в нашей армии и флоте в конце XIX века царил полнейший либерализм.

В заключение следует сказать, что в конце XIX века, в отличие от советского и нынешнего «демократического» времени, на русских боевых кораблях не было вертухаев-особистов, которые следили за поведением моряков.

Поэтому, сойдя на берег в Нагасаки, господа офицеры спешили не только в рестораны «Санкт-Петербург», «Кронштадт» и «Владивосток», но и в многочисленные публичные дома. Причем наиболее скромные и порядочные офицеры предпочитали вступать в брак с японками. Для этого нужно было заключить контракт с хозяйкой так называемого «чайного домика». Обычно контракт заключался на все время стоянки корабля. Женами становились 14—16-летние японские девушки. Таким образом, в течение всей стоянки капитан или мичман знал, что он в любой момент может прийти в чайный домик, где его будет ждать туземная жена, строго хранящая ему верность до самого подъема якоря корабля.

Многие офицеры все время стоянки так и жили в чайных домиках,

лишь изредка появляясь на кораблях. Хозяйками чайных домиков, как правило, были японки, хотя встречались и исключения. Так, владелицей домиков в европейском стиле была Мина Рахиль Неухова-Писаревская — мещанка из Одессы.

Кто-то из моряков сложил песенку о девушках из Нагасаки с припевом:

У ней такая маленькая грудь
И губы алые, как маки.
Уходит капитан в далекий путь,
Оставив девушку из Нагасаки.

Для удобства коммерсантов обеих стран и не в последнюю очередь для наших морских офицеров компания «Мицубиси» в апреле 1886 г. организовала регулярные грузопассажирские рейсы Нагасаки — Владивосток.

Любопытно, что «русскую деревню» Иносу и ее девушек посещали не только простые офицеры, но и августейшие персоны. В 1871—1873 гг. фрегат «Светлана» совершал трехлетнее кругосветное плавание. Собственно, ничего удивительного в том не было — постоянно не менее десятка наших боевых кораблей находились в дальних плаваниях. Но на сей раз нужно было увезти из Петербурга не в меру разгулявшегося августейшего плебоя великого князя Алексея Александровича.

Длительными запоями и беспорядочными интимными связями в семье Романовых никого не удивишь. Но Алексей, помимо всего прочего, завел серьезный роман с Александрой Жуковской — дочерью знаменитого поэта, служившей фрейлиной при его матери императрице Марии Александровне. Самое любопытное, «Сашенька» была на 8 лет старше Алексея.

Ряд историков утверждают, что в 1870 г. в Италии они вступили в тайный брак. Косвенным подтверждением служит то, что Алексей, доживший до 1909 г., имел сотни любовниц, но официально так и не женился.

Так или иначе, но лейтенанта Алексея Романова зачислили на фрегат «Светлана» и отправили в Америку. Через полтора месяца после отплытия «Светланы» в немецком городе Зальцбурге у девицы Александры Жуковской родился сын, названный Алексеем.

Фрегат «Светлана» был лучшим фрегатом российского флота. В 1870 г. он прошел тимберовку^[85] в Кронштадте и взамен гладкоствольных 60-

фунтовых пушек получил десять нарезных 8-дюймовых пушек обр. 1867 г. и одну 6-дюймовую пушку обр. 1867 г.

Кроме «Светланы» в состав эскадры Посыета входили корвет «Богатырь» и клипер «Абрек».

8 (20) ноября 1871 г. русская эскадра прибыла в Нью-Йорк.

И февраля 1872 г. эскадра взяла курс на Гавану. Оттуда, согласно плану, русские корабли должны были через Атлантику вернуться в Кронштадт. Но Александру II донесли, что его сын по-прежнему вспоминает о Сашеньке Жуковской. И эскадра получила приказ отправиться в кругосветное плавание по маршруту Гавана — Рио-де-Жанейро — мыс Доброй Надежды — Гонконг — Нагасаки — Владивосток.

13 октября 1872 г. фрегат бросил якорь в порту Нагасаки. На рейде его прибытия дожидались корвет «Витязь» под флагом командира свиты его императорского величества контр-адмирала Федоровского и канонерская лодка «Морж».

Великий князь Алексей пробыл в Японии до 26 ноября 1872 г., когда «Светлана» и «Витязь» взяли курс на Владивосток. Среди историков нет разногласий о посещении любвеобильным Алексеем «русской деревни». Однако деталей этих походов мемуаристы нам не оставили.

Кстати, замечу, что временные жены русских, да и других иностранных моряков не вызывали возмущения японцев.

Термином «временная жена» называли в Японии тип отношений между иностранным подданным и японской подданной, согласно которому на время пребывания иностранца в Японии он получал в пользование и содержание жену. Сами иностранцы, в частности русские офицеры, называли таких жен мусуме — от японского слова «девушка, дочь».

Любопытная история случилась с корветом «Рында». Согласно планам Морского ведомства, «Рында» должен был обследовать наши дальневосточные берега, в частности, провести топографическую съемку берегов и промер глубин в Татарском проливе. Но сей маршрут очень не понравился мичману Александру Михайловичу Романову. Он записал в своем дневнике: «Я предлагаю чудный план, чтобы нас отправили в Сан-Франциско, потом Сандвичевы, потом Таити, Новая Гвинея, Австралия, Новая Зеландия... Это надо просить прямо Алексея... Я бы устроил все это сам через адмирала начальника отряда, но дело в том, что он не может отпустить нас без разрешения свыше». (Под именем «Алексей» имеется в виду великий князь Алексей Александрович, генерал-адмирал русского флота.)

Алексей уважил кузена, и вот «Рында» вместо того, чтобы идти в

Магелланов пролив, пересек Южную Атлантику и зашел на несколько дней в британский порт Кейптаун на самой оконечности африканского материка. А в Магелланов пролив отправили Степана Макарова на «Витязе». Ему пришлось обследовать

берега Приморья, Татарский пролив, пролив Лаперуза, затем он обследовал северные берега Охотского моря, Камчатки и Берингов острова.

На «круиз» «Рынды» были подобран и соответствующий офицерский состав: лейтенанты князь М.С. Путятин и граф Н.М. Толстой; мичманы граф М.А. Апраксин и А.М. Романов.

Естественно, прибыв в 1888 г. в Нагасаки, вся эта компания рванула в Иносу. Впрочем, пусть об этом расскажет сам великий князь:

«Как только мы бросили якорь в порту Нагасаки, офицеры русского клипера "Вестник" сделали нам визит. Они восторженно рассказывали о двух годах, проведенных в Японии. Почти все они были "женаты" на японках. Браки эти не сопровождались официальными церемониями, но это не мешало им жить вместе с их туземными женами в миниатюрных домиках, похожих на изящные игрушки, с крошечными садами, карликовыми деревьями, маленькими ручейками, воздушными мостиками, микроскопическими цветами. Они утверждали, что морской министр неофициально разрешил им эти браки, так как понимал трудное положение моряков, которые на два года разлучены со своими домами...

...В то время одна вдова — японка по имени Оматисан — содержала очень хороший ресторан в деревне Инаса вблизи Нагасаки. На нее русские моряки смотрели как на приемную мать русского военного флота. Она держала русских поваров, свободно говорила по-русски, играла на пианино и на гитаре русские песни, угощала нас крутыми яйцами с зеленым луком и свежей икрой, и вообще ей удалось создать в своем заведении атмосферу типичного русского ресторана, который с успехом мог бы занять место где-нибудь на окраинах Москвы. Но кроме кулинарии и развлечений она знакомила русских офицеров с их будущими японскими "женами". За эту услугу она не требовала никакого вознаграждения, делая это по доброте сердца. Она полагала, что должна сделать все от нее зависящее, чтобы мы привезли в Россию добрые воспоминания о японском гостеприимстве.

Офицеры "Вестника" дали в ее ресторане обед в нашу честь в присутствии своих "жен", а те, в свою очередь, привезли с собою подруг, еще свободных от брачных уз...

...Мы с любопытством наблюдали за тем, как держали себя игрушечные японочки. Они все время смеялись, принимали участие в

нашем пении, но почти ничего не пили. Они представляли собой странную смесь нежности с невероятной рассудочностью. Их сородичи не только не подвергали их остракизму за связь с иностранцами, но считали их образ жизни одним из видов деятельности, открытым для их пола. Впоследствии они намеревались выйти замуж за японцев, иметь детей и вести самый буржуазный образ жизни. Пока же они были готовы разделить общество веселых иностранных офицеров, конечно, только при условии, чтобы с ними хорошо и с должным уважением обходились. Всякая попытка завести флирт с "женой" какого-нибудь офицера была бы признана нарушением существующих обычаев...

...Я часто навещал семьи моих "женатых" друзей, и мое положение холостяка становилось прямо неудобным. "Жены" не могли понять, почему этот молодой "самурай" — им объяснили, что "самурай" означало по-русски "великий князь" — проводит вечера у чужого очага вместо того, чтобы создать свой собственный уютный дом. И когда я снимал при входе в их картонные домики обувь, чтобы не запачкать на диво вычищенных полов, и входил в одних носках в гостиную, недоверчивая улыбка на ярко накрашенных губах хозяйки встречала меня. "По всей вероятности, этот удивительно высокий самурай хотел испытать верность японских «жен». Или же, быть может, он был слишком скуп, чтобы содержать «жену»!" — читалось в их глазах.

Я решил "жениться". Эта новость вызвала сенсацию в деревне Инаса, и были объявлены "смотрины" девицам и дамам, которые желали бы занять роль домоправительницы русского великого "самурая"...

...Выбор моей будущей "жены" представлял большие трудности. Все они казались одинаковыми: улыбающиеся, обмахивающиеся веерами куклы, которые с непередаваемой грацией держали чашечки с чаем. На наше приглашение их явилось не менее шестидесяти. Даже самые бывалые офицеры среди нас вставали в тупик перед таким изобилием изящества. Я не мог смотреть спокойно на взволнованное лицо Эбелинга, но мой смех был неправильно истолкован "невестами". В конце концов мое предпочтение синего цвета разрешило сомнения: я остановил свой выбор на девушке, одетой в кимоно сапфирового цвета, вышитое белыми цветами.

Теперь у меня завелся собственный дом, правда, очень скромный по размеру и убранству. Однако командир "Рынды" строго следил за тем, чтобы мы, молодежь, не слишком разленились, и заставлял нас заниматься ежедневно до шести часов вечера. Но в половине седьмого я уже был "дома" за обеденным столом в обществе миниатюрного существа. Веселость ее характера была поразительна. Она никогда не хмурилась, не

сердилась и всем была довольна...

...Русские офицеры называли ее в шутку "нашей великой княгиней" — причем туземцы принимали этот титул всерьез. Почтенные японцы останавливали меня на улице и интересовались, не было ли у меня каких-либо претензий в отношении моей "жены". Мне казалось, что вся деревня смотрела на мой "брак", как на известного рода политический успех».

Во время стоянки корвета в Японии Александру Михайловичу пришло донесение от Александра III. Великому князю предписывалось в качестве члена российской императорской семьи нанести официальный визит японскому императору. 23 июня 1887 г. двадцатилетний моряк сошел с катера на пристань Иокогамы. Далее предоставим самому великому князю описать ход визита: «Прием мой в Токио и Иокогаме был обставлен с большой торжественностью. С того момента, как в Иокогамском порту прозвучал салют в 101 выстрел, в течение девяти последующих дней я перестал быть скромным мичманом с крейсера "Рында", и со мной обращались точно так же, как принимали в чопорном Потсдаме высочайших особ. Собственный поезд микадо ожидал меня в Иокогаме, и все члены правительства во главе с графом Ито, тогдашним премьер-министром, встречали меня в Токио на вокзале. Я проследовал в Императорский дворец в пышном экипаже, которому предшествовал эскадрон гвардии микадо в парадной форме.

Первая аудиенция у Императора длилась всего несколько минут. Император и Императрица приняли меня в тронной зале, окруженные блестящей свитой принцев и принцесс. Я произнес короткую речь и передал приветствие от царя. Император выразил свою радость по поводу моего пребывания в Токио и веру в русско-японскую дружбу. Обе речи были переведены переводчиком посольства. Я испытывал некоторое смущение в обществе этих людей, одетых в полную парадную форму и едва достигавших мне до плеча, и старался казаться как можно ниже ростом [рост великого князя был 190 см. — А.Ш.]. Целая неделя была посвящена осмотру достопримечательностей и военным парадам».

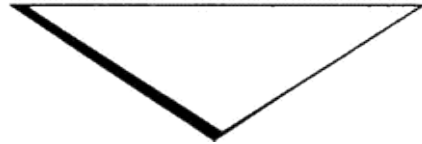
В течение двух лет Нагасаки служил базой, откуда «Рында» регулярно уходил в плавание и куда возвращался на стоянку для отдыха и ремонта.

15 апреля 1891 г. в порт Нагасаки прибыл крейсер «Память Азова» с наследником престола цесаревичем Николаем Александровичем. Там собралась внушительная русская эскадра — броненосные крейсера «Адмирал Нахимов» и «Владимир Мономах», клипер «Джигит», канонерские лодки «Бобр», «Манджур» и «Кореец», а также пароходы Добровольного флота «Петербург» и «Владивосток».

Надо ли говорить, что и будущий император отдал дань деревне Иноса. Однако 11 мая 1891 г. в городке Оцу на наследника было совершено покушение, и по приказу отца Николай срочно покинул Японию.

В свите цесаревича был и фотограф Владимир Менделеев — старший сын химика Дмитрия Ивановича Менделеева. Мичман Менделеев с фрегата «Память Азова», как и другие офицеры во время стоянки в порту Нагасаки, обзавелся временной женой по имени Така Хидесима. В 1893 г. она родила Владимиру девочку, назвав ее Офудзи. Она стала единственной внучкой знаменитого ученого-химика. Эта история вдохновила советского писателя Валентина Пикуля на книгу «Три возраста Окинисан».

С занятием русскими Порт-Артура самая «экзотическая» военноморская база России постепенно прекратила свое существование.

Глава 13.

ПОРТ-АРТУР

Первый город на месте Порт-Артура китайцы построили еще в III веке. Современное название Люйшунькоу появилось в 1371 г. Английское название Порт-Артур Люйшунькоу получил из-за того, что в августе 1860 г. там ремонтировалось английское судно под командованием Уильяма К. Артура.

В 1880—1892 гг. китайцы в Порт-Артуре построили современную военно-морскую базу с двумя доками и даже электрическим освещением.

В ходе японо-китайской войны, 24 октября 1894 г., японские войска высадились вблизи Порт-Артура. Со стороны моря Порт-Артур был защищен восемью фортами, расположенными по обе стороны входа в бухту. Восточная группа состояла из трех фортов, западная — из пяти. С суши Порт-Артур был окружен целым поясом фортов и батарей, но большинство их было полевого типа и вооружены они были самыми разнообразными крупнокалиберными орудиями.

Китайские войска не препятствовали высадке японцев. 8 ноября 1894 г. японцы после небольших боев заняли Кинг-Чжоу и Талиенван, и, таким образом, полуостров был окончательно отрезан. После этого японцы пошли на юг, и после опять-таки непродолжительного сопротивления китайцы очистили все подступы к Порт-Артуру.

22 ноября крепость Порт-Артур была взята сухопутными войсками. Сто исправных орудий, портовые сооружения, 15 тысяч тонн каменного угля, запасы пороха, двенадцать коммерческих и военных судов — все это досталось японцам.

17 апреля 1895 г. китайцы по Симопосенскому договору передали Ляодунский полуостров Японии.

1 февраля 1895 г. в Петербурге было созвано особое совещание под председательством великого князя Алексея Алексеевича для обсуждения той позиции, которую следовало занять России. Полная победа Японии не вызвала сомнений, но требования ее были еще неизвестны — японские дипломаты держали их в секрете.

В ходе обсуждения ясно проступили две политические линии. Одна заключалась в том, чтобы компенсировать себя какими-либо территориальными присоединениями — незамерзающий порт для зимовки

Тихоокеанской эскадры или отторжение части Северной Маньчжурии для более короткого пути Сибирской дороги к Владивостоку. Другая линия предусматривала отпор Японии под флагом защиты независимости Кореи и целостности

Китая. Главная цель такого курса — не дать Японии укрепиться неподалеку от русских границ, не позволить ей овладеть западным побережьем Корейского пролива, закрыв выход России из Японского моря.

В марте 1895 г. Николай II назначил министром иностранных дел князя Лобанова-Ростовского. Новый министр запросил ведущие европейские страны о возможности совместной дипломатической акции, направленной на обуздание японских милитаристов. Англия воздержалась, зато Германия безоговорочно поддержала Россию. Вильгельм II, утверждая проект телеграммы в Петербург, подчеркнул, что готов сделать это и без Англии, отношения с которой у Германии к этому времени успели уже основательно испортиться.

Теперь и Франции не оставалось ничего иного, как поддержать Россию.

11 (23) апреля 1895 г. представители России, Германии и Франции в Токио одновременно, но каждый в отдельности потребовали от японского правительства отказа от Ляодунского полуострова. Германская нота оказалась наиболее резкой. Она была составлена в оскорбительном тоне.

Одновременно Россия объявила мобилизацию войск Приамурского военного округа. Эскадры России, Германии и Франции, сосредоточенные вблизи Японии, имели в совокупности 38 кораблей водоизмещением 94,5 тыс. т против 31 японского корабля водоизмещением 57,3 тыс. т. В случае же начала войны три державы без труда могли утроить свои морские силы, перебросив корабли из других регионов. В японской армии, находившейся в Китае, вспыхнула эпидемия холеры. В Японии военная партия во главе с графом Ямагато трезво оценила ситуацию и уговорила императора принять предложения трех европейских держав. 10 мая 1895 г. японское правительство заявило о возвращении Китаю Ляодунского полуострова.

Вопрос о занятии незамерзающего порта на Дальнем Востоке постоянно обсуждался руководством Морского и Военного ведомств еще с 70-х гг. XIX века. Толчком же, заставившим поспешить Россию в этом вопросе, стали действия Германии и Англии.

Англия уже имела несколько военно-морских баз на Дальнем Востоке — Сингапур, Гонконг и другие, но мечтала о захвате новой базы в Северном Китае. Внимание британских, германских и русских адмиралов привлекла бухта Циндао (Киао-чоу). Коллежский советник русского МИДа

писал: «Стратегическое значение Циндао (Киао-чоу), в силу его графического положения, громадно, оно отдает в руки занявшего его весь Шаньдун и открывает свободный доступ в Пекин, упраздняя все Печилийские укрепления как средства для обороны подступов к столице против владеющего названной бухтой»^[86].

В 1896—1897 гг. германский посол в Китае барон Гейканг несколько раз поднимал вопрос о передаче Циндао Германии. Китайское правительство все время отвечало Германии решительным отказом, ссылаясь, с одной стороны, на свое собственное намерение воспользоваться этой бухтой, как стоянкой для возрождавшегося в те дни китайского флота, а с другой стороны, на право первенства, принадлежавшего по отношению к этой бухте России.

Действительно, еще в 1895 г., в период переговоров с Японией, командовавший в это время соединенными эскадрами в Тихом океане вице-адмирал Тыртов 2-й по совещании со своими ближайшими сотрудниками — вице-адмиралом Макаровым и контр-адмиралом Алексеевым — указал именно на Циндао, как на удобнейшую зимнюю стоянку русских судов. Эта же стоянка была необходима России потому, что Владивосток замерзал, рейд Чифу имел большие недостатки, корейские порты были неудобны тем, что телеграф там находился в руках японцев, а стоянка в японских портах, которой Россия пользовалась раньше, после событий 1895 г. оказалась уж совсем неудобной в политическом отношении. «Киао-чоу удовлетворяет условиям, имеется телеграф и провизия», — писал вице-адмирал Тыртов^[87].

20 октября 1897 г. в Шаньдуне, недалеко от Циндао, местным населением были убиты два католических миссионера, по национальности немцы. Теперь Германия получила повод для захвата Циндао.

Потеряв надежду на помощь извне, Китай вступил с Германией в новые переговоры и в конце декабря 1897 г. заключил с ней особое соглашение, по которому Германия получала право на арендное пользование бухтой Циндао в течение 99 лет.

Любопытно, что район Циндао был подчинен ВМФ, а не министерству колоний Германии. За несколько лет Циндао превратился из маленькой рыбацкой деревушки в 60-тысячный город с многочисленными промышленными предприятиями и мощной крепостью. На Циндао стала базироваться эскадра германских кораблей.

Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что аннексия Циндао вызовет лавинообразную серию захватов других китайских

территорий прочими империалистическими государствами, среди которых первыми будут Англия и Япония. Одним из самых лакомых кусочков Китая был Порт-Артур. Захват его был неизбежен. Вопрос заключался лишь в одном — кто это сделает.

Однако моряки отдавали предпочтение не Порт-Артуру, а базе на юге Корейского полуострова. Основные аргументы: контроль над стратегическим Цусимским проливом, защита Кореи от вторжения японцев и, наконец, Владивосток был вдвое ближе (почти на 800 миль).

Управляющий Морским министерством вице-адмирал Тыртов писал: «Помешать из далекого Порт-Артура подготовлениям Японии к внезапному занятию Кореи нам будет значительно труднее, чем английской эскадре из Безикской бухты захвату Босфора. Для того чтобы... своевременно разрушить такой план захвата и чтобы Япония не решилась на это предприятие в сознании риска неудачи и неизбежных громадных потерь, необходимо иметь опорную точку на юге Кореи. База эта... нужна сверх того как связующее звено Владивостока с Порт-Артуром. Станция в южной Корее являлась бы, кроме того, сильной угрозой... более многочисленному торговому флоту Японии. Приобретение такого порта должно составлять цель, к которой необходимо стремиться неуклонно...

Для обеспечения нашего спокойствия и развития на крайнем Востоке нам нужны не дальнейшие приобретения в Китае... а достижение преобладания на море. Но такое преобладание недостижимо одним уравниванием наших сил в Тихом океане с японскими и даже некоторым излишком с нашей стороны, пока расстояния наших баз от объекта действий, т.е. Кореи, будут так велики, как теперь по сравнению с Японией, для которой всегда будет служить большим соблазном возможность... перебросить в Корею целую армию раньше, чем это даже будет известно во Владивостоке или Порт-Артуре. Поэтому нам необходимо стремиться приобрести... защищенную базу в юго-восточной части Кореи, предпочтительнее всего Мозампо, чтобы обеспечить себя от всяких неожиданностей со стороны Японии»^[88].

Как видим, и тогда нашим адмиралам были однозначно видны все недостатки Порт-Артура. Но дело решили экономические интересы, и не столько России, сколько конторы Витте и К°. Им Порт-Артур нужен был не как военно-морская база, а как опорный пункт для торговой экспансии в Северном Китае. А формально для царя и для общественности выдвигается совершенно справедливый аргумент — не захватим мы, захватят другие.

Действительно, захват немцами Циндао заставил Англию начать сосредоточение своей Тихоокеанской эскадры у Чусанских островов,

недалеко от устья Янтсекианга. Намерения англичан были известны. Отдельные суда английской эскадры появились в Печилийском заливе. С конца ноября в Петербург стали поступать тревожные известия, что в Чифу ожидается британская эскадра в полном составе, что она идет затем в Порт-Артур, дабы предупредить Россию.

Посол Павлов сообщил об это в Петербург 25 ноября. 27 ноября из самого Чифу донес об этом русский консул Островерхое. Наконец, о подобных планах Англии намекнул русскому представителю в Пекине и германский посол барон Гейкинг.

Когда известие о намерениях англичан дошло до командующего Тихоокеанской эскадрой контр-адмирала Федора Васильевича Дубасова, то он предложил Морскому министерству занять архипелаг Коргодо с портом Мозампо. Русская военно-морская база там, как доносил Дубасов, вполне разрешила бы вопрос о стратегическом упрочнении России на берегах Восточного океана и давало русским опорный пункт, господствующий над сообщениями Кореи с Северным Китаем и Японией, связанный к тому же с Сеулом главной в Корее большой дорогой, расстоянием всего до 400 верст. 27 ноября 1897 г. Дубасов доносил в Петербург: «Мог бы занять эту базу и удержать, минировав второстепенные проходы и защищая эскадрой главные»^[89].

Телеграмма эта была получена 30-го вечером, уже после того, как 29 ноября в 3 часа ночи в Нагасаки, где находилась русская эскадра, были посланы совсем иные распоряжения, расходившиеся с мнением командующего Тихоокеанской эскадрой. Впрочем, если бы его телеграмма и была получена до этих распоряжений, вряд ли Петербург изменил бы свое решение — занять не Мозампо, а Порт-Артур.

Барон Розен, русский посланник в Токио, писал: «Нам очевидно опасно оставление этой важнейшей для нас позиции в бессильных руках Китая»^[90]. Того же мнения держались и в Петербурге. Управляющий МИДом граф Муравьев находил, что теперь по получении согласия китайского правительства на свободное посещение русскими судами китайских закрытых портов он находит вполне возможным и своевременным немедленную отправку нескольких русских судов в Порт-Артур, «дабы предупредить занятие этой гавани другой нацией»^[91].

Генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович заявил: «Надо послать в Артур сильную эскадру». Николай II, как всегда, не имел ни своего мнения, ни вообще каких-то идей в области дальневосточной политики. Он традиционно колебался. Наконец 28 ноября дядя Алексей

уговорил царя согласиться на отправку русской эскадры в Порт-Артур.

29 ноября 1897 г. в 3 часа ночи контр-адмиралу Дубасову было послано по телеграфу приказание немедленно по получении этой телеграммы отправить в Порт-Артур отряд из трех судов. «Отряд должен спешить, — говорилось в депеше, — и по прибытии оставаться в этом порту впредь до распоряжения, причем судам быть готовым ко всяким случайностям. Сохраните поручение в строжайшем секрете даже от командиров; его должны знать только вы и Реунов. Официально назначьте посылку отряда в какой-нибудь другой порт. Остальные суда эскадры держите в полной готовности; уведомьте срочно о получении телеграммы и о выходе отряда».

1 декабря в Петербург пришло новое известие, что четыре английские судна спешно грузятся углем в Чифу и что они, по всей видимости, идут к Порт-Артуру. Очевидно, что англичане могли предупредить русских: от Чифу до Порт-Артура было несколько часов хода, от Нагасаки до Квантуна — два с половиной дня. В Морском министерстве начали беспокоиться. Наконец, 2 декабря от Дубасова были получены телеграмма о сделанных им распоряжениях и депеша о состоявшемся в ночь на 1 декабря выходе контр-адмирала Реунова из Нагасаки.

Но англичан в Порт-Артуре не оказалось. Когда 4 декабря задержанный в пути свежим ветром отряд Реунова появился наконец на его внешнем рейде, там находилось всего два военных судна, да и то китайских. Английская же лодка «Дафнэ» пришла в Порт-Артур только 6 декабря. Несмотря на запрещение китайских властей, она вошла во внутренний рейд и, простояв три часа, ушла обратно.

Контр-адмирал Дубасов считал необходимым наряду с Порт-Артуром занять и Талиенван. 2 марта 1898 г. он телеграфировал в Петербург генерал-адмиралу: «Без поддержки Талиенвана — Порт-Артур мог быть изолирован, и связь их обоих с внутренней базой могла быть прервана»^[92].

Об этом еще 27 ноября говорил управляющий Морским министерством граф Муравьев, считая, что одновременно с занятием Порт-Артура должны быть отправлены суда и в Талиенван. Как раз 2 декабря из Чифу был передан новый слух, будто бы Англия уже овладела Талиенваном. Поэтому 3 декабря в три часа ночи Дубасову было отправлено приказание Николая II немедленно послать в бухту Талиенван один крейсер и две канонерские лодки. «Невозможно позволить англичанам хозяйничать на севере», — телеграфировал великий князь Алексей Александрович^[93].

8 и 9 декабря крейсер «Дмитрий Донской» и лодки «Сивуч» и «Гремящий» вошли в гавань Талиенвана. Английских судов там не оказалось. 17 декабря в Порт-Артур пришла канлодка «Кореец». Одновременно с ней пришли на внешний рейд и встали на якорь английские крейсера «Immortalite» и «Iphigenia». Китайцы подняли им сигнал, что вход в порт запрещен, и англичане через некоторое время ушли.

Первоначальные отношения русских и китайцев были самые дружественные. Русский посол Павлов писал: «Китайские власти в Порт-Артуре и Талиенване оказывают нашим судам самое широкое внимание»^[94]. Три китайских судна по очереди ходили в Чифу для подвоза русским кораблям провизии. Сухопутное китайское начальство предупреждало каждое желание русских моряков. Происходил взаимный обмен подарками, обедами и любезностями. Весь запас угля в Порт-Артуре был передан контр-адмиралу Реунову совершенно бесплатно, затем по распоряжению центрального китайского правительства из Шанхайгуаня был выслан дополнительный запас угля для русских кораблей. Наши корабли пришли в Порт-Артур с минимальным запасом угля и без денег, так как при выходе из Нагасаки командирам дано было знать, что они идут в Фузан. А в Фузане уголь был уже заготовлен, и расстояние было недалеко. Когда же в море были вскрыты запечатанные конверты с приказанием, оказалось, что отряд идет в Порт-Артур. «К счастью, угля хватило, но были и такие суда, которые висели на волоске», — писал один из очевидцев^[95]. По приходе же в Порт-Артур русских выручили китайцы.

Следуя инструкциям из столицы, генерал-губернатор Печили заявил английскому консулу в Тяньцзине, что «русские пришли в Порт-Артур для защиты интересов Китая»^[96].

Известие о появлении русских судов в Порт-Артуре вызвало тревогу в Англии и Японии. 18 декабря 1897 г. английская эскадра адмирала Бюллера в составе шести кораблей (общее водоизмещение 24 940 т) появилась на рейде Чемульпо. Тогда же разнеслись слухи о намерении англичан высадить десант на острова Чусан и в порт Гамильтон. 10 января 1898 г. газета «Starndart» поместила на своих страницах самую воинственную статью: лорд Уолсней заявил, что если война начнется, то она застанет британскую армию в блестящем состоянии. Русскому послу в Лондоне приказано было заявить английскому правительству, что Россия крайне удивлена тревогой, возникшей как в лондонской печати, так и в общественных сферах столицы, что, по мнению русского правительства, интересы России и Англии на Дальнем Востоке не могут прийти в

серьезное столкновение. Из дальнейших объяснений с английским премьером стало очевидно, что Лондон вполне удовлетворен этим ответом. Вообще же солидарность России с Германией невольно заставила Англию действовать с особой осторожностью. Уже 10 января 1898 г., в тот самый день, когда в Лондоне появилась статья в «Starndart», контр-адмирал Дубасов донес, что общее настроение стало спокойнее, что отношения русских и английских судов носят дружественный характер, а встречи между адмиралами русской и английской эскадр отличаются особенной любезностью.

В Японии появление русских судов у Квантуна повлекло целый ряд воинственных приготовлений. Всем Адмиралтействам было приказано держать корабли в полной боевой готовности, поспешить с их ремонтом, вести работы даже ночью.

Министр иностранных дел Японии Нисси запросил русского посланника, какие цели преследовала Россия, занимая Порт-Артур, и имеют ли русские в виду содействие или противодействие германским предприятиям в Китае. Барон Розен ответил, что занятие Порт-Артура стоит в прямой связи с занятием Циндао, что поступок немцев побуждает Россию искать обеспеченной стоянки вблизи Шаньдунского полуострова, что «наша политика всецело направлена к поддержанию мира и спокойствия на Крайнем Востоке», и что посылка отряда для временной стоянки в Порт-Артуре, очевидно, лишь мера предосторожности, «ни против кого не направленная и принятая с согласия китайского правительства»^[97].

В то же время японский посланник в Пекине потребовал от китайцев объяснений и напомнил им данное при возвращении Ляодунского полуострова обещание не уступать этой местности никакой другой державе. Китайцы ответили, что о территориальной уступке Порт-Артура нет и речи, и что по дружескому соглашению с Россией ее флоту лишь предоставлено право пользоваться Порт-Артуром и Талиенваном для временной стоянки.

Подобно Англии, Япония не решилась на активный протест. Она не могла не видеть, что «тройственный союз», с которым она уже имела дело в период ратификации Симоносекского договора, не рухнул, а живет. Настолько согласованы были все операции германской и русской эскадр, всего в течение одного месяца занявших у Китая три лучших северных гавани. Конечно, Япония еще более убедилась бы в силе и прочности этого союза, если бы могла слышать, что сказал 5 декабря 1897 г. русскому послу в Берлине император Вильгельм II, беседуя с ним по поводу Циндао и

Порт-Артура: «Ваши враги — будь то англичане или японцы — становятся и моими врагами, и какими бы агрессивными они ни были, как бы ни противостояли вашим интересам, будьте уверены в том, что германская эскадра станет бок о бок с вашими военными судами»^[98]. Таким образом, управляющий Морским министерством был прав, сообщая 9 января Дубасову, что «опасаться неприязненных действий Японии или Англии нет оснований»^[99].

За день до прихода русской эскадры в Порт-Артур китайцы попросили у России новый заем в сто миллионов лан.

12 марта 1898 г. в Желтое море вошли прибывшие с Балтики броненосные крейсера «Рюрик» и «Дмитрий Донской». Но еще 11 марта китайские сановники в Пекине на переговорах с Павловым согласились передать России Порт-Артур и Талиенван с прилегающими территориями в аренду сроком на 25 лет. Статья 6-я соглашения определяла, что Порт-Артур для военных и коммерческих судов других государств будет считаться закрытым портом, но зато Талиенван, кроме одной из его внутренних бухт, будет считаться открытым для иностранной торговли и доступ в него будет предоставлен коммерческим судам всех наций.

Параллельно с переговорами в Пекине русское командование вело переговоры в самом Порт-Артуре с местным начальством — генералами Сун-Цином и Ма-Юйкунем. Под их началом только в Порт-Артуре состояло 7500 человек пехоты и конницы при двадцати полевых орудиях. В конце концов генерал Сун-Цин получил 100 тысяч рублей, а генерал Ма-Юйкунь — 50 тысяч рублей. Досталось и мелким чиновникам.

28 февраля Павлов сообщил Колесову, прикомандированному в качестве переводчика к русской эскадре: «...в мое распоряжение уже предоставлены денежные средства на выдачу пособия китайским властям Порт-Артура и Даляньваня, дабы привлечь их на нашу сторону... Полагаю чиновникам категории Гу, Ли, Хо практичнее всего определить теперь ежемесячно от 100 до 200 лан со дня прихода наших судов в Порт-Артур и обещать единовременно более крупную сумму в несколько тысяч лан»^[100].

Трудно сейчас сказать, что произвело большее впечатление на китайских военных — приказ из Пекина, «живые» деньги или 12-дм пушки броненосцев «Сисой Великий» и «Наварин». Но меньше, чем за сутки (с 15 на 16 марта) все китайские солдаты покинули Порт-Артур. Взятка китайским генералам окупалась хотя бы тем, что в Порт-Артуре ими были брошены в исправном состоянии десятки мощных крепостных орудий, многие из которых позже участвовали в обороне крепости в 1904 г.

Утром 16 марта 1898 г. в Порт-Артур из Владивостока прибыл пароход Добровольного флота «Саратов». С прибытием парохода был высажен десант в составе двух сотен забайкальских казаков, дивизиона полевой артиллерии и команды крепостной артиллерии.

В 8 часов утра 16 марта, пока шла высадка десанта, на мачте Золотой горы (вершины, господствующей над Порт-Артуром) великий князь Кирилл Владимирович поднял Андреевский флаг рядом с китайским желтым флагом. Раздался салют эскадры — Порт-Артур официально стал русской военно-морской базой.

В тот же день, 16 марта, состоялась высадка в Талиенване. Сюда еще накануне был отправлен из Порт-Артура контр-адмирал Реунов с крейсером «Дмитрий Донской», канонерской лодкой «Кореец» и клипером «Всадник». Всего в Талиенване было высажено на берег 180 человек при трех орудиях. Порядок не был нарушен ни в Порт-Артуре, ни в Талиенване. Значительная часть населения покинула эти города. Китайцы хорошо помнили резню, учиненную японцами при занятии Порт-Артура, и предпочли не испытывать судьбу. Русское командование было этому только радо и разместило войска в брошенных китайцами административных зданиях, кумирнях и частных домах.

В 30 милях от Порт-Артура находится группа островов, которые китайцы называли Мяо-дао. Острова имели стратегическое значение, и контр-адмирал Дубасов решил занять их. 16 ноября 1898 г. крейсер «Дмитрий Донской» высадил на островах небольшой десант, и населению островов были розданы прокламации о присоединении островов к арендуемой Россией территории. Однако министр иностранных дел граф Муравьев испугался и уговорил Николая II отдать приказ об уходе русских сил с островов Мяо-дао. Взамен русские дипломаты заключили с китайцами отдельное соглашение по этим островам, согласно которому Китай обещал не передавать их другим странам и не позволять иностранным кораблям базироваться на них.

Это было очередной наивностью наших дипломатов. За несколько дней до начала Русско-японской войны японцы захватили острова, а затем стали использовать их в качестве военно-морской базы для блокады Порт-Артура.

Ко времени захвата русскими Порт-Артур представлял собой небольшой китайский город с населением около четырех тысяч человек. Позже эти китайские кварталы получили название Старого города. Русская администрация и войска поначалу разместились в китайских административных зданиях, казармах и жилых домах, брошенных их

обитателями.

Благодаря русским гражданское население Порт-Артура стало расти и к началу войны составляло уже 15 тысяч русских и не менее 35 тысяч китайцев.

Рядом со Старым городом в 1901 г. возник русский Новый город. Название его улиц мало отличалось от названий улиц в городах европейской России — Морская, Пушкинская, Бульварная и др. Порт и город освещались от центральной портовой электростанции. В Порт-Артуре почти до самого конца обороны издавалась своя газета «Новый Край».

Как уже говорилось, мелководную гавань Порт-Артура начали углублять еще китайцы, устроив искусственный Восточный бассейн, который вмещал до десятка судов средней величины. В 1901 г. началось углубление Западного бассейна, предназначенного для броненосцев, но к началу войны эта работа, как и строительство нового сухого дока, не была закончена.

Смета на строительство военно-морского порта была представлена Николаю II в 1899 г. На углубление гавани, приобретение землечерпального каравана, сооружение молов, устройство портовой территории и т.д. требовалось около 14 млн. рублей, а отпущено было только 11 миллионов. Работы начались только в 1901 г. и были разделены на две очереди, окончание только первой очереди предполагалось в 1909 г. Поэтому к началу войны Порт-Артур не имел ни доков для больших кораблей, ни углубленного рейда, а к постройке молов для внешнего рейда даже не приступали.

Так, для нужд военного порта был создан только парк землечерпалок (5 драг и 9 буксиров), с помощью которых и начались работы по углублению внутреннего рейда и рытью котлована под новый док для броненосцев в южной части Восточного бассейна.

Также были созданы запасы кардиффского (английского) и китайского угля (35 тысяч тонн) — основного топлива для кораблей.

Русские восстановили разрушенный японцами в 1895 г. судоремонтный завод, где теперь мог производиться ремонт крупных кораблей эскадры — замена топок и котлов, цилиндров паровых машин, гребных винтов, выверка и установка гребных валов; там же изготавливались запасные части и механизмы.

Морское министерство решило в конце 1898 г. начать в Порт-Артуре сборку миноносцев, строившихся в Петербурге на Невском и Ижорском заводах. Часть миноносцев типа «Сокол» делались этими заводами

разборными, так чтобы их готовые секции можно было на пароходах доставить на Дальний Восток.

По плану предполагалось отправить в Порт-Артур пять миноносцев в 1899 г. и четыре — в 1900 г., причем последний — не позднее августа. Срок их сдачи в Порт-Артуре устанавливался по истечении 5 месяцев со дня выгрузки. Но позже было решено делать не девять, а семь разборных миноносцев.

Однако по вине бюрократов Морведа сроки сдачи миноносцев были сорваны. Лишь к концу 1899 г. был отправлен на пароходе «Нормания» корпус первого из построенных на Невском заводе миноносцев, а также корпуса трех «ижорских» миноносцев. В течение 1900 г. в Порт-Артур на пароходах «Владимир Савин», «Эдуард Бари», «Малайя», «Аннам» и «Дагмар» отправили корпуса остальных миноносцев Невского завода, а также механизмы, котлы и другое оборудование.

В начале 1900 г. на полуострове Тигровый хвост началось строительство крытого эллинга, рассчитанного на одновременную сборку сразу трех миноносцев, однако полномасштабные работы развернулись только к октябрю. 30 декабря ГУКиС заключил договор с Невским заводом о том, чтобы его рабочие произвели сборку и трех «ижорских» миноносцев. 5 марта 1901 г. начались подготовительные работы, а 11 апреля состоялась официальная закладка первого из кораблей — «Баклана», переименованного через несколько дней в «Кондор»^[101]. В первую очередь собирались миноносцы Невского завода, доставленные в лучшем состоянии и в большей комплектности.

Спуск «Кондора» на воду состоялся через три с половиной месяца после закладки, а на остальных кораблях работы продвигались крайне медленно, так как детали корпусов и механизмов за время перевозки морем и хранения под открытым небом в Порт-Артуре покрылись ржавчиной, на удаление которой было израсходовано более 122 тыс. рублей. Сборка же миноносцев Ижорского завода считалась «постройкой заново», так как некоторые детали были либо безнадежно испорчены, либо отсутствовали вовсе, и их приходилось изготавливать на месте.

Испытания «Кондора» начались в октябре 1901 г. и продолжались до лета 1902 г. Наибольшая средняя скорость при значительной вибрации машин достигла всего 25,75 уз. Но, несмотря на это, 5 июля было дано разрешение на принятие миноносца «во избежание надрыва котлов».

В 1902 г. прошли испытания еще два миноносца Невского завода, а в 1903 г. — еще трех «невских» и трех «ижорских» кораблей. Последние три сдавались уже после нападения японцев на Порт-Артур: «Страшный» — 20

февраля, «Стройный» — 1 марта, «Статный» — 14 июля 1904 г.

Надо ли говорить, что самым важным делом в Порт-Артуре должна была стать постройка мощной морской и сухопутной крепости^[102], поскольку Ляодунский полуостров представлял собой клочок русской территории, окруженный враждебными государствами.

Несколько слов стоит сказать и о географическом положении Порт-Артура. Город и порт расположены в котловине, окруженной со всех сторон горными хребтами, возвышающимися на 175—210 м над уровнем моря.

Местность в районе Порт-Артура гористая, сильно пересеченная, с большим количеством глубоких оврагов, крутых скатов и обрывов, образующих при стрельбе множество мертвых пространств. Наиболее высокими в этом районе являются горы Ляо-тешаня, достигающие 465 м над уровнем моря.

Увы, Военное ведомство слишком долго медлило, прежде чем начать строительство крепости. К октябрю 1898 г. гарнизон Порт-Артура все еще был малочисленным и состоял из 3-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады (четыре полка двухбатальонного состава), шести рот крепостной артиллерии, Восточно-Сибирского артиллерийского дивизиона (24 орудия), четырех сотен казаков и одной саперной роты. На гарнизон возлагалась не только задача охраны Порт-Артура, но и наблюдение за важными объектами Квантунского полуострова. Поэтому части гарнизона не имели возможности для ведения широким фронтом инженерных работ. Этим объясняется и медленное вооружение крепости артиллерией.

В начале 1898 г. в Порт-Артуре была создана местная комиссия для выработки проекта береговых и сухопутных укреплений Порт-Артура. По ее мнению, прежде всего надлежало воспользоваться некоторыми старыми китайскими береговыми батареями, усовершенствовав их и надлежаще вооружив, а затем постепенно заменять эти батареи новыми. Что касается сухопутного фронта, то признавалось необходимым вынести линию фортов проектируемой крепости на Волчьи горы, километрах в восьми от окраин Старого города.

Однако Военное ведомство проект забраковало, и в октябре 1898 г. из Петербурга в Порт-Артур была направлена новая комиссия под председательством генерала Кононовича-Горбатского.

Но еще до отбытия комиссии, 17 сентября 1898 г., состоялось Высочайшее повеление, согласно которому еще до составления окончательного плана морской крепости в Порт-Артуре туда временно назначалось 189 орудий Военного ведомства.

Из этих орудий 133 предназначались для береговых укреплений. Среди

них было:

10-дм (254/45-мм) пушек — 5;

9-дм (229-мм) пушек обр. 1867 г. — 12;

6/45-дм пушек Кане — 10;

6-дм пушек в 190 пудов — 28;

57-мм береговых пушек Норденфельда — 28;

Батарейных (107-мм) пушек — 8;

11-дм (280-мм) мортир обр. 1877 г. — 10;

9-дм мортир обр. 1877 г. — 10.

Для сухопутных укреплений предназначалось 56 орудий:

42линейных (107-мм) пушек обр. 1877 г. — 18;

Легких (87-мм) пушек — 24;

6-дм (152-мм) полевых мортир — 6;

3-линейных (7,62-мм) пулеметов Максима — 8.

Как видим, из 133-х береговых орудий современными орудиями, способными нанести вред японскому флоту, я уж не говорю об английском, были лишь 10/45-дм и 6/45-дм пушки, да и то при наличии снарядов, снаряженных мощным взрывчатым веществом — пироксилином, мелинитом и т.д.

Остальные орудия эффективно можно было использовать лишь на сухопутном фронте, и опять же при наличии соответствующих снарядов. Исключение представляли совершенно бесполезные 57-мм береговые пушки Норденфельда, от них не было проку ни на суше, ни на море. Все эти орудия должны были доставить в Порт-Артур в течение трех лет, с 1898 по 1900 г.

В 1898 г. должны были быть отправлены для береговых укреплений:

Двенадцать 9-дм пушек обр. 1867 г. Из них 6 пушек были взяты из Чрезвычайного запаса в Одессе, 4 — из Севастопольской крепости и 2 — из Керченской крепости. Зато к этим древним пушкам были взяты с Петербургского склада новенькие станки Дурляхера с углом возвышения в 45°. (6 станков были изготовлены для крепости Либава и 6 — для Кронштадта).

Двадцать восемь 6-дм пушек в 190 пудов. Из них 4 взяты из Очаковской крепости, 4 — из Владивостокской крепости и 20 — из Особого запаса в Одессе.

Двадцать восемь 57-мм береговых пушек Норденфельда. Из них 14 были взяты из Особого запаса в Одессе, 10 — из Севастопольской крепости и 4 — из Владивостока.

Восемь батарейных пушек были взяты из Особого запаса в Одессе.

Тридцать две мортиры обр. 1877 г. были взяты из Особого запаса в Одессе.

Для сухопутных укреплений в 1898 г. должны были доставить:

Восемнадцать 42-линейных пушек обр. 1877 г. Для этого по шесть орудий взяли из отдельных осадных парков в Двинске, Брест-Литовске и Киеве.

Двадцать четыре легкие пушки взяли из крепостей: Ковно (12), Новогеоргиевск (6) и Александровской цитадели в Варшаве (6).

Шесть 6-дм мортир были взяты из Новогеоргиевской крепости.

В 1899 г. подлежало отправке в Порт-Артур:

Десять 6/45-дм пушек Кане, в том числе шесть из Особого запаса в Одессе и четыре из числа заказанных для Владивостокской крепости.

Десять 11-дм мортир обр. 1877 г. на лафетах Дурляхера из числа изготовленных для Кронштадтской крепости.

В 1900 г. подлежало отправке в Порт-Артур:

Пять 10/45-дм пушек, из которых четыре было заказано для Владивостокской крепости и одна — для Кронштадта.

Автор не зря приводит эти вроде бы скучные перечни орудий. Из них становится ясно, как «с бору по сосенке» комплектовалась артиллерия Порт-Артурской крепости. А ведь было заведомо известно, что 9-дм пушки обр. 1867 г. устарели еще в 1877 г. Да и калибр 9 дюймов (228 мм) был слаб для борьбы с броненосцами, а шансов попасть из них в маневрирующий крейсер практически не было (даже на станках Дурляхера). Риторический вопрос, зачем же тащить ненужные тяжелые пушки и станки за тридевять земель, да еще строить под них дорогостоящие береговые батареи?

Замечу, что это не единственный случай преступной, иначе не скажешь, деятельности наших генералов. Вот, к примеру, в 1897—1898 гг. из Одесского отделения Чрезвычайного запаса для вооружения Николаевска-на-Амуре было отправлено восемь 8-дм пушек обр. 1867 г.

Такие пушки, не годные даже для сухопутных батарей, из Одессы надлежало направить на лом или в музей. Пушки эти были опасны лишь для собственной прислуги, но никак не для неприятеля.

Что же касается береговых мортир, то к началу XX века сам класс таких орудий стал бесполезным. 9—11-дм мортиры могли эффективно поражать только стоящие на якорях крупные корабли, да и то после длительного обстрела. Стрельба по маневрирующим судам была бесполезной тратой снарядов.

Обратим внимание, что значительная часть современных орудий была направлена в Порт-Артур из Владивостока, то есть попросту Военное

ведомство латало «тришкин кафтан» на Дальнем Востоке.

До Хлестакова на троне и Хлестаковых в Военном и Морском ведомствах никак не могло дойти, что, ввязавшись в серьезную игру в Маньчжурии, и думать нечего по меньшей мере 20 лет о захвате Босфора, не говоря уж о либавской авантюре. Если бы средства, отпущенные с 1898 по 1904 г. на Либаву и Особый запас, были потрачены на строительство Порт-Артурской крепости, то она действительно могла стать неприступной.

Но вернемся к новой комиссии Военного ведомства, отправленной в октябре 1898 г. в Порт-Артур. Под руководством генерала Кононовича-Горбатского был разработан новый проект крепости. При составлении проекта комиссия исходила из того, что ввиду отдаленности Порт-Артура сообщение с Россией морским путем может быть прервано в первые же дни войны, а помощь с суши может быть оказана лишь четыре месяца спустя. Поэтому комиссия указала на необходимость иметь крепость «с солидным крепостным сооружением и с сильным гарнизоном, который мог бы выдержать продолжительную осаду превосходящих сил противника»^[103].

По вполне обоснованным выводам комиссии на приморском фронте планировались постройка и вооружение 22-х батарей. Особое внимание в своем проекте комиссии уделяла устройству оборонительных сооружений сухопутного фронта, линия которого должна была проходить по высотам Сяогушань, Дагушань, Угловая, Высокая и Соляная. Для вооружения укреплений и батарей приморского и сухопутного фронтов предполагалось доставить 593 пушки и 52 мортиры, обслуживание которых должно было производиться батальонами крепостной артиллерии. Гарнизон крепости должен был состоять из двадцати пехотных батальонов. При этом 70-километровый сухопутный фронт должен был защищаться 528 орудиями и 70-тысячным войском.

Военное министерство отклонило этот проект, объяснив это якобы слишком большими требованиями по количеству гарнизона, вооружению артиллерией и строительству укреплений. Военный министр Куропаткин принял решение построить на сухопутном фронте только несколько фортов, неприступных «для атаки открытою силою»^[104].

Того же мнения было и «особое совещание», в работе которого принимали участие представители дипломатического, финансового и военного ведомств. Совещание решило свести к минимуму затраты по обороне Порт-Артура, а работы вести так, чтобы «не раздражать» противника, считаясь с «впечатлительностью иностранцев вообще и

японцев в частности»^[105].

В сущности, требования военного министра и «особого совещания» сводились к тому, чтобы заранее исключить возможность длительной обороны Порт-Артура. На совещании было установлено, что гарнизон Порт-Артура не должен превышать 11,3 тысяч человек. Исходя из этого, предусматривалось сокращение периметра крепости с исключением из плана обороны ряда командных высот.

Этими ошибочными соображениями и должна была руководствоваться вновь созданная комиссия под председательством полковника К.И. Величко^[106].

Летом 1899 г. Величко с новой комиссией прибыл в Порт-Артур и в том же году составил свой проект крепости. Величко считал, что он создал идеальный проект для данной местности. «Подобного рельефа, особенностей почвы и поверхности, — писал он, — не встречалось ни в одной из наших крепостей». Согласно проекту, сухопутная линия обороны протянулась по высотам Драконова хребта, на возвышенность впереди Кладбищенской горы, на Зубчатую гору, на возвышенность у деревни Саншугоу, на Вальдшнепиный холм, на высоты у южного угла Западного бассейна и на гору Белый Волк, итого около 19 км. В 1900 г. проект этот был утвержден.

Стоимость всех инженерных построек составляла 7,5 млн. рублей, почти столько же стоила и материальная часть, а в общем на постройку Порт-Артурской крепости требовалось 15 млн. рублей.

Хотя проект Величко был утвержден только в 1900 г., к работам приступили несколько раньше. Но так как денежные средства отпускались малыми порциями, работы были разделены на три очереди, с расчетом закончить постройку крепости в 1909 г. До начала Русско-японской войны всего на строительство крепости было отпущено около 4250 тыс. руб., то есть менее трети необходимого. Поэтому к 1904 г. в крепости было произведено немногим более половины всех работ. В наибольшей степени готовности находился приморский фронт: на нем успели возвести 21 батарею и два пороховых погреба, причем половина построек была в законченном виде. На сухопутном же фронте к началу войны был закончен лишь один форт — № IV, два укрепления (4-е и 5-е), три батареи (литеры А, Б и В) и два питательных погреба. Все остальные сооружения были либо не достроены, либо к их постройке даже не приступали. Недостроенными, но имевшими первостепенное значение при обороне крепости (так как на них велась сухопутная атака) остались форты № II и № III, и временное 3-е

укрепление.

Проектирование Порт-Артурских фортов велось на основании справки, выданной Азиатской частью Главного штаба, по которой у японцев предполагалось отсутствие артиллерии калибра свыше 15 см. Поэтому из экономических соображений принятые тогда Инженерным ведомством толщины бетонных сводов казематированных построек в 1,5—1,8—2,4 м были уменьшены на 0,3 м. Но из тех же экономических соображений местное артурское начальство разрешило военным инженерам сократить толщину сводов еще на 0,3 м, а местами и на 0,6 м. И в результате на важнейших укреплениях, подвергавшихся сильнейшей бомбардировке, толщина сводов в жилых казармах и на других важных объектах обороны оказалась всего 0,91 м. Были также нарекания и на качество бетона, но компетентная комиссия признала несправедливость этих нареканий. Но, во всяком случае, 91-сантиметровые своды могли выдержать снаряды не более 15-см калибра.

Журналом^[107] комиссии по вооружению крепости за № 351 от 15 февраля 1900 г. для сухопутного фронта крепости Порт-Артур было назначено следующее артиллерийское вооружение:

Таблица 1

Орудия	Пушки:						6-дм полевые мортиры	7,62-мм пулеметы
	6-дм в 190 пуд.	6-дм в 120 пуд.	42-лин. (107-мм)	Легкие на тумбах	Легкие на колесах	57-мм капонир- ные		
Вновь назначенное вооружение:								
Линии фортов	22	18	—	32	64	44	—	24
Главной ограды	—	—	4	—	8	—	—	24
Резервное	—	—	—	—	24	—	12	—
Итого	22	18	4	32	96	44	12	48
В крепости Порт-Артур имелось:								
Орудий	24	12	24	—	68	—	12	8

Журналом Артиллерийского комитета ГАУ за № 518 от 7 октября 1902 г. было предписано использовать трофейные китайские пушки для обороны Ляодунского полуострова: «Для вооружения "позиции-заставы" на перешейке Цзинь-Чжоу и у города Дальнего назначены орудия из военной добычи, всего 59 пушек изготовления ф. Крупп». Среди них были:

одна 24/35-см/клб с боекомплектом 150 выстрелов;
две 21/35-см/клб с боекомплектом по 150 выстрелов;
три 15/40-см/клб патронного заряжания^[108];
три 15/25-см/клб;
две 15-см обр. 1877 г.;
четыре 12/35-см/клб патронного заряжания;
шестнадцать 87-мм осадных патронного заряжания;
двадцать восемь 87-мм полевых.

Несмотря на постановление Арткома, бюрократы из ГАУ не захотели заниматься китайскими орудиями, которые до 1904 г. были довольно грозным оружием. Они составляли идиотские записки типа того, что, мол, надо по одному китайскому орудью доставить на Главный артиллерийский полигон (ГАП) под Петербургом, испытать там, составить технические описания, таблицы стрельбы и т.д. и т.п., и вот тогда уже ставить на укрепления. Надо ли говорить, что доставка восьми орудий из Порт-Артура в Петербург на Охту и испытания их там затянулись бы минимум на два года и обошлись бы в десятки тысяч рублей. Гораздо проще было бы командировать специалистов с ГАП в Порт-Артур и на месте провести испытания орудий. Но, увы, нашим охтенским героям лень было уезжать из столицы «к черту на кулички». Наконец, можно было запросить фирму Круппа, где ни одно орудие не уходило с завода без тщательных испытаний. Отношения с Германией в 1900—1903 гг. были хорошими, и ГАУ уже через неделю получило бы всю нужную информацию. В итоге китайские орудия к началу войны так и не были приведены в порядок.

Перед самым началом войны Журналом комиссии по вооружению крепостей от 12 декабря 1903 г. было определено новое «нормальное вооружение» крепости Порт-Артур.

На береговых укреплениях должны были установить: четырнадцать 10/45-дм пушек, двенадцать 9-дм пушек обр. 1867 г., двадцать 152/45-мм пушек Кане, четыре 6-дм пушки в 190 пудов, восемь батарейных пушек, девять легких пушек, двадцать восемь 57-мм береговых пушек Норденфельда, десять 11 -дм мортир обр. 1877 г. и двадцать семь 9-дм мортир обр. 1877 г.

На сухопутных укреплениях должно быть установлено: тридцать девять 6-дм пушек в 190 пудов, тридцать восемь 6-дм пушек в 120 пудов, двадцать четыре 42-линейные пушки обр. 1877 г., четыре батарейные пушки, восемьдесят восемь 57-мм капонирных пушек Норденфельда, пятьдесят одна полевая легкая пушка на тумбе (для капониров) и сто шестьдесят шесть полевых легких пушек на колесах, двадцать шесть 6-дм

полевых мортир, двадцать $\frac{1}{2}$ -пудовых мортир, шестнадцать 7,62-мм пулеметов для капониров, тридцать два 7,62-мм противотанковых пулемета (на высоких колесных станках).

Однако вооружить Порт-Артур даже по такому табелю не удалось. Наиболее сложная ситуация сложилась с 10/45-дюймовыми орудиями, которые изготавливались только на Обуховском сталелитейном заводе. Пять первых 10-дм пушек были заказаны заводу 28 октября 1896 г., причем по контракту первое орудие должно быть сдано через 12 месяцев. Однако в ГАУ после неудач с испытаниями корабельных 10/45-дм пушек решили упрочить ствол и 16 марта 1898 г. выслали новый чертеж 10/45-дм пушки. Таким образом, по милости ГАУ заказ находился без движения почти полтора года. В результате первая 10-дм пушка была сдана заводом в мае 1899 г.

К 26 февраля 1901 г. первые три 10-дм пушки были готовы, а оставшиеся две должны были быть готовы зимой 1901/02 годов. Первую пушку отправили на ГАП, а две другие летом 1902 г. погрузили на пароход «Корея», следовавший в Порт-Артур.

К концу 1902 г. завод стал сдавать по три 10-дм пушки в месяц, и Порт-Артур к началу войны вполне мог получить все положенные по табелю четырнадцать 10-дм пушек, если бы их не отправили в Либаву и в Кронштадт. Как уже говорилось, Либавка была абсолютно ненужной крепостью, а Кронштадту никто в 1902—1904 гг. и не думал угрожать, не говоря уж о том, что он и без того был слишком сильно укреплен. Для перевозки 10-дм орудий можно было привлечь и другие пароходы, кроме «Кореи».

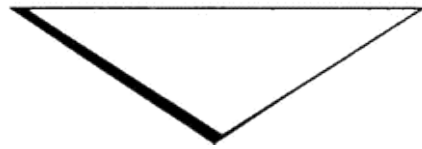
Ну, допустим, серийное производство 10-дм орудий только начиналось, и они были сравнительно дороги (тело одного орудия стоило 55 100 руб.), но возникает вопрос: почему Военное ведомство безобразно относилось к сухопутной обороне Порт-Артура?

Легкие полевые пушки снимали в 1901—1903 гг. с вооружения, и их было пруд пруди, но их так и не доставили в Порт-Артур. Вместо 217 легких пушек там их оказалось только 146! Не были доставлены в Порт-Артур даже двадцать $\frac{1}{2}$ -пудовых гладкоствольных мортир обр. 1838 г. А ведь сотни таких мортир хранилось по крепостям и складам Европейской России. Споры нет, орудия эти древние и не очень эффективные, но другого-то наши мудрые генералы так ничего и не приняли. (Вспомним о многострадальной 34-линейной мортире!) А с учетом рельефа местности и $\frac{1}{2}$ -пудовые мортиры сыграли бы значительную роль в обороне Порт-Артура. И лишь после начала войны $\frac{1}{2}$ -пудовые мортиры начали

отправлять из Европейской России в Маньчжурию. Так, в 1904 г. 25 таких мортир было отправлено из Керченской крепости на Дальний Восток.

Что же касается капонирных 7,62-мм пулеметов Максима, то к 1904 г. их не было даже в опытных образцах. Несколько опытных образцов генерала Фабрициуса и других конструкций были испытаны в 1905—1911 гг., но ни один из них не приняли на вооружение. Уму непостижима тупость русских генералов — создать пулеметный тумбовый станок для капонира под силу любому инженеру, да и чтобы сконструировать бронеколпак с пулеметом, тоже не нужно иметь семи пядей во лбу.

В итоге при огромных затратах Россия получила крепость, не готовую к борьбе с противником, обладавшим современной артиллерией.

Глава 14.

ОСАДА КРЕПОСТИ

Фактически началом боевых действий можно считать захват японским кораблем парохода Добровольного флота «Екатеринослав» в 9 часов утра 24 января 1904 г. в Корейском проливе в трех милях от корейского берега, то есть в территориальных водах Кореи.

В тот же день, 24 января, в Фузане (Пусане) началась высадка японских войск — авангарда японской армии. Японские миноносцы захватили стоявший в Фузане русский пароход «Мукден», принадлежавший КВЖД. Еще один пароход КВЖД, «Маньчжурия», был захвачен 24 января в порту Нагасаки. 25 января в Корейском проливе японцы захватили русские суда: в 7 часов утра — «Россию», а в 7 час. 30 мин. вечера — «Аргунь». 26 января были захвачены русские почтовые учреждения в Фузане.

В ночь с 26 на 27 января японские миноносцы атаковали стоявшие у входа в Порт-Артур русские корабли. Вопреки предостережениям вице-адмирала Макарова и других адмиралов и офицеров, противоторпедные сети так и не были опущены. Для атаки русских кораблей адмирал Того выделил пять отрядов миноносцев, три из которых (10 миноносцев) были отправлены к Порт-Артуру, а два отряда (8 миноносцев) — к порту Дальний. То, что Того не имел достаточно точных сведений от своей разведки о месте нахождения русских кораблей, иначе он не пошел бы на разделение отрядов.

В результате японской атаки броненосец «Ретвизан» принял 2200 тонн воды, три отсека были полностью затоплены. За ночь броненосец выпустил до 150 снарядов, большинство из которых было калибра 37—75 мм.

Броненосец «Цесаревич» получил попадание торпеды в кормовую часть левого борта. Были затоплены кормовые отсеки, поврежден руль, крен достиг 18°. Тем не менее броненосец снялся с якоря и пошел во внутреннюю гавань. Во время движения «Цесаревич» был дважды атакован японскими миноносцами, но все их торпеды прошли мимо.

Третьим торпедированным кораблем стал крейсер «Паллада». От взрыва торпеды возник пожар в угольной яме, образовавшимися в погребе газами выбило люк подачи, которым убило наповал находившегося на

батареи палубе матроса, а вырвавшимся газами обожгло четырех человек, которые вскоре скончались. Кроме того, получили ранения и отравления газами от взрыва боевого отделения торпеды еще 38 человек.

В ходе ночной атаки японские миноносцы выпустили всего 16 торпед, из которых в цель попали три. Миноносцы вели стрельбу одиночными торпедами с дистанции 1—2 кабельтов, то есть почти в упор. Как позже выяснилось, несколько торпед японцы в спешке выпустили с невынутой чекой, то есть в небоеспособном состоянии.

Успеху японской торпедной атаки способствовало еще и то, что о разрыве дипломатических отношений в Порт-Артуре знали только сам наместник Алексеев и небольшой круг близко стоявших к нему людей. Ни комендант крепости, ни начальник 7-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады, ни начальник артиллерии, ни начальник штаба крепости, ни крепостной интендант не были своевременно осведомлены об этом разрыве. В результате в самый разгар атаки, в 23 час. 45 мин., генерал Стессель прислал в штаб крепости записку с вопросом: «Что это за стрельба?» В свою очередь запрошенный штабом крепости морской штаб сейчас же сообщил, что производится практическая стрельба — отражение минной атаки. Когда же в 1 час. 20 мин. ночи по приказанию наместника был подан сигнал «тревога», и войска начали выстраиваться, то никто из войсковых начальников не знал, боевая ли это тревога или учебная, и потому не мог распорядиться, какие патроны выдавать — боевые или холостые. Недоразумение рассеялось лишь после того, как из квартиры наместника сообщили, что тревога боевая.

Через несколько недель после начала войны в американской, европейской, а затем и в русской печати начала распространяться версия о грандиозном бале, затеянном в ночь на 27 января по случаю именин Марии — жены адмирала О.А. Старка. Говорили, что бал открыл сам наместник Алексеев вместе с именинницей-адмиральшей.

Наши «историки-патриоты» с пеной у рта оспаривают эту версию и утверждают, что никаких именин не было, все морские офицеры находились на кораблях и т.д. Официальных документов о проведении бала нет, да и не могло быть. Настораживает то, что ни в ходе, ни после войны ни Старк, ни Алексеев ни разу публично не опровергли факта проведения бала.

Между тем в русской армии и флоте был доведен до маразма культ «начальствующих дам», то есть жен и дочерей генералов, адмиралов, великих князей и самого царя. Офицеры были обязаны тратить много своего личного и служебного времени, а еще больше денег, на участие во

всевозможных банкетах, именинах, просто в подношении цветов и др. Пропуск именин жены высокопоставленного адмирала в мирное время попросту исключался.

Между прочим, на следующий день, то есть 27 января, в Порт-Артуре намечался грандиозный молебен. Пардон, а чем молебен хуже именин?

Рано утром 27 января Алексеев отправил Николаю II донесение: «Всеподданнейше доношу, что около полуночи с 26-го на 27-е января японские миноносцы произвели внезапную минную атаку на эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артур, причем броненосцы "Ретвизан", "Цесаревич" и крейсер "Паллада" получили пробоины; степень их серьезности выясняется».

Царь получил телеграмму поздно вечером 26 января^[109]. В дневнике он записал: «Весь день находился в приподнятом настроении! В 8 час. поехали в театр. Шла "Русалка" очень хорошо. Вернувшись домой, получил от Алексеева телеграмму с известием, что этой ночью японские миноносцы произвели атаку на стоявших на внешнем рейде "Цесаревич", "Ретвизан" и "Палладу" и причинили им пробоины. Это без объявления войны. Господь, да будет нам в помощь!»^[110]

Через день предводитель бессарабского дворянства Крупенский задал царю вопрос, что теперь будет после успеха японцев. Николай небрежно бросил: «Ну, знаете, я вообще смотрю на все это как на укусы блохи».

К началу войны в Порт-Артуре находился III Сибирский корпус генерала А.М. Стесселя^[111] (4-я Сибирская стрелковая дивизия генерала Фока и 7-я Сибирская стрелковая дивизия генерала Р.И. Кондратенко). Войска были укомплектованы сверх нормы запасными. Кроме того, 4-й стрелковой дивизии был придан 5-й Сибирский стрелковый полк из состава 2-й дивизии.

Для удобства читателя здесь и далее я буду говорить о крепости Порт-Артур, хотя более грамотным является термин «укрепленный район».

Таблица 2

<i>Ведомость личного состава укрепленного района Порт-Артур — Цзиньчжоу</i> ^[112]

Название частей	Военно-служащих	Чиновников	Врачей	Священников	Сестер милосердия	Лошадей
Гарнизон крепости	25273	35	35	5	14	1512
Отряд генерала Фока	12111	11	20	6	4	2094
Итого	37384	46	55	11	18	3606

Фортификационные сооружения Порт-Артура ко времени подхода японцев состояли из пяти фортов (№№ I, II, III, IV и V), трех укреплений (№№ 3, 4 и 5) и четырех отдельных батарей (литера А, Б, В и Д). В промежутках между ними были вырыты стрелковые окопы, которые прикрывались проволочными заграждениями и на наиболее опасных направлениях зарытыми в землю фугасами. На флангах крепости на горах Сягушань, Дагушань, Высокая и Угловая были оборудованы передовые позиции полевого типа. В сторону долины Шуйшин были вынесены редуты Кумирненский, Водопроводный и Скалистый.

За поясом основных укреплений и между ними, а также на приморском фронте были установлены многочисленные батареи и отдельные артиллерийские огневые точки кинжального действия с общим числом до 400 орудий: из них наиболее известны в истории обороны Большое и Малое Орлиные гнезда, Заредутная батарея, приморские номерные батареи, редуты № 1 и № 2, Курганная батарея, Перепелиная гора, Спина Дракона и десятки других.

При общем протяжении фронта обороны до 28 км крепость имели слишком мало долговременных укреплений.

Форты и укрепления располагались в линию в нескольких километрах от города и гавани. Это не гарантировало жизненных пунктов крепости, штабов, складов и кораблей эскадры от артиллерийского огня даже полевых пушек противника.

Фортификационные сооружения не были замаскированы и на местности в тактическом отношении располагались в подавляющем большинстве безграмотно, командующие высоты для артиллерийских позиций и наблюдательных пунктов, а также много удобных подступов к крепости, остались вне оборонительного пояса.

Артиллерия фортов и укреплений часто не могла обстреливать ближние подступы к крепости, а оборона фланговых рвов осуществлялась главным образом ружейным огнем. Мало оказалось батарей и орудий кинжального действия, не хватало крупнокалиберных орудий, поэтому с первых же дней осады пришлось дополнительно снимать с кораблей и устанавливать на берегу скорострельные и крупнокалиберные системы.

В крепости Порт-Артур процветали казнокрадство и взяточничество, на которые генерал Стессель смотрел сквозь пальцы. По этому поводу генерал-майор Р.И. Кондратенко 24 апреля 1904 г. писал жене: «Наши военные инженеры совершенно не помогают войскам в скорейшем создании блиндажей и вообще не идут навстречу интересам войск, а заняты почти исключительно казнокрадством. Поэтому инженеры ведут только те работы, на которые можно нанять китайцев, причем число нанятых китайцев в своих отчетах для получения денег увеличивают страшно и, таким образом, наживаются. Те же работы, на которых участвуют только войска, инженеры тормозят. Такова же и деятельность интендантства: недостает обуви, обмундирования, снаряжения, часть людей ходит в порванных валенках, принесенных из дому...»^[113]

Согласно материалам следственной комиссии по сдаче крепости Порт-Артур^[114], к началу осады в состав береговой артиллерии Порт-Артура входило:

Таблица 3

(По нормальному табелю / Фактически)

254/45-мм/клб пушек — 10 / 5

9-дм пушек — 12 / 12

152/45 мм/клб пушек Кане — 20 / 20

6-дм пушек в 190 пудов — 4 / 4

57-мм береговых пушек — 12 / 12

11-дм мортир — 10 / 10

9-дм мортир — 32 / 32

Из числа недостающих пушек четыре 254/45-мм пушки были погружены на пароход «Корея» в Ревеле, но из-за начала войны выход парохода был отменен. В конце концов их отправили во Владивосток.

Замечу, что угол возвышения самых мощных артиллерийских орудий — 254/45-мм пушек — не превышал 15°, из-за чего максимальная дальность стрельбы составляла 12 верст. После 1905 г. угол возвышения этих пушек был доведен до 20°, что обеспечивало дальность стрельбы в 17 верст; а затем — до 30°, тогда дальность стрельбы достигла 20,5 км.

Но наиболее ужасным положение было со снарядами. В Порт-Артуре для пяти 254-мм пушек имелось всего 295 стальных бронебойных снарядов и 495 снарядов из обыкновенного чугуна (далее я такие снаряды буду

называть просто чугунными). Фугасных же стальных снарядов не было вообще.

Стальные бронебойные снаряды по тем временам имели удовлетворительную бронепробиваемость, но снаряд весом 225 кг содержал лишь 2 кг дымного пороха, то есть его действие было ничтожным, меньше, чем у 76-мм мелинитовой гранаты. Чугунные 254-мм снаряды имели тот же вес (225 кг), но содержали 9,6 кг дымного пороха. Их действие было слабее, чем у 120-мм японского гаубичного снаряда, начиненного шимозой. Хуже всего было то, что чугунный снаряд не выдерживал стрельбы при полном заряде, а разваливался в канале ствола или, в лучшем случае, сразу после вылета у дула орудия. Поэтому чугунным снарядом стреляли только половинным зарядом.

В итоге сухопутным артиллеристам с Электрического утеса пришлось взять займы у моряков пятьдесят фугасных стальных снарядов, начиненных пироксилином. 20 марта 1904 г. наместник Алексеев отправил телеграмму в Петербург с просьбой возместить Морскому ведомству эти пятьдесят снарядов стоимостью 6600 рублей. Но выяснилось, что Военное ведомство к 254-мм пушкам имело пятьсот стальных бронебойных снарядов во Владивостоке, а остальные 254-мм снаряды во всех европейских крепостях были чугунные.

Для 9-дм пушек снарядов имелось: 768 бронебойных, 2232 чугунных и 180 сегментных.

Для 6-дм пушек Кане в 45 калибров имелось снарядов: 1700 стальных бронебойных, 1931 чугунных и 2000 сегментных.

Для 6-дм пушек в 190 пудов было снарядов: 360 бронебойных, 1000 чугунных, 1000 шрапнельных.

Для 11-дм мортир: 2000 чугунных бомб, было выслано 500 фугасных пироксилиновых снарядов, но они не дошли до Порт-Артура.

Для 9-дм мортир имелось 830 фугасных пироксилиновых и 7300 чугунных снарядов.

Для батарейных пушек имелось 1290 чугунных гранат, начиненных черным порохом, 960 шрапнелей и 180 картечей.

Таким образом, из всех береговых орудий только 9-дм мортиры имели эффективные фугасные снаряды — 830 пироксилиновых бомб, то есть менее чем по 26 снарядов на ствол. Замечу, что снаряды, начиненные пироксилином и другими сильнодействующими взрывчатыми веществами, были приняты на вооружение русской армии и флота еще в конце 80-х гг. XIX века.

Такое безобразие со снарядами происходило из-за безудержного

воровства русских адмиралов и старших офицеров. Пушки, особенно больших калибров, были наперечет, и украсть ассигнованные на них деньги проблемно. Со снарядами же все гораздо проще. К примеру, наличие огромных запасов бесполезных чугунных снарядов объясняется тем, что чугунный снаряд в несколько раз дешевле стального фугасного.

Так называемые «сегментные» снаряды предназначались исключительно для стрельбы по малым миноносцам на небольших дистанциях (из 254-мм пушек — до 5760 м). Дальность определялась малым временем срабатывания 16секундной дистанционной трубки. 254-мм сегментный снаряд при разрыве выбрасывал до 212 готовых поражающих элементов — сегментов. По шлюпкам и малым миноносцам стрельба ими была относительно эффективна, но миноносцам водоизмещением в 350 тонн особых повреждений такие снаряды не наносили. Для стрельбы по наземным целям сегментные снаряды вообще были бесполезны. Между тем сегментные снаряды имели не только береговые батареи и корабли 1-й Тихоокеанской эскадры, но наши адмиралы ухитрились их включить в боекомплект кораблей 2-й и 3-й Тихоокеанских эскадр, где они составляли от 20 до 30 процентов от полного боекомплекта.

Наши генералы в ГАУ почему-то обожали стрелять шрапнелью из тяжелых осадных и береговых орудий калибра 152-203 мм. Какой смысл стрелять шрапнелью из 6-дм пушки в 190 пудов, делая один выстрел за полторы-три минуты, когда 76-мм пушка обр. 1900 г. может в минуту выпустить до 10 и более шрапнелей? Единственный эффективный снаряд для орудий калибра 152 мм и выше — это фугасный, начиненный веществом типа тротила.

Не лучше дела обстояли и с орудиями сухопутного фронта в Порт-Артуре.

К началу обороны в Порт-Артуре состояло орудий для сухопутных батарей:

Таблица 4

(По нормальному табелю / Фактически)

Пушек 6-дм в 190 пудов — 30 / 26

6-дм в 120 пудов — 36 / 38

42линейных — 26 / 24

Легких (87-мм) — 199 / 146

57-мм капонирных — 84 / 14^[115]

7,62-мм пулеметов Максима — 48 / 38

Мортир 6-дм полевых — 24 / 26

Снарядов для 6-дм пушек в 190 пудов было: чугунных — 7270, шрапнелей — 4550.

Для 6-дм пушек в 120 пудов имелось снарядов: фугасных пороховых — 1690, фугасных мелинитовых — 490, чугунных гранат — 5400, шрапнелей — 5400.

Для 42-линейных пушек было 910 фугасных пироксилиновых снарядов, 3638 чугунных снарядов и 5289 шрапнелей.

Для легких (87-мм) пушек имелось 16200 чугунных гранат, 1960 шрапнелей, 1960 картечи.

Для 57-мм капонирных пушек было 2800 картечей.

Для 6-дм полевых мортир имелось снарядов: фугасных мелинитовых ^[116]6, фугасных пороховых 5050 и 47151 шрапнелей.

Итого эффективных фугасных гранат, единственно годных для осадной войны, имелось: для 6-дм пушек в 120 пудов — 490 (12,9 выстрела на ствол); для 42-линейных пушек — 910 (38 выстрелов на ствол); для 6-дм полевых мортир — ^[117]6 (85 выстрелов на ствол).

Японское командование еще до войны запланировало высадку морского десанта на восточном берегу Ляодунского полуострова у города Бицзыво, примерно в 120 верстах от Порт-Артура. Замечу, что японцы уже высаживались в Бицзыво в 1894 г. в ходе войны с китайцами.

24 апреля несколько южнее Бицзыво началась высадка подразделений 1-й дивизии. Японцы высаживались очень медленно. Лишь к 28 апреля закончилась высадка 4-й дивизии, а 1-я и 3-я дивизии окончательно высадились лишь 30 апреля. На берегу оказалось 36 батальонов пехоты и 9 эскадронов конницы, всего около 40 тысяч человек при 216 полевых орудиях.

28 апреля японцы прервали железнодорожное сообщение Порт-Артура с Маньчжурией.

6 мая почти одновременно с высадкой в Бицзыво японцы начали высаживать свои войска и у Дагушаня. Высадка эта происходила под прикрытием эскадры адмирала Хосайя. Японские корабли подвергли район предполагаемой высадки интенсивной бомбардировке. Однако, к большому удивлению японцев, выяснилось, что русских там нет. Лишь на другой день после высадки, произведя разведку в окрестностях Дагушаня, японцы заметили сотню казаков, высланную на разведку. Казаки шли без всякого

охранения и вскоре были окружены превосходящими силами японцев. Сотне пришлось прорываться с боем. Был убит один офицер и девять казаков, а четверо казаков попали в плен.

Русские генералы не препятствовали высадке и продвижению японцев, и, выслав для прикрытия высадки к северу отдельную кавалерийскую бригаду с пулеметами, генерал Оку тремя колоннами двинулся к Порт-Артуру. Правую колонну составляла 4-я дивизия, которая была направлена на Цзиньчжоу и порт Адаме, левую — 3-я дивизия, которая направлялась по берегу Корейского залива, и среднюю, которая придерживалась железной дороги.

Генерал Стессель попытался остановить японцев на позиции в Цзиньчжоу.

Ко времени подхода японцев позиции русских на перешейке занимали по фронту до 4 км, имели два яруса траншей для стрелков с блиндажами, козырьками от шрапнелей и с бойницами, пять редутов, три люнета и тринадцать артиллерийских батарей. Искусственные препятствия состояли из проволочных заграждений в четыре-пять рядов кольев общим протяжением до 6 км. На подходах было зарыто 84 фугаса. Вся система обороны имела ходы сообщения и телефонную связь. Артиллерийское вооружение позиции состояло из 65 орудий и 10 пулеметов. По другим сведениям, имелось 70 орудий, из которых 30 были китайскими трофеями 1900 года.

Большинство орудий стояло открыто и скученно, «колесо к колесу». Снарядов в среднем имелось по 160 на орудие. В районе Кинчжоу было сосредоточено около 18 тысяч солдат и офицеров при 131 орудии под общим командованием командира 4-й стрелковой дивизии генерал-майора Фока, который для обороны позиции выделил всего 14 рот (11 рот из 5-го полка) и пять охотничьих команд во главе с командиром 5-го стрелкового полка полковником Третьяковым, всего 3800 человек. Остальные войска оставались в резерве.

В 9 часов утра 14 мая японцы двинулись в атаку. Это был смелый шаг со стороны генерала Оку — решиться днем атаковать довольно хорошо укрепленную позицию, какую представляла гора Наньшань.

Японцы прорвали позиции русских на левом фланге. Увидев отступление на левом фланге и не разобравшись в его причинах, начали отступать и части на правом фланге. Японцы и здесь быстро заняли оставленные траншеи. Только в центре окруженные роты 5-го полка продолжали бой. Японцы лезли со всех сторон, сибиряки встречали их в штыки и погибали в неравной борьбе.

В боях за Цзиньчжоуский перешеек русские потеряли убитыми и ранеными 28 офицеров и 1215 нижних чинов, а японцы — 133 офицера и 4071 нижних чина. Японцами было захвачено 68 орудий, 10 пулеметов, около тысячи винтовок и много амуниции.

Войска Фока не отступали, а скорее бежали к Порт-Артуру. Уже 14 мая они частями были введены в Порт-Артур.

Порт Дальний попросту был брошен русскими. Большая часть портовых сооружений досталась японцам в целости и сохранности. Позже японцы превратили Дальний в свою военно-морскую базу, где базировалась их минная (миноносная) флотилия. Именно через Дальний с сентября 1904 г. стали прибывать к Порт-Артуру тяжелые 11-дм гаубицы. Замечу, что транспортировка их из Кореи заняла бы много месяцев. Средняя скорость возки таких орудий по грунтовым дорогам не превышала 3—4 км/ч.

Но в мае 1904 г. японцы не торопились и заняли Дальний лишь через четыре дня после бегства русских. Да и вообще, генерал Оку не преследовал Фока, бежавшего к Порт-Артуру. Оставив на Цзиньчжоу заслон, он с главными силами сделал поворот налево и двинулся вдоль линии железной дороги в ляоянском направлении, на сближение с главными силами Маньчжурской армии.

Для действий же против Порт-Артурской крепости японцами была создана 3-я армия, ядром которой стала 1-я дивизия из армии генерала Оку. Во второй половине мая в Дальний прибыли командующий новой армией генерал-лейтенант Ноги^[118], его штаб и первые эшелоны 11-й дивизии. В это же время японцы активно тралили мины в Талиенванском заливе и обустроивали порт Дальний для приема из Японии новых контингентов войск, снаряжения и боеприпасов.

В начале июня генерал Ноги, имея всего 30 тысяч солдат, занимал оборонительную линию по фронту до 25 км (гора Анзы-сань — гора Тейсанцы). Резервов у него не было, и он усиленно укреплял занятые позиции, опасаясь активных действий со стороны порт-артурского гарнизона. Однако генерал Стессель сидел в крепости тихо, «как мышь за веником».

Ко времени подхода японских войск Порт-Артурская крепость имела три фронта: Восточный на правом фланге, Северный в центре и Западный на левом фланге оборонительной линии. Оборона Восточного фронта была возложена на генерала Горбатовского, Северного — на полковника Семенова, а Западного — на полковника Ирмана. Всей обороной сухопутного фронта командовал генерал Кондратенко, а резервами — генерал Фок. Дивизии и бригады были фактически упразднены.

Самым сильным местом оборонительной линии был Восточный фронт, он единственный мог считаться сколько-нибудь законченным. Северный фронт, несколько выдвинутый вперед, был закончен лишь наполовину. Западный же фронт был еле обозначен, а там находился тактический и стратегический ключ крепости — Высокая гора (203 м) — Малахов курган Порт-Артура. Гора эта являлась наблюдательным пунктом исключительной важности, в случае занятия ее японцами русская Тихоокеанская эскадра обрекалась на неминуемую гибель.

К началу осады в крепости со стороны суши была создана сильная система артиллерийского огня. В долговременных сооружениях и на батареях полевого типа сухопутного фронта было установлено 283 крепостных, 168 морских и 63 полевых орудия, всего 514 орудий различного калибра. Кроме того, в резерве находилось 9 орудий полевой артиллерии, которые также можно было использовать для обороны укреплений полевого типа.

Система артиллерийского огня усиливалась огнем 52 пулеметов, которые по своим боевым качествам являлись эффективным средством борьбы с живой силой противника во время отражения штурмов. Еще 10 пулеметов находилось в резерве.

Таблица 5

Состав артиллерийского вооружения крепости Порт-Артур по состоянию на 17 июля 1904 г.

Наименование и калибр орудия: Приморский фронт / Сухопутный фронт / (Всего)

37-мм пушка Гочкиса: 3 / 75 / (78)
 47-мм пушка Гочкиса : — / 25 / (25)
 57-мм пушки Норденфельда: 18 / 34 / (52)
 61 -мм пушка (китайская трофейная): — / 2 / (2)
 2,5-дм пушка Барановского: 4 / 20 / (24)
 75/50-мм/клб пушка Кане: 2 / 50 / (52)
 Легкая полевая пушка (87-мм): — 10 / (10)
 3-дм пушка обр. 1900 г.: 5 / 174 / (179)
 Батерейная пушка (107-мм): 4 / 6 / (10)

120/45-мм пушка Кане: 1 / 5 / (6)
 42-линейная пушка: — / 20 / (20)
 150-мм пушка (китайская трофейная): — / 2 / (2)
 6-дм пушка в 120 пудов: — / 30 / (30)
 6-дм пушка в 190 пудов: 10 / 21 / (31)
 152/45-мм/клб пушка системы Кане: 24 / 10 / (34)
 9-дм пушка: 12 / — / (12)
 10-дм пушка: 5 / — / (5)
 210-мм пушка (китайская трофейная): 1 / — / (1)
 9-фунтовая пушка (морская): — / 2 / (2)
 6-дм полевая мортира: 2 / 20 / (22)
 9-дм береговая мортира: 23 / 8 / (31)
 11-дм береговая мортира: 9 / — / (9)
 В резерве: — / 9 / (9)
 Итого: 123 / 523 / (646)

К середине июля японцы объединили части, действовавшие против Порт-Артура, в 3-ю осадную армию, командующим которой стал генерал барон Ноги. К 17 июля армия насчитывала 48 тыс. солдат и офицеров при 386 орудиях^[119]. В ее состав входило три пехотные дивизии (1-я, 9-я и 11-я), две резервные пехотные бригады (1-я и 4-я), а также приданные части.

В каждой пехотной дивизии имелся штатный артиллерийский полк, вооруженный 36 орудиями. Артиллерийские полки 9-й и 11-й дивизий имели на вооружении орудия осадной артиллерии (6-дм мортиры), а артиллерийский полк 1-й дивизии — полевые орудия (4,7-дм пушки). Кроме дивизионной артиллерии армии были приданы: 2-я полевая артиллерийская бригада, состоявшая из трех полков 24-орудийного состава, и отдельный полк тяжелой артиллерии. Всего в составе 3-й армии имелось 198 осадных (тяжелых) орудий. В их числе было: четыре 4,2-дм, тридцать шесть 4,7-дм и восемнадцать 12-фунтовых пушек; двадцать восемь 4,7-дм и шестнадцать 6-дм гаубиц, двадцать четыре 3,5-дм и семьдесят две 6-дм мортиры. Как видим, большинство орудий осадного парка составляли гаубицы и мортиры (140 орудий из 198), предназначенные для ведения навесного огня, что было очень важно в позиционной войне на сильно пересеченной местности.

Кроме того, с конца июня и до конца июля в Дальний морем был доставлен отряд морской артиллерии в составе трех батарей (всего шесть 120-мм и двадцать 76-мм орудий). Позже на базе отряда была сформирована бригада морской артиллерии.

К 17 июля японские позиции находились в 6—8 км от линии главных укреплений Порт-Артура. При этом 11-я пехотная дивизия, которой командовал генерал-лейтенант Тсуссийя, занимала полосу от бухты Тахэ до колеи Южной КВЖД, 9-я пехотная дивизия под командованием генерал-лейтенанта барона Осимы — от железной дороги к склонам Волчьих гор до Мандаринской дороги, а 1-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Матсумура дислоцировалась на отрезке от этой дороги до бухты Луизы. Обе резервные бригады и 2-я артиллерийская бригада, находившиеся в резерве, располагались за Волчьими горами.

Командующий 3-й армией генерал Ноги и его начальник штаба генерал-майор Идзицы, уступая нажиму из Ставки, решили захватить Порт-Артур методом «ускоренной» атаки с нанесением главного удара по северо-восточному фасу обороны сухопутного фронта.

26 июня японцы овладели высотами Дагушани и Сяогушани. Захват японцами этих высот давал им возможность подойти вплотную к основным укреплениям Порт-Артура, приблизить свою артиллерию и тем самым создать непосредственную угрозу правому флангу войск, защищавших крепость. Как показал ход боевых действий в последующем, эту передовую позицию необходимо было удерживать во что бы то ни стало.

В ночь на 1 августа японцы пошли на штурм Угловых гор и предгорий Панлуншаня и заняли их, но затем отошли назад под интенсивным огнем русских батарей. 3 августа японцы впервые предложили сдать крепость.

К 1 августа на 115 батареях и в укреплениях Порт-Артура находилось 653 орудия различных систем. Следует отметить, что запас орудий на артиллерийском складе крепости к этому времени был полностью израсходован, и пополнение потерь материальной части артиллерии в боях шло за счет орудий, снятых с поврежденных кораблей эскадры.

В начале августа значительно усилилась и японская артиллерия, в основном за счет вновь прибывших артиллерийских частей: гаубичного полка (28 — 4,7-дм полевых гаубиц) и семи батальонов артиллерии (24 — 3,5-дм и 72 — 6-дм мортиры, и четыре 4,2-дм пушки). Общее количество орудий полевой и осадной артиллерии к началу первого штурма достигало 370 орудий. При этом большинство японских орудий стреляло осколочно-фугасными и фугасными снарядами, снаряженными шимозой и другими мощными взрывчатыми веществами, чем они выгодно отличались от русских снарядов, начиненных в большинстве случаев черным порохом.

Почти вся японская осадная артиллерия и значительная часть полевой была сосредоточена против северо-восточного фронта крепости на скрытых Волчьими горами и хорошо замаскированных огневых позициях.

Управлению огнем артиллерии японское командование придавало большое значение. В частности, огнем частей осадной артиллерии управление осуществлялось с командного пункта начальника осадной артиллерии, который находился на вершине Хошан (в центре Волчьих гор). Этот пункт был связан с подчиненными наблюдательными пунктами и воздухоплавательным отделением целой системой телефонных проводов, что позволяло организовать массированный огонь артиллерии по наиболее важным целям.

Замечу, что у русских в Порт-Артуре не было аэростатов для корректировки артогня, что давало японцам существенное преимущество. Странно, почему русское командование не предприняло мер для уничтожения японских аэростатов. Ведь в Порт-Артуре имелось значительное количество шрапнелей и сегментных снарядов (бомб) для крупнокалиберных орудий (6 дюймов и выше). Проку от них было мало, зато ими можно было поразить аэростат даже на большой дистанции. Кстати, в 1941—1942 гг. наши моряки под Ленинградом из 305-мм орудий линкоров неоднократно стреляли шрапнелью по германским аэростатам.

В падкой до сенсаций западной прессе в 1904 г. появились сообщения, что японцы пускали аэростаты в свободный полет, и их команды бомбили с воздуха Порт-Артур, и даже публиковались соответствующие рисунки. Ничего подобного на самом деле не было.

В 4 часа 30 минут 6 августа по единому сигналу—выстрелу из тяжелой пушки — японская артиллерия начала мощную артиллерийскую подготовку штурма. Для ведения сосредоточенного огня было привлечено около 370 орудий осадной и полевой артиллерии. Особенно сильному обстрелу подверглись форты № II, № III, редуты № 1 и № 2, батареи Заредутная, Большое Орлиное гнездо, литера А, а также Водопроводный редут и Угловые горы. Так, на небольшой площадке Водопроводного редута ежеминутно разрывалось 7—8 снарядов, а на форту № III — 10—12 снарядов.

Несмотря на жестокий обстрел японцев, артиллерия крепости не замедлила открыть не менее интенсивный ответный огонь. После часовой бомбардировки японцы пошли на штурм. Однако первый штурм крепости оказался неудачным.

После провала попытки захватить Порт-Артур «ускоренной атакой» генерал Ноги был вынужден отдать приказ о подготовке к овладению крепостью методом «постепенной атаки».

В августе на пополнение пехотных дивизий 3-й армии прибыло 16 тысяч солдат и офицеров. Осадный парк артиллерии был увеличен на

двенадцать 47-мм корабельных пушек и на две патронные 6-дюймовые пушки. 31 августа в порту Дальнем был разгружен транспорт с шестью 11-дюймовыми (280-мм) гаубицами и боеприпасами к ним.

Перевозились 11-дм гаубицы только по железной дороге в разобранном на три части виде (не считая установочных элементов). Но, по версии Макдональда, японцы их тащили из Дальнего по грунтовой дороге, при этом каждую часть орудия волокло триста человек. Несколько забега вперёд, скажу, что 11-дм гаубицы японцы впервые применили 18 сентября 1904 г.

К 1 октября подступы японцев дошли до рва форта № II и гласиса укрепления № 3. 4 октября, усилив артобстрел на том же участке и сильно повредив укрепления, японцы повели штурм на форт № III и укрепление № 3, но были отбиты, удержав лишь переднюю часть капонира № 3 к востоку и вблизи форта № III.

К началу третьего штурма против гарнизона в двадцать тысяч активных штыков при 621 орудии японское командование сосредоточило около 70 тысяч штыков, 400 орудий и большое количество пулеметов.

Утром 13 октября японская артиллерия начала мощный обстрел намеченных целей.

Вначале более интенсивному огневому воздействию подверглись город, порт и батареи сухопутного фронта. Затем японская артиллерия стала постепенно усиливать свой огонь по укреплениям фронта главной атаки. Во второй половине дня огонь противника по фортам № II и № III, укреплению № 3, батареям литера А и Б, Заредутной, Курганной и Куропаткинскому люнету достиг высшего напряжения и продолжался до двадцати часов.

Под прикрытием огня артиллерии в 17 часов 2-й японский полк атаковал и без труда захватил часть траншей. Но развить атаку японцам не удалось. Они были встречены ураганным огнем противостурмовых орудий, огнем пулеметов из укрепления № 3 и в панике бежали в ранее захваченные траншеи. Скопившиеся в траншее перед фортом № III подразделения противника были в большинстве уничтожены взрывами девяти фугасов, а остальные бежали в свои окопы.

В течение 14—16 октября японская артиллерия вела усиленный огонь по фортам и укреплениям фронта главной атаки. Одновременно пехота противника предпринимала атаки с целью захвата траншеи перед укреплениями. При поддержке огня своей артиллерии защитники укреплений переходили в контратаки и в рукопашных схватках отбрасывали японцев в исходное положение. В этих боях противнику

удалось захватить лишь отдельные участки траншей перед фортом № III и укреплением № 3.

Отчаявшись захватить хотя бы одно из укреплений, генерал Ноги решил бросить в бой все наличные силы. С утра и до половины дня 17 октября артиллерия противника вела массированный огонь по укреплениям северо-восточного фаса крепости. За весь период обороны Порт-Артура этот обстрел был самым жестоким: японцы израсходовали свыше 20 тысяч снарядов, из них 1800 11-дм гаубичных. К началу атаки огонь достиг наибольшей интенсивности. От частых разрывов снарядов форты № II и № III заволочло пылью и клубами дыма.

Третий штурм японцев также закончился неудачей. Замечу, что официальные японские историки боевые действия 13—22 октября (26 октября — 1 ноября) не считали генеральным штурмом, а лишь «боями местного значения».

Под давлением Ставки генерал Ноги решил предпринять 13 ноября четвертый штурм крепости. К этому времени 3-я японская армия пополнилась 7-й пехотной дивизией и насчитывала в своих рядах около 50 тысяч человек при 500 действующих орудиях. Некоторые батареи морской и горной артиллерии японцы выдвинули вперед для ведения огня прямой наводкой.

Гарнизон Порт-Артура к этому времени представлял собой еще довольно внушительную боевую силу. По данным на 1 ноября, непосредственно в боевых порядках находилось 17 919 стрелков, 5625 артиллеристов и 1165 солдат и офицеров других родов войск. Кроме того, в общем резерве крепости было сосредоточено 1850 моряков. Хотя японцы на протяжении многих месяцев вели ожесточенный обстрел батарей и укреплений, в артиллерийском вооружении крепость также не имела больших потерь. К началу четвертого штурма на огневых позициях и в укреплениях насчитывалось 638 орудий. Пополнение батарей материальной частью шло за счет орудий, снятых с кораблей, а также ремонта орудий, поврежденных в бою.

Хуже обстояло дело с боеприпасами. В крепости числилось 231 565 снарядов в основном малого калибра. Что же касается орудий крупного калибра (6 дюймов и более), то к ним имелось весьма незначительное количество боеприпасов. Так, на одну 10-дюймовую пушку оставалось по 57 снарядов, к 9-дюймовым пушкам—по 157, к мортирам: 11-дюймовым—14,9-дюймовым— 43 и 6-дюймовым — по 100 бомб. Две трети запасов снарядов израсходовали батареи полевой артиллерии, и на каждое орудие оставалось только по 131 выстрелу. Такое положение с боеприпасами

особенно тяжело отражалось на контрбатарейной борьбе: русская артиллерия должна была экономить боеприпасы, и поэтому не всегда удавалось подавить артиллерию противника. Японская же осадная артиллерия, как и полевая, не испытывала недостатка в боеприпасах.

Командование крепости отдало солдатам приказ собирать неразорвавшиеся 11-дм снаряды японских гаубиц. К ним в мастерских порта делали новые медные ведущие пояски, после чего снаряды выстреливали из наших 11-дм мортир обр. 1877 г.

В 8 часов 13 ноября японская артиллерия открыла сосредоточенный огонь по укреплениям северо-восточного фронта.

Под покровом темноты отряд генерала Накамуры (3 тысячи человек), сформированный из добровольцев различных частей, незаметно подошел к Курганной батарее, вооруженной шестнадцатью орудиями. Батареею прикрывал гарнизон, состоявший из пяти рот неполного состава общей численностью около 600 человек. Внезапно отряд был освещен прожектором Кладбищенской батареи и накрыт сосредоточенным огнем орудий форта № IV, Перепелиной, Зубчатой и Кладбищенской батарей.

На второй день после захвата Высокой японцы оборудовали там наблюдательные пункты и стали вести прицельный огонь из 11-дм гаубиц по хорошо наблюдаемым с высоты кораблям эскадры, стоявшим на внутреннем рейде. Положение эскадры стало гибельным. Необходимо было срочно выйти на внешний рейд, занять выгодное положение и дать бой кораблям противника или интернироваться в китайских портах. Однако командовавший в то время отрядом крейсеров контр-адмирал Вирен бездействовал, что и привело к окончательной гибели эскадры.

В октябре—декабре 1904 г. огнем японских осадных батарей было потоплено большинство кораблей 1-й Тихоокеанской эскадры, а остальные самозатопились.

Вечером 19 декабря шесть миноносцев, а также несколько паровых катеров вышли из гавани Порт-Артура. Миноносцы «Властный», «Статный», «Сердитый» и «Скорый» благополучно пришли в китайский порт Чифу, миноносцы «Бойкий» и «Смелый» — в германскую военноморскую базу Циндао. На миноносцах были вывезены из Порт-Артура знамена русских войск и секретные документы. Ни один из пошедших на прорыв миноносцев и паровых катеров не погиб.

Оставшиеся в Порт-Артуре миноносцы «Боевой», «Бдительный», «Сильный», «Сторожевой» и «Разящий» в ночь на 20 декабря были взорваны при помощи боевых частей мин Уайтхеда.

В официальном советском военном издании — монографии генерал-

майора А.И. Сорокина — по сему поводу сказано: «Прорыв миноносцев свидетельствовал о том, что с неменьшим успехом это могли сделать и другие корабли. Но предатели, как известно, уготовили им другую участь... Вирен не без ведома Стесселя не разрешил вывести корабли в море, и они после падения Высокой горы были потоплены во внутренней гавани артиллерийским огнем с суши»^[120].

Версия о предательстве получила широкое распространение в русской прессе уже в первые годы после окончания войны. Но я принципиально не разделяю ее. Это не предательство, а «разруха в головах», как метко сказал профессор Преображенский в «Собачем сердце». Вирен, Стессель и К* воевали, как их учили, начиная с пажеского, кадетского или морского корпуса. Недаром матросы и солдаты в Порт-Артуре грустно шутили: «У них Того, а у нас — никого».

Виновата была система. Спихнут с трона Николая II, и уже в Гражданскую войну в головах господ офицеров, луганских слесарей и веселых махновцев появится больше мыслей, чем у всех деятелей Русско-японской войны, включая «гениального Макарова». Научатся задира́ть стволы пушек с 15° до 45° и стрелять вдвое дальше, ставить пулеметы на тачанки, тяжелые пушки — на бронепоезда и «шаланды, полные кефали», ставить дымзавесы и т.д. и т.п.

19 декабря генерал Стессель решил сдать Порт-Артур и втайне от командования гарнизона вступил в переговоры с японцами. 29 декабря полковник Виктор Рейс, специально назначенный Стесселем для этой миссии, отправил парламентаров в штаб 3-й японской армии с предложением начать переговоры о капитуляции. Японцы этому крайне удивились — они были уверены, что русские будут сражаться еще как минимум шесть-восемь недель.

В 9 часов утра 20 декабря 1904 г. (2 января 1905 г.) генерал Ноги согласился начать переговоры о капитуляции. В тот же день в 13 часов в помещении японского полевого госпиталя в Шуйшиине начались переговоры. Русских представляли полковник Рейс и капитан 1-го ранга Щенснович, японцев — начальник штаба 3-й армии генерал Итита и капитан 2-го ранга Ивамура.

Рейс для порядка попросил у японцев почетной капитуляции, то есть выхода из крепости гарнизона с личным оружием. Японцы, естественно, отказались. Рейс быстро скис и согласился на все требования. Акт о капитуляции и график передачи крепости были подписаны в 19 часов того же дня.

Фактически это была гнусная сделка. Стессель приказал войскам сдать

в полной исправности все вооружение, амуницию, боезапас и продовольствие, а также японских пленных^[121] японцам, а взамен генерал Ноги обещал, что господа генералы и офицеры, дав честное слово не участвовать более в войне, могут сразу же отправиться по домам на радость мамам, женам и деточкам^[122].

Немедленно по получении акта о капитуляции, а скорее всего, заранее составив «рыбу», Стессель 20 декабря успел издать «Приказ войскам Квантунского укрепленного района Порт-Артур», который гласил:

«Так как условия капитуляции заключены, то для передачи фортов японцам предписываю исполнить следующее:

1) Завтра к 9 часам утра должны быть выведены гарнизоны всех фортов, батарей и укреплений, между Лунхэ и укреплением № 5, т.е. пехота, скорострельная артиллерия в запряжке, прислуга крепостных и прочих орудий.

2) Остается для передачи комендант форта с двумя нижними чинами.

3) По очищении указанных фортов морские команды выделить от сухопутных и тотчас передать в ведение их морского начальства по принадлежности.

4) Начальникам участков и фронтов обязывается наблюдать за полнейшим порядком всего изложенного.

5) Казачья сотня, а затем охотничьи конные команды под общим начальством ген. штаба кап. Романовского тотчас занимают позади в Новом и Старом городах заставы для наблюдения за исполнением всех установлений, за полным порядком и благочинием в городе, и не допускают безобразий, памятуя, что всякий безобразный поступок какого-либо негодяя может вызвать резню на улицах и истребление больных и раненых.

6) Приведение всего этого в исполнение возлагаю на коменданта крепости, в помощь ему назначается начальник 7-й дивизии ген.-майор Надеин.

7) Прошу адмиралов и командиров экипажа усилить всю наблюдение за морскими командами, назначая для сего офицеров с патрулями; необходимо не допускать производства беспорядков.

8) Коменданту города и полицмейстеру иметь за порядком самый строгий надзор.

9) Гарнизоны очищаемых фортов отвести в казармы и никуда не расходиться»^[123].

Японцы поблагодарили господина Стесселя и с миром отпустили. Ему даже разрешили увезти из Порт-Артура многочисленные золотые вещи и

драгоценности, награбленные им в Китае в 1900— 1901 гг. Мало того, генерал Ноги выделил ему специальный поезд, и уже 16 февраля генерал благополучно вернулся домой в Петербург. На следующий день Стессель отправился в Царское Село.

Запись в дневнике Николая II за 17 февраля: «Приехал Стессель — герой Порт-Артура и завтракал с нами. Много говорили с ним про осаду. Гулял с Ольгой. Обедали: т. Мари, Ольга и Борис»^[124].

А. Степанов в своей книге «Порт-Артур» утверждает, что за капитуляцию Стессель и Фок получили от генерала Ноги взятку в 5 млн. долларов. Документальных подтверждений этой версии нет. Но, с другой стороны, среди сотен историков, изучавших осаду Порт-Артура, не нашлось ни одного, кто бы удосужился проверить денежные дела семейств Стесселя и Фока до января 1905 г. и после.

Косвенно факт дачи взяток Стесселю и Фоку подтвердили сами японцы. 2 января 1945 г. в Порт-Артуре состоялся торжественный парад японского гарнизона в ознаменование сороковой годовщины падения крепости. На параде комендант крепости генерал Ота выступил с большой речью. В заключение он сказал, что одной самурайской храбрости и мужества было все же недостаточно для овладения крепостью. Было необходимо также наличие «искренних» отношений между генералом Ноги и Стесселем.

Гарнизон Порт-Артура мог сопротивляться еще несколько недель. К моменту капитуляции в составе гарнизона было 32 400 человек (из которых 5809 раненых и больных), 2994 лошади, 610 исправных орудий (из них 287 морских), 9 пулеметов, 207 855 снарядов различных калибров (не хватало только крупнокалиберных). Японцы, по их данным, захватили в крепости годных 357 орудий и 133 799 снарядов. Остальные орудия были испорчены русскими артиллеристами перед сдачей крепости. Чтобы не оставлять снаряды японцам, защитники крепости сбрасывали их в море, закапывали в землю, бросали в расщелины гор или подрывали.

Продовольствия в крепости также было еще достаточно. По данным ведомости состояния гарнизона и снабжения, крепость Порт-Артур ко дню сдачи имела в наличии: муки на 27 дней (на крепостных складах ее хранилось около 50 тысяч пудов), крупы — на 23 дня, чая — на 196 дней, сахара — на 40 дней, сухарей — на 21 день, сухих овощей — на 88 дней, соли — на 175 дней, овса, ячменя и бобов — на 34 дня. Да еще оставалось почти три тысячи лошадей, которых можно было забить на мясо.

Потери русского сухопутного гарнизона за время осады крепости составили: 6634 человека убитыми, 24 146 ранеными и пропавшими без

вести. 4000 человек умерло от ран и болезней.

Разные источники приводят различные цифры японских потерь, максимальная из которых — 100 тысяч человек.

Следует заметить, что действительно японцы брали крепостные укрепления в основном за счет храбрости своих солдат и офицеров, не считаясь с большими людскими потерями. Численное превосходство в артиллерии на всех этапах обороны крепости было на стороне русских. О качестве же русских снарядов уже говорилось несколько раз.

Таблица 6

Артиллерия японцев, действовавшая против Порт-Артура

Наименование орудий	Состояло к началу августа	Прибыло со 2-й половины сентября	Всего
Полевая артиллерия			
7,5-см полевая пушка Арисака обр. 1898 г.	108	12*	120
7,5-см горная пушка Арисака обр. 1898 г.	72	12*	84
Всего	180	24	204
Осадная артиллерия, полевой гаубичный полк и корабельные орудия			
Пушки:			
15-см корабельная	—	6**	6
12-см корабельная	10	2	12
12-см осадная медная	30	10	40
10,5-см Крупна	4	—	4
10,5-см Крупна	—	30	30
7,6-см корабельная	18	20	38
7,5-см медная	—	46	46
47-мм десантная скорострельная Гочкиса	—	24	24
Всего	62	138	200
Гаубицы:			
28-см гаубица (11-дм мортира)	—	18***	18
15-см Крупна	18	6	24
12-см полевая Крупна	28	—	28

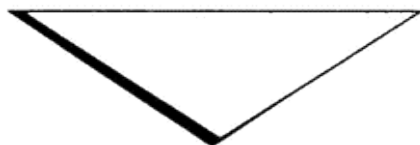
Всего	46	24	70
Мортиры:			
22-см	—	12	12
15-см медная осадная	72	—	72
9-см полевая	24	—	24
Всего	96	12	108
Итого орудий	384	198	582

* — 7-го артиллерийского полка, прибывшего в ноябре.

** — Прибыли в сентябре.

*** — Шесть 28-см гаубиц начали действовать с 1 октября, а 12 остальных — с 26 октября.

В последние дни осады японцы подвезли еще шесть 28-см гаубиц, но установить их не успели.

Глава 15.

ПОРТ-АРТУР — ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ 40 ЛЕТ

В феврале 1945 г. руководители трех великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через 2—3 месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе СССР вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии:

1. Сохранения статус-кво Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).

2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части острова Сахалин и всех прилегающих к ней островов;

б) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур, как на военно-морскую базу СССР;

в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южноманьчжурской железной дороги, дающей вы-

ход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет.

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов.

Тогда же в Ялте Черчилль, Рузвельт и Сталин устно договорились, что СССР согласует вопрос о порте и железных дорогах с главой гоминьдановского правительства генералиссимусом Чан Кай Ши. И вот 30 июня 1945 г. начались переговоры между правительством СССР и Китая (гоминьдановцами). Переговоры закончились подписанием 14 августа договора о дружбе и союзе и целого пакета соглашений между Советским Союзом и Китаем.

Как известно, 9 августа 1945 г. Красная армия, выполняя условия Ялтинских соглашений, начала наступление на японские войска в Маньчжурии. С запада от монгольского города Эрлянй стремительно наступали войска Забайкальского фронта, а на востоке — 1-го и 2-го

Дальневосточных фронтов.

К 14 августа части 39-й армии Забайкальского фронта, наступая вдоль железной дороги, оказались в 40 км от города Байчен (Таоань). К этому времени войска 6-й Гвардейской танковой армии заняли Туцюань и Лубэй. 17-я армия заняла Лам-Хурэ-Сумэ и подошла к Дабаныпану.

Далее Верховное командование приказало Забайкальскому фронту захватить Мукден, чтобы затем выйти к Порт-Артуру. Эта задача была возложена на 6-ю танковую армию. 39-я армия наступала на Чанчунь и Сыпин. 36-я армия должна была выйти в район Цицикар, Тайлай, Аньгуан. Для ликвидации разрыва, наметившегося в ходе наступления между 17-й и 6-й танковыми армиями, командующий Забайкальским фронтом использовал второй эшелон — 53-ю армию, которая должна была выйти в район города Кайлу.

39-я армия сосредоточилась в районе Таоань для дальнейшего наступления в юго-восточном направлении. Частью сил она вела бои по уничтожению отдельных групп японцев, оставшихся после ликвидации Халун-Аршанского укрепрайона. В ночь на 16 августа передовые части армии отразили северо-западнее города Солунь шесть контратак противника, в каждой из которых участвовало до батальона пехоты. В 70 км севернее Ваньмяо упорные бои против 107-й японской пехотной дивизии вела 221-я стрелковая дивизия 94-го корпуса. В этих боях было уничтожено более тысячи японцев. 30 августа группировка противника капитулировала — в плен сдалось более 7300 японских солдат и офицеров. Затем 39-я армия по железной дороге была переброшена в Порт-Артур.

Поскольку с 17 августа подавляющее большинство японских частей стало сдаваться в плен, а советское командование стремилось овладеть как можно большими территориями, то в войсках фронтов из танковых батальонов, артиллерийских противотанковых батарей, стрелковых подразделений на автомашинах создавались армейские передовые отряды. В 17-й армии было три таких отряда, в 39-й армии — семь. Но и эти подвижные отряды не могли всюду быстро продвигаться, так как из-за дождей дороги стали труднопроходимыми или вовсе непроходимыми, разлились реки. Районы городов Ляюань, Факу, Мукден и Сыпин оказались залитыми водой.

20 августа передовые отряды 6-й танковой армии заняли Мукден. В Мукдене наши войска освободили узников японского лагеря военнопленных. Там в основном находились американцы и англичане. Среди них были вице-маршал авиации Великобритании Малтби, американские генералы командиры корпусов Джонс, Шарп Ченович,

генералы командиры дивизий Втофер, Пиэрс, Фонк, Орэйк, Стивене, Лоф Бийби, всего 28 генералов, а также 1670 солдат и офицеров. Сейчас многие малограмотные демократы болтают, что де американцы и англичане по дурости выдали власовцев и подобную публику советским властям. На самом деле западные страны делали лишь то, что было в их интересах. Отказ в передаче всех военнопленных и других советских граждан, оказавшихся в западной зоне оккупации, Красной армии мог повлечь за собой адекватные действия советской стороны.

Для быстрейшего захвата Ляодунского полуострова в городах Порт-Артур и Дальний 22 августа были выброшены воздушные десанты. Десант в Дальний возглавлял генерал А.А. Яманов.

22 августа в 3 часа утра десять самолетов Си-47 взлетели с Мукденского аэродрома и, прикрываемые истребителями, отправились к Порт-Артуру. Десант возглавил заместитель командующего Забайкальским фронтом генерал-лейтенант В.Д. Иванов, его сопровождали 4 офицера и 200 солдат из 6-й Гвардейской танковой армии. В 17 ч. 30 м. самолеты сели на аэродроме в Порт-Артуре. Через некоторое время Иванов вступил в переговоры с начальником японского гарнизона вице-адмиралом Кобаяси. Тот сразу согласился на капитуляцию и отдал Иванову свой самурайский меч. Однако согласно имеющемуся на этот счет приказу Сталина холодное оружие оставлялось бывшим японским офицерам, и Иванов вернул меч Кобаяси.

С утра 23 августа началось разоружение японского гарнизона. В 19 ч. 03 м. 24 августа в Порт-Артуре сели 6 летающих лодок «Каталина» с десантом моряков Тихоокеанского флота. В десанте находился генерал-лейтенант Е.Н. Преображенский. Командовал десантом капитан 1-го ранга А.В. Трипольский. Одновременно 12 «Каталин» приземлились в порту Дальний. Всего в обоих десантах было 265 человек.

Части же 6-й Гвардейской танковой армии были попросту посажены в железнодорожные эшелоны и с комфортом прибыли 24 августа в Порт-Артур. Вслед за ними на Ляодунском полуострове появились войска 39-й армии. Они заняли города Инкоу и Гайпин, а на востоке полуострова вошли в город Аньдун.

28 сентября из Владивостока вышел конвой кораблей Тихоокеанского флота, прошел Цусимским проливом и 5 октября прибыл в Порт-Артур.

Всего в Порт-Артуре и Дальнем было взято в плен свыше 10 тысяч японских военнослужащих, а всего в Порт-Артуре к августу 1945 г. проживало свыше 80 тыс. человек.

Целыми и невредимыми были захвачены два японских сторожевых

корабля — «Хайфэн» и «Хайлун». 13 сентября 1945 г. наши моряки переименовали их в «Ветер» и «Штиль». К 28 февраля 1948 г. они находились в Порт-Артуре в составе нашего флота, а затем были переданы Дальневосточному пароходству для использования в качестве учебных судов.

Когда части 39-й армии РККА шли к Порт-Артуру, два отряда американских войск на скоростных десантных судах попытались высадиться на берег и занять выгодный со стратегической точки зрения рубеж. Советские солдаты открыли автоматный огонь в воздух, и американцы были вынуждены высадку прекратить.

Как и предполагалось, к тому времени, как американские корабли подошли к порту Дальний, он был уже весь занят советскими частями. Несколько дней постояв на внешнем рейде порта Дальний, американцы покинули этот район.

23 августа 1945 г. советские войска вошли в Порт-Артур. Командующий 39-й армией генерал-полковник И.И. Людников стал первым советским комендантом Порт-Артура.

В октябре 1945 г. корабли 7-го флота США с гомиьндановским десантом подошли к порту Дальний. Командующий эскадрой вице-адмирал Сеттл хотел ввести корабли в порт. Комендант Дальнего заместитель командующего 39-й армии генерал-лейтенант Г.К. Козлов потребовал отвести эскадру на 20 миль от берега в соответствии с санкциями смешанной советско-китайской комиссии. Сеттл не среагировал, и Козлову ничего не оставалось, как напомнить американскому адмиралу о советской береговой обороне: «Она свою задачу знает и отлично с ней справится». И только получив убедительное предупреждение, Сеттл приказал эскадре отойти. Позднее американская эскадра, имитируя авианалет на город, так же безуспешно пыталась проникнуть в Порт-Артур.

Из Владивостока через Харбин на Ляодунский полуостров прибыло четыре 130-мм железнодорожные батареи Тихоокеанского флота (№ 866, № 867, № 868 и № 3). Сравнительно недалеко от Порт-Артура находились части всех трех советских фронтов. Нетрудно догадаться, чем закончилась бы высадка любого американского десанта на Ляодунский полуостров. Что же касается атомного оружия, то о нем и японские, и советские войска фактически ничего не знали. Да и к ноябрю 1945 г. у США была лишь одна готовая к применению атомная бомба.

К переброске из Владивостока в Порт-Артур была подготовлена еще более мощная 7-я отдельная железнодорожная батарея в составе трех 305-мм установок ТМ-2-12. Но после того как янки утихомирились, перевод

батареи отменили.

С конца 1945 г. начался медленный отвод советских войск из Северного Китая. 14 апреля 1946 г. советские войска Забайкальского фронта во главе с маршалом Р.Я. Малиновским эвакуировались из Чанчуня в Харбин. 3 мая 1946 г. последний советский солдат покинул территорию Маньчжурии.

На Ляодунском полуострове в соответствии с договором 1945 г. осталась 39-я армия в составе:

- 113-го стрелкового корпуса (262-я, 338-я и 358-я стрелковые дивизии);

- 5-го гвардейского стрелкового корпуса (17-я, 19-я и 91 -я гвардейские стрелковые дивизии);

- 7-й механизированной дивизии, 6-го гвардейского пушечного артдивизиона, 14-го зенитного артдивизиона, 139-й армейской пушечной артиллерийской бригады, 150-го Ура, а также переданного из 6-й Гвардейской танковой армии 7-го Новоукраинско-Хинганский корпус, который вскоре был переформирован в одноименную дивизию.

Местом дислокации этих соединений были Порт-Артур и порт Дальний в южной части Ляодунского полуострова и Гуаньдунский полуостров, расположенный на юго-западной оконечности Ляодунского полуострова. Небольшие советские гарнизоны также оставались вдоль КВЖД. Летом 1946 г. 91-я гвардейская стрелковая дивизия была переформирована в 25-ю гвардейскую пулеметно-артиллерийскую дивизию. 262-я, 338-я и 358-я стрелковые дивизии были расформированы в конце 1946 г., и личный состав передан в 25-ю пулеметно-артиллерийскую дивизию.

В декабре 1945 г. на основании циркуляра начальника Главного морского штаба № 0059 от 5 октября 1945 г. на аэродроме Тученцзы в Китае было сформировано управление 18-я смешанной авиадивизии с подчинением командиру Порт-Артурской ВМБ.

В состав дивизии были включены перебазированные из Приморья части ВВС ТОФ: 36-й минно-торпедный артиллерийский полк на торпедоносцах А-20G «Бостон», 27-й и 61-й истребительные авиаполки на истребителях Р-63 «Кингкобра» и Як-9 соответственно.

14 июля 1946 г. в Порт-Артуре была сформирована 33-я отдельная морская разведывательная эскадрилья на летающих лодках PBN-1 «Номад», подчиненная командиру 18-я смешанной авиадивизии. С этого времени в составе авиации Порт-Артурской ВМБ имелась бомбардировочная, истребительная и разведывательная авиация.

Транспортная авиация, базировавшаяся в Приморье, совершала регулярные рейсы в Порт-Артур.

В конце 1947 г. 61-й истребительный авиаполк был расформирован, а на замену ему в 1950 г. из Приморья прислан 348-й истребительный авиаполк (бывший 43-й) ВВС 5-го ВМФ.

ВВС на Ляодунском полуострове были представлены 7-м бомбардировочным авиакорпусом.

В апреле—мае 1946 г. гоминьдановские войска в ходе боевых действий с Народно-освободительной армией Китая (НОА) подошли вплотную к Гуаньдунскому полуострову, практически к советской ВМБ Порт-Артур. В этой сложной ситуации командование 39-й армии было вынуждено поддерживать националистов. В штаб гоминьдановской армии, наступающей в направлении Гуаньдуна, выехал полковник М.А. Волошин с группой офицеров. Они заявили гоминьдановскому командующему, что территория за обозначенным на карте рубежом в зоне 8—10 км севернее Гуаньдана находится под огнем советской артиллерии. В случае дальнейшего продвижения гоминьдановских войск могут возникнуть опасные последствия. Командующий с неохотой дал обещание разграничительную линию не пересекать. Таким образом, удалось успокоить местное население и китайскую администрацию.

В 1948 г. на полуострове Шаньдун в 200 км от Дальнего, на территории, занятой Гоминьданом, функционировал аэродром американских ВВС. Ежедневно оттуда прилетал самолет-разведчик и на малой высоте по одному и тому же маршруту облетал и фотографировал в Порт-Артуре и Дальнем советские и китайские объекты и аэродромы. Советские летчики пресекли эти полеты. Американцы прислали в МИД СССР ноту с заявлением о нападении советских истребителей на «сбившийся с курса легкий пассажирский самолет», но разведывательные полеты над Ляодуном прекратили.

В июне 1948 г. в Порт-Артуре проводились крупные совместные учения всех родов войск. Общее руководство учениями осуществлял маршал Р.Я. Малиновский, а из Хабаровска прибыл командующий ВВС Дальневосточного ВО С.А. Красовский. Учения проходили в два основных этапа. На первом — отражение морского десанта условного противника. На втором — имитация нанесения массированного бомбового удара.

В январе 1949 г. в Китай прибыла советская правительственная делегация во главе с А.И. Микояном. Он провел инспекцию советских предприятий, военных объектов в Порт-Артуре, а также встретился с Мао Цзэдуном.

В конце 1949 г. в Порт-Артур прибыла большая делегация во главе с премьером Государственного административного совета КНР Чжоу Энлаем, который встретился с командующим 39-й армией генералом армии А.П. Белобородовым. По предложению китайской стороны состоялось общее собрание советских и китайских военных. На собрании, где присутствовало более тысячи советских и китайских военнослужащих, Чжоу Энлай выступил с большой речью. От имени китайского народа советским военным он вручил знамя с вышитыми на нем словами благодарности советскому народу и его армии.

В декабре 1949 г. и феврале 1950 г. на советско-китайских переговорах в Москве было достигнуто соглашение обучить «кадры китайского морского флота» в Порт-Артуре с последующей передачей части советских кораблей Китаю, подготовить план десантной операции на Тайвань в советском Генеральном штабе и направить в КНР группировку войск ПВО и необходимое количество советских военных советников и специалистов.

Несколько слов стоит сказать и о кораблях Порт-Артурской ВМБ. К концу 1940-х годов там находилось несколько корабельных соединений:

— Отдельный дивизион сторожевых кораблей из шести ленд-лизовских американских фрегатов типа «Такома» (ЭК). Фрегаты были возвращены американцам в 1950 г., когда они своим ходом перешли из Порт-Артура в японский порт Майдзуру.

— Бригада торпедных катеров, ею командовал капитан 1-го ранга В. Гвоздецкий, а чуть позже — капитан 1-го ранга С. Кострицкий. Бригада состояла из нескольких десятков торпедных катеров различных типов отечественной и зарубежной постройки (проекты 123, 183 и др.).

— 125 бригада подводных лодок двухдивизионного состава: дивизион средних подводных лодок — четыре типа «Щ» V-бис 2-й серии (С-121, С-122, С-123, С-124) и две типа «С» 1Х-бис серии (С-52, С-53), дивизион из шести малых подводных лодок типа «М» VI серии (М-43, М-44, М-45, М-46, М-47, М-48). В состав бригады входил трофейный корабль-цель ЦЛ-44 (бывший японский противолодочный корабль водоизмещением 940 т), два катера-торпедолова и водолазный катер. Бригаду подводных лодок возглавлял капитан 1-го ранга В. Головачев.

— ОВР, возглавляемый капитаном 3-го ранга А. Кадученко. В него входили два дивизиона, базирующиеся в Западном бассейне гавани. 18-й отдельный дивизион тральщиков включал шесть кораблей типа «УМС» (Т-605, Т-606, Т-607, Т-608, Т-609, Т-611) и отдельный дивизион больших охотников за подводными лодками, насчитывавший шесть катеров типа БО-2 («SC»).

В конце 1940-х гг. тральщик Т-609 из ОВРа базы в течение трех месяцев выполнял спецзадание по поиску японского транспортного судна с золотым запасом Квантунского банка, потопленного в июле 1945 г. американской авиацией у берегов Ляодунского полуострова. Поиски проводились гидролокатором, а обнаруженные объекты проверялись водолазами. Поиски результатов не дали, хотя и были обнаружены несколько других судов, лежащих на дне довольно мелководного Желтого моря.

Поначалу в состав артиллерии береговой обороны Порт-Артура входили 9 стационарных артиллерийских батарей и три железнодорожные батареи. Основное вооружение — 130-мм советские стационарные орудия Б-13. Видимо, использовалось и какое-то число трофейных японских орудий.

Позже было принято решение усилить береговую оборону базы новейшими 180-мм стационарными береговыми установками МУ-1. Она представляла собой одноорудийную башенную установку на бетонном блоке. Дальность стрельбы составляла 36 км, максимальная скорострельность 4—5 выстр./мин.

Первые четыре установки МУ-1 (№№ 5, 6, 7 и 8) в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 30 декабря 1949 г. № 5924—2227сс, в 1952 г. были смонтированы на батарее № 127 в Порт-Артуре. Строилась батарея с 1950 по 1953 г. Государственные испытания батареи проводились с ноября 1953 г. по январь 1954 г. Приказом Главкома ВМС от 9 апреля 1954 г. № 00137 180-мм четырехорудийная батарея МУ-1 с ПУС «Москва-2с-ЦМ» была принята в состав береговой обороны Порт-Артура.

А теперь вернемся к авиационным соединениям Порт-Артура. В 1949 г. 7-й бомбардировочный авиакорпус был реорганизован в 83-й смешанный авиакорпус. В январе 1950 г. командиром корпуса был назначен Герой Советского Союза генерал Ю.Б. Рыкачев.

Весной 1950 г. в составе авиации Порт-Артурской ВМБ из 83-го смешанного авиакорпуса 54-й воздушной армии Приморского ВО была передана 194-я бомбардировочная авиадивизия в составе 10-го, 114-го и 810-го гвардейских бомбардировочных авиаполков, на вооружении которых состояли бомбардировщики Ту-2.

Уже в составе ВМФ 194-я дивизия и ее полки были переформированы в минноторпедные, став, соответственно, 589-м, 1534-м, 1535-м и 1540-м минноторпедными авиационными полками.

Но уже 29 декабря 1950 г. 1535-й полк выводится из состава дивизии и передислоцируется в СССР на аэродром Романовка Приморского края.

Так как теперь в составе порт-артурской авиации имелось две авиадивизии и отдельный разведполк, то командование ВМФ приняло решение о формировании с 15 сентября 1950 г. 55-го авиационного корпуса ВМС. Управление корпуса дислоцировалось в Порт-Артуре. 21 декабря 1950 г. 55-й авиакорпус был переименован в 105-й авиакорпус.

С 26 июня 1951 г. 33-я отдельная разведывательная эскадрилья была развернута в 1744-й отдельный разведывательный полк. Кроме летающих лодок в состав полка вошла истребительная эскадрилья самолетов Ла-11Р, базировавшихся на аэродроме Тученцзы в районе Порт-Артура.

В 1950 г. штурмовую авиадивизию вывели из состава 83-го корпуса и отправили в СССР.

Когда же в Саньшилипу разместили полк МиГ-15, минноторпедный авиаполк перевели на аэродром Цзиньчжоу. Истребительный (Ла-9) и смешанный (Ту-2 и Ил-10) авиаполки в 1950 г. были перебазированы в Шанхай и несколько месяцев обеспечивали воздушное прикрытие его объектов.

С началом войны в Корее по договоренности между правительством СССР и КНР на северо-востоке Китая были дислоцированы крупные советские авиационные части, защитившие индустриальные центры этого района от налетов американских бомбардировщиков. СССР принял необходимые меры по наращиванию своих вооруженных сил на Дальнем Востоке, по дальнейшему усилению и развитию военно-морской базы Порт-Артур. Она являлась важным звеном в системе обороны восточных рубежей СССР, и в особенности Северо-Восточного Китая.

26 июня из-за войны в Корее было решено отменить поход эскадры 5-го ВМФ ТОФ к Порт-Артуру. Ведь в ходе планируемых при этом учений кораблям и авиации пришлось бы действовать в районе Японского и Желтого морей, где были развернуты оперативные соединения американского флота. Также по возможности вернули в советские террводы все советские корабли, находившиеся вблизи Корейского полуострова.

4 октября 1950 г. 11 американских самолетов сбили советский самолет-разведчик А-20 Тихоокеанского флота, выполнявший плановый полет в районе Порт-Артура. Трое членов экипажа погибли. 8 октября произошло нападение двух американских самолетов на советский аэродром в Приморье Сухая Речка. Было повреждено 8 советских машин. Эти инциденты обострили и без того напряженную обстановку на границе с Кореей, куда были переброшены дополнительные части ВВС, ПВО и сухопутных войск СССР.

Вся группировка советских войск подчинялась маршалу

Малиновскому и не только служила тыловой базой для воюющей Северной Кореи, но и могла сыграть важную роль в случае, если бы американцы решили расширить рамки Корейской войны.

Личный состав сухопутных сил СССР с семьями офицеров на Ляодунском полуострове составлял более 100 тыс. человек. В районе Порт-Артура курсировало 4 бронепоезда.

К началу боевых действий советская авиационная группировка в Китае состояла из 83-го смешанного авиакорпуса (двух истребительных авиадивизий, двух бомбардировочных авиадивизий, одной штурмовой авиадивизии); одного истребительного авиаполка ВМФ и одного тяжелого авиаполка ВМФ. В марте 1950 г. прибыла 106-я истребительная авиадивизия ПВО (два истребительных авиаполка и один бомбардировочный штурмовой авиаполк). Из этих и вновь прибывших частей в начале ноября 1950 г. был сформирован 64-й особый истребительный авиакорпус.

Всего за период войны в Корее и последовавших за ней Кэсон-ских переговоров в корпусе сменилось двенадцать истребительных дивизий (28-я, 151-я, 303-я, 324-я, 97-я, 190-я, 32-я, 216-я, 133-я, 37-я, 100-я), два отдельных ночных истребительных полка (351-й и 258-й), два истребительных полка из состава ВВС ВМФ (578-й и 781-й), четыре зенитные артиллерийские дивизии (87-я, 92-я, 28-я и 35-я), две авиационно-технические дивизии (18-я и 16-я) и другие части обеспечения.

Американские радиолокаторы и система подслушивания контролировали режим работы советских авиачастей. Ежемесячно в Северную Корею и Китай забрасывалось большое число диверсантов с различными заданиями, включая захват кого-нибудь из русских для доказательства их присутствия в стране. Американские разведчики были оснащены первоклассной техникой передачи сведений и могла маскировать радиоаппаратуру под водой рисовых полей. Благодаря качественной и оперативной работе агентуры вражеская сторона была часто информирована даже о вылетах советских самолетов, вплоть до обозначения их бортовых номеров. Ветеран 39-й армии Ф.Е. Самочеляев, командир штабного взвода связи 17-й гвардейской стрелковой дивизии, вспоминал: «Стоило нашим частям начать передвижение или самолетам подняться в воздух, как тут же начинала работать вражеская радиостанция. Поймать же наводчика было крайне сложно. Они хорошо знали местность и умело маскировались».

Американская и гоминьдановская разведки постоянно активно действовали на территории Китая. Центр американской разведки под

названием «Исследовательское бюро по дальневосточным вопросам» находился в Гонконге, а в Тайбэе функционировала школа по обучению диверсантов и террористов.

12 апреля 1950 г. Чан Кайши отдал секретный приказ о создании в Юго-Восточном Китае специальных подразделений для осуществления террористических актов против советских специалистов. В нем, в частности, говорилось: «...широко развернуть проведение террористических действий против советских военных и технических специалистов и важных военных и политических работников-коммунистов с тем, чтобы эффективно пресечь их деятельность...» Чанкайшистские агенты стремились получить документы находящихся в Китае советских граждан. Имели место и провокации с инсценировками нападения советских военнослужащих на китайцев. Эти сцены фотографировались и представлялись в печати как акты насилия по отношению к местным жителям. Одна из диверсионных групп была раскрыта в учебном авиацентре по подготовке к полетам на реактивной технике на территории КНР.

27 июля 1953 г., в день подписания Договора о прекращении огня (общепринятая дата окончания Корейской войны), советский военный самолет Ил-12, переоборудованный в пассажирский вариант, вылетел из Порт-Артура курсом на Владивосток. Пролетая над отрогами Большого Хингана, он был внезапно атакован четырьмя американскими истребителями, в результате чего безоружный Ил-12 с 21 человеком на борту, включая членов экипажа, был сбит.

В ходе Корейской войны в Порт-Артуре дислоцировались: 150 УР, 139-я армейская пушечная артиллерийская бригада, полк связи, артиллерийский полк, 48-й гвардейский мотострелковый полк, полк ПВО, истребительный авиаполк, батальон АТО, база ВМФ СССР.

В районе города Цзиньчжоу дислоцировалась 17-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Е.Л. Коркуца. В состав дивизии входил 21-й отдельный батальон связи, на базе которого проходили обучение китайские добровольцы, 26-й гвардейский пушечный артиллерийский полк и минноторпедный авиаполк ТОФ.

В Дальнем находился штаб 7-го бомбардировочного авиакорпуса, авиационные части, 14-я зенитная артиллерийская дивизия и части ВМФ СССР. В 1950-х гг. советскими специалистами в удобной прибрежной зоне был построен современный госпиталь для НОА Китая.

Как уже говорилось, по просьбе Мао Цзэдуна Сталин решил помочь КНР в создании ее ВМФ. В декабре 1950 г. вышло Постановление Совмина

СССР, в котором говорилось: «Выделить из состава Порт-Артурской военно-морской базы две средние подводные лодки типа "Щ" для обучения китайских экипажей.

Принять для обучения на указанных подводных лодках в течение 1951—1953 гг. китайские экипажи для четырех подводных лодок. По окончании обучения экипажей эти подводные лодки передать Правительству Китайской Народной Республики».

В начале 1951 г. в Порт-Артур прибыла «Группа по изучению подводного флота» в составе 260 человек.

Обучение китайцев происходило на полуострове Тигровый. Приказом командующего 5-м ВМФ СССР для обеспечения корабельной практики китайцев были выделены две подводные лодки типа «Щ» (бывшие Щ-121 и Щ-123) С-121 (командир капитан 3-го ранга Н.П. Прыгунков) и С-123 (капитан 2-го ранга Ф.И. Маслов). В 1951 г. с подводных лодок были сняты все задачи боевой подготовки, кроме № 1 и № 2 (плавание в надводном и подводном положении), для проведения корабельной практики курсантов группы, чтобы обеспечить готовность экипажей лодок на необходимом уровне.

Для обучения китайских моряков помимо подводных лодок штаб бригады располагал хорошо оборудованными береговыми кабинетами: тактическим, артиллерийской стрельбы, гидроакустическим, электронavigационным, системы «Спрут» и классом связи.

24 февраля 1952 г. Чжоу Энь-лай в сопровождении замминистра иностранных дел У Сю-чена, замначальника Главного политического управления НОА Китая Сяо Хуа, командующего авиацией Лю Ю-лоу, командующего военно-морским флотом Сяо-Дзин-гуана, а также советский посол в КНР Панюшкин и командующий 39-й армией генерал-полковник А.П. Белолобое посетили базу подводников на Тигровом полуострове, где ознакомились с организацией учебы и бытом китайских моряков. Высокие гости также осмотрели подводную лодку С-123. После осмотра Чжоу Энь-лай записал в вахтенном журнале: «По указанию товарища Мао Цзэдуна вам надлежит многому учиться у Советского Союза. Изучайте передовой опыт подводного дела, что б защищать морские рубежи нашей Родины».

А тем временем четыре порт-артуровские «щуки» — С-121, С-122, С-123 и С-124, предназначенные для передачи КНР, прошли доковый ремонт на СРЗ 102. Замечу, что этот судоремонтный завод достался нам от японцев. Однако передача не состоялась из-за гибели 15 декабря 1942 г. в Татарском проливе в районе Холмском (остров Сахалин) подводной лодки С-117 (бывшей Щ-117). Причины гибели так и не установлены, но

оргвыводы сделаны.

С 1947 г. в Порт-Артуре базировалось шесть подводных лодок типа «М» У1бис серии: М-46, М-47, М-48, М-49, М-50 и М-51.

По результатам обследования в мае 1953 г. приказом министра ВМС все четыре порт-артурские «щуки» вывели из боевого состава и переклассифицировали в учебные корабли без права выхода в море даже в надводном положении.

Еще в январе 1951 г. были разоружены и утилизированы на металлолом подводные лодки типа «М» У1бис серии, входившие в состав Порт-Артурской бригады подводных лодок.

По просьбе китайского командования хотели было оставить как учебную подводную лодку М-48, на нее была даже назначена команда консервации, но после 16 лет службы лодка находилась в столь плохом техническом состоянии, что ее тоже сдали на металл.

Поэтому советское правительство решило передать ВМФ Китая четыре подводные лодки «С» IXбис серии. Две из них входили в состав Порт-Артурской бригады подводных лодок, а две — в состав 123-й бригады 40-й дивизии подводных лодок во Владивостоке. Кроме того, Китаю передавали еще четыре подводные лодки типа «М» XV серии: одна — из 171-й бригады подводных лодок в Находке и три — из бригады в Советской гавани.

Замечу, что С-52 и С-53 с 20 октября по 9 ноября прошли капитальный ремонт на СРЗ № 102 в Порт-Артуре.

24 июня 1954 г. на стенке причала Восточной гавани Порт-Артура выстроились экипажи советских подводных лодок и четыре китайских экипажа. Под гимн Советского Союза спустили советские военно-морские флаги, и советские экипажи сошли с подводных лодок. Вместо них на палубы двух подводных лодок ступили китайские экипажи № 1 и № 2. На лодках С-52 и С-53 взметнулись флаги КНР, а оркестр заиграл гимн КНР. Лодкам присвоили наименования «Народный Китай-11» и «Народный Китай-12».

Что же касается порт-артурских «щук», то С-121, С-122, С-123 и С-124 в 1953 г. были разрезаны на металл. Остальные же лодки передали китайцам в порту Циндао, куда они пришли своим ходом из Владивостока.

Бытует мнение, что вопрос о передаче КНР Порт-Артура был впервые поднят Никитой Хрущевым. Однако уже при заключении Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи 14 февраля 1950 г. Советский Союз обязывался вывести свои войска с Квантунского полуострова и передать Китаю Порт-Артур не позднее конца 1952 г. Но из-за войны в Корее 15

сентября 1952 г. СССР и Китай обменялись нотами о продлении срока совместного использования военно-морской базы до момента заключения обоими государствами мирных договоров с Японией.

Замечу, что оный договор с Японией не заключен до сих пор ни КНР, ни Россией. Так что Порт-Артур на законных основаниях мог до сих пор (март 2013 г.) принадлежать РФ.

Но тут-то СССР в очередной раз подвел волюнтаризм «дорогого» Никиты Сергеевича. Осенью 1954 г. в Порт-Артур неожиданно прибыла из Москвы правительственная делегация во главе с первым секретарем ЦК КПСС Никитой Хрущевым. Вместе с ним прибыли Булганин, Микоян, Шверник, первый заместитель министра обороны СССР — главнокомандующий ВМФ Кузнецов, командующий Дальневосточным военным округом Малиновский и другие.

13 октября ничего не подозревавших о скорой эвакуации военных пригласили для доклада. Как это происходило? Об этом рассказано в воспоминаниях военного контрразведчика генерала М. Белоусова: «...С начала доклада В. Шевцова, командующего 39-й армией, не прошло и трех минут, как Хрущев с силой ударил ладонью по столу и буквально крикнул: "Хватит болтать! Ты лучше мне скажи, зачем вы здесь стоите?"

Вся порт-артурская группа насторожилась... Командующий, будучи человеком степенным и уважительным... как-то недоверчиво еще раз посмотрел на Хрущева и спокойно сказал: "Для защиты дальневосточных рубежей нашей Родины".

Хрущев снова обрывает его и сердито заявляет: "Это политика царская, империалистическая. Кого же и от кого вы собираетесь здесь защищать? Ты мне лучше скажи, сколько надо времени, чтобы здесь не осталось ни одного вашего солдата, даже вашего духа".

Швецов молчал... В это время вошел маршал Малиновский, только что прилетевший из Приморья... Хрущев продолжал: "Так сколько же месяцев вам, командарм, надо, чтобы убраться отсюда?"

Швецов ответил: "Месяца три-четыре".

Присутствующий генерал Пенионожко бросил реплику: "Мало!"

Хрущев: "Даю пять. И чтобы по истечении этого срока никого из вас не осталось. А теперь давайте перейдем к разговору: что китайцам продавать, а что так отдать".

Булганин, Микоян и Кузнецов вели себя пока спокойно. Можно было полагать, что этот вопрос с руководством КНР ими уже обговорен... А Хрущев продолжал: "Все то, что здесь (имеется в виду на Квантуне) построено русским царем, нами и японцами — казармы, склады, дома,

водохранилища и т.п., — отдать китайцам бесплатно. А то, что мы привезли сюда из Советского Союза, — продать".

А.М. Пенионожко попросил разрешения задать вопрос. "Как я понял, — сказал он, — дорогостоящее отдать, а мелочевку продать?"

Отвечать на этот вопрос стал Булганин: "Да, вы поняли правильно..." А Никита Сергеевич продолжал: "Все вооружение, всю технику и боеприпасы — продать!"

В этот разговор наконец вмешался Малиновский. "Никита Сергеевич, — сказал он, — всю боевую технику продать нельзя. Здесь у нас есть один полк с новыми танками Т-52 и одна эскадрилья с новыми истребителями-перехватчиками, я их заберу к себе в округ".

Хрущев согласился. Затем сделал заявление Кузнецов: "В нашей базе тоже есть один дивизион с новейшими быстроходными и дорогостоящими бронекатерами. Эту технику тоже не следовало бы продавать".

Но Хрущев ответил: "Продать!"

Потом Хрущеву задал вопрос Швецов: "А что нам делать с теми снарядами и трехдюймовками (имелись в виду 76-мм орудия), которые сюда завезены еще к началу Русско-японской войны?"

Хрущев: "Продать!"

Далее начался активный разговор о том, за какую цену продавать — по себестоимости или по прейскуранту. "По себестоимости" цена танка называлась в 400—500 тыс. рублей, самолета-истребителя — около одного миллиона рублей...»

«Спустя несколько дней после того, как советская правительственная делегация отбыла на родину, в советские воинские части зачастили многочисленные китайские комиссии, в том числе и правительственные, с высокопоставленными гостями, среди которых были знаменитый писатель Го Можо, командующий вооруженными силами КНР Пын Дэхуай, вдова Сунь Ятсена Сун Цзинлин. Многим советским военнослужащим вручили награды КНР. В Доме офицеров непрерывной чередой шли концерты известных артистов. Одновременно с этим шла «продажа» воинского имущества и оборудования, которая в конце концов превратилась в самый настоящий цирк и была прекращена. Все — каждая вешалка, кровать, умывальник, кухонный и противопожарный инвентарь, любая мелочь «описывались и оформлялись» в шести экземплярах. А каждое утро начиналось с того, что шел жестокий торг за лишний юань. На следующий день все повторялось сначала»^[125].

Хрущеву и в голову не пришло подумать о десятках тысяч китайцев, проживавших и работавших на базе. Они не бунтовали, но и не ликовали, а

спокойно ожидали решения своей участи. Увы, никто не спросил первого секретаря ЦК КПСС, позже персонального пенсионера Н.С. Хрущева, не снятся ли ему по ночам многие тысячи казненных маоистами жителей Порт-Артура.

Несколько слов о судьбе советских частей, находившихся в Порт-Артуре. Сокращение, а затем и расформирование 39-й армии^[126] началось в 1955 г. Расформирована армия была в 1956 г. в составе Приморского ВО.

Как уже говорилось, 125-я бригада подводных лодок, базировавшаяся в Порт-Артуре, лишилась своих лодок, а штаб, узел связи и береговая база передислоцированы из Порт-Артура на Камчатку.

15 мая 1953 г. Управление 105-го авиакорпуса ВМС, без летных частей и соединений, было передислоцировано из Порт-Артура в Советскую гавань с подчинением командующему ВВС 7-го ВМФ. Входящая в его состав 508-я истребительная авиадивизия подлежала передаче в 54-ю воздушную армию Приморского ВО. 589-я минноторпедная авиадивизия до мая 1955 г. оставалась в Китае, после чего была перебазирована в Приморье.

Какой смысл был в передаче Китаю Порт-Артура? Улучшение отношений с Китаем? Но база в Порт-Артуре никогда не была камнем преткновения между державами. Москву и Пекин поссорил Хрущев, устроив оскорбительное для советского и китайского народа «разоблачение культа личности Сталина».

То, что сделал Хрущев, не делается ни в одной цивилизованной стране. Это была дикая выходка малограмотного человека. Я уж не буду говорить о кровавых делах самого Хрущева на Украине и в Москве в 1936—1939 гг. Лучше посмотрим на современный Китай, который не имеет ничего общего со страной, созданной Мао в 1949—1960 гг. Однако в КНР и сейчас повсеместно вешают портреты Мао и Сталина и никто не поливает грязью собственную историю. Ну а в нынешних демократических Франции и Италии множество улиц и площадей носят имена Наполеона Бонапарта и членов его семьи. Ну а памятников великому императору просто не счесть. И это при том, что крошечная партия бонапартистов не набирает во Франции и одного процента избирателей.

Хрущев не мог не понимать, что из-за охаивания Сталина ему предстоит большой конфликт с Мао, в ходе которого китайцы заявили претензии не только на Порт-Артур, но и на Владивосток.

Утверждение о том, что Порт-Артур нельзя было удержать в случае конфликта с Китаем, мягко говоря, несерьезно. Стратегическая авиация СССР в случае нападения на Порт-Артур в 1950—1960-х гг. могла почти

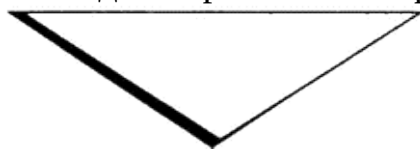

безнаказанно разрушить десятки важнейших китайских предприятий и городов, даже не пуская в ход ядерное оружие. Так что риск нападения китайцев на Порт-Артур был примерно равен риску нападения на Владивосток. Оба города было невозможно удерживать длительное время от осады многомиллионной НОАК. Однако наличие как тактического, так и стратегического ядерного оружия у СССР делало вероятность подобного нападения ничтожно малой.

С уходом советских войск Порт-Артур попал под контроль китайского военно-морского командования, и туда был запрещен вход иностранным военным судам и ограничены заход и стоянка торговых судов.

Да и сейчас Порт-Артур, переименованный китайцами в Люйшунькоу, остается закрытым городом. На Ляодунском полуострове остались только могилы советских людей. По данным на 2010 г., на мемориальном русском военном кладбище Саньлицзяо в Порт-Артуре (Люйшуне) с 1945 по 1955 год похоронен 2031 советский гражданин.

В сентябре 2010 г. в присутствии президента РФ Медведева состоялось открытие отреставрированного мемориала русским и советским воинам в Порт-Артуре. Следует заметить, что сейчас отношение китайского населения к захоронениям 1904—1905 гг. и 1945—1955 гг. заметно отличается. Русских и японцев, воевавших в Порт-Артуре в 1904—1905 гг., китайцы считают захватчиками, делившими китайскую территорию. А вот советские воины считаются освободителями китайцев от японской оккупации и защитниками в ходе американской агрессии 1950—1953 гг.

Глава 16.

КАМРАНЬ

Необходимость в военно-морской базе в юго-западной части Тихого океана русские политики и адмиралы стали ощущать уже в 70-х гг. XIX века. В конце XIX века это был второй по стратегической значимости район после Средиземноморья. Во второй половине XIX века все ведущие морские державы обзавелись ВМБ в Юго-Восточной Азии. Англия захватила стратегически важные пункты Сингапур и Гонконг. Франция овладела всем Индокитаем. США отняли у Испании Филиппинские острова и остров Гуам. Германия приобрела Марианские, Каролингские, Маршалловы острова, остров Бугенвиль, архипелаг Бисмарка и северо-восточную часть острова Новая Гвинея.

Согласно утверждениям царских и советских историков, Россию никогда не интересовали колонии и базы в Юго-Восточной Азии, а все походы наших кораблей велись исключительно в целях академической науки.

Вот справка из современного Энциклопедического словаря: «Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846—1888) — русский этнограф, изучал коренное население Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, в т. ч. папуасов северо-восточного берега Новой Гвинеи (ныне Берег Миклухо-Маклая). Выступал против расизма и колониализма».

Сейчас времена изменились, и «в духе гласности» писатель Борис Носик доказывает нам, что Н.Н. Миклухо-Маклай ездил на Новую Гвинею в основном затем, чтобы общаться с местными мальчиками и девочками в возрасте 10—12 лет^[127].

Действительно, девочки-папуаски вступали в интимные связи именно в этом возрасте и до, и после приезда Маклая. И вполне возможно, что путешественник искал утешения именно у них — не разбивать же папуасские семьи! Но что бы ни писали советские ученые и господин Носик, главная цель Миклухо-Маклая была совсем иной.

На самом же деле целью экспедиций Миклухо-Маклая было создание русской военно-морской базы на побережье Новой Гвинеи. Еще в сентябре 1871 г. командир корвета «Витязь» назвал бухту на берегу Маклая «Порт Великий Князь Константин» в честь тогдашнего генерал-адмирала. А в 1872 г. Миклухо-Маклай открыл удобную бухту «Порт Великий Князь

Алексей». Эта бухта располагалась всего в 26 милях к северу от бухты Константина. Николай Николаевич назвал ее в честь великого князя Алексея Александровича Романова (1850—1908) — сына императора Александра II, который также содействовал его путешествию.

В марте 1883 г. в Порт Великий Князь Алексей прибыл корвет «Скобелев», на борту которого находились контр-адмирал Н.В. Копытов и сам Миклухо-Маклай. Замечу, что Копытов был одним из энтузиастов крейсерской войны в русском флоте и во время кризиса 1863 г. он командовал фрегатом «Пересвет» в составе эскадры Лесовского.

Бухта Порт Великий князь Алексей находилась среди островов архипелага Довольных Людей, и, чтобы туда добраться, пришлось спустить паровой барказ, на котором мичман Сарычев обнаружил широкий пролив, ведущий внутрь этой обширной акватории. Войдя в нее, моряки обнаружили прекрасный рейд, отлично защищенный от ветров и волнения.

Никакое европейское судно еще не посещало этих островов, и потому на другой день с рассветом экипаж судна приступил к их съемке и промеру рейда. Дальнейшее ознакомление с местностью только увеличивало достоинства порта Великий князь Алексей.

Были найдены в нескольких местах отличные якорные стоянки, а также открыт второй обширный рейд, расположенный ближе к берегу острова Новая Гвинея.

В северной части бухты моряки открыли большую реку, которую называли в честь Миклухо-Маклая.

Съемка и промер акватории бухты проводились одновременно с пяти шлюпок.

Вот что писал Копытов в своем рапорте в Петербург: «Энергическое производство работ, начавшихся с рассветом, при температуре 24 °R [30 °C], с полною неустойчивостью, не зная устали, так что мне приходилось сдерживать рвение офицеров, занимавшихся съемкой и промером, рекомендовали их служебные достоинства с наилучшей стороны, и только благодаря их чрезвычайному рвению и неустойчивости работа была исполнена в два дня.

Съемка и промер бухты Порт-Алексей показали, что она представляет по своим гидрографическим условиям не только хорошую угольную станцию, но и прекрасный опорный порт для крейсеров».

Но русский флаг в Порту Алексей так и не был поднят.

Вот что писал по этому поводу мичман К.А. Плансон: «Как теперь выяснилось, целью нашего прихода на Новую Гвинею было присоединение части ее к владениям России. Предложение это исходило от Миклухо-

Маклая, и правительство наше, по-видимому, соглашалось иметь опорный пункт для флота в этой части Тихого океана, но окончательное решение этого вопроса было предоставлено адмиралу Копытову».

В конце концов Копытов разобрался на месте с вопросом и решил Порт-Алексей не занимать и русский флаг в Новой Гвинее не поднимать.

Причины, побудившие вице-адмирала сделать это, были следующие:

1. Удаленность Порта Алексей от путей движения русских военных кораблей на Дальнем Востоке.

2. Трудность удержания последнего в случае войны.

3. Возможность снабжения крейсеров углем во время войны с транспортов в заранее условленном месте или захват судов противников с углем в открытом море.

Совсем другого мнения были младшие офицеры корвета. Тот же мичман К.А. Плансон писал: «... Мы ушли из Новой Гвинее, не подняв русского флага на берегу! Почему?.. Не знаю. Мы, молодежь, страшно негодовали на Копытова. И как досадно было впоследствии видеть на картах Новой Гвинее: "Берег Кайзера Вильгельма I", на том месте, где раньше была надпись "Берег Маклая". Этот берег, включавший в себя и залив Астролябия, даже по праву открытия должен был принадлежать нам.

Предусмотрительные немцы, как только выяснилось, что мы не заняли этого берега, бросились туда и захватили все, что еще оставалось не занятым голландцами и англичанами, то есть всю среднюю часть Новой Гвинее».

В 1884 г. немецкий военный корабль прибыл к берегам Новой Гвинее и поднял там флаг Германской империи.

15 декабря 1884 г. германский посол в Петербурге официально известил русское правительство «о принятии под покровительство германского императора части северного берега Новой Гвинее».

Был ли прав адмирал Копытов, отказавшись от планов основания русской военно-морской базы на Новой Гвинее? И да, и нет. С одной стороны, в 1914—1918 гг. англичане и японцы легко захватили владения Германии в Тихом океане. Но с другой стороны, России совсем не обязательно нужно было создавать хорошо оборудованные и, следовательно, дорогие военно-морские базы в Новой Гвинее и на бесчисленных островах Тихого океана. Наоборот, целесообразно было создать несколько маленьких баз, где наши корабли могли бы заправиться углем и продовольствием, произвести мелкий ремонт, команда могла отдохнуть, в том числе и с местными девицами. А затем вновь отправиться в крейсерство. Гарнизон такой базы мог состоять из 30-50 русских

военнослужащих и 200—300 туземцев. При появлении британских кораблей гарнизон отходил бы в джунгли, оставив в бухте противокорабельные и на берегу противопехотные мины. При необходимости крейсерские суда могли легко эвакуировать русский элемент гарнизона.

Для создания баз, а точнее угольных станций, которых англичане имели несколько сотен во всех уголках Мирового океана, требуются деньги. А были ли они у русского правительства? Да, были. В конце XIX века страна переживала экономический бум, стремительно рос золотой запас государства. Хотя на военные нужды в целом выделялись огромные средства, но из-за безграмотности наших генералов и адмиралов они расходовались впустую.

Самое интересное, что господа большевики, разоблачая «проклятый царизм», старательно обходили вопрос о безграмотном строительстве вооруженных сил России в конце XIX века, особенно после вступления на престол Николая II. До сих пор у нас мало кто знает о грандиозной либавской аванюре. Речь идет о строительстве огромной морской и сухопутной крепости в Либаве и так называемого «Порта императора Александра III».

Казалось, сама природа исключила создание там большой военно-морской базы — низменный песчаный берег, малые глубины, подвижные пески, отсутствие закрытой от ветров якорной стоянки. Не было условий там и для создания сухопутной крепости. Вне линии фортов предполагаемой крепости находились господствующие Гробинские и Капсиденские высоты. Тем не менее проект постройки порта и крепости был утвержден Александром III 30 августа 1892 г. Только постройка крепости должна была обойтись в 15,5 млн. рублей.

Единственным преимуществом Либавы был незамерзающий порт. Но зато германская граница находилась всего лишь в тридцати верстах. Германский флот имел рядом несколько удобных якорных стоянок, а у русского флота к 1892 г. ближайшая крупная военно-морская база была за много сотен миль — в Кронштадте.

С одной стороны, постройка порта и крепости была наглым вызовом Германии, поскольку использование Либавы стало бы целесообразным лишь в ходе наступательных действий на суше и на море. А, с другой стороны, это была ловушка для русского флота, который легко мог быть блокирован даже слабейшим противником. Либавская военно-морская база не годилась для оборонительной войны ни с Германией, ни тем более с Англией.

Ну а за неимением своих баз русским кораблям приходилось в каждом походе с Балтики на Тихий океан заходить в английские (Сингапур, Гонконг) или американские (Маршаллы). Посещали наши корабли и французские базы в Индокитае. Первый контакт русских с вьетнамцами состоялся в 1862 г. когда русский корвет «Калевала», совершавший кругосветное плавание, вошел в Сайгонскую бухту. На «Калевале» находился двадцатилетний гардемарин Константин Михайлович Станюкович, будущий известный писатель, который позже вспоминал: «Местные жители, узнав, что неведомый корабль прибыл с мирными целями, встретили посланцев далекой России с искренним радушием. В свою очередь, русские моряки отвечали им откровенным сочувствием, столкнувшись с полной драматизма жизнью и борьбой вьетнамского народа против иноземных колонизаторов».

Первым русским кораблем, посетившим Камрань (Панг-Ранг), стал корвет «Витязь», зашедший в этот французский порт в декабре 1887 г. Любопытно, что командиром «Витязя» был капитан 1-го ранга С.О. Макаров, будущий знаменитый адмирал.

Ну а в 1891 г. во Вьетнаме побывал император Николай II, который тогда еще был наследником-цесаревичем. 15 марта 1891 г. русская эскадра в составе крейсеров «Память Азова», «Адмирал Нахимов», «Владимир Мономах» и мореходных канонерских лодок «Манджур» и «Кореец» подошли к устью реки Меконг. «Нахимов» имел большую осадку, и его оставили в устье реки, а остальные корабли поднялись до Сайгона, где и находились до 19 марта. Причем «Память Азова» шел под флагом наследника цесаревича Николая Александровича.

31 марта (13 апреля) 1905 г. 2-я Тихоокеанская эскадра, которую вел к Цусиме адмирал Зиновий Рожественский, зашла в бухту Камрань для пополнения запасов угля, пресной воды и продовольствия. Замечу, что все это подавалось не из порта, а с транспортов снабжения.

26 апреля (9 мая) в Камрань зашла 3-я Тихоокеанская эскадра адмирала Небогатова.

Как известно, 2-я и 3-я Тихоокеанские эскадры были уничтожены японцами в Цусимском проливе. После войны в конце 1905 г. — 1906 г. в Камрань заходили для пополнения запасов остатки 1-й (Порт-Артурской) и 2-й Тихоокеанской эскадр — броненосец «Цесаревич», крейсера «Россия», «Громобой», «Богатырь» и «Диана».

Осенью 1914 г. после начала Первой мировой войны в Камрани пополняли запасы угля крейсера Сибирской флотилии «Аскольд» и «Жемчуг».

После разгрома Франции летом 1940 г. встал вопрос о судьбе французских колоний в Индокитае. Дело в том, что англичане и американцы сразу после капитуляций правительств Голландии, Дании перед Германией оперативно «приватизировали» их колонии и заморские территории. Так произошло с датской Гренландией, голландской Индией (Индонезией), французской Сирией и т.д. Япония не могла ждать захвата Индокитая англо-американцами.

30 августа 1940 г. в ходе переговоров в Токио между министром иностранных дел Мацуока и французским послом Анри было достигнуто соглашение по созданию японских военных баз в Северном Вьетнаме.

24 июля 1941 г. японские боевые корабли вошли в бухту Камрань. После капитуляции Японии в сентябре 1945 г. во Вьетнам прибыли части французской армии. Началась война между прокоммунистическими повстанцами и французами. В 1954 г. стороны заключили мир. Коммунисты на севере Вьетнама создали ДРВ, а на юге утвердилось проамериканское правительство. Французам же пришлось окончательно уйти из Вьетнама.

В 1960 г. резко усилилась партизанская война повстанцев Вьетконга против войск сайгонского правительства. 15 февраля 1961 г. Народный фронт освобождения Южного Вьетнама принял решение о создании Армии освобождения Южного Вьетнама.

Весной 1961 г. США направили в Южный Вьетнам несколько сот инструкторов.

В 1964 г. командование 7-го флота США решило создать в Камрани базу для кораблей и морской авиации.

302-й строительный батальон США начал строительство ряда объектов в Камрани. Там был построен большой аэродром с двумя 3,5-километровыми взлетно-посадочными полосами. Аэродром мог принимать самолеты всех типов. Однако распространяемые США сведения о базировании в Камрани стратегических бомбардировщиков Б-52 не соответствуют действительности, хотя они иногда и совершали там посадки. Зато в Камрани базировались тяжелые морские разведчики Р-2 «Нептун» и Р-3 «Орион».

Параллельно с флотской структурой в Камрани создавалась и тыловая структура ВВС: строились склады топлива, авиабомб, мин, ракет, снарядов и др. Эти склады обваловывались песчаными валами, которые скреплялись гудроном.

В 1968—1969 гг. был построен запасной командный пункт (ЗКП) с узлом связи, в том числе тропосферной, жилой городок для летчиков

(который впоследствии использовался советским ВМФ как ПМТО), склады медицинского оборудования и технического имущества. В бухте Бинь Ба были построены судоремонтные мастерские. Весь полуостров был покрыт сетью шоссейных дорог.

Построенные французами деревянные пирсы американцы реконструировали и возвели там три бетонированных пирса, на одном из которых установили грузоподъемник. Пирсы были способны обеспечить швартовку авианосцев.

В 1972 г. южнее паромной переправы был построен двухколейный мост из стальных металлоконструкций. Сейчас этот мост носит название «Тигра и Дракона».

Американские базы в конце 1960-х — начале 1970-х гг. регулярно подвергались обстрелам из минометов и 122-мм реактивных установок «Партизан». Поэтому янки уделяли много внимания сухопутной и береговой обороне базы Камрань.

В 1971 г. вьетнамские боевые пловцы подорвали в бухте Камрань два американских транспорта. Американцы решили создать школу своих боевых пловцов на острове Тань. Для защиты бухты Камрань использовались дрессированные морские львы (дельфины). В 1970 г. в ходе операции «Быстрый поиск» в Камрань были доставлены первые 6 морских львов, обученных на базе ВМФ в Сан-Диего (Калифорния). По данным СМИ, дельфины уничтожили или заставили всплыть в Камрани 50 вьетнамских боевых пловцов. Кроме того, якобы были уничтожены два советских пловца.

27 января 1973 г. в Париже было подписано соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. Согласно ему, в течение 60 дней с территории Южного Вьетнама должны быть выведены все иностранные войска, а военных базы США подлежали ликвидации.

29 марта 1973 г. завершился вывод американских войск из Вьетнама, а 1 апреля ДРВ закончила репатриацию американских военнопленных. База в Камрани была передана вооруженным силам Вьетнамской республики.

В начале марта 1975 г. партизаны и регулярные войска ДРВ начали большое наступление в Южном Вьетнаме. База Камрань 26 апреля 1975 г. была захвачена северовьетнамцами, а 30 апреля пал Сайгон.

До мая 1975 г. правительство ДРВ было «ласковым теленком, сосущим двух маток» — СССР и КНР. Но после объединения Вьетнама ситуация кардинально изменилась.

17 апреля 1975 г., то есть практически одновременно с падением Камрани и Сайгона, в западной соседке Южного Вьетнама Камбодже

победили «Красные кхмеры» — радикальное коммунистическое движение. Они немедленно переименовали Камбоджу в Кампучию.

Ханой выдвинул план создания «Индокитайской федерации». Попросту северовьетнамцы решили заменить французов и подчинить себе весь Индокитай. Лидер «Красных кхмеров» Пол Пот решительно отверг эту идею.

Тогда Ханой при помощи Москвы начал кампанию по дискредитации кампучийского режима. Дело в том, что прежние правители Камбоджи и американцы, имевшие реальную власть в стране, довели государство до ручки.

К 1975 г. свыше половины населения страны заполнили города. Вот я беру в руки советский справочник «Зарубежные страны» (М., 1957), где на странице 399 сказано: «Основой экономики является сельское хозяйство, в котором занято около 90% населения. Важнейшая сельскохозяйственная культура — рис (основной продукт питания и важнейшая статья экспорта).

«В течение 1956—1957 гг. Китайская Народная Республика безвозмездно передает Камбодже различное промышленное оборудование, строительные материалы и другие товары на общую сумму в 800 млн. камбоджийских риалов (8 млн. ф. ст.)».

Риторический вопрос: а что, американцы и их марионетки провели индустриализацию Камбоджи в начале 1970-х гг., да еще так, что население столицы Пномпеня с 350 тыс. человек в 1960 г. возросло за 15 лет до 3 млн. человек?! Увы, все наоборот. Объем промышленного производства к 1975 г. по сравнению с 1969 г. упал в восемь (!) раз, а объем сельскохозяйственного производства — в 4 раза!

Города Камбоджи были переполнены спекулянтами, чиновниками, проститутками, уголовниками и нищими. «Красные кхмеры», оказавшись в безвыходном положении, решили радикально решить все проблемы, переселив городское население в сельскую местность. «Красным кхмерам» досталась разоренная войной страна. Каждый житель страны обязан был сам добывать себе пищу. Горожан вывели не на пустое место, а в сельские кооперативы. В конце 1975 г. был получен первый послевоенный урожай, который позволил «красным кхмерам» ввести ежедневные нормы распределения риса: 250 г — для членов сельхозкоммун и 350 г — для рабочих промышленных предприятий.

В пояснительной записке к четырехлетнему плану ЦК ПКК указывалось: «Характер наших природных ресурсов благоприятен. Мы имеем 2,4 млн. гектаров рисовых земель, в то время как наше население — 7,7 млн. человек. В южном Вьетнаме 24 миллиона человек и только 3 млн.

гектаров обрабатываемых земель».

Эти меры позволили Кампучии резко увеличить экспорт. Так, только в Китай в 1976 г. было продано 150 тыс. т риса, в 1977 г. — 480 тыс. т., в 1977 г. — 7 тыс. т. каучука, а в 1978 г. его было продано уже около 20 тыс. т.

Естественно, трудиться на рисовых полях и каучуковых плантациях городским бездельникам не хотелось, и многие из них — почти 300 тыс. — бежали во Вьетнам. Среди бежавших большинство составляли торговцы и спекулянты — вьетнамцы и китайцы по национальности. Ну а кто хочет представить себе воочию эту публику, пускай сходит на московские рынки.

Москва и Ханой объявили, что Пол Пот истребил половину населения Камбоджи. Риторический вопрос: сколько сотен тысяч людей было убито или отправлено из городов в деревни в Южном Вьетнаме после 1 мая 1975 г.?

«В январе 1978 г. на севере Лаоса состоялась конфиденциальная встреча между главнокомандующим сухопутными войсками ВС СССР Григорием Павловским и министром обороны СРВ Во Нгуен Зиапом, которые обсудили положение в Кампучии и будущее "красных кхмеров". Совет Павловского вьетнамцам звучал по-военному кратко: "Сделайте Чехословакию". Советский генерал рекомендовал вьетнамским войскам сделать в Пномпене то, что советские войска сделали в Праге в 1968 году»^[128].

В конце декабря 1978 г. вьетнамская армия начала массированное вторжение в Камбоджу. 7 января 1979 г. вьетнамцы взяли Пномпень. Замечу, что столица Камбоджи расположена в 100 км от вьетнамской границы. Из камбоджийцев, бежавших во Вьетнам, было сформировано новое правительство Кампучии во главе с Хенг Самрином.

Однако война не закончилась. «Красные кхмеры» перешли к тактике партизанской войны. Лишь в сентябре 1989 г., то есть спустя 10 лет, Ханой заявил об окончательном выводе своих войск из Кампучии.

Вторжение вьетнамцев в Кампучию не могло понравиться Китаю. Думаю, вьетнамская агрессия стала не последней причиной установления 1 января 1979 г. Китаем дипломатических отношений с США.

Помимо Кампучии у КНР были и другие претензии к ДРВ. Так, в нарушение всех договоренностей с Пекином Ханой сразу после захвата Южного Вьетнама потребовал, чтобы все проживавшие там китайцы отказались от гражданства КНР. Началось грубое «выдавливание» китайцев из Южного Вьетнама. В итоге до конца 1978 г. из Вьетнама было изгнано свыше 280 тыс. человек.

В довершение ко всему Вьетнам объявил своей экономической зоной

две трети акватории Тонкинского залива (залива Бакво).

В частности, Вьетнам претендовал на острова Спратли, состоящие из более чем ста мелких островов, рифов и мелей. На островах нет постоянного населения. История островов такова: в 1933 г. они были захвачены французами, в 1941 г. их выгнали японцы. Достоинство островов — множество ценных пород рыб в его территориальных водах, а также залежи нефти и газа.

17 февраля 1979 г. китайские войска перешли границу Северного Вьетнама. В нашей студенческой компании кто-то спьяну окрестил ее Первой социалистической войной. Наступление китайцев развивалось медленно. 4 марта был захвачен город Лангоси, а оттуда по шоссе или железной дороге — 150 км до Ханоя. На следующий день во Вьетнаме была объявлена всеобщая мобилизация.

В Москве хорошо знали о планах агрессии Вьетнама в Кампучии и предвидели реакцию Пекина. В январе 1979 г. БПК «Владивосток» и эсминцы были отозваны из Индийского океана. С первых чисел января 1979 г. в Тонкинском заливе у острова Хайнань околачивался средний разведывательный корабль «Курсограф». С 23 января его стали прикрывать СКР-49 и МТЩ «Трал», а также танкер «Илим». 17 февраля к ним присоединился БПК «Василий Чапаев». После начала «Первой социалистической» китайские бомбардировщики Ил-28 несколько раз имитировали атаку наших кораблей, но применить оружие не решились.

Советское командование привело в состояние полной боевой готовности войска, стоявшие на китайской границе.

Китай был вынужден отступить. 5 марта в Пекине было заявлено о прекращении наступления и начале отвода войск с территории Вьетнама.

В итоге наша база в Камрани стала детищем «Первой социалистической войны». Замечу, что еще в 1975—1977 гг. СССР пытался заполучить базу, но получил отказ.

В начале декабря 1978 г. группа офицеров центрального аппарата ВМФ и Тихоокеанского флота во главе с контр-адмиралом В.С. Козловым, начальником Управления международного военно-технического сотрудничества ВМФ СССР, вылетела в Ханой.

После детального изучения состояния бывшей американской базы они подготовили материалы для подписания в последующем соответствующего двухстороннего соглашения о совместном использовании базы в Камрани советскими и вьетнамскими кораблями.

30 декабря 1978 г. группа подписала с вьетнамской стороной «протокол о намерениях».

2 мая 1979 г. правительства СССР и СРВ подписали соглашение о строительстве и совместном использовании в Камрани базы. В соглашении говорилось: «Советская и Вьетнамская стороны построят базу Камрань для ее совместного использования своими флотами... Соглашение... должно действовать в течение 25 лет до 2004 года и будет автоматически продлеваться каждый раз на последующие 10 лет».

В соответствии с Соглашением и межправительственным Протоколом от 4 февраля 1982 г. определялось развертывание в порту и на полуострове Камрань оперативной эскадры кораблей Тихоокеанского флота, смешанного авиуполка и пункта материально-технического обеспечения для их деятельности. Советской стороне разрешалось одновременное присутствие в Камрани 10 надводных кораблей, 8 подводных лодок с плавбазой и 6 вспомогательных военно-морских судов.

Первыми в марте 1979 г. в Камрань зашли корабли, которые «пасли» шпионское судно «Курсограф» — БПК «Василий Чапаев», СКР-46 и МТЩ «Трал».

В мае того же года в Камрань вошла атомная подводная лодка К-45 пр. 659Т. В сентябре 1979 г. зашел СКР «Летучий». Затем последовала пауза.

Очередной визитер — атомная подводная лодка К-212 пр. 670, вооруженная 8 ракетами «Аметист».

Замечу, что с 1970-х гг. в СССР и доныне в РФ слово «база» не употреблялось, а использовался термин «место базирования кораблей за рубежом». Военные базы есть только у американцев, как утверждал наш незабвенный Никита Сергеевич.

Посему наши адмиралы придумали эвфемизм — «пункт материально-технического обеспечения» — ПМТО. И вот на основании директивы штаба ТОФ № 13/1/0143 от 28 августа 1980 г. был образован 922-й пункт материально-технического обеспечения (ПМТО) на полуострове Камрань СРВ — в/ч 31350.

В апреле 1980 г. в Камрань прибыла плавмастерская ПМ-156 с 50 моряками, которые стали первым гарнизоном Камрани. В конце мая 1980 г. ПМ-156 убыла во Владивосток, а в том же месяце в Камрань зашел килектор КИЛ-23 для оснащения бухты рейдовым оборудованием и обеспечения безопасного базирования советских кораблей.

Личный состав ПМТО разместился в предоставленных вьетнамской стороной двухэтажных домиках американской постройки в районе вьетнамского бюро обслуживания в 5—6 км от пирсов.

Первым командиром нового ПМТО стал капитан 1-го ранга Чуцовский, который не смог адаптироваться в тропических условиях,

заболел и через 2 месяца был отправлен во Владивосток, где через месяц умер. В августе 1980 г. его сменил начальник зонального узла связи полковник Любимов.

Первым боевым кораблем, постоянно базировавшимся на Камрань, стал морской тральщик «Запал» пр. 266М. Он базировался в ПМТО с ноября 1980 г. по июль 1981 г. Официально в перечень задач входило: обеспечение базирования кораблей, управление кораблями и судами в зоне ответственности ПМТО и обеспечение кораблей и судов всеми видами радиосвязи и транзитов связи с КП ТОФ и ЦКП ВМФ, обеспечение приходящих кораблей и судов ВМФ всеми видами довольствия, отдых экипажей приходящих кораблей и судов, обеспечение ремонта кораблей и судов на судоремонтном заводе «Башон» в Хошимине (бывший Сайгон).

База в Камрани пригодилась уже в сентябре 1980 г. Тогда, 8 сентября, в Южно-Китайском море при выполнении очередного короткого взлета с крейсера «Минск» самолет Як-38, пилотируемый летчиком-испытателем О.Г. Конаненко, резко просел, ударился колесами об ограничительный груз, свалился в море и затонул на глубине 100 м. На поиски самолета из Камрани вышел КИЛ-23. Вскоре из Владивостока прибыла спасательная подводная лодка «Ленок» пр. 940 с батискафами и глубоководным водолазным оборудованием на борту. По прибытии она приступила к поиску самолета.

Разумеется, спасательные мероприятия не обошлись без любопытных янки. Патрульные самолеты Р-3 «Орион», базировавшиеся на Филиппинах, часами кружились возле стоявших на якорю судов и периодически сбрасывали на парашютах в воду гидроакустические буи. Наши суда вылавливали буи, а иногда и просто расстреливали из 30-мм автоматов, тренируя зенитчиков. Американцы это заметили, перестали сбрасывать буи, но слежку не прекратили — магнитометры на «Орионах» фиксировали движения подводной лодки «Ленок». Из-за этого начальство приказало вести работы только ночью. А днем личный состав демонстративно занимался покрасочными работами, ловил рыбу или загорал на палубе.

В конце концов останки Як-38 были подняты на борт КИЛ-23 и доставлены в ПМТО. В Камрани их перегрузили на БПК «Петропавловск», который доставил их в порт Владивосток.

В марте 1981 г. в соответствии с директивой штаба ТОФ была сформирована 26-я оперативная бригада кораблей и судов (ОБРКС) с базированием в бухте Камрань.

В конце марта 1981 г. отряд кораблей в составе крейсера «Адмирал Сенявин», СКР «Разящий», танкера «Ижора» и корабля снабжения «Ишим»

вышел из Владивостока и взял курс в Южно-Китайское море.

В Камрани личный состав кораблей бригады оказывал помощь 922-у ПМТО в восстановлении военной инфраструктуры, необходимой для базирования кораблей. Совместно с персоналом

922-го ПМТО была сформирована группа в 40 человек для восстановления взлетно-посадочной полосы на аэродроме, дальнего и ближнего привода, а также других объектов аэродромного оборудования.

В июне смонтировали сборно-разборный трубопровод для перекачки топлива с приходящих танкеров в береговые хранилища, оставшиеся от американцев. В береговых хранилищах, предоставленных вьетнамцами во временное пользование, накапливали запасы шкиперского и технического имущества.

В июле—августе 1981 г. Камрань посетили учебный корабль «Бородино» с курсантами Тихоокеанского высшего военно-морского училища им. Макарова, следовавшего в порт Коломбо (Шри-Ланка), ледокол «Вьюга», идущий в порт Хошимин для ремонта, корабли снабжения ТОФ, атомные подводные лодки проектов 670 и 675, а также дизельные подводные лодки пр. 641.

В сентябре 1981 г. крейсер «Адмирал Сенявин» посетил министр обороны Вьетнама генерал армии Ван Тьен Зунг с группой генералов и офицеров Генерального штаба. Делегация осталась довольна посещением крейсера.

Для восстановления базы в начале 1982 г. в Камрань прибыл военно-строительный отряд (ВСО).

Сборные щитовые модули, сантехника и электротехническое оборудование, а также мебель поступали для ВСО транспортом из Владивостока.

Капитальное строительство объектов из монолитного и сборного железобетона начал 22-й Загрантехстрой на условиях генерального подряда по линии Министерства по внешнеэкономическим связям СССР.

С 1983—1984 гг. для решения проблемы электроснабжения базы были построены полевая дизельная и газотурбинная электростанции. Однако после ввода передвижной электростанции ПАЭС-2500 номинальной мощностью 2500 кВт она выдавала лишь 1800 кВт.

В полном объеме обеспечение электроэнергией всех объектов гарнизона и судоремонтного завода было решено лишь в 1988 г., после постройки центральной дизельной электростанции мощностью 24 000 кВт.

Любопытно, что американцы в Камрань доставляли пресную воду танкерами из Сингапура или с Филиппин и перекачивали ее в береговые

расходные емкости. Естественно, тратить деньги на воду советское командование не пожелало, поэтому в Камрани начали бурить скважины и хлорировать полученную оттуда воду. Увы, насосы быстро заиливались и выходили из строя.

В конце концов наши моряки нашли небольшое озеро в 5—6 км от пирсов и установили там два насоса производительностью 300 т воды в час каждый.

«Установившийся жесткий дозированный график подачи питьевой воды для личного состава кораблей, береговых частей и жителей площадки № 5 — места временного проживания офицеров, мичманов и членов их семей, просуществовал до середины 1988 г... Так как электрический кабель и сам трубопровод представляли определенную ценность для местного контингента, находившегося в крайне бедственном положении, то весь трубопровод и линию электропитания насоса от озера до потребителей днем и ночью приходилось охранять. Эти функции возлагались на личный состав военно-строительного отряда, а с 1983 г. — боевой десантной группы (БДГ). Тем не менее, были случаи вырезки электрического кабеля и трубопровода в несколько десятков, а иногда и сотен метров»^[129].

Охрана базы осуществлялась в 1983—1989 гг. боевой десантной группой, а в 1988—1992 гг. — отдельным батальоном охраны. Замечу, что боевая десантная группа была сформирована из личного состава 1-го десантно-штурмового батальона 55-й дивизии морской пехоты ТОФ. Группа была расформирована в 1989 г.

В период с 1983 г. по 1988 г. личным составом боевой десантной группы на полуострове Камрань обнаружено и обезврежено свыше 25 тысяч взрывоопасных предметов — неразорвавшихся авиабомб, артиллерийских снарядов, шариковых бомб, различных мин производства США и Франции. Так, 155-мм снаряд был обнаружен осенью 1985 г. у центральной аллеи, ведущей на причал № 3. Снаряд был погружен на самосвал КраЗ-214, вывезен за пределы гарнизона и взорван. Саперам помогали поисковые собаки, специально обученные поиску взрывоопасных предметов.

В 1988 г. из личного состава 55-й дивизии морской пехоты ТОФ для охраны ПМТО был сформирован отдельный батальон охраны (в/ч 15310). Батальон был расформирован в 1992 г.

3 марта 1982 г. в соответствии с Соглашением между СССР и СРВ от 2 мая 1979 г. началось формирование 17-й оперативной эскадры кораблей ТОФ с базированием в порту Камрань и частично в порту Реам Народной Республики Кампучия.

Штаб 17-й оперативной эскадры прибыл в Камрань в мае 1982 г. на плавмастерской ПМ-15. Оперативная эскадра была предназначена для несения боевой службы в отведенной зоне — акватория Южно-Китайского моря, ограниченная береговой чертой, меридианом 120° восточной долготы и параллелью 2° северной широты, а также в Тихом и Индийском океанах.

Директивой Главного штаба ВМФ 1982 года определен состав эскадры:

- 38-я дивизия подводных лодок;
- 119-я бригада надводных кораблей;
- 255-й дивизион судов обеспечения;
- 300-й дивизион кораблей охраны водного района;
- 501-й отряд борьбы с подводно-диверсионными силами и средствами;

- 1073-й узел связи;
- 922-й пункт материально-технического обеспечения;
- служба радиационной безопасности;
- военно-строительный отряд;
- управление маневренного тыла.

Боевую службу в зоне 17-я оперативной эскадры несли:

- атомные подводные лодки с крылатыми ракетами проектов 675МК, 675, 670;

- атомные торпедные подводные лодки проектов 671, 671РТМ, 659Т;
- дизельные ракетные подводные лодки проекта 651 из состава 29-й дивизии подводных лодок;

- дизельные торпедные подводные лодки проекта 641 из состава 6-й эскадры подводных лодок;

- ракетные крейсера, БПК и эсминцы из состава 10-й оперативной эскадры Тихоокеанского флота;

- БПК, СКР, МРК, ракетные катера, малые противолодочные корабли, малые разведывательные корабли, базовые и рейдовые тральщики из состава Камчатской, Приморской и Сахалинской флотилий разнородных сил;

- звено артиллерийских катеров (4 единицы).

Для обеспечения выполнения задач боевой службы привлекались:

- плавбазы «Камчатский комсомолец», «Магаданский комсомолец», «Иван Вахромеев» и «Иван Кучеренко»;

- плавмастерские ПМ-5, ПМ-15, ПМ-140, ПМ-156;

- морские транспорты вооружения «Самара», «Вице-адмирал Фомин», «Вента»;

- гидрографические суда «Антарктида», «Маршал Геловани»;
- госпитальное судно «Обь»;
- танкеры «Ахтуба», «Аргунь», «Вишера», «Заветы Ильича», «Ижора», «Интернационал», «Иркут», «Печенга».
- морские буксиры МБ-18, МБ-25, МБ-105;
- спасательные буксиры СБ-28, СБ-43, СБ-36, СБ-408, СБ-521;
- торпедолов ТЛ-1302;
- пожарный катер ПЖК-8;
- несамоходное судно хранения СХ-422.

В 1980-е гг. ежегодно для обеспечения кораблей эскадры топливом, водой и продовольствием приходил танкер «Ахтуба» водоизмещением 62,6 тыс. т — самый большой танкер Тихоокеанского флота. Время нахождения его на боевой службе составляло, как правило, 8—9 месяцев. Танкер дозаправлял топливом, водой и продовольствием корабли, следующие в зону Индийского и Тихого океанов и обратно. Танкер периодически заходил в порт Сингапур для закупки продовольствия и антималярийных препаратов.

В Камрань заходили:

- авианесущий крейсер «Минск» — дважды, в 1982 и 1984 гг.;
- атомный крейсер «Фрунзе» пр. 1144.2 (с 1992 г. — «Адмирал Лазарев»);
- атомный разведывательный корабль «Урал» пр. 1941 «Титан»;
- ракетный крейсер «Червона Украина» пр. 1164 (с 1991 г. — «Варяг»);
- БПК «Адмирал Виноградов», «Адмирал Октябрьский», «Адмирал Спиридонов», «Николаев», «Таллин», «Василий Чапаев»;

И другие корабли — эсминцы, БДК, СКР.

Длительность несения боевой службы подводными лодками и надводными кораблями определялась главнокомандующим ВМФ или командующим флотом, в зависимости от района плавания, поставленных задач и условий их выполнения. Для подводных лодок и надводных кораблей 1-го и 2-го ранга 17-й эскадры — 3—4 месяца; дизельных подводных лодок — 6—8 месяцев; МРК, МПК и ракетных катеров — от 8 до 10 месяцев.

Были и исключения. Например, МПК-170 и дизельная подводная лодка Б-427 вне основного пункта базирования находились 17 месяцев, МПК-143 — 15 месяцев.

В Камрани советская строительско-монтажная организация построила арсенал с хранилищами крылатых ракет П-6, П-6М, П-500 и «Аметист»;

стенд гонки турбореактивного маршевого двигателя; стенды стыковки боевой части и стартовиков. Там же в арсенале имелись и сооружения для хранения спецзарядов, охраняемые отдельной ротой охраны.

В соответствии с соглашениями между правительствами Вьетнама и СССР к 1980 г. на аэродроме Дананг, а с декабря 1983 г. на аэродроме Камрань был развернут смешанный отряд самолетов: два Ту-95РЦ из 304-го Гвардейского ОДРАП и два Ту-142 из 310-го ОПЛАП ДЦ. Самолеты и экипажи находились там на ротационной основе до полугода.

На аэродроме Камрань 3 декабря 1983 г. произвели посадку машины 1-й и 2-й эскадрилий 169-го ОСАП.

Позже в состав 169-го отдельного смешанного авиаполка вошли:

- 1-я эскадрилья: Ту-16К-10, Ту-16К-11—26 и к ним самолеты РЭБ и заправщики, всего до 20 машин;

- 2-я эскадрилья: противолодочные самолеты Ту-142 (4 единицы), самолеты разведки и целеуказания Ту-95РЦ (4 единицы);

- 3-я эскадрилья: истребители МиГ-23МЛД (12 единиц) и МиГ-23УБ (2 единицы);

- авиагруппа: два транспортных самолета Ан-12, вертолеты Ми-14ПЛиМи-14ПС.

Штатная численность полка составляла 741 человек, в том числе 37 офицеров, 187 прапорщиков и 197 сержантов и матросов срочной службы.

К полку была приписана авиационная база со складами противолодочно-ракетного вооружения, под которую использовали оставшиеся от американцев авиационные склады.

В ноябре 1984 г. в состав 169-го ОСАП на сухогрузе «Амдерма» прибыли в разобранном виде истребители МиГ-23МЛД. Собирали их уже в базе. За время существования 169-го ОСАП произошла одна авиационная катастрофа. 13 февраля 1985 г. при выполнении полета на боевую службу из-за отказа матчасти потерпел аварию в Южно-Китайском море Ту-95РЦ. Все 9 человек экипажа погибли.

До конца января 1985 г. все самолеты МиГ-23 были собраны, опробованы и облетаны, причем без единого замечания со стороны летного состава.

«Основная задача истребителей эскадрильи состояла в организации ПВО базы Камрани. В случае начала боевых действий предусматривалось также прикрытие боевых порядков ракетноносцев Ту-16 при нанесении ими удара по американской базе Субик Бэй. На замечания наших пилотов о невозможности возврата истребителей на свой аэродром из-за нехватки топлива получен краткий, но емкий ответ: "Морская авиация на обратную

дорогу топлива не берет".

Эскадрильи приступили к плановым полетам, которые, в основном, проводились или утром до 11—12 часов, или вечером, начиная с 17 и до 18 часов. Двигатель Р-35Ф-300, установленный на МиГ-23МЛД, имел эксплуатационные ограничения по температуре наружного воздуха до 40°С, и этого ограничения старались придерживаться»^[130].

«Полеты происходили в основном над морем, вне видимости земли, так как вьетнамская сторона разрешала работать над сушей только в районе аэродрома, а все остальное — не ближе 25 км от береговой черты. Радионавигационное обеспечение полетов было крайне слабым. Наземная радиостанция ближней навигации вышла из строя практически сразу после нашего прибытия и до завершения командировки не работала. Пилоты летали по компасу и командам КП. Радиокомпас АРК-19, установленный на МиГ-23МЛД, на удалении более 20 км от аэродрома уже не работал. Кроме того, он был подвержен целому "букету" эффектов — береговому, горному, ночному, еще более снижающему его точность. К тому же нередко АРК-19 банально отказывал»^[131].

«Что же касается боеготовности и боевой подготовки, то она была на высшем уровне. Фактически ежедневно полк выполнял боевые задачи: регулярно на 12-часовую боевую службу уходили Ту-95РЦ и Ту-142 (как правило, в 6 часов утра взлет и в 6 часов вечера посадка), следившие за перемещением подводных лодок и авианосцев вероятного противника на огромной акватории южной части Тихого океана. Дабы оставаться незамеченными, экипажам подолгу приходилось совершать полеты на сверхмалых высотах (порядка 50 м). И это на многотонных махинах!

Наше подразделение (истребители МиГ-23. —А.Ш.) несло боевое дежурство постоянно — днем и по дополнительному указанию — ночью в составе четырех экипажей (два — во второй готовности и два — усиления). Самолеты вооружались двумя УР средней дальности Р-24 и парой УР ближнего боя Р-60. Чаще всего нашим летчикам приходилось "работать" по противолодочным самолетам Р-3С "Орион", которые появлялись вблизи базы каждый раз, когда в море выходили корабли 17-й эскадры. Пилотам дежурных сил ставилась задача условного перехвата и сопровождения американских самолетов, при этом обязательно следовало зафиксировать их бортовые номера. Дабы продемонстрировать, "кто в доме хозяин", летчики подходили вплотную к "Орионам" или проходили прямо перед носом у них.

Случались подъемы дежурных сил и по другим незванным гостям, в

том числе по истребителям, стартовавшим с американских авианосцев "Мидуэй", "Рейнджер". Как-то пара наших "мигов" (летчики старшие лейтенанты В. Карпов и А. Попов) вылетела даже против шестерки "фантомов". Но чаще в качестве вероятного противника выступали "томкэты" — довольно грозный противник, учитывая его дальнобойные ракеты AIM-54 "Феникс" и высокие характеристики РЛС управления оружием AN/AWG-9, по дальности в разы превосходившие характеристики наших бортовых радаров и ракет Р-24. Кроме того, наведение осуществлялось при помощи далеко не самой современной наземной РЛС П-37, которая ниже 200 м, по воспоминаниям наших летчиков, целей "не видела". Видимо, зная это, пилоты "томкэтов" условно атаковали наши истребители с высот, значительно меньших, и на дальностях, превышавших дальность обнаружения бортовой РЛС "Сапфир-23".

На небольших удалениях превосходство было за американцами. Но периодически появлялась возможность проявить свою выучку в ближнем воздушном бою, и наши летчики задавали американцам "жару"»^[132].

А теперь вновь вернемся к строительству базы. В Камрани были построены сотни сооружений как советскими строителями СМО (численностью 2400—2500 человек), так и вьетнамской 394-й военно-строительной бригадой (4500—5000 человек). Так, в декабре 1987 г. было сдано в эксплуатацию 440 зданий и сооружений на сумму 63,5 млн. рублей, а в 1988 г. — 28 зданий и сооружений на 8,15 млн. рублей, в 1989 г. — 131 здание и сооружение на сумму около 32 млн. рублей.

До конца 1991 г. произведено асфальтирование 119 км дорог, на которых были созданы противоливневые отводные каналы. Принято 7 казарм для личного состава ПМТО и экипажей подводных лодок, офицерское кафе, два общежития и гостиница для офицеров, мичманов и прапорщиков, столовая для личного состава ПМТО на 250 посадочных мест, столовая для экипажей подводных лодок на 250 посадочных мест, военно-морской госпиталь на 100 коек, стационарный склад жидкого топлива из 12 резервуаров и хранилищ (всего на 14 тыс. т), кинотеатр для личного состава ПМТО на 400 посадочных мест, 16 жилых домов на 700 квартир, здание средней школы № 183 на 120 учеников.

С 1995 по 2002 г. в гарнизоне проживало в разные годы от 600 до 700 человек. Это был тот минимум военных и гражданских специалистов, который обеспечивал нормальную жизнедеятельность гарнизона и выполнение задач, стоящих перед ПМТО.

В 1995 г. в Камрани произошло трагическое событие: 12 декабря при заходе на посадку в аэропорту Камрани погибли три из пяти истребителей

Су-27 из эскадрильи «Русские витязи», возвращавшиеся в Россию с аэрошоу в Малайзии.

С началом «перестройки» началось сворачивание базы в Камрани. 1 ноября 1991 г. 17-я эскадра ТОФ была расформирована. В ночь с 30 октября на 1 ноября 1991 г. самолетом убыла во Владивосток первая группа офицеров расформированных штаба, политотдела и подразделений эскадры. Остальная часть офицеров и мичманов убыла во Владивосток в начале ноября на госпитальном судне «Обь». Надводные корабли и подводные лодки ушли из бухты Камрань в пункты дислокации своих соединений в соответствии с планом-графиком расформирования эскадры.

В ноябре—декабре 1991 г. в бухте Камрань базировалась передислоцированная из Индийского океана 8-я эскадра ВМФ, которая в январе 1992 г. также убыла во Владивосток.

С января 1992 г. по октябрь 1993 г. в Камрани дислоцировалась 119-я отдельная бригада разнородных кораблей и судов. В октябре 1993 г. 119-я бригада была расформирована, а оставшиеся части и подразделения переподчинены командиру 922-го ПМТО.

Основная часть военных объектов (причальный фронт, портовые сооружения, складские помещения, хранилища и др.) по мере высвобождения передавались вьетнамской стороне в постоянное пользование.

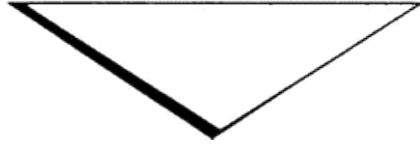
В 1998 г. Ханой напомнил Москве о том, что срок аренды Камрани истекает в 2004 г., и предложил продлить ее с ежегодной арендной платой в 300 млн. долларов. В то же время Китай и США предложили за аренду Камрани 500 млн. долларов.

Тем не менее президент РФ в 2001 г. принял решение не продлевать договор с Вьетнамом и досрочно эвакуировать корабли и береговые подразделения 922-го ПМТО.

2 мая 2002 г. в торжественной обстановке были подписаны документы о приеме-передаче базы, а затем спущены государственный флаг РФ и Андреевский флаг. Наша военно-морская база на полуострове Камрань перестала существовать.

Вечером 3 мая с аэродрома Камрань стартовал последний транспортный самолет Ил-76, увозивший оставшихся специалистов и военнослужащих вместе с председателем ликвидационной комиссии контр-адмиралом А.Н. Ивлиевым.

4 мая ушло последнее советское судно «Сахалин-9».

Глава 17.

БАЗЫ НА КУБЕ

История Кубинского кризиса 1962 г. описана в десятках книг, в том числе и у меня, и выходит за пределы темы нашего рассказа. Поэтому я лишь напомним читателю основные его события.

С начала XX века Республика Куба являлась полуколонией Соединенных Штатов. В 1933—1944 гг. и с 1952 г. островом управлял диктатор Фульхенсио Батиста. В свое время президент США Франклин Рузвельт отозвался о никарагуанском диктаторе Анастасио Сомосе: «Это — сукин сын, но это наш сукин сын». С равным успехом подобное можно сказать и о Батисте.

От прочих американских «сукиных детей» Батиста отличался лишь степенью продажности. Так, он брал «откаты» с зарубежных компаний до 50% от суммы заключенной сделки. К 1959 г. Батиста стал акционером сорока компаний. Он распустил национальный конгресс. Нетрудно догадаться, что Батиста не пользовался особенной популярностью на Кубе.

2 декабря 1956 г. с маленькой яхты «Гранма» в кубинской провинции Орьенте высадились 82 повстанца во главе с Фиделем Кастро. Этот отряд начал партизанскую войну в горах. Постепенно силы Кастро увеличивались. 21 августа 1958 г. повстанцы перешли в решительное наступление.

В ночь на 1 января 1959 г. Батиста прямо с новогоднего банкета отправился на аэродром, где его и ближайшее окружение ждали четыре пассажирских самолета. А 2 января повстанцы вступили в Гавану, приветствуемые десятками тысяч горожан. Батиста же бежал в Испанию к диктатору Франко, где и скончался в 1973 г.

К 1959 г. Фиделя Кастро можно было назвать революционером, националистом, честолюбивым политиком, но никак не коммунистом. Коммунистом его сделали госдепартамент и ЦРУ. Естественно, национализация ряда американских предприятий и земельная реформа с передачей крестьянам земель плантаторов не могли понравиться Вашингтону.

Экономическая блокада Кубы заставила Кастро начать торговлю с СССР и другими социалистическими странами. На Кубу было доставлено некоторое количество устаревшей советской техники. Но и ее хватило,

чтобы кубинцы 17—18 апреля 1961 г. начали разгром американских наемников, высадившихся в заливе Кочинос. Причем атаку «гусанос» возглавил сам Фидель, находившийся в головном танке Т-34/85. Любопытно, что у наемников было 5 американских танков, а у кубинцев — два танка Т-34/83 и одна самоходка Су-100.

Естественно, янки не унялись и начали готовить новое вторжение на Кубу, получившее кодовое название «Мангуст». В отличие от первого вторжения под названием «Плутон», в операции «Мангуст» должны были принять участие регулярные войска США.

Советское правительство понимало, что Кеннеди не оставит Кубу в покое. Чем же помочь далекому острову? И Хрущев решил поставить на Кубу ракеты средней дальности Р-12 и Р-14.

Многие наши историки сейчас считают доставку ракет на Кубу авантюрой. Говорят, что де Хрущев не учел менталитета американцев, привыкших жить в безопасности и считать все государства Западного полушария своими колониями. А как быть с менталитетом русских? Ведь ввод в Турцию войск любой европейской державы еще в XVIII веке стал бы «casus belli» для России, причем и тогда, когда еще никаких Соединенных Штатов и в помине не было.

А тут американцы нагло высадили в Турции свои войска — пехоту, авиацию, части ПВО, а затем и 30 баллистических ракет средней дальности «Юпитер». С турецкой территории ракеты доставали до Москвы. При этом в отличие от Кубы, которой янки угрожали вторжением, СССР никогда и не заикался о захвате Турции, смене там режима и т.д.

Советский Генштаб разработал план операции «Анадырь» по размещению ракет на Кубе. Сама операция была закодирована под стратегическое учение с перебазированием войск и военной техники морем в различные районы Советского Союза. К обеспечению операции подключалось Министерство морского флота СССР. По предварительным расчетам военных экспертов, для осуществления плана переброски ракет необходимо было четыре месяца. Общая численность группы войск должна была составить 44 тыс. человек. Для перевозки личного состава с оружием и военной техникой требовалось не менее 70 морских судов. Министерство морского флота СССР для выполнения запланированных торговых рейсов было вынуждено зафрахтовать суда некоторых иностранных государств. Реально в перевозках войск, боевой техники и вооружения приняли участие 85 судов, которые совершили 180 рейсов на Кубу и обратно.

Специально для операции «Анадырь» в середине апреля 1962 г. была сформирована 51-я ракетная дивизия под командованием генерал-майора

И.Д. Стаценко. Дивизия имела особый штат, в ее состав входило пять полков. Из них три полка имели по 8 пусковых установок ракет Р-12 и два полка — по 8 пусковых установок ракет Р-14. Всего на Кубу должны были поставить 36 ракет Р-12 и 24 ракеты Р-14.

В радиусе досягаемости ракет Р-12 оказалось около трети американской территории от Филадельфии через Сент-Луис и Оклахома-сити до мексиканской границы. Ракеты Р-14 могли поразить всю территорию США и часть канадской территории.

Сухопутные войска в операции «Анадырь» были представлены специально сформированными 302-м, 314-м, 400-м и 496-м отдельными мотострелковыми полками, каждый из которых по своему составу фактически представлял мотострелковую бригаду. В состав этих полков входили: 3 мотострелковых батальона, 1 танковый батальон, 1 ракетный дивизион в составе трех пусковых установок 2П16 комплекса «Луна», одна батарея ПТУРС в составе 10 машин, одна батарея САУ-85 в составе 10 орудий, одна батарея 57-мм пушек в составе шести стволов и одна зенитно-пулеметная рота в составе десяти ДШК. Численный состав каждого полка составлял 4000 человек. Каждому полку было выдано по две ядерные боевые части.

Эти полки имели задачу прикрывать советские ракетные и другие технические части и быть готовыми оказать помощь кубинцам в уничтожении морских и воздушных десантов противника.

Советские войска противовоздушной обороны состояли из 11-й зенитно-ракетной дивизии ПВО, включавшей 16-й, 276-й и 500-й зенитно-ракетные полки по четыре дивизиона в каждом и отдельную подвижную ракетно-техническую базу; 10-ю зенитную дивизию ПВО, включавшую 294-й, 318-й и 466-й зенитно-ракетные полки по четыре дивизиона в каждом и отдельную подвижную ракетно-техническую базу; 32-й истребительный авиационный полк (40 самолетов МиГ-21).

Военно-воздушные силы представляли 134-я отдельная авиационная эскадрилья (11 самолетов); 437-й отдельный вертолетный полк (33 вертолета Ми-4); 561 и 584-й полки фронтовых крылатых ракет ФКР-1 (по 8 пусковых установок в каждом полку). Всего на Кубу было доставлено 80 ядерных боевых частей ракет ФКР-1.

От ВМФ в операции «Анадырь» должны были участвовать эскадра подводных лодок, состоявшая из 18-й дивизии (7 подводных лодок) и 211-й бригады (4 подводные лодки) и 2 плавбаз; эскадра надводных кораблей, состоявшая из 2 крейсеров, 2 ракетных и 2 артиллерийских эсминцев; бригада ракетных катеров (12 единиц); отдельный подвижной береговой

ракетный полк (8 пусковых установок типа «Сопка» противокорабельной системы); минноторпедный авиационный полк (33 самолета Ил-28); отряд судов обеспечения (танкеров — 2, сухогрузов — 2, плавмастерская — 1).

Для перевозки 51-й дивизии на Кубу было предназначено 36 торговых судов. Первый пароход «Омск» с шестью ракетами Р-12 прибыл 9 сентября 1962 г. в порт Касильда. Всего в период с 9 сентября по 22 октября 1962 г. на Кубу прибыло и разгружено 24 судна с 42 ракетами Р-12, из которых 6 было учебных, а также 36 ядерных боеголовок. Из личного состава дивизии на Кубу прибыло 1404 офицера, 6462 солдат и сержантов и 90 служащих Советской армии. Итого 7965 человек.

Выгрузка ракет в портах Мариэль и Касильда велась только в темное время суток. Ракеты и крупногабаритная техника перевозились только в период с 0 часов до 5 часов утра. Личный состав, участвовавший в перевозке, был переодет в кубинскую форму.

Ракеты Р-14 на Кубу доставлены не были в связи с началом 22 октября 1962 г. американской блокады острова. Все 60 ядерных боеголовок, как ракет Р-12, так и ракет Р-14, были доставлены на Кубу 4 октября на теплоходе «Индиго».

За 48 суток с момента прибыли (то есть 27 октября 1962 г.) 51-я дивизия была готова к пуску ракет с 24-х стартов. Время подготовки ракет к пуску составило от 16 до 10 часов в зависимости от времени доставки головных частей ракет, которые хранились отдельно.

22 октября президент Кеннеди выступил по телевидению с предельно драматизированной речью, которые ему так удавались. Он подтвердил присутствие ракет на Кубе и объявил военно-морскую блокаду в виде карантинной зоны в 500 морских миль (915 км) вокруг берегов Кубы, предупредив, что вооруженные силы были «готовы к любому развитию событий», и осудив Советский Союз за «секретность и введение в заблуждение». Кеннеди отметил, что любой ракетный запуск с территории Кубы в сторону любого из американских союзников в Западном полушарии будет расценен как акт войны против США. Замечу, что подобная блокада была беспрецедентным нарушением международного и военно-морского права.

24 октября в 10 часов утра 180 кораблей ВМС США окружили Кубу с приказом ни в коем случае не открывать огонь по советским судам без личного приказа президента. К этому времени на Кубу шли 30 кораблей, в том числе «Александровск» с грузом ядерных боеголовок и 4 корабля, везущие ракеты для двух дивизионов баллистических ракет средней дальности.

Историки уже полвека спорят, как развивались бы события, если бы СССР располагал мощным надводным флотом.

Увы, благодаря мудрой политике дорогого Никиты Сергеевича, который еще в 1959 г. публично заявил, что «крупные надводные корабли хороши лишь для государственных визитов», у нас просто нечего было послать к берегам Кубы. И за неимением лучшего послали к берегам «Острова свободы» четыре дизельные подводные лодки пр. 641, три из которых американцы заставили всплыть.

В конце концов 27 октября 1962 г. Кеннеди и Хрущев пришли к компромиссу, который позволил избежать ядерной войны. 28 октября 1962 г. министр обороны издал директиву за № 76665, в которой приказал демонтировать стартовые позиции ракет, а 51-ю дивизию в полном составе передислоцировать в Советский Союз. Со 2 по 11 ноября все ракеты, а с 4 по 6 декабря и бомбардировщики Ил-28, были вывезены с Кубы. Личный состав дивизии в количестве 7005 человек и техника в количестве 2041 единицы были отправлены в СССР с 1 по 12 декабря на 24 транспортах. В другой директиве, за № 76676 от 1 ноября 1962 г., министр обороны дал указание передать в ГСВК^[133] и оставить на острове из состава частей РВСН^[134] 14 офицеров, 937 солдат и сержантов, 402 автомашины, 18 радиостанций и ряд вспомогательных подразделений. Вскоре поступило распоряжение: в течение 3—10 месяцев передать кубинской стороне оружие и технику сухопутных войск, ПВО, ВМФ и ВВС. Среди них были самолеты МиГ-21, МиГ-15ути, Як-12 и Ан-2; вертолеты Ми-4; ракетные катера типа «Комар» (проект 183р) и т.д.

Замечу, что баллистические ракеты Р-12 и Р-14, возвращенные с Кубы, были в СССР испытаны методом пуска. Все старты прошли нормально.

На Кубе же была оставлена советская «учебная бригада» численностью 11 тыс. человек.

В ответ США обязались не нападать на Кубу. Кроме того, Кеннеди пообещал Хрущеву вывести ракеты средней дальности из Европы, но просил помочь ему «сохранить лицо», то есть не упоминать об этом обещании публично. Никита решил пощадить самолюбие американского президента. А Кеннеди сдержал слово, и в 1963 г. все ракеты «Тор» и «Юпитер» были выведены с территорий Турции, Италии и Великобритании. Их доставили на склады в США, где «Торы» хранились до 1974 г., а «Юпитеры» — до 1975 г.

26 августа 1970 г. разведывательный самолет «Локхид» U-2 сфотографировал на кубинском острове Кайо-Алькатрас какое-то

подозрительное строительство (новый причал и бараки), которого 11 дней назад не наблюдалось. В это время к острову двигалась эскадра ВМФ СССР, в составе которой была плавбаза того класса, который обычно использовался для обслуживания атомных подводных лодок. Как было официально объявлено, отряд кораблей под командованием контр-адмирала Н.В. Соловьева следовал для отдыха в порт Сьенфуэгос.

9 сентября советская флотилия вошла в порт Сьенфуэгос. В составе флотилии насчитывалось 7 боевых и вспомогательных судов: плавбаза подводных лодок, ракетный крейсер, эсминец, океанский спасательный буксир, спасательное судно, танкер и БДК пр. 1171, который нес две баржи специального назначения, видимо, предназначавшиеся для обслуживания атомных подводных лодок.

С 9 сентября 1970 г. американские самолеты U-2 стали постоянно следить за советской деятельностью на Кубе. Но при их появлении немедленно взлетали кубинские истребители. 16 сентября аэрофотосъемка показала, что строительство в гавани в Сьенфуэгосе идет полным ходом, плавбаза была поставлена на якорь к четырем бакенам в глубоководном бассейне, и подводные сети были натянуты поперек гавани. Большой комплекс барачных, административных зданий и средств обслуживания отдыха был почти закончен на острове Кайо-Алькатрас.

18 сентября информация о строительстве советской базы в Сьенфуэгосе и прибытии туда для обслуживания подводных лодок плавбазы была доведена до президента Никсона. Госсекретарь Киссинджер заявил Никсону, что присутствие советской плавбазы, способной обслуживать новые атомные ракетные подводные лодки проекта 667А с шестнадцатью баллистическими ракетами, которые недавно начали патрулировать в Северной Атлантике, увеличивали стратегические возможности СССР в противостоянии с США.

После снятия Хрущева с середины 1960-х гг., в правительстве и Министерстве обороны СССР стал разрабатываться план создания на Кубе военно-морской базы. При этом было решено действовать крайне осторожно, чтобы не нарушить договоренностей 1962 г.

Замечу, что здесь действительно была «деликатная ситуация! С одной стороны, в 1962 г. СССР обязался не размещать на острове наступательное оружие или его компоненты, а новейшие корабли как раз и являлись носителями подобного вооружения.

Ну а с другой стороны, госдепартамент и Минобороны США принципиально отказывались объявить о наличии или отсутствии ядерных боеприпасов на борту своих кораблей. Соответственно, их корабли как

заходили с ядерным оружием в порты союзных и нейтральных государств, так заходят и сейчас. Только в 1970— 1971 гг. американские корабли пять раз заходили в Балтийское море (10 единиц), 6 раз — в Черном море (15 единиц) и 48 раз — в Японское и Берингово моря (112 единиц).

Первый поход эскадры наших кораблей на Кубу был осуществлен летом 1969 г. В нем приняли участие корабли трех флотов: Черноморского (ракетный крейсер «Грозный», БПК «Сообразительный», БРК «Бедовый», танкер «Карл Маркс»), Северного (плавбаза «Тобол», две дизельные подводные лодки пр. 641 Б-400 и Б-413, кроме того, с отрядом действовали ПЛАРК пр. 670 и АПЛ пр. 627А К-159) и Балтийского (танкер «Лена»).

В Атлантике отряды встретились и пошли вдоль американского побережья до Канады и обратно. В Мексиканский залив дизельные подводные лодки проникли скрытно, через Флоридский пролив они шли, одна под плавбазой, а вторая под крейсером.

После того как наши корабли встали на якорях в самой середине Мексиканского залива, вокруг них появились десятки самолетов, вертолетов и кораблей американского флота и береговой охраны.

Ну а 20 июля 1969 г. В 10 часов утра отряд в составе: РКР «Грозный», БПК «Сообразительный», БРК «Бедовый», плавбаза «Тобол», подводные лодки пр. 641 Б-400, Б-413 и танкер «Лена» вошли в порт Гавана.

У входа в порт осталась АПЛ К-159 пр. 627А.

Ну а сотни тысяч кубинцев вышли встречать советские корабли. С визитами на кораблях побывали высшие должностные лица страны: премьер-министр Фидель Кастро, президент Освальдо Дортикос, министр ВС Рауль Кастро Рус (он побывал на подводной лодке Б-400), командующий ВМС Альдо Санта-Мария. За время визита кроме различных мероприятий было проведено и совместное учение кубинского флота и советских кораблей с выходом в море.

Присутствие современных судов, способных нести ядерное оружие на своем борту, в Карибском море и их посещение кубинского порта стало первым шагом к открытию этих вод для советского ВМФ после кризиса 1962 г. Никакого резкого ответа от американцев не последовало. Отряд, выполнив поставленную задачу, 27 июля покинул Гавану и продолжил свой поход, посетив при этом порты Форде-Франс (о. Мартиника), Бриджтаун (о. Барбадос) и Конакри (Гвинея).

В ноябре 1969 г. Кубу с визитом посетил министр обороны СССР А.А. Гречко. По иностранным данным, решение построить постоянную военноморскую базу было принято уже в ноябре 1969 г.

В апреле 1970 г. группа моряков во главе с главным штурманом ВМФ

А.Н. Мотроховым на гидрографическом судне «Айтодор» обошла Кубу в поисках удобного места для стоянки подводных лодок. Такое место выбрали в районе порта Сьенфуэгос в провинции Лас-Вильяс на карибском побережье. По дипломатическим каналам в 1970 г. была достигнута договоренность о заходах советских кораблей в порты Кубы.

Территория Кубы была использована в ходе маневров «Океан-70», беспрецедентных по своим масштабам в истории царского и советского флотов. И это не дежурная пропагандистская фраза. Всего в открытом море и трех океанах было развернуто 84 боевых надводных корабля, 80 подводных лодок, в том числе 15 атомных, а также 45 вспомогательных судов. В маневрах участвовало более 20 полков морской авиации и два полка морской пехоты. ВВС поддерживали флот восемью полками дальней авиации и тринадцатью истребительными авиаполками. Маневры «Океан-70» проходили с 14 апреля по 5 мая 1970 г. Проведение их было не случайным — вся страна в этот период отмечала столетие со дня рождения В.И. Ленина.

После завершения маневров «Океан-70» отряд кораблей под командованием контр-адмирала Я.М. Куделькина, участвовавший в учении, с 14 по 27 мая посетил кубинские порты Гавана и Сьенфуэгос. В состав отряда входили БПК «Вице-адмирал Дрозд», эсминец «Гремящий», плавбаза, танкер и подводные лодки Северного флота: две дизельные пр. 641 (в том числе Б-413) и атомная пр. 675 К-135. Официально было объявлено, что визит был сделан с целью пополнения запасов топлива, продовольствия и выполнения ремонтных работ.

Американцы с самого начала вели слежение за советским отрядом. Так, 10 мая американский эсминец DIG-28 вышел в море для перехвата советского отряда из 6 судов. Ночью он обнаружил БПК «Вице-адмирал Дрозд» и эсминец «Гремящий», а на следующий день — и остальные корабли отряда, а также обе подводные лодки, танкер и плавбазу, которые соединились с первыми двумя кораблями. DIG-28 сопровождал отряд советских кораблей до их входа в Сьенфуэгос 14 мая.

Это было первое посещение кубинского порта атомной подводной лодкой. При этом на борту К-135 находилось 8 крылатых ракет П-6 с ядерными боевыми частями. Дальность ракет около 350 км^[135] позволяла поразить южную часть полуострова Флорида, включая город Майами. Это могло трактоваться и как нарушение договоренностей 1962 г., но, с другой стороны, там ничего не говорилось о нахождении наших кораблей вблизи американских берегов.

25 сентября 1970 г. госсекретарь Генри Киссинджер на пресс-

конференции заявил, что правительство США смотрит на нахождение плавбазы в Карибском море с предельной серьезностью и требует удаления с Кубы всех компонентов наступательного оружия.

В ответ посол в США Анатолий Добрынин 27 сентября заявил, что нарушений соглашения 1962 г. не было, так как никакое наступательное оружие не было установлено в Сьенфуэгосе.

На следующей встрече с Киссинджером, состоявшейся 5 октября, Добрынин вновь подтвердил законность соглашения 1962 г., и заявил, что он готов от имени своего правительства подтвердить, что подводные лодки с баллистическими ракетами никогда не будут базироваться на порты Кубы. Киссинджер ответил, что если СССР немедленно выведет свою плавбазу, то США будут рассматривать все случившееся как обычную боевую учебу.

9 октября Киссинджер передал Добрынину заявление от президента Никсона, приветствовавшего советские гарантии, но предлагавшего американскую интерпретацию договора 1962 г. Так, по их версии, СССР не должен устанавливать и использовать на Кубе средства для базирования или ремонта советских военно-морских кораблей, способных нести наступательное оружие, то есть подводные лодки или надводные суда, вооруженные ядерными ракетами класса «земля—земля». Примечание имело список из пяти определенных действий, которое американское правительство сочло бы нарушением соглашения 1962 г. Добрынин выступил с возражениями против расширения толкований соглашения, ущемляющих советские интересы.

Тем не менее 10 октября 1970 г. плавбаза и спасательный буксир покинули Кайо-Алькатрас. 13 октября агентство печати ТАСС опубликовало заявление с опровержением публикаций в западной печати о строительстве Советским Союзом на Кубе постоянной базы для атомных подводных лодок. Американские источники подтвердили, что плавбаза оставила Сьенфуэгос. Министр иностранных дел А.А. Громыко на встрече с Никсоном 22 октября подтвердил действие соглашения 1962 г.

Фотографии, доставленные самолетами-разведчиками U-2, показали приостановку, а позже и прекращение строительства базы. 23 октября американская администрация посчитала, что кризис закончился, после того как Вашингтон получил гарантии от СССР, что строительство было приостановлено и что советская плавбаза покинула Сьенфуэгос. ООН не вмешивалась в этот кризис. Но, как показали дальнейшие события, до конца было еще далеко.

7 ноября в районе Сьенфуэгос вновь появилась советская плавбаза — она попросту обошла Остров свободы и вернулась на место. В начале

декабря 1970 г. центральные советские газеты сообщили о том, что в декабре 1970 г. отряд кораблей в составе БПК, подводной лодки и танкера посетит Кубу с деловым визитом. Реакция США была однозначной: «Продолжение пребывания в кубинских портах атомных подлодок будет означать самое тяжелое осложнение советско-американских отношений».

Плавбаза покинула Кубу 31 января 1971 г. А уже 14 февраля 1971 г. ее заменила другая плавбаза. На Кубу прибыл очередной отряд советских кораблей. С 9 по 25 февраля 1971 г. отряд кораблей, совершавший учебное плавание в Центральной Атлантике, в составе БПК «Вице-адмирал Дрозд», торпедной атомной подводной лодки пр. 627А, плавбазы и танкера в соответствии с договором осуществил заход на Кубу в Сьенфуэгос.

16 февраля 1971 г. американские эсминцы DD-937, DD-835 и DER-390 вышли из Гуантанамо, чтобы контролировать и идентифицировать советские корабли, пришедшие в Сьенфуэгос. В марте эсминец DD-937 был сменен эсминцем DD-944, который продолжил слежение за советскими судами.

8 госдепартаменте США заявили протест по поводу захода на Кубу плавбазы и атомной подводной лодки. Замечу, что янки лукавили. Им не было страшно пребывание атомных подводных лодок, что с крылатыми, что с баллистическими ракетами, на Кубе. И те и другие могли быть легко уничтожены тактической авиацией США, базировавшейся во Флориде или других частях США. Мало того, баллистические ракеты подводных лодок на тот период вообще не имели надводного старта, а только подводный. То есть они вообще не могли быть запущены из пункта базирования.

Американцев не устраивало совсем другое. Наши атомные подводные лодки, уходя на Север для отдыха экипажей, приема топлива, продуктов питания, мелкий ремонт и т.д., тратили много времени и изнашивали механизмы. Базируясь на Кубе, наши субмарины могли существенно увеличить время патрулирования у американских берегов и, соответственно, увеличивалось число лодок, готовых к пуску ракет по территории США.

22 февраля 1971 г. госсекретарь Киссинджер заявил послу Добрынину: «Пребывание на протяжении 125 из последних 166 дней советских плавучих баз для атомных подлодок не соответствует договоренностям 1962 года». База и подлодка опять покидают берега Кубы. А в мае 1971 г. плавбаза и атомная ракетная подводная лодка опять вернулись на Кубу. Как сообщалось, отряд кораблей в составе подводной лодки и вспомогательного судна, совершавший учебное плавание в Центральной Атлантике, в соответствии с договором посетил Кубу для пополнения запасов и отдыха

экипажа. Подводная лодка была ракетной проекта 675 с крылатыми ракетами. Лодка посетила Сьенфуэгос, что не вызвало никакой реакции у американского правительства. После этого плавбазы для советских атомных подводных лодок, изрядно потрепав нервы американцам, в Кайо-Алькатрас не появлялись.

Ну а надводные корабли по-прежнему посещали порты Кубы. Так, с 31 октября по 9 ноября 1971 г. отряд кораблей под командованием контр-адмирала Н.В. Соловьева, совершавший плавание в Атлантике, зашел в официальный визит в порт Гавана. В отряд входили БПК «Севастополь» и «Смышленный», подводная лодка пр. 641 Б-435 и танкер.

Продолжалось расширение советского военно-морского присутствия на кубинской территории. Так, в 1972 г. вертолетные экипажи корабельного противолодочного полка ВМС Северного флота проводили воздушную разведку в районе военно-морской базы Сьенфуэгос. Весной 1972 г. очередная ракетная атомная подводная лодка пр. 675 К-1 Северного флота в составе отряда кораблей под общим командованием капитана 1-го ранга А.М. Калинина совершила визит в порт Сьенфуэгос. В составе отряда были также БПК «Севастополь» и эсминец «Скромный».

В мае 1972 г. дизельная подводная лодка пр. 629А с тремя баллистическими ракетами Д-21 на пять дней зашла в тихую гавань в Баия-де-Нипе (Bahia de Nipe) на атлантическом побережье Кубы.

После того как советская лодка оставила гавань, американские эсминцы установили с ней акустический контакт и следовали за подлодкой в течение трех дней. За это время лодка несколько раз пыталась оторваться от преследования, но американские эсминцы, направляемые самолетами ПЛО Р-3 «Орион», действующими с авиабазы в Ки-Уэсте (Флорида), устойчиво поддерживали контакт. Никакого официального заявления правительством США сделано не было.

К этому времени у дизельных лодок пр. 629А особых шансов на успех в обстреле территории США не было, посему янки и проигнорировали этот визит. А позже подобные лодки перевели на Балтику, где они под защитой советской ПВО могли успешно наносить удары по объектам в Западной Европе.

Вскоре вопрос о базировании на Кубе наших атомных подводных лодок с баллистическими ракетами отпал сам собой с увеличением дальности стрельбы наших ракет. Районы патрулирования наших лодок определялись не у берегов США, а у берегов СССР. В конце концов наши ракеты получили надводный старт, то есть их можно было запускать прямо от пирсов ВМБ на Кольском полуострове, и они могли поражать цели в

США.

В 1970—1990-х гг. наши корабли 29 раз совершали походы на Кубу с заходами в Гавану и Сьенфуэгос. Отрабатывались действия в Мексиканском заливе. Почти в половине всех походов в составе отрядов действовали одна-две подводные лодки. Средняя продолжительность пребывания в Карибском бассейне составляла 40 суток, самым длительным был поход в 91 сутки.

Отдельно стоит рассказать о базировании на Кубе советских морских разведывательных самолетов Ту-95РЦ. Говоря о советских зарубежных базах, я постоянно упоминаю об этих машинах. Так что же они представляют собой? В начале 1960-х гг. на вооружение наших кораблей принимаются крылатые ракеты П-35, а подводных лодок — П-36. Обе ракеты мало отличались друг от друга, а их дальность составляла около 350 км. Для обнаружения целей этих ракет, а также для наведения ракет использовались самолеты и космические аппараты.

На базе бомбардировщика Ту-95 были созданы самолеты Ту-95РЦ (РЦ — разведка и целеуказание). Работы над Ту-95РЦ начались в соответствии с постановлением Совета министров СССР от 21 июля 1959 г.

В процессе доработок самолета с Ту-95 сняли бортовую РЛС «Рубидий-ММ» и заменили ее ретранслятором бортовой системы целеуказания, створки грузового отсека зашили и использовали для размещения аппаратуры «Успех», под отсеком установили антенну РЛС, закрытую громадным обтекателем. Поскольку с самолета сняли все плановые аэрофотоаппараты, отпала надобность в отсеке для осветительных бомб. Это место занял обтекатель станции радиотехнической разведки «Квадрат-2», внутри отсека разместились ее блоки.

Новый разведывательный комплекс Постановлением Совмина СССР от 30 мая 1966 г. поступил на вооружение.

Первый самолет Ту-95РЦ поступил в 392-й отдельный дальнеразведывательный авиационный полк (ОДРАП) авиации Северного флота 5 ноября 1964 г. К началу 1965 г. на Ту-95РЦ к самостоятельным полетам приступили два экипажа. К сентябрю 1966 г. в полку находились десять Ту-95РЦ и такое же количество подготовленных экипажей. Уже в августе 1966 г. они обеспечивали одновременное целеуказание трем ракетным подводным лодкам в Баренцевом море.

В 1963—1969 гг. промышленность изготовила 53 самолета Ту-95РЦ.

В ходе учений «Океан» в апреле 1970 г. на Кубу перелетели два Ту-95РЦ из 392-го ОДРАП, базировавшиеся на аэродром Кипелово

(Вологда-18).

С тех пор Ту-95РЦ постоянно базировались на Острове свободы. Ежегодно с аэродромов Оленья или Кипелово на Кубу они совершали 25—30 полетов. Время перелета из Оленьей до аэродром Хосе Марти — 15,5 часов, с Кипелово — немного больше.

Базируясь на Кубе, наши летчики вели разведку над всей Центральной и Западной Атлантикой. Так, например, благодаря базированию самолетов Ту-95РЦ на Кубе стало возможным обнаружение в Западной Атлантике двух авианосных ударных групп, совершающих переход от берегов Америки в район Норвежского моря для участия в учениях НАТО «Стронг Экспресс». За обеими группами в течение двух суток вели наблюдение самолеты Ту-95 РЦ, вылетавшие с аэродромов Кубы, а затем его продолжили самолеты-разведчики авиации Северного флота с базовых аэродромов. Это внушало уверенность, что в случае чрезвычайных обстоятельств выдвижение авианосцев к нашим границам незамеченным не пройдет.

В августе 1976 г. при перелете из Гаваны в Оленью над Атлантикой потерпел аварию Ту-95РЦ. Погибло 12 человек.

В феврале 1977 г. на замену других экипажей на аэродром Сан-Антонио в 40 км от Гаваны прибыла пара Ту-95РЦ, которыми командовали майоры Н.Г. Федотов и Г.Н. Симачев. В это время на Кубу прибыл с визитом Главнокомандующий ВМФ СССР адмирал С.Г. Горшков и командующий авиацией ВМФ генерал-полковник А.А. Мироненко. Главком ВМФ приказал командующему авиацией ВМФ продемонстрировать Фиделю Кастро возможности Ту-95РЦ, выполнявших вылеты на поиск боевых кораблей вероятного противника вдоль восточного побережья США, в Бермудский треугольник, в Центральную и Западную Атлантику.

В это время из района боевого патрулирования в Средиземном море возвращалась авианосная многоцелевая группа в составе шести надводных боевых кораблей США с флагманом — многоцелевым авианосцем «Саратога». Нашим экипажам было приказано произвести вылет на поиск и обнаружение авианосного соединения с выполнением аэрофотосъемки авианосца.

«На самолете Ту-95рц в качестве штатного оборудования имелся перспективный фотоаппарат АФА-42/100 и два ручных фотоаппарата АФА-39, по одному на переднюю и заднюю кабины.

Принято решение для обеспечения скрытности взлет с аэродрома Сан-Антонио и полет по маршруту производить с 2минутным интервалом, в

режиме радиомолчания, после набора первоначального эшелона полета набор высоты производить по сигнальной ракете с борта ведущего самолета, включение радиотехнических средств свести к минимуму. Это должно было позволить скрытно подойти к району поиска и не допустить уход из ордера самого авианосца. Такой прием американские флотоводцы предпринимали уже не раз, когда хотели избежать выявления и фотографирования самого авианосца. В случае угрозы обнаружения, иногда авианосец уходил в сторону от основного ордера, иногда скрывался под грозовой облачностью...

Занимаем высоту 300 метров, ведомый экипаж — 600 метров. Вся авианосная группировка, в составе авианосца и шести кораблей охранения, следует курсом на запад. Издалека четко выделяется мощный корпус "Саратоги". Строим маневр с таким расчетом, чтобы пройти вдоль его борта на расстоянии не ближе 1,5 километра. В это же время сопровождающий нас "Фантом" строит свой маневр возле открытого лючка фотоаппарата на левом борту нашего самолета так, чтобы своим фюзеляжем закрыть авианосец и помешать фотосъемке. Еще 15 минут назад широко нам улыбался, а теперь вот опасно маневрирует, пытается сорвать нам выполнение задания. У нас своя задача, у него своя...

Подходим ближе к авианосцу. На палубной надстройке четко просматривается цифра 60, а на полетной палубе расположились самолеты — их не более 15 штук, остальные, видимо, спрятаны внизу, под палубой. Хорошо видно, как рядом с авианосцем по курсу его хода на высоте около 100 метров летит вертолет.

Навожу визир фотоаппарата на середину борта, и как только появился нос авианосца — нажимаю кнопку "Пуск". Слышен характерный звук включения аппарата и мигает зеленая лампочка перемотки. Фотосъемка закончена, докладываю командиру. Но нет уверенности, что сопровождавший нас "Фантом" не помешал ей. Для дублирования снимка строим повторный заход, но уже с другого борта авианосца...

Главком ВМФ СССР Горшков отдал приказание после посадки, по результатам аэрофоторазведки АМГ с флагманом "Саратога", сделать для Фиделя Кастро памятный альбом...

На следующее утро на виллу приехал сам командующий авиацией ВМФ генерал-полковник Мироненко, посмотрел альбом и увез его на встречу Горшкова С.Г. с Фиделем Кастро. Уже после этой встречи, встретившись еще раз с нами, он сообщил, что, посмотрев очень внимательно альбом, Фидель Кастро сказал: "Я знал, что на Кубе садятся советские самолеты и что они выполняют какие-то свои задачи. Но теперь

я сам лично вижу, что они как никто напрямую имеют контакт с нашим вероятным противником. Такими летчиками надо гордиться"»^[136].

Наши Ту-95РЦ в Атлантике постоянно сопровождали корабли США и Англии, за что получили у них прозвище «Восточный экспресс». В свою очередь истребители НАТО сближались с нашими самолетами, и в западной прессе появились снимки, где истребители НАТО находились в нескольких метрах от наших Ту-95РЦ.

Наши Ту-95РЦ в два с лишним раза по скорости уступали истребителям 1970—1980-х гг. и были достаточно уязвимы. Единственным средством защиты наших воздушных кораблей были бортовые средства радиопротиводействия, а также огонь 23-мм пушек. Замечу, что кормовые установки Ту-95РЦ стреляли ПИКС — снарядами инфракрасными ловушками, а верхняя и нижняя установки ПРЛС — снарядами радиолокационными ловушками, выбрасывавшими металлическую фольгу.

Ну а если бы вражеский истребитель подлетел ближе 2000 м к нашим разведчикам, то в его фюзеляже наверняка появились бы отверстия диаметром 23 мм.

В 1990 г. полеты Ту-95РЦ прекратились. Ну а в 2000—2002 гг. все Ту-95РЦ пошли на лом. После списания самолетов Ту-95РЦ, Ту-16Р, Ту-16РМ-1, Ту-16РМ-2 флот и морская авиация остались без разведывательных самолетов, не считая тактических разведчиков Су-24МР. Остров свободы представлял собой идеальное место для размещения технических устройств слежения за США. Уже в ноябре 1963 г. на Кубе был создан центр радиотехнической разведки под названием «Тростник». Первыми задачами центра стало освоение новых технических средств слежения за испытаниями американских баллистических ракет морского базирования «Посейдон» с разделяющимися головными частями и обеспечение постоянного контроля за состоянием и деятельностью средств стратегического нападения США.

«На смену первому поколению станций радиоперехвата приходили новые, переоснащалась группа и спутниковой радиотелефонной связью с Москвой. Была развернута еще одна рота радиоперехвата, созданы условия для привлечения к работе в качестве операторов жен офицеров...

В группе "Тростник" был развернут новый пеленгатор, антенное поле, построено два технических здания по 380 кв. метров каждое.

Удалось решить проблему электропитания, снабдив отделы своими резервными дизелями»^[137].

По оценке Рауля Кастро, Центр радиоэлектронной разведки

обеспечивал России поступление до 70% всей разведывательной информации по Соединенным Штатам. Центр в Лурдесе был настоящим Клондайком разведывательной информации. Особенно научно-технической. Специалисты утверждают, что электронный — это самый выгодный вид промышленного шпионажа. Один рубль, вложенный в радиотехническую разведку, приносит двадцать рублей прибыли.

Поэтому с 1990 г. агенты влияния США развернули кампанию за прекращение работы Центра в Лурдесе.

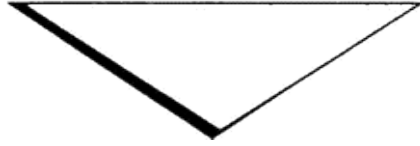
Начальник Генштаба Анатолий Квашнин горячо заверял, что опасность России грозит с юга. А США становятся нам чуть ли не другом и союзником. Поэтому нужны спутники, чтобы вести наблюдение за террористами. И лучше закупить примерно 100 современных РЛС и 20 космических аппаратов, чем держать базу на Кубе. Мол, ежегодная экономия составит только на арендной плате 200 млн. долларов. Эти деньги пойдут на закупки новой техники и вооружения.

Эх, как же лукавил генерал армии! Он наверняка знал, что ни копейки военным не перепадет. Расчеты за аренду Центра велись по системе взаимозачетов. Когда Россия повысила в три раза цену за поставляемую на Кубу нефть, кубинцы увеличили арендную плату со 160 млн. долларов до 200 миллионов. При СССР за Центр в Лурдесе с нас не требовали ни копейки.

Блефом оказалась и якобы техническая отсталость нашего электронного Центра на Кубе. Мол, в связи с переходом Пентагона, ЦРУ и других ведомств США на цифровые виды связи само пребывание разведцентра на Кубе попросту теряло всякий практический смысл. Потому что находящаяся в Лурдесе электронная техника ГРУ могла обеспечить перехват аналоговых сообщений, проводить же дешифровку «цифры» ей было не под силу.

Олег, служивший в Лурдесе, при этом «доводе» лишь горько усмехается: «В 1997 году закончилась модернизация Центра. Завезли совершенно уникальное, супердорогое оборудование. Да с его помощью мы эту "цифру" щелкали как орешки. Помню, смеялись над сообщением Агентства национальной безопасности США, которое докладывало Конгрессу, что русские потратили на Лурдес свыше 30 миллиардов долларов. Тут они по себе мерили. Один нолик явно приписали»^[138].

В декабре 2000 г. В.В. Путин посетил Центр в Лурдесе, где он официально подтвердил свою заинтересованность в существовании и развитии базы в Лурдесе. Тем не менее в 2002 г. база была закрыта. Кубинцы протестовали против ее закрытия.

Глава 18.

БАЗЫ В ГВИНЕЕ

Гвинея — небольшой полуостров в Западной Африке. Ее главный порт Конакри имеет важное стратегическое значение и вместе с Дакаром контролирует все морские пути в Центральной Атлантике. До провозглашения независимости в 1958 г. Гвинея входила в состав Французской Западной Африки.

Первым президентом Гвинейской Республики стал Секу Туре, являвшийся генеральным секретарем Демократической партии Гвинеи (ДПГ). Правящая партия мобилизовала население Гвинеи на укрепление политической и завоевание экономической независимости, на развитие страны по некапиталистическому пути.

В январе—марте 1961 г. была проведена национализация французских монополий, осуществлявших снабжение Гвинеи водой и электроэнергией, а также компаний по добыче золота и алмазов.

В стране была разрешена только одна Демократическая партия Гвинеи.

В ноябре 1959 г. президент Секу Туре впервые приехал в СССР. В 1959 г. по межправительственному соглашению СССР на льготных условиях предоставил Гвинее кредит в 31,5 млн. рублей. Франция отозвала из страны всех чиновников и специалистов, а Советский Союз послал своих специалистов. С 1960 г. в руководство экономикой были внесены плановые начала. В январе и феврале 1960 г. советское руководство выделило средства на обучение гвинейских военных специалистов. В 1960 г. Секу Туре вторично побывал в СССР. В ноябре 1960 г. было принято Постановление Совета министров СССР о помощи в реконструкции аэродрома Конакри с тем, чтобы он мог принимать все типы тяжелых самолетов, включая Ту-114 и Ту-95. С 1961 г. в советских военно-учебных заведениях начали готовить кадры для ВМС Гвинейской Республики.

Следует заметить, что гвинейский вождь, сотрудничая с СССР, потихоньку развивал политические и экономические связи с США и рядом стран НАТО. Так, в 1962 г. Секу Туре посетил США, в результате чего Гвинея получила в 1962 г. американскую помощь в размере 16 млн. долл. Ну а Франция в 1963 г. заключила с правительством Гвинеи несколько соглашений: о культурном и техническом сотрудничестве, торговле и т.д.

Под нажимом США Секу Туре в конце 1962 г. в ходе Кубинского

кризиса запретил советским самолетам использовать аэродромы Конакри для дозаправки советских самолетов, летевших на Кубу.

Несмотря на подобную позицию гвинейского руководства, техническое сотрудничество с СССР продолжалось. В мае 1963 г. в Гвинее побывала советская делегация, разговор шел о новых поставках военной техники. В сентябре 1963 г. Н.С. Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС возмущался настойчивыми требованиями президента Гвинеи Секу Туре полностью экипировать гвинейскую армию за счет СССР. Вспоминая начало активной помощи Гвинее, Хрущев говорил: «Тогда это была первая африканская республика, которая получила независимость, и мы повернулись к ней с таким радушием. Он (Туре) нисколько не оценил этого и по-хамски ведет себя. Мы не будем ему мстить за это, но давайте и не выделять из группы других африканских стран. Сейчас же, если узнает Нкрума, скажет: "Дайте и мне то же, что вы даете Гвинее". Не надо этого делать, товарищи».

Тем не менее 10 сентября 1963 г. правительство приняло постановление «О дополнительных безвозмездных поставках в 1963—1964 гг. вооружения и военной техники в Гвинейскую Республику».

В 1965 г. в Гвинее был раскрыт заговор, направленный на свержение президента Секу Туре. Заговор был инспирирован правительством Франции при содействии властей Кот-д'Ивуара (Берега Слоновой Кости). Гвинея разорвала дипломатические отношения с Францией. На территории Кот-д'Ивуара при финансовой поддержке Парижа был сформирован «Фронт национального освобождения Гвинеи», ставивший своей целью свержение режима Секу Туре. Фронт тайно финансировался французским правительством, а ряд его руководителей находились во Франции.

4 января 1967 г. советским правительством было принято постановление «О безвозмездной поставке в 1967—1968 годах вооружения, военно-технического имущества, средств связи и имущества общегражданского назначения по просьбе Правительства Гвинейской Республики».

В то время СССР помогал Гвинее и в развитии ее промыслового флота. В мае 1966 г. в Конакри пришли первые четыре рыболовных сейнера из десяти, которые Советский Союз обещал поставить Гвинее, чтобы оказать содействие в налаживании рыболовного промысла. Кроме СССР помощь Гвинее в этой области оказывали Польша и ГДР.

Для защиты советских рыболовных судов в центральной Атлантике было проведено первое развертывание советских боевых кораблей у африканских берегов. В ходе него 15—20 февраля 1969 г. Конакри с

первым официальным визитом посетил отряд советских кораблей под командованием капитана 1-го ранга

В.В. Платонова в составе больших ракетных кораблей «Бойкий», «Неуловимый», подводной лодки проекта 641 Б-26 «Ярославский комсомолец» и танкера.

С 1961 г. на территории Гвинеи располагалась штаб-квартира Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК), члены которой вели вооруженную борьбу с португальскими колонизаторами в соседней Португальской Гвинее (Гвинея-Бисау).

Поскольку с территории Гвинеи повстанцы периодически совершали рейды в португальскую колонию, португальские власти решили нанести контрудар по Конакри. В ночь с 21 на 22 ноября 1970 г. около двухсот вооруженных гвинейцев — противников Секу Туре, одетых в униформу, похожую на униформу армии Гвинеи, и находящихся под командованием португальских офицеров, а также 220 военнослужащих португальской армии высадились на берег около Конакри с четырех кораблей. Они уничтожили пять катеров снабжения ПАИГК, а также сожгли летнюю резиденцию Секу Туре. Сам Секу Туре в это время находился в президентском дворце. Нападавшие также захватили два военных поста, взяли под контроль главную электростанцию Конакри, захватили штаб-квартиру ПАИГК, сам же лидер повстанцев находился в это время в Европе. Кроме того, было освобождено 26 португальских пленных, удерживавшихся ПАИГК.

В целом же акция португальцев не достигла своей цели. В ходе боестолкновений они потеряли около 50 человек убитыми, еще 100 человек попали в плен, а остальные были эвакуированы на кораблях в Гвинею-Бисау.

Советский Союз, Китай, страны Варшавского договора и большинство неприсоединившихся стран активно поддерживали правительство Секу Туре. 8 декабря 1970 г. Совет безопасности ООН принял резолюцию 290, осуждавшую Португалию за вторжение в Гвинею и призывавшую Португалию уважать принципы суверенитета и самоопределения народов, проживающих на ее территории, а прочие государства оказать моральную поддержку Гвинее. Резолюция была принята 11 голосами «за» при четырех воздержавшихся (Великобритания, Испания, США, Франция).

В самой Гвинее Секу Туре устроил большую «чистку» в армии и госаппарате. Многие десятки людей были повешены (29 по приговору суда, остальные — во внесудебном порядке).

В конце концов Секу Туре был вынужден обратиться к правительству

СССР с просьбой обеспечить постоянное присутствие наших военных кораблей в порту Конакри. В начале 1971 г. соответствующее соглашение было подписано.

Одним из первых весной 1971 г. из Средиземного моря в Гвинею пришел большой противолодочный корабль проекта 61 «Образцовый». Затем в Гвинею зашла плавмастерская «ПМ-40», которая выполняла межфлотский переход из Польши, где она была построена, на Тихоокеанский флот.

В сентябре 1971 г. в Конакри пришел целый отряд советских кораблей в составе эсминца проекта 56А «Находчивый» и танкера Черноморского флота, большого десантного корабля проекта 1171 «Донецкий шахтер» с батальоном морской пехоты (350 человек) на борту, с боевой техникой (20 танков Т-54 и 18 БТР-60П), и судно обеспечения Балтийского флота. В начале 1972 г. отряд вышел в море и недалеко от порта встретил отряд кораблей, следующий им на смену. Это были корабли Северного флота в составе большого противолодочного корабля «Вице-адмирал Дрозд», эсминца «Скромный», подводной лодки и танкера.

С 5 марта по 6 мая 1972 г. в Конакри находился эсминец «Бывалый». Там же был отряд морских десантников 61-го Киркенесского Краснознаменного отдельного полка морской пехоты Северного флота на БДК «Крымский комсомолец», выполнявший боевую службу у берегов Гвинеи и Сенегала, с заходом в порты Конакри и Дакар (23—27 мая 1972 г.).

Как вспоминал командир взвода роты плавающих танков лейтенант Анатолий Судников, ему в случае условного сигнала надлежало пройти танками по улицам Конакри и занять оборону у советского посольства. Сделать этого не довелось, но техника и люди к выполнению этой задачи были готовы. «Поскольку иметь топографические карты было запрещено, приходилось изучать обстановку на местности, — продолжает рассказ Анатолий Павлович. — В выходные и праздничные дни надевали парадную форму, брали "значки с Лениным" (без этих подарков местная

детвора не давала и шагу ступить) и выходили якобы гулять по городу. Как бы между прочим говорили, например: "Вася, если ты на танке этот поворот пропустишь, получишь в борт попадание снарядом. Запоминай!"»^[139]

В феврале 1972 г. была достигнута договоренность с гвинейским руководством о кратковременном (до 5—6 суток) пребывании самолетов Ту-95РЦ на аэродроме Конакри (для отдыха летного состава и осмотра техники) с периодичностью два раза в месяц.

27 июня 1973 г. первая пара Ту-95РЦ 392-го ОДРП совершила посадку в Конакри. Министр Гвинейской Республики Тумани Сангаре в июне 1974 г. посетил аэродром Гбесия, где базировались наши Ту-95РЦ и транспортные самолеты Ан-12. Министр встретился с летным составом и заявил: «Я прибыл специально, чтобы поприветствовать советских летчиков на свободной земле Гвинеи и от имени президента Республики, народа Гвинеи и его вооруженных сил поблагодарить за то, что в трудную минуту они всегда оказывают нужную помощь в борьбе за независимость».

С базы в Конакри Ту-95РЦ 112 раз вылетали на воздушную разведку в Атлантику. Из Гвинеи наши летчики часто перелетали на аэродромы Кубы и Анголы.

К 1974 г. в Гвинее находилось приблизительно 110 советских военных советников. По американским данным, с 1960 г. было поставлено вооружений на 48 млн. долларов.

В ноябре—декабре 1972 г. СССР передал повстанцам ПАИГК в Конакри три сторожевых катера проекта 199, построенных в Ленинграде на базе корпусов торпедных катеров проекта 183. Эти корабли водоизмещением 67 тонн с четырьмя дизелями М-50-ф имели скорость хода до 35 узлов и были вооружены двумя спаренными 25-мм артиллерийскими установками 2М-3М. Экипажи каждого катера состояли из 22 человек.

Подготовкой к передаче катеров и обучением экипажей занимались советские военные советники. Однако уровень знаний экипажей катеров, мягко говоря, оставлял желать лучшего. Зато португальской разведке удалось завербовать большую часть этих экипажей. В заговоре приняли участие и противники лидера ПАИГК Амилькара Кабрала в руководстве партии.

20 января 1973 г. в Конакри Амилькар Кабрал возвращался с приема в польском посольстве. Около 11 часов ночи он спокойно вместе с супругой Анной-Марией вышел из машины, и тут его поджидали заговорщики. В ходе схватки Амилькар Кабрал был убит. Заговорщикам удалось захватить его жену и нескольких руководителей ПАИГК. Пленных заговорщики доставили на катера пр. 199 и попытались с ними уйти в португальскую колонию Гвинею-Бисау.

Узнав о происшедшем, президент Секу Туре немедленно обратился за помощью к советскому послу А.П. Ратонову. Посол сразу же отправил военных советников — генерала Ф.В. Чичерина и капитана 1-го ранга В.М. Жучкова на эсминец пр. 56 ПЛО «Бывалый». Других советских кораблей в тот момент на рейде Конакри не было.

Командир эсминца Ю.Г. Ильиных немедленно запросил Москву: «Что

делать?» Увы, Москва молчала. Тогда Ильиных на свой страх и риск, взяв на борт отряд гвинейских солдат, после полуночи вышел в море. Вскоре РЛС «Дон» эсминца «Бывалый» обнаружила две неподвижные цели. Ими оказались два угнанных катера пр. 199, поскольку заговорщики не знали, куда плыть, и ждали рассвета.

Под угрозой применения оружия оба катера сдались советскому эсминцу. На них были высажены гвинейские солдаты.

В 15 часов 21 января «Бывалый» вернулся на рейд Конакри и передал катера и их команды гвинейским властям. К этому времени гвинейскими судами был найден третий катер, который также потерял ориентировку и в темноте налетел на отмель в береговых камышах.

Замечу, что до возвращения эсминца в Конакри командование советского флота «помалкивало в тряпочку». А затем поступил приказ снять с должности командира эсминца Ильиных. Через несколько часов приказ был отменен. А 22 января командующий Северным флотом адмирал Г.М. Егоров прислал телеграмму, в которой капитану 2-го ранга Ю.Г. Ильиных была объявлена благодарность «за смелые и решительные действия на боевой службе».

Для поддержки дружественных регионов Африки советское правительство решило направить в центральную часть Атлантики морскую пехоту. Так, с 22 сентября 1973 г. по 24 января 1974 г. усиленный 2-й батальон морской пехоты Балтийского флота нес боевую службу в Атлантическом океане в районе Гвинейской Республики. 10 октября 1973 г. десантные корабли с морпехами заходили в порт Конакри. В 1973—1974 г. эсминец Балтийского флота «Светлый» во время шестимесячной боевой службы базировался в Конакри. Главной задачей была охрана советского рыболовства у побережья Западной Сахары, Марокко. Кроме того, решались задачи слежения за боевыми кораблями вероятного противника, охраны посольства и наших граждан, интересов страны, а также демонстрации советского военного присутствия.

С 17 июня по 27 октября 1974 г. 2-й батальон морской пехоты Балтийского флота (без 5-й роты морской пехоты), усиленный ротой плавающих танков, взводом ЗСУ и инженерно-саперным взводом, выполнял задачи боевой службы в Атлантическом океане в районе Гвинейского залива, с заходом в порт Конакри.

В ноябре 1974 г. в Конакри прибывали советские БДК «Крымский комсомолец» и «Воронежский комсомолец», а также танкер «Сумы». Они находились на боевом дежурстве в связи с беспокойной обстановкой в государстве Мали.

15 ноября 1974 г. в Конакри на сутки с деловым визитом зашел отряд кораблей в составе крейсера ПЛО «Ленинград», БПК «Скорый» и танкера «Борис Чиликин». Они забрали больного морского пехотинца с «Крымского комсомольца».

С 14 декабря 1974 г. по 28 мая 1975 г. 2-й батальон морской пехоты Балтийского флота, усиленный ротой плавающих танков, на БДК-104 выполнял задачи боевой службы в Атлантическом океане в районе Гвинейского залива с заходом в порт Конакри.

В апреле 1975 г. корабли, находящиеся в Конакри, приняли участие в маневрах «Океан-75». Согласно их плану, наши корабли должны были сорвать перевозки вероятного противника в Центральной Атлантике.

«Операцию возглавил начальник штаба 1—1 флотилии подводных лодок СФ контр-адмирал Р.А. Голосов. Походный штаб прибыл 12 апреля 1975 г. на рейд Конакри на борту плавбазы ПБ-82 из Средиземного моря. На рейде находились танкер "Красноводск", у борта которого был ошвартован БДК-104, и танкер "Ельня". Для ведения разведки конвоев в океане с Северного флота в Конакри прилетела авиагруппа из двух самолетов ТУ-95РЦ и самолета обеспечения Ан-12. 14 апреля учения начались. Походный штаб руководил действиями 3 подводных лодок пр. 641 Б-46, Б-95 и Б-825 против конвоя, используя данные авиации. 19 апреля, успешно выполнив атаки, субмарины отправились в Средиземное море. Основной задачей плавбазы в ходе учения являлось обеспечение связи со всеми штабами, подводными лодками и самолетами. Связисты работали на отлично и задачу выполнили.

Кроме того, плавбаза обеспечивала подъем практической торпеды, которой стрелял гвинейский торпедный катер. Как позже выяснилось, это была первая торпеда, выпущенная гвинейским флотом. Готовили ее к стрельбе советские техники. Два дня водолазы плавбазы работали по очистке винта кубинского траулера от намотавшихся сетей. 24 апреля ПБ-82 и танкер "Ельня" отправились в Средиземное море»^[140].

В октябре 1979 г. — июне 1980 г. БРК «Прозорливый» Балтийского флота нес девятимесячную боевую службу. Он зашел в Конакри, где находился БПК «Зоркий», принял у него дела, после чего «Зоркий» ушел на Северный флот, а БРК больше месяца стоял у причала. Потом «Прозорливый» ушел в Луанду (Ангола) и базировались там с 1 ноября по 31 декабря 1979 г., после вернулся в Гвинею.

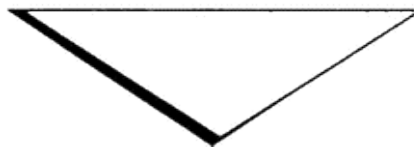
«С постановкой флоту задачи по охране советских рыболовных судов и рыбного промысла в Центральной Атлантике в 1980 г. возникла проблема снабжения кораблей охранения горючим и предоставления экипажам

межпоходового отдыха, поскольку в основном эту задачу решали МТЩ пр. 266 с ограниченной автономностью. Проблема была решена: обеспечение кораблей и самолетов морской авиации горючим (а также отдых экипажей) было возложено на склад горючего Белорусского ВО, дислоцированного в порту Конакри (Гвинея). Причем корабельное и авиатопливо доставлялось тылом СФ ежегодно из расчета содержания запасов дизельного топлива 1500 т и авиакеросина 800 т. Корабли ежемесячно заходили в Конакри на 10 суток. Помимо обеспечения кораблей, непосредственно в Конакри с берегового склада заливались танкеры флота (или арендованные) для подачи корабельного топлива силам ВС в море. Так, МТЩ "Наводчик" ЧФ с 23.08.1981 выполнял задачи по охране рыболовства в Атлантическом океане и с 25 по 29.11.1981 выполнил деловой заход в п. Конакри»^[141].

Сотрудничая с СССР, президент Секу Туре продолжал налаживать отношения с Западом. Так, в 1975 г. Гвинея восстановила дипломатические отношения с Францией. Понемногу Гвинее помогала и КНР. Например, китайцы за свой счет построили в Конакри грандиозный «Дворец Дружбы». В свою очередь король Саудовской Аравии построил в Конакри мечеть, вторую по величине после Мекки.

В 1980 г. по предложению Секу Туре было отменено постоянное базирование советских военных кораблей в Конакри. Однако кратковременных заходы наших кораблей продолжались.

Так, 19—26 мая 1984 г. в Конакри находился БПК «Адмирал Юмашев», схода на берег не было. 26 февраля 1987 г. с визитом в Конакри прибыл БПК «Смышленный». В 1980-х гг. Конакри неоднократно посещали десантные корабли с морскими пехотинцами на борту, несущие боевые службы в этом регионе. Последний визит совершил в 1989 г. БДК пр. 775 с бортовым номером 045.

Глава 19.

БАЗЫ В АНГОЛЕ

11 ноября 1975 г. была провозглашена независимость Республики Ангола, бывшей португальской колонии. Вскоре в стране началась гражданская война между правительственными силами и повстанцами из организации УНИТА, поддерживаемыми США и Южно-Африканской Республикой (ЮАР).

В такой ситуации правительство Анголы, возглавляемое президентом Агостиньо Нето, обратилось за помощью к СССР и Кубе. К концу 1975 г. в Анголу прибыло около 200 советских инструкторов и «добровольческие» части Кубы.

Для обеспечения поддержки советскими кораблями правительства Анголы, а также для контроля над южной частью Атлантики в апреле 1977 г. в порту Луанда был сформирован 877-й ПМТО. В его состав вошли управление пункта, узел связи, группа обеспечения полетов авиации, склад горючего и подразделения тыла ПМТО. Пункт решал задачи обеспечения материальными средствами и ремонтом кораблей и судов ВМФ, заходящих в порт Луанда. А также базирование морской авиации, а в отдельных случаях и правительственных самолетов. В задачи ПМТО также входило и ведение электронной разведки, поддерживание связи с подводными лодками, надводными кораблями, судами обеспечения и самолетами ВМФ, находящимися в центральной и южной части Атлантического океана. Пункт подчинялся командующему Северного флота, а командир ПМТО являлся старшим морским начальником в порту Луанда.

Для развертывания 877-й ПМТО ангольское правительство выделило причал и складские помещения для хранения запасов материальных средств в порту.

Позже силами личного состава пункта были дополнительно установлены сборно-разборные хранилища и передвижные резервуары, что позволило расширить возможности хранения запасов. Теперь на ПМТО могло храниться: авиатоплива — 4200 т, дизельного топлива — 800 т, автобензина — 100 т, масел и смазки — 100 т, шкиперско-технического имущества — 250 т, средств регенерации — 4000 комплектов, продовольствия — 700 т и 500 т других запасов.

Создание 877-го ПМТО было достаточно актуально, поскольку в тот

период в центральной и южной части Атлантического океана постоянно находились 1—2 дизельные подводные лодки, 2—3 надводных корабля, а также периодически осуществлялись полеты авиации ВМФ через Луанду.

27 января 1977 г. с аэродрома Оленье в Анголу вылетела первая пара Ту-95РЦ 392-го ОДРП. Самолет совершил промежуточную посадку в аэропорту Конакри (Гвинея). 29 января он благополучно приземлился в Луанде. 9 февраля наши Ту-95РЦ совершили первый разведывательный вылет в Южную Атлантику, а 15 февраля 1977 г. вернулись назад в Конакри. После этого пробного полета в Луанде началось постоянное базирование Ту-95РЦ, а также транспортных самолетов. Всего в Луанде одновременно находилось до 50 советских самолетов.

Самолеты Ту-95РЦ на аэродроме в Луанде стояли на границе между гражданской и военной зоной аэродрома. Охрану машин первое время осуществляли ангольцы, но их быстро сменили кубинцы. Советские военнослужащие побаивались находиться рядом с мощной высокочастотной РЛС в носовой части Ту-95РЦ. По базе ходила пословица: «Хочешь, чтоб любила баба, держись подальше от эРЦаба».

С 1977 г. наши летчики регулярно совершали челночные полеты из Анголы на Кубу. Время полета из Луанды до аэродрома Хосе Марта составляло в среднем 16 ч. 20 мин. Часто производились встречные полеты. С Кубы вылетала пара Ту-95РЦ в Анголу, а навстречу ей из Луанды — другая пара «тушек».

Любопытно, что летчики 392-го ОДРП предпочитали Кубе пребывание в Луанде. Там было куда опаснее, но зато суточные составляли 23 доллара США против 7—8 долларов на Кубе.

В 1977 г. порт Луанду посетили две дизельные подводные лодки пр. 641 — Б-4 и Б-26. Ну а ежегодно 877-й ПМТО обеспечивал 2—3 захода подводных лодок, до 18 заходов надводных кораблей и судов обеспечения, принимал, обслуживал и выпускал до 50 самолетов ТУ-95РЦ. При этом подавалось до 4,5 тыс. т корабельного топлива, до 2,2 тыс. т авиатоплива, более 600 т продовольствия и свыше 1000 т других запасов.

Для выполнения задач по обеспечению сил боевой службы в зоне ПМТО и поддержания установленных норм запасов на пункт управления тылом флота ежегодно подавалось на 877-й ПМТО до 6000 т горючего, до 800 т продовольствия и до 1000 т других запасов.

В целях обеспечения личного состава ПМТО и кораблей как в порту Луанда, так и в море арендованные суда ежемесячно доставляли до 30 т скоропортящегося продовольствия, закупленного на Канарских островах в портах Санта-Крус и Лас-Пальмас.

Помимо этого, ПМТО ежегодно обеспечивал ремонт 5—6 кораблей. Для этого у причала ПМТО постоянно находилась плавмастерская. Помимо решения основных задач командование ПМТО оказывало помощь ВМС Анголы в поддержании технической готовности ангольских кораблей советской постройки.

В ночь с 29 на 30 июля 1984 г. на рейде Луанды взрывами магнитных мин были повреждены суда «Лундоже» и «Ареенс», принадлежащие Анголе и ГДР. Эти мины были прикреплены к обшивке кораблей боевыми пловцами ЮАР. На ангольском каботажном судне «Лундоже» в результате взрыва мины были повреждены топливные баки.

Сухогруз «Ареенс» торгового флота ГДР, доставивший в Анголу 10 тыс. т боеприпасов, в результате взрыва двух магнитных мин получил две пробоины: 11 кв. м в машинном отделении и другую в 10 кв. м. К счастью, снаряды не сдетонировали. Корабль стал тонуть, но при помощи советского спасательного судна «Неотразимый» он сумел кормой выброситься на мель. При обследовании судна на его корпусе обнаружили третью, невзорвавшуюся магнитную мину. Была опасность, что эта мина имела часовой механизм. Начальник штаба бригады надводных кораблей капитан 2-го ранга Александр Кибкало погрузился с аквалангом, обвязал мину капроновым шнуром, а затем на скоростном катере сорвал ее с судна и отбуксировал в море. Через три дня из Москвы пришла шифровка: «Вам рекомендуется: заминированные участки борта вырезать в радиусе трех метров и без вибраций отбуксировать на безопасное расстояние...»

Позже выяснилось, что операцию провели базирующиеся в Лангебане (Капская провинция) бойцы 4-го подразделения коммандос «Реккиз». Пловцы «Реккиз» пришли в район Луанды на подводной лодке и, используя легководолазное снаряжение, проникли в гавань и заминировали корабли. По данным СМИ, подводные диверсанты имели снаряжение ливорнской фирмы «Космос» (Италия), доставленное через Израиль.

6 июня 1986 г. в ангольском порту Намиб (Мосамедиш) южноафриканские боевые пловцы впервые атаковали советские суда.

8 июля в Анголу из Москвы на самолете Ил-76 вылетела группа советских боевых пловцов. Дальнейшие подробности деятельности наших боевых пловцов неизвестны. По версии Александра Розина: «В акватории одного порта несли боевое дежурство шесть человек. Внезапно на расстоянии предельной видимости они заметили аквалангистов. Боевые пловцы всегда атакуют противника, едва завидев его. А здесь, быстро заняв удобное для боя позиции, те и другие на несколько секунд замерли, вглядываясь друг в друга. Старший нашей группы мгновенно оценил

ситуацию: восемь человек, идут днем, без груза, значит, не на высадку, — и принял неожиданное для всех решение. Он вынул нож, "подвесил" его перед собой в воде, затем ладонью сдвинул его в сторону: дескать, мужики, бьемся без оружия! Это лихачество могло дорого обойтись нашим пловцам. Повезло, что один из "коллег" повторил манипуляции со своим ножом. Схватка была жестокой, и через несколько минут чужаки спешно покинули поле боя. Через неделю выяснилось, что наши парни показали кузькину мать нехилым ребятам — южноафриканским боевым пловцам. Те проводили учения и якобы ненароком попали в чужие территориальные воды. Это был единственный в своем роде случай. Обычно подобные встречи заканчиваются по-другому»^[142].

Лично мне в оную историю верится с трудом.

Замечу, что пресечь действия боевых пловцов ЮАР можно было весьма просто. На суда Анголы и Кубы, пусть даже на гражданские, установить несколько артиллерийских частей БМ-21 «Град». Место базирования боевых пловцов ЮАР было хорошо известно. Замаскированные суда с «Градом» могли подойти на 15—20 км и из нейтральных вод нанести удар по базе террористов.

Ну а «торговые суда» Анголы должны были прикрывать соединения советских надводных кораблей и подводных лодок. То есть, если бы корабли ЮАР и попробовали полезть в драку, то схлопотали бы сполна.

Расистский режим в ЮАР был крайне непопулярен даже в США и странах НАТО. Так что защищать их никто бы не стал.

Даже если бы часть боевых пловцов ЮАР уцелела, продолжать нападать на торговые суда в иностранных портах они заведомо бы не рискнули.

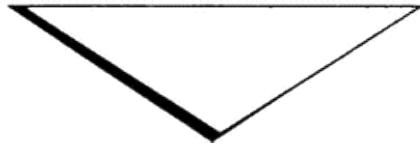
Вспомним, как Израиль почти на каждый теракт, произведенный с чужой территории, отвечал ударом авиации, ВМС и спецназа, даже по весьма удаленным странам.

Но то, что для Израиля повседневная практика, для партократического руководства Кремля в 1980-х гг. и для современных наших правителей — и помыслить страшно.

Но вернемся к 877-й ПМГО в Луанде. С началом «перестройки» походы наших кораблей и подводных лодок в Атлантику почти прекратились. Под этим соусом руководство страны и флота решило упразднить 877-й ПМТО. Большую часть имущества базы бросили или продали за гроши местным властям. Кто и сколько построил на этом вилл в Испании и Греции, конечно, неизвестно.

Личный состав и часть специальной техники были эвакуированы на

гидрографическом судне «Свирь», а члены семей военнослужащих — самолетами военно-транспортной авиации. 20 июня 1992 г. 877-й ПМТО был расформирован.

Глава 20.

БАЗЫ В СОМАЛИ

Военно-морские базы на побережье Сомали имели крайне важное стратегическое значение — они контролировали выход из Красного моря в Индийский океан. Особенно их роль увеличилась после ввода в 1869 г. Суэцкого канала.

Нетрудно понять, почему Англия, Франция и Италия к концу XIX века поделили территорию Сомали на три части. Северная небольшая часть с главным городом Джибути досталась французам, средняя часть с городом Харгейса — Англии, а большая часть на юго-востоке с городом Могадишо — Италии.

Любопытно, что при захвате побережья Сомали французы столкнулись с... русскими!

Дело в том, что в начале 1889 г. на берега залива Таджура высадились русские колонисты общей численностью 150 человек во главе с Николаем Ивановичем Ашиновым.

Ашинов родился в 1859 г. в казацкой семье в Терской области. Женившись на богатой помещице Софье Ханенко, он получил определенные средства. Ашинов начал пропагандировать создание русской колонии на берегу Красного моря. Поначалу его поддерживали знаменитый журналист и издатель М.Н. Катков, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, морской министр И.А. Шестаков и даже сам император Александр III.

Естественно, эти персоны никаких соглашений и распоряжений Ашинову не подписывали, но представить себе, что в России кто-то мог два года собирать людей для отправки на берега Красного моря без санкции императора, столь же невозможно, как отправку добровольцев в Испанию без санкции Иосифа Виссарионовича.

И вот 10 ноября 1888 г. русский торговый пароход со 150 переселенцами отправляется из Одессы и держит путь на Босфор, а далее — к Суэцкому каналу. На борту его Ашинов вместе с женой Софьей. Для окормления поселенцев с ним отправляется архимандрит Панасий. Ашинов сам выбрал место на берегу Таджурского залива рядом с давно брошенным фортом Сагалло, неизвестно когда и кем построенным — то ли турками, то ли египтянами. Вокруг была абсолютно безлюдная местность. Замечу, что этот участок побережья официально был ничейной территорией, хотя на

него одновременно претендовали Франция и Италия.

Поселенцы начали активно обживать район Сагалло. Строили дома, разводили сады, разбивали огороды. Большинство переселенцев были казаками, но было и несколько бежавших из дома гимназистов. Ашинов назвал поселение Новой Москвой и объявил этот район длиной в 100 верст вдоль побережья и на 50 верст в глубину территории Российской империи.

Замечу, что в экономическом отношении от этой колонии проку не было никакого, но зато там могла быть превосходная угольная станция и даже база Российского флота. Причем база универсальная — туда могли заходить как суда, идущие на Дальний Восток, так и русские крейсера, оперирующие в Индийском океане в случае войны с Англией.

В Париже с опозданием узнали о создании «Новой Москвы» и, не мудрствуя лукаво, отправили туда целую эскадру в составе крейсера «Примаге», канонерской лодки «Метеор» и авизо «Пингвин» под командованием адмирала Ольри. «С кораблей была спущена шлюпка, которой командовал какой-то господин», — позже рассказывал очевидец Леонид Николаев. Личность в штатском потребовала убрать русский флаг над строениями Новой Москвы. Ашинов пытался с ним объясниться, но француз отъехал. Через несколько минут после того, как шлюпка была поднята на борт крейсера, французские корабли открыли интенсивный огонь по русскому поселению.

Пушек у переселенцев не было, равно как и белого флага, поэтому на флагштоке вместо русского флага подняли чью-то рубашку. Бомбардировка прекратилась. Тем не менее много людей было переранено, а пять человек убиты. Среди убитых оказалось три женщины, одна из которых беременная. Среди раненых были и Ашинов с женой.

Русских переселенцев посадили на французские суда и с пересадками отправили на родину.

Ну а как же российское правительство реагировало на неспровоцированное убийство русских людей? Император Александр III написал резолюцию: «Непременно надо скорее убрать этого скота Ашинова оттуда, и мне кажется, что и духовная миссия Паисия так плохо составлена и из таких личностей, что нежелательно его слишком поддерживать; он только компрометирует нас, и стыдно будет нам за его деятельность».

Я вполне допускаю, что в отряде Ашинова были какие-то «колоритные» типы. Но, пардон, кто Сибирь вместе с Ермаком осваивал? Да и в том же XIX веке что представляли собой французские и английские поселенцы, осваивавшие Африку и Австралию?

А может, Александр III испугался вооруженного конфликта с

Францией? Так на дворе был не 1855 год, когда французы в Севастополе диктовали нам условия мира. А еще в 1895 г. германский канцлер Бисмарк предлагал России приобрести порт на Красном море.

Так что в Петербурге могли только цыкнуть, и на следующий день из Парижа последовали бы слезные извинения и обещания уплатить компенсации за материальный и моральный ущерб. Увы, увy... Наши последние цари были... тем, чем они были.

По прибытии в Россию Ашинова под конвоем отправили в ссылку в Камышинский уезд Саратовской губернии. Поскольку он и жена оказались совсем без средств к существованию (все деньги были вложены в экспедицию), Александр III милостиво пожаловал Софье Ашиновой целых 100 рублей.

В июне 1940 г. Италия вступила в войну.. Британские войска сравнительно быстро заняли территорию в Итальянском Сомали и Эфиопии. Последние итальянские части во главе с их командиром герцогом Д'Аоста капитулировали 7 мая 1941 г.

Эфиопии была возвращена независимость, а Итальянское Сомали западные союзники сделали подопечной территорией ООН под управлением Италии.

1 июля 1960 г. была провозглашена независимость Республики Сомали, в состав которой вошли бывшие Итальянское и Британское Сомали.

30 августа 1960 г. правительство Абдирашида Али Шермарка опубликовало манифест, призывавший к созданию нового государства — Великого Сомали, которое должно было объединить не только всю территорию Сомали, находившуюся до недавнего времени под британским и итальянским колониальным правлением, но и территории Эфиопии, Кении и Джибути, населенные сомалийцами.

И сентября 1960 г. были установлены дипломатические отношения СССР с Сомали. В мае—июне 1961 г. состоялся визит сомалийской делегации во главе с премьер-министром Абдирашидом Али Шермарком в Советский Союз. 2 июня 1961 г. в совместном коммюнике стороны отметили общность взглядов на ряд международных проблем и успешное развитие отношений. СССР предоставил Сомали долгосрочный кредит на льготных условиях на развитие промышленности и сельского хозяйства в размере 40 млн. рублей и товарный кредит на 7 млн. рублей сроком на пять лет; а также безвозмездную помощь в строительстве ряда объектов, в подготовке национальных кадров и командировании специалистов.

В 1963 г. сомалийская армия попыталась захватить спорные с

Эфиопией территории в районе Огадена, но получила энергичный отпор. В урегулировании этого конфликта существенную роль сыграло правительство СССР: в январе—марте 1964 г. дипломатическая делегация во главе с Я.А. Маликом посетила столицу Сомали Могадишо и столицу Эфиопии Аддис-Абебу. Итогом целого ряда переговоров стало перемирие, заключенное в марте 1964 г. в Хартуме (Судан).

В 1963 г. Англия при провозглашении независимости Кении отказалась передать Сомали северные пограничные районы своей бывшей колонии, преимущественно населенные сомалийцами.

Для разрешения своих территориальных споров правительство премьера Шермарка попыталось купить оружие в США и странах НАТО, но получило отказ. Волей-неволей Сомали запросило на сей предмет СССР. И уже 4 декабря 1963 г. было принято Постановление Совета министров СССР о поставках в Сомали стрелкового вооружения. Советский Союз предоставил Сомали беспроцентный кредит со сроком погашения в 20 лет. Позднее кредит был увеличен до 55 млн. долларов. Были поставлены танки Т-34, БТРы, самолеты МиГ-15 и МиГ-17, артиллерия и боеприпасы. С 1963 г. сомалийская армия располагала как минимум двенадцатью МиГ-17. Около 300 советских военных советников было направлено в Сомали для обучения армии, а 500 сомалийцев — пилоты, офицеры, техники — обучались в СССР.

Впервые отряд боевых советских кораблей в составе крейсера «Дмитрий Пожарский» и БПК «Стерегущий» посетил сомалийский порт Могадишо с 17 по 24 апреля 1968 г.

В 1967 г. вторым президентом Сомали был избран Абдирашид Али Шермарк. 15 сентября 1969 г. Шермарк был убит собственными охранниками.

В ночь на 21 октября 1969 г. офицеры сомалийской армии во главе с командующим армией генерал-майором Мохаммедом Сиадом Барре осуществили переворот и взяли власть в стране в свои руки. Министры прежнего правительства были арестованы, парламент, политические партии, общественные организации распущены. Вся власть перешла к Верховному революционному совету (ВРС), президентом которого стал Мохаммед Сиад Барре.

Сомали была провозглашена Сомалийской Демократической Республикой (СДР).

В 1970 г. Барре объявил, что в Сомали будет построен социализм на основе учений Маркса, Ленина и... шариата. В стране была введена однопартийная система.

1—14 декабря 1969 г. в порты Кисимайо, Могадишо и Берберу с официальным визитом зашел отряд кораблей в составе двух БПК — «Владивосток», «Строгий», БДК и танкера «Егорлык». В апреле 1970 г. несколько советских боевых кораблей посетили Берберу в тот момент, когда возникла угроза государственного переворота, поддержанного властями Эфиопии.

С 1969 г. до октября 1972 г. из 170 визитов, выполненных советскими кораблями в страны Индийского океана, 45 посещений пришлось на порты Сомали.

В июне 1970 г. США и ФРГ объявили о прекращении гуманитарной помощи Сомали.

В феврале 1972 г. Сомали в составе правительственной делегации посетил министр обороны СССР Маршал Советского Союза А.А. Гречко. Визит маршала был подкреплён визитом отряда кораблей под командованием В.С. Круглякова в составе крейсера «Варяг», БПК «Строгий» и тральщика. Министр совместно с президентом Верховного революционного совета Сомали Мохаммедом Спадом Барре посетил крейсер «Варяг».

По приказу Гречко во время стоянки с крейсера «Варяг» были выпущены две зенитные ракеты комплекса ЗРК «Волна». Эти стрельбы едва не привели к международному конфликту. Руководитель отряда кораблей контр-адмирал Владимир Сергеевич Кругляков вспоминал:

«...К 8.00 к пирсу были посланы разъездные и рабочие катера, на которых разместилось около 30 человек во главе с президентом Сомали и министром обороны СССР. Несмотря на свежий ветер, высадка и встреча гостей прошли без приключений. Приключения (или, точнее, неожиданности) начались на борту. Едва я начал рассказ о главном комплексе П-35, как А.А. Гречко приказал:

— Покажите ракету.

Приказание выполнили. Сомалийские гости были восхищены и шумно выражали свое удовлетворение. И вдруг, неожиданно для всех и для меня, в первую очередь, министр приказал:

— Произведите выстрел одной ракетой.

Сказал он это вполголоса — его слова разобрали только члены нашей делегации и стоявший рядом командир корабля Ю.И. Дерябин.

Что делать? Приказ министра — не шутка. Но, с одной стороны, мы находимся в столице иностранного государства, с другой — часть ракет снаряжены спецзарядом. Соображал я несколько секунд.

— Товарищ министр! Стрелять в этих условиях не могу.

— Почему?

— По вашему приказу часть ракет снаряжены спецзарядом.

— Ну, свой приказ я могу изменить, но со спецзарядами надо быть осторожнее. Хорошо, продолжай показ.

Далее шло все благополучно до тех пор, пока мы все не подошли к ПУ ЗРК "Волна". Едва подняли ракеты на направляющие и я начал рассказ, как министр произнес:

— Ну, здесь-то СБЧ нет. Произведите двухракетный залп. Не успел я открыть рот, как Н.В. Огарков шепнул мне:

— Не перечь, выполняй.

Весь экипаж готовился к приему, был одет в парадную форму, но мне пришлось скомандовать "Боевая тревога!".

В ходовую рубку поднялся флагманский ракетчик эскадры:

— Товарищ адмирал! Мы еще на Сокотре вывели комплекс на плановый осмотр.

Час от часу не легче!

— Какая фактическая готовность?

— Задержка — 7 минут.

— Готовь комплекс к пуску двух ракет.

Флагманский ракетчик пулей слетел в пост. Настала моя очередь докладывать министру. Проверив, что все гости находятся в укрытиях, я доложил маршалу:

— Готовность к пуску — 7 минут.

Сопровождающий министра генерал-майор что-то отметил в записной книжке.

Минуты бежали стремительно: три, две, одна минута до пуска. Министр смотрит на часы. Чувствую, что происходит задержка. И в это время прямо по выбранному пеленгу стрельбы появился самолет. Я решил использовать это обстоятельство. Еще минута...

Маршал А.А. Гречко посмотрел на меня.

— Товарищ министр! По пеленгу стрельбы — самолет. Министр посмотрел в бинокль и объяснил обстановку президенту:

— Если это американский самолет, пусть адмирал его собьет, — с каменным лицом произнес Сиад Барре.

Я мгновенно среагировал, обратившись к стоявшему рядом сомалийскому полковнику — командующему ПВО страны и к тому же — племяннику президента (полковник когда-то учился у нас и хорошо знал русский язык):

— Товарищ полковник, это по вашей части. Чей самолет? Полковник

задумался.

— Я думаю, что французский, идет из Джибути на Маврикий, — достаточно профессионально ответил он.

— Французов сбивать не будем, — заключил маршал А.А. Гречко. Не успел он закончить фразу, как первая ракета сорвалась с направляющих и понеслась к цели. За ней — вторая.

Министр вопросительно посмотрел на меня, зная, что наведение и захват были отключены для обеспечения безопасности. Для гостей я схитрил:

— Цель вышла из опасной зоны.

Эффект от стрельбы был потрясающий — сомалийцы не могли успокоиться несколько десятков минут, министр обороны тоже...»^[143]

В этом рассказе меня смутила только одна мелочь — командир отряда кораблей и командир «Варяга» не знали, в каких контейнерах П-35 имелись обычные боевые части кумулятивно-фугасного действия, а в каких — спецзаряды по 20 кТ?

В ходе этого визита министр обороны А.А. Гречко подписал соглашение о заходе советских кораблей в порты Сомали и создании там ПМТО, для чего было заключено соглашение о модернизации порта Бербера. В Бербере был создан 527-й ПМТО, в 1974 г. у причала стояла плавказарма ПКЗ-98, а на берегу был развернут зональный узел связи.

В апреле 1972 г. было достигнуто соглашение с правительством Сомали о периодическом базировании самолетов Ту-95РЦ и Ил-38 на аэродромах Дафет и Харгейса. Однако осваивать эти аэродромы наши Ил-38 и Ту-95РЦ начали лишь в 1976 г.

29 марта 1976 г. два противолодочных самолета Ил-38, принадлежавшие 77-му отдельному противолодочному авиаполку Тихоокеанского флота (77-й ОПЛАП), стартовали с аэродрома Николаевка и с промежуточной посадкой в Ташкенте произвели посадку на аэродром Харгейса. 7 апреля состоялся первый вылет обеих экипажей на боевую службу в Индийский океан.

Во второй половине 1976 г. экипажи авиагруппы полка также выполняли вылеты с сомалийского аэродрома Дафет.

С января по июнь 1977 г. летный состав 77-го ОПЛАП продолжал осваивать аэродромы Харгейса и Дафет. Экипажи на Ил-38 выполнили за этот период 36 самолето-вылетов на воздушную разведку и поиск подводных лодок в Аравийском море и в центральную часть Индийского океана.

В 1976 г. экипажи 77-го ОПЛАП и 304-го Гвардейского ОДРАП ТОФ

на Ту-95РЦ начали осваивать сомалийские аэродромы. Экипажи 304-го ОДРАП вели воздушную разведку в Индийском океане. Впервые в истории авиации ВМФ экипажи подполковника Гречко и майора Куликова выполнили воздушную разведку прежде недоступной для нас военно-морской и авиационной базы США Диего-Гарсия.

26 июля 1972 г. между СССР и Сомали был подписан протокол о сотрудничестве в области рыболовства.

В 1973 г. советские корабли посетили порты Сомали 50 раз, в том числе 15—20 марта в Могадишо с официальным визитом пришел отряд кораблей под командованием контр-адмирала В.С. Круглякова в составе крейсера «Адмирал Сенявин» и тральщика. В 1974 г. Сомали посетили уже 85 советских военных кораблей.

В марте 1974 г. ПМТО в Бербере впервые посетили советские атомные лодки, вооруженная крылатыми ракетами пр. 670 К-201 и АЛЛ пр. 671 К-314, выполнявшие в составе отряда кораблей переход с Северного флота на Тихоокеанский южным путем. Первым из состава отряда в Берберу 23 февраля начала переход плавмастерская ПМ-129. Ночью 7 марта в Аденском заливе по распоряжению командующего отряда подводные лодки всплыли в надводное положение и, следуя в кильватер за гидрографическим судном «Башкирия», направились в Берберу, где их экипажи должны были отдохнуть и произвести своими силами профилактический ремонт некоторых механизмов.

Как вспоминал командир отряда капитан 1-го ранга Р.А. Голосов: «Очевидно, для американцев появление наших атомных подводных лодок в Аденском заливе стало большой неожиданностью. Это было заметно по действиям их разведки. В 12 часов 30 минут 8 марта "Орион", прилетевший с американской базы Диего-Гарсия, первым увидел отряд: ЭОС "Башкирия" и две лодки, следовавшие за ним в кильватер. Он низко спустился, облетел корабли и быстро удалился. Вскоре появился другой самолет. И так постоянно. В течение всего времени нашего движения в Индийском океане, а затем в Желтом море мы были под неусыпным надзором американских сил разведки — самолетов и надводных кораблей»^[144].

В Берберу корабли пришли 10 марта. «Две недели личный состав атомоходов отдыхал в порту. На прекрасном пляже, расположенном в 5—7 минутах езды от порта, куда привозили для купания моряков, были отличные условия для отдыха: мелкий песок, небольшие глубины, а главное — отсутствие акул благодаря естественному барьеру — резкому подъему дна в 50 метрах от берега, который не позволял хищникам

проникать в зону пляжа. Корабельные врачи заботились лишь о том, чтобы уберечь подводников от палящих лучей тропического солнца. В свободное от вахты время моряки знакомились с жизнью и бытом сомалийцев.

Вместе с тем командование уделяло большое внимание корректности в общении с местным населением, охране подводных лодок и бдительности. 26 марта отряд покинул Берберу»^[145].

В 1974 г. Берберу хотели использовать как главный пункт базирования тральных сил при разминировании Суэцкого залива, но потом для этих целей воспользовались Хургадой. Тем не менее с 27 сентября по 3 октября 1974 г. в ПМТО в Бербере на обратном пути после окончания траления Суэцкого залива с визитом находились ПКР «Ленинград» и БПК «Скорый». По решению МИДа корабли в порт не заходили (он был слишком мал для «Ленинграда»), а оставались на рейде. Как вспоминали моряки, на берегу им показали передающий и приемный радиоцентр узла связи «Палас», вся развернутая техника была «на колесах». То есть при необходимости свернуть радиоцентр можно было за считанные часы. Связисты узла обеспечивали переход «Ленинграда» и «Скорого» вокруг Африки. За пять месяцев 1975 г. советские корабли посетили порты Сомали 22 раза.

11 июля 1974 г. СССР подписал Договор о дружбе и сотрудничестве с Сомали на 20 лет. 13 июля 1974 г. в коммюнике сомалийская сторона выразила благодарность СССР за помощь в развитии экономики, подготовке кадров и укреплении обороноспособности Сомали. В стране находилось несколько тысяч советских и кубинских военных советников и специалистов. Начались поставки сомалийскому авиационному корпусу истребителей МиГ-21МФ и спарок МиГ-21УМ (всего было заказано 40 самолетов), около десятка бомбардировщиков Ил-28, вертолетов Ми-8 и транспортных самолетов Ан-24. Для ПВО поставлялись зенитно-ракетные комплексы. Для усиления ВМС поставлялись современные корабли и катера.

Группа советских инженеров-строителей по проекту 23-го ГМПИ построила две военно-морские базы в Кисимайо и Бербере. База в Кисимайо была небольшой и предназначалась только для сомалийского флота. Бербера же использовалась советским ВМФ.

Как и в других местах, порт Бербера считался не ВМБ, а 527-м ПМТО. В июле 1974 г. там базировались плавказарма ПКЗ-98, РФС «Неман», СКР-36 и подводная лодка Б-85. В том же месяце в Берберу заходил КРУ «Жданов». К 1977 г. советские инженеры, используя местную рабочую силу, построили целый ряд объектов. В числе их был аэродром с 4-километровой бетонной ВПП. Там могли базироваться самолеты всех

типов. В Бербере построили узел связи. ПМТО имел пункт беспричастной бункеровки, плавучий док ПД-66 и плавучую судоремонтную мастерскую (с конца сентября 1976 г. это была ПМ-156).

Служивший на ПМ-156 В.П. Чичев вспоминал: «Порт Бербера представлял собой залив, вытянутый в виде "губы" вдоль берега, то есть место нашей постоянной стоянки от моря отделяла длинная песчаная коса, расположенная напротив, шириной (в период прилива) около 500 метров. Заход в эту гавань располагался с левой стороны (если стоять к морю лицом). Причем, чем правее по этой губе, тем мельче. Напротив причала, где находилась наша ПМка, через залив на берегу косы стояло каменное сооружение, которое называли "могила шейха". Вполне возможно, что какой-нибудь местный шейх и был похоронен в этом сооружении. За "могилей" в центре песчаной косы располагалась сомалийская зенитная батарея. С палубы корабля были видны стволы орудий, и когда эта батарея стреляла (по ночам, во время военных событий с Эфиопией), то кусочки осколков иногда падали к нам на палубу. Я даже домой в качестве сувенира привез несколько осколков, собранных на палубе. Чуть левее "могилы" у противоположного берега находился плавучий док на якорных банках. Там были, пожалуй, самые большие глубины. Мне приходилось в районе стоянки дока погружаться под воду, так подводная часть берега в этом районе почти отвесно уходила вниз и казалась "черной бездной". У ПД швартовался небольшой буксир. С его помощью заводили суда в док. Стояли мы к причалу кормой. Справа от нас чуть в глубине залива находился причал, где швартовались сомалийские ракетные и торпедные катера. Слева, пришвартованное таким же образом, как и наше, стояло гражданское судно без экипажа с грузом красного дерева в трюмах. Принадлежности этого судна я уже не помню, но оно было арестовано сомалийцами. Наших спецов даже приглашали оказать помощь в запуске его главной машины, но что-то не получалось, и этот корабль так и стоял, как мне кажется, до самых последних дней нашего присутствия в Бербере. Левее этого корабля находился причал, куда швартовались уже бортом суда для погрузки-выгрузки грузов в порт. Насколько мне помнится, причал не вмещал более одного судна. Этим причалом пользовались сомалийцы. То они грузили в Саудовскую Аравию верблюдов и баранов, то сами получали какие-то грузы (помню, откуда-то привезли и выгрузили в порту финики, так весь причал от них был потом сладким и липким). Именно здесь во время эвакуации ПМТО стоял наш гражданский сухогруз, на который, кроме нас, грузили имущество, вывозимое с пункта.

...Из-за того, что в порту не было места, к нам мог справа

пришвартоваться лишь один корабль или ПЛ. Все заправки топливом происходили на рейде о. Сокотра от танкеров, обслуживающих 8 ОПЭСК.

Территория ПМТО (я его отделяю от порта, поскольку он как бы не был с ним связан) располагалась за городом Бербера, в пустыне. Причем здесь также можно выделить два разных по местоположению объекта. Непосредственно сам ПМТО, раскинувшийся на десятки квадратных километров, окруженный колючей проволокой и охраняемый с внешней стороны сомалийскими солдатами, и пункт связи (или слежения?), находящийся в нескольких километрах с другой стороны Берберы, у берега моря. В самом пункте находились жилые помещения, склады-ангары с полукруглыми крышами. В нескольких сотнях метров — склад ГСМ (мне он запомнился как обнесенная колючей проволокой, со следовой полосой и со спиралью "бруно" территория, с уймой металлических бочек емкостью по 200 л, которые по ночам гремели, видимо от перепада температуры, и наводили тоску на караульного). Чуть далее — еще одна подобным образом огороженная территория, на которой находились автомобили на базе ЗИЛ-157 или ЗИЛ-131 с радиоприемной (или передающей) аппаратурой. То есть все технические средства, использующиеся в ПМТО, будь то антенный комплекс, либо аппаратура связи, располагались на спецавтомобилях. По периметру эту территорию караульный обходил в течение часа (значит, где-то 5—6 км). Минут 20—30 другим караульным тратилось на обход по периметру территории склада ГСМ»^[146].

В середине 1970-х гг. Сомали из полуфеодалного зависимого от США государства превратилась в независимую страну, идущую «по социалистическому пути», пусть даже весьма своеобразному.

В связи с этим советское правительство предложило Сомали и Эфиопии создать вместе с Джибути (бывшее Французское Сомали) «Федерацию государств Восточной Африки». Однако президент Сомали не только отверг проект Федерации, но и подстрекал президента Египта Садата и правящие круги Саудовской Аравии взять курс на сворачивание отношений с СССР.

Советский советник в Сомали И.Г. Пенков вспоминал: «Первый признак надвигающейся грозы был связан с визитом Фиделя Кастро в Сомали. По всему Могадишо расклеили портреты гостя. В Сомали, кстати, работали и кубинские военные советники, и у них была та же проблема, что и у нас, хорошие отношения с Эфиопией. Когда Кастро выступал, ему аплодировали. Но в тот момент, когда в своей речи он посоветовал сомалийцам перенять опыт Эфиопии в создании коммун, началось что-то невообразимое: поднялся ор и свист, в кубинского лидера полетели камни,

люди бросились срывать его портреты со стен. Сиад Барре отдал приказ всем кубинцам покинуть страну в течение 48 часов. Кубинцы явно не успевали, и мы приютили их у себя, благо наша колония военных специалистов с семьями находилась не в самом Могадишо, а несколько на отшибе»^[147].

Ну а 13 ноября 1977 г. президент Сомали Сиад Баре объявил о прекращении действия советско-сомалийского договора от 11 июля 1974 г.

Страну до 20 ноября должны были покинуть две тысячи советских специалистов и членов их семей.

Начальник штаба 8-й ОПЗСК М.Н. Хронуполо вспоминал: «В то время я находился на большом десантном корабле "50 лет шефства ВЛКСМ".

Базировались мы тогда на севере Сомали в порту Бербера в Аденском заливе. 13 ноября 1977 года президент Сомали Сиад Барре объявил, что до 20 ноября все советские граждане должны покинуть страну. Кроме того, сомалийское руководство заявило, что все советское имущество, находящееся на территории республики, конфискуется. Я немедленно информировал центр о необходимости срочно организовать эвакуацию. Центр устроил мне нагоняй за паникерство и предложил составить план постепенной эвакуации до Нового года. Я такой план составил и передал в центр. 14 ноября пришло указание переделать план. В этой волоките прошел еще один день. Только 16 ноября поступило распоряжение срочно идти в Могадишо.

...Поскольку сомалийские власти вели себя по отношению к нам, мягко выражаясь, непорядочно, я не счел нужным запрашивать разрешение на вход в гавань Могадишо. Там еще стоял наш транспортный корабль, которому не разрешали подойти к причалу для погрузки советского имущества. Мол, грузить нечего, все теперь стало собственностью Сомали. Естественно, эту противозаконную акцию мы не признали. Высадили морских пехотинцев на берег. Как только на берегу появились наши десантники, ситуация мгновенно изменилась. Издевательства над нашими людьми прекратились, и никто не осмелился препятствовать погрузке советского имущества на транспортный корабль»^[148].

Участник боевого похода на БДК «50 лет шефства ВЛКСМ» в зоне Индийского океана в составе батальона морской пехоты Тихоокеанского флота с июня 1977 г. по май 1978 г. сержант С.М. Юдин вспоминал:

«...в 77-м на Аравийском полуострове и в Африке ситуация резко обострилась, как нам по-простому объяснял замполит, "сомалийские сепаратисты покатили бочку на социалистических эфиопов", они и на

йеменские территории претендовали. Так что наш поход начинался с порта Бербера (видимо, ошибка, фактически — Могадишо), но в порт нас сомалийцы не пустили. Тогда подошел корабль сопровождения БПК "Чапаев", сделал разворот в гавани, и порт для нас был открыт. Семьи дипломатов, специалистов забрали другие суда, а на наш корабль (БДК "50 лет шефству ВЛКСМ") загрузили аэродромную технику, авиационные наливники. В открытом море мы все это передали на сухогрузы. Задача была непростая, но выполнили аккуратно, только у одного КрАЗа рама переломилась.

А уж после этого отправились на Сокотру — объяснить сомалийцам, чей это остров. Йемен к тому времени уже направил туда войска, мы перебросили на остров их танковую бригаду (Т-34), специалистов, продукты»^[149].

Командование сомалийской армии прекрасно понимало, на что способны советские морпехи. В сентябре—октябре 1972 г. в ходе совместных учений район порта Буляхар (западнее Берберы) советские морпехи Тихоокеанского флота с ходу прорвали после десантирования подготовленную противодесантную оборону сомалийских войск и, совершив 80-километровый марш в условиях пустыни, вышли к порту Бербера. На учениях присутствовал и министр обороны Сомали генерал М.А. Самантар.

Поэтому в ноябре 1977 г. после высадки десанта в Могадишо с одним плавающим танком ПТ-76 и двумя бронетранспортерами БТР-60 сомалийцы не пытались противодействовать действиям советских моряков и ни во что не вмешивались. Тем более, что это было чревато для самих сомалийцев, ибо то, что предстало перед глазами наших морпехов, очень их возмутило.

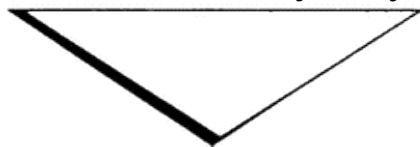
Так, один из десантников вспоминал: «На берегу стеной высились штабеля ящиков с тем самым имуществом, которое сомалийское руководство решило себе присвоить. За этими штабелями на высоте располагались вооруженные люди. А перед штабелями на узкой полосе вдоль причала находились советские специалисты с семьями, точнее, какая-то часть из них. Остальные были в аэропорту Могадишо. На этой узкой полосе суши они провели не то двое, не то трое суток под палящим солнцем. Выйти оттуда было страшно, поскольку по штабелям время от времени стреляли. Люди были в отчаянии. Когда к ним на выручку подошли десантные катера, женщины плакали, а одна из них не выдержала и прыгнула в воду с высокого мола вместе с ребенком. Моряки ее тут же подобрали, а потом дали несколько очередей поверх той баррикады из

ящиков. Обстановка нормализовалась, все пошло как по маслу»^[150].

В итоге все советские военные и их семьи были эвакуированы без помех. Однако часть военного имущества в Сомали пришлось бросить.

Морская авиация также покинула сомалийские аэродромы. Часть машин 304-го ОДРАП перелетели на аэродром Хороль в Приморье, а два Ту-95РЦ с начала 1979 г. стали базироваться на Ташкент и оттуда вылетали на боевую службу в Индийский океан через территории Пакистана и Ирана.

Ну а авиагруппа 77-го ОПЛАМ с сомалийских аэродромов перебазировалась на аэродром в Адене НДРЙ. В апреле 1979 г. Ил-38 с аденского аэродрома начали летать на боевую службу в Индийский океан.

Глава 21.

БАЗЫ В ЭФИОПИИ

Советские военные в Эфиопии оказались в довольно сложном положении, и чтобы хоть немного разобраться в нем, потребуется хотя бы небольшой экскурс в историю этой страны.

Эфиопия была древней страной. Ее монархи вели свои родословные от царя Соломона. В XII—XV веках в составе Эфиопии были христианские (монофизитские), мусульманские, иудаистские и языческие княжества.

Земли на побережье Красного моря, нынешняя Эритрея, оспаривались у Эфиопии Египетским государством мамлюков и другими странами.

Опасаясь нашествия португальцев, мамлюки в 1506 г. оккупировали все побережье Красного моря. В свою очередь в 1518 г. португальцы обосновались в Аденском заливе. Они вступили в союз с негусом Эфиопии, монофизитом по вероисповеданию. В 20-х гг. XVI века на Красном море появился могущественный турецкий флот. После этого в течение нескольких столетий эфиопские негусы оспаривали побережье Красного моря с турками или египетскими вассалами.

В 1885 г. в порт Массауа (Эритрея) высадился итальянский десант. В 1890 г. итальянцы захватили всю Эритею и объявили ее своей колонией. Мало того, они объявили о своем протекторате над Эфиопией. В 1894 г. началась первая итало-эфиопская война, в ходе которой итальянцы потерпели два больших поражения, и Эфиопия осталась независимой. Замечу, что в эфиопской армии сражались русские офицеры.

Еще в 1894 г. царское правительство отправило в Абиссинию «духовную миссию» якобы для подготовки объединения Русской и Абиссинской церквей. Император Менелик II охотно пошел на сближение с Россией, желая создать противовес более опасному для Абиссинии колониальному проникновению Англии и Италии. В 1895 г. негус отправил в Петербург целое посольство, а в 1896 г. в Абиссинии была утверждена русская дипломатическая миссия.

Об истинных намерениях русского правительства говорил сам глава «духовной миссии» архимандрит Ефрем в своей книге «Поездка в Абиссинию». Так он между прочим указывал: «Рядом с сближением на почве религиозной для нас представилась бы возможность воспользоваться дружбой и в политических интересах. Наше отечество могло бы

приобрести сильную позицию на красноморском побережье, у впадения Чермного моря в Индийский океан. И тогда мы оказались бы в силах в случае надобности задержать Англию на границах Индии и обеспечить нашему флоту свободное прохождение в воды Дальнего Востока»^[151].

К 1930 г. императором стал Хайле Селассие.

В октябре 1935 г. итальянские войска вторглись в Эфиопию. 5 мая 1936 г. итальянцы захватили столицу Эфиопии Аддис-Абебу, а 1 июля 1936 г. Бенито Муссолини объявил о создании колонии «Итальянская Восточная Африка», в которую вошли Эфиопия, Эритрея и Сомали.

Любопытно, что император Хайле Селассие в 1936 г. бежал не куда-нибудь, а в Иерусалим. У него давно уже были хорошие отношения с еврейскими банкирами.

В июне 1940 г. Италия вступила в войну, но уже к началу мая 1941 г. англичанам удалось захватить все ее восточные африканские колонии.

Император Хайле Селассие вернулся к власти. А в 1945 г. Эфиопия вступила в ООН. В декабре 1950 г. ООН приняла резолюцию о присоединении Эритреи к Эфиопии в рамках федерации. До этого Эритрея находилась под контролем британской администрации. Эфиопские власти постепенно стали превращать объединенную страну из федерации в унитарное государство. Ну а в 1962 г. Эритрея стала провинцией Эфиопской империи.

В 1953 г. Хайле Селассие заключил с США договор о взаимной обороне в течение последующих 20 лет. США предоставили Эфиопии заем на полмиллиарда долларов, а также безвозмездную поставку вооружения на сумму 140 млн. долларов.

С лета 1974 г. началось постепенное полевение Эфиопии. Постепенно к власти пришли группы офицеров с прокоммунистическими взглядами. 12 сентября 1974 г. группа военных арестовала императора. А в августе 1975 г. военные объявили, что Хайле Селассие умер. По одной из версий, его задушили подушкой, а тело захоронили под полом его собственного туалета.

3 февраля 1977 г. подполковник Менгисту Хайле Мариам, устранив соперника, стал неограниченным правителем Эфиопии.

В мае 1977 г., во время официального визита в Москву, Менгисту Хайле Мариам в обмен на военную помощь обещал предоставить СССР в качестве военно-морской базы эфиопский порт Массауа.

Правительство СССР и руководство ВМФ были крайне довольны подобным предложением, особенно с учетом потери баз в Сомали. Их не смутило то, что эфиопская армия с 1962 г. вела боевые действия с

эритрейскими сепаратистами.

Однако именно близость порта Массауа к району боев с сепаратистами заставила Москву отказаться от его использования. Второй по значению эфиопский порт Асэб был еще ближе к Баб-эль-мандебскому проливу, но мал и буквально забит грузовыми судами.

Поэтому советские военные выбрали местом для базирования архипелаг Дахлак на подходах к порту Массауа.

Архипелаг Дахлак располагается в юго-западной части Красного моря недалеко от города Массауа. Считается, что название архипелага происходит от арабского «Dah'ala», которое переводится как «ворота ада». Архипелаг составляют два крупных (Дахлак Кебир, около 750 кв. км, и Нора, около 130 кв. км) и 124 небольших острова. Только четыре острова архипелага имели постоянное население.

В силу удаленности от своих портов советские корабли в Индийском океане остро нуждались хоть в какой-то базе.

В 1978 г. на основании межправительственных соглашений на острове Нокра в архипелаге Дахлак был создан пункт материально-технического обеспечения (933-й ПМТО, в/ч 90245). Плавучий док ПД-66 подъемной силой в 8,5 тыс. т, выведенный в ноябре 1977 г. из Берберы (Сомали) в Аден, был приведен в первой половине 1978 г. на остров Нокра (архипелаг Дахлак) и установлен в самом начале бухты Губейт-Мус Нефит острова Нокра на бетонные блоки, так называемые «мертвые якоря».

Затем на базу стали прибывать вспомогательные суда и корабли для обеспечения ее функционирования. В том же 1978 году с Черноморского флота прибыли морской водоналивной транспорт МВТ-23 пр. 1844В и мощный буксир пр. 745 МБ-304, построенный на Ярославском судостроительном заводе и введенные в строй в июле 1977 г.

В 1980 г. отдельный мобильный инженерный батальон (ОМИБ) Черноморского флота соорудил пункт маневренного базирования, установив два плавпричала с системами электро- и водоснабжения. ПМТО теперь стал принимать вид небольшой базы. Функционировали причалы, в том числе два плавучих, плавмастерская (они периодически менялись), судоремонтная база, хранилища топлива и воды, склады, вертолетная площадка, социальная инфраструктура.

Помимо плавучего дока на базе постоянно базировались приведенные из состава Черноморского флота суда: морской водоналивной транспорт МВТ-23 пр. 1844В, прибывший в 1978 г., судно-хранилище (плавучий склад) СХ-16 пр. 814, рейдовый буксир РБ-225 пр. 737К. На вспомогательных судах постоянного базирования обслуживавшие их

экипажи периодически менялись. В 1981—1984 гг. на базе находились гражданские экипажи из состава 31-й бригады судов обеспечения Тихоокеанского флота (в/ч 31085). Кроме того, на базе постоянно базировался ряд кораблей и судов вспомогательного флота (плавмастерские, плавбазы, морские буксиры, водолазные суда, противопожарные катера), обслуживавших базу и корабли эскадры, но они периодически сменялись. Воду и топливо доставляли танкеры, несшие в этом районе боевую службу, в том числе «Иман» Черноморского флота, «Олекма» и «Шексна» с Балтики, тихоокеанские «Алатырь», «Борис Бутوما». Грузы доставляли транспорты «Армения» (порт приписки Находка), «Карадаг» (Керчь), «Уфа» (Севастополь), «Василий Головнин» (Севастополь).

Уделялось внимание и обеспечению безопасности базы. Для охраны ПМТО в феврале 1980 г. на базу на БДК «Николай Вилков» Тихоокеанского флота были доставлены десантники с двумя ЗСУ-23—4 «Шилка» и взвод охраны на БТР-60ПБ. В дальнейшем морские пехотинцы с Тихоокеанского или Черноморского флота периодически примерно раз в полгода сменяли друг друга. Для их доставки и обеспечения здесь находились десантные и танко-десантные корабли. При этом десантные корабли не стояли постоянно на ПМТО, а, высадив боевую десантную группу, выполняли задачи боевой службы в составе 8-й оперативной эскадры, периодически заходя на базу.

Летом—осенью 1980 г. БДК «Иван Рогов» находился на базе во время визита Главкома ВМФ СССР. В декабре 1980—1981 гг. там был БДК «Томский комсомолец», доставивший очередную бригаду десантников, в 1981 г. — БДК «Крымский комсомолец» ЧФ и «Иван Рогов», в 1981 г. — начале 1982 г. — БДК «Сергей Лазо», в 1982 г. — БДК «50 лет шефства ВЛКСМ» (в марте он доставил из Владивостока до острова Сокотра три сменных гражданских экипажа в/ч 31085 для МВТ-23, РБ-225 и МУС, от Сокотры до Нокры они добирались на БМРТ «Акустик», а в декабре, возвращаясь в Союз, вез дембелей), в 1983 г. — БДК «Николай Вилков», в 1985—1986 гг. — БДК-101, в июле 1986 г. — БДК «50 лет шефства ВЛКСМ», осенью 1988 г. — ТДК, прибывший с базы на острове Русский, сменил на БДК; во второй половине 1989 г. тихоокеанские БДК с бортовыми номерами 077 и 079 сменяли друг друга, с 9 февраля по 13 июня 1990 г. — БДК-50, с июня по декабрь 1990 г. — БДК-14, с декабря 1990 г. по февраль 1991 г. — БДК-101.

С февраля 1985 г. и до оставления базы боевые группы ПДСС ОВР ЧФ, сменяя друг друга каждые 9—10 месяцев, вели противодиверсионное

обеспечение ПМТО. А для защиты базы от флота сепаратистов с июня 1988 г. и до ухода в феврале 1991 г. на острове Нокра постоянно базировался один артиллерийский катер.

933-й ПМТО регулярно посещали советские атомные подводные лодки. Так, в 1980—1981 гг. там побывали АЛЛ К-175 и К-204 (пр. 675, вооруженные 8 крылатыми ракетами П-6), а осенью 1981 г. заходила АЛЛ пр. 670 К-43, вооруженная 8 ракетами «Аметист». В 1982 г. заходили К-204 (пр. 675) и К-247 (пр. 671РТМ). В 1984 г. заходили К-325 (пр. 675), а в сентябре 1985 г. — К-105 (пр. 675). Все эти подводных лодки находились в составе Тихоокеанского флота.

Но с февраля 1979 г. по 1981 г. в 933-й ПМТО заходили и лодки Северного флота. Так, осенью 1980 г. там на АЛЛ пр. 671 К-369 проводились ремонтные работы после того, как подлодка в надводном положении своими выдвижными устройствами ударила под надстройку танкера «Ахтуба» (бывший «Пекин») Северного флота. В 1981 г. К-513 пр. 671РТ Северного флота во время шестимесячной боевой службы в районе Красного моря через три месяца после начала похода в пункте базирования на острове Дахлак произвела замену экипажей. Экипаж под командованием капитана 1-го ранга В.А. Масалова вернулся в СССР на борту БДК «Иван Рогов».

При обслуживании атомных подводных лодок произошло несколько инцидентов, которые усложняли работу базы. Так, в 1981—1982 гг. при очередной швартовке атомной подводной лодки затонул прямо посередине бухты буксир РБ-95. Лодка дала ход и потянула за швартовые концы корму буксира, корма ушла под воду и соответственно буксир тоже, экипаж успел прыгнуть за борт. Через сутки при помощи тросов и якорей БДК буксир подняли до уровня поверхности воды и завели на стапель плавдока. Весь экипаж 15 дней чистил, разбирал и собирал все узлы буксира.

29 сентября 1985 г. произошла другая авария. На атомной подлодке К-175 при проведении ППО и ППР в пункте маневренного базирования из-за неправильных действий личного состава произошла разгерметизация активных зон реакторов, что привело к резкому ухудшению радиационной обстановки в реакторном отсеке. Была сброшена аварийная защита обоих реакторов. Обеспечение К-175 электроэнергией производилось от дизельгенератора и судов обеспечения. В результате аварии пострадали 137 человек. Контроль в районе аварии проводили еще несколько лет, при этом не раскрывая факта аварии. Старшина радиохимиков плавбазы «Иван Кольшшин» Циганий Алексей Иванович, участвовавший в этом в мае 1988 г. и марте 1989 г., вспоминал: «Мы как радиохимики отобрали порядка 10

проб земли, растений, воды. И когда провели обследование, то обнаружили слабые следы радиоизотопов йода и стронция, характерные для атомного реактора, потому что искали мы совсем другое, об аварии на тот момент мы не знали и когда брали пробы, нам сказали что, возможно, французы в войне в Чаде использовали тактические ядерные заряды, и следы их использования мы искали. Такие же исследования мы провели в марте, когда шли обратно»^[152].

Выбор базы на острове Нокра был удачен из-за стратегически выгодного его расположения, но неудачен в навигационном отношении. В архипелаге имелось множество малых необитаемых островов. Подходы к базе изобиловали рифами, отмелями и каменными банками. А недалеко от базы лежал на боку полузатопленный итальянский плавучий госпиталь времен Второй мировой войны. Все это, вместе с новизной района действия, усложняло навигацию и приводило к происшествиям.

Так, в 1980 г. ПЛАРК пр. 675 К-175 при заходе в ПМТО села на мель и снялась самостоятельно только через 9 часов.

В конце 1981 г. плавбаза Тихоокеанского флота «Иван Кучеренко» при подходе ночью к месту стоянки села на мель, буксиры не могли ее стянуть, пока не начался прилив. При этом была повреждена гидроакустическая антенна и затоплено помещение боевого поста.

13 декабря 1989 г. из-за поломки гирокомпаса сел на рифы артиллерийский катер АК-312.

Помимо морской базы на острове Нокра СССР располагал еще и авиационной базой в Асмере (Асмаре), главном городе Эритреи. Аэродром был расположен достаточно высоко — 2,3 км над уровнем моря — и имел две короткие ВПП с асфальтовым покрытием в 3 км и в 1,8 км длиной.

Из состава 710-го отдельного корабельного противолодочного полка (ОКПЛ ВП) ТОФа отобрали около 30 человек, в основном офицеров и прапорщиков 4-й транспортной эскадрильи 710-го ОКПЛ ВП, два экипажа вертолетов Ми-8 и техническую группу обслуживания. Из других гарнизонов были привлечены связисты, шифровальщики и офицеры-прапорщики АТБ. В ноябре 1979 г. из Владивостока на корабле доставили личный состав группы и автомобильную технику — 28 автомобилей отправили в рейс. В начале декабря корабль прибыл в Массауа, откуда автомобили перегонялись эфиопской стороной в Асмеру, при этом 5 автомобилей были брошены по дороге из-за серьезных поломок. Потом эти автомобили были эвакуированы уже личным составом авиагруппы на буксире. Личный состав был перевезен вертолетами 2-го авиакрыла к месту дислокации в Асмере.

Ну а матчасть и первые два вертолета Ми-8 были взяты в Каче (ЧФ). В Севастополе их погрузили на транспорт «Тургай», шедший в порт Массауа, где их собирали уже прибывшего из Асмеры личного состава, облетали в аэропорту Массауа, после чего вертолеты перелетели в Асмеру. К середине января 1980 г. авиагруппа уже нормально функционировала. В документах она называлась «Объект № 040». Эта авиагруппа являлась подразделением 933-го ПМТО, базировавшегося на островах Дахлак, а командир авиагруппы был заместителем командира ПМТО по авиации.

С ПМТО авиагруппа начала тесно взаимодействовать лишь по прибытии вертолетов и начала регулярных полетов на Дахлак. В основном в ее задачи входили закупки продовольствия в Асмере и доставка его на остров, а позже — перевозка личного состава с кораблей на отдых в Асмеру и обратно.

В начале марта 1980 г. в Асмеру впервые начали прилетать советские самолеты из Москвы и Кневичей (под Владивостоком). Это были транспорты Ан-12 и противолодочники Ил-38. Последние принадлежали 77-му ОПЛАП.

Замечу, что Ил-38 базировались в 1980 г. как на Асмеру, так и на аэродром в Адене. Только в 1980 г. с этих аэродромов летчики 77-го ОПЛАП выполнили 50 вылетов в Индийский океан на боевую службу.

Любопытно, что противолодочники Ил-38, летавшие над Индийским океаном, имели окраску «Аэрофлота», маскируясь под пассажирские лайнеры Ил-18, на базе которого, собственно, и был создан Ил-38.

В 1982 г. аэродром в Асмере подвергся обстрелу. Эретрейские повстанцы на верблюдах подвозили к аэродрому импровизированные ракетные установки, сделанные из блоков НУРС, и под покровом ночи производили обстрел. Эти обстрелы оказывали в основном психологическое давление, так как точность стрельбы из этих установок оставляла желать лучшего.

Наконец, в мае 1984 г. сепаратисты, а скорее всего, это были «зеленые береты» из Саудовской Аравии или США, непосредственно проникли на аэродром в Асмере и обстреляли советские летательные аппараты из ручных гранатометов. Полностью сгорели два Ил-38 и два Ми-8.

Самолету Ан-12 граната из РПГ попала в лопасть винта, слегка повредив кумулятивной струей осколками фюзеляж. Через несколько дней Ан-12 удалось починить, после чего самолет улетел в СССР.

Во второй половине мая 1984 г. экипажи обоих сожженных Ил-38 были на Ан-12 отправлены на родину. Больше Ил-38 в Эфиопии не базировались. А транспортные вертолеты Ми-8 оставались в Эфиопии до

1991 г., базируясь на Асмеру, а затем в Дахнаке.

4 августа 1984 г., выполняя специальное задание по перевозке пассажиров и грузов по маршруту Асмэра — Эль-Анад, Карачи — Ташкент, Остафьево, в Пакистане разбился транспортный самолет Ан-12 (командир экипажа военный летчик 1-го класса майор Подскребяев). После дозаправки в аэропорту Карачи экипаж Ан-12 произвел взлет, но через 45 минут он попал в мощно-кучевые и кучево-дождевые облака с интенсивной турбулентностью и градом. Самолет получил значительные повреждения. Экипаж попытался выйти под облака и произвести вынужденную посадку вне аэродрома. Но, не справившись с техникой пилотирования в условиях турбулентности, летчики превысили ограничения по скорости и перегрузке, в результате чего самолет разрушился в воздухе. Экипаж и пассажиры (24 человека) погибли. 31 мая 1988 г. катера сепаратистов впервые обстреляли советское судно. Им оказался танкер Балтийской флота «Олекма», шедший из Персидского залива. Он около полугода работал в Персидском заливе и Красном море, снабжая водой и топливом корабли ВМФ СССР, находившиеся на боевой службе в этом регионе. Танкер «Олекма» был сменен балтийским танкером «Шексна». Вечером 31 мая 1988 г. «Олекма» возвращался в родную базу. Как и положено, он шел с ходовыми огнями и всеми опознавательными знаками. Особым прожектором высвечивался флаг вспомогательного флота ВМФ СССР, освещалась и надпись, указывающая на порт приписки (город Балтийск). Хорошо была видна и советская символика.

И вдруг из темноты показались быстроходные катера. Они шли на большой скорости, без огней. В 23 ч. 45 мин. катера открыли огонь из малокалиберных автоматических пушек. Дав несколько очередей, нападавшие скрылись в темноте.

В результате обстрела танкер получил серьезные пробоины, из строя были выведены рефрижераторная камера и радиорубка. Погиб начальник судовой радиостанции М.Г. Новиков.

В том же 1988 году СССР поставил вертолеты Ми-35 — экспортный вариант вертолета огневой поддержки Ми-24В. Эти машины осуществляли боевую поддержку сухопутных войск Эфиопии, а также начали борьбу с пиратскими катерами. Ми-35 уничтожили 8 катеров. 7 сентября 1988 г. эритрейцы напали на судно «Сага Гоб», но после этого наступила пауза примерно на полтора года.

Кроме того, с июня 1988 г. на базе в Нокре постоянно дежурил советский артиллерийский катер. Первоначально это был АК-312 пр. 205П из состава 165-го ДПЛК 141-й БР КОВР Керченско-Феодосийской ВМБ.

Катер прошел капитальный ремонт и получил дополнительно два крупнокалиберных пулемета «Утес».

В августе 1990 г. АК-312 завершил боевую службу в Красном море и отбыл к месту постоянного базирования. На смену ему в августе 1990 г. прибыл МПК «Комсомолец Молдавии» (с 1992 г. МПК-118) пр. 1124М, который в свою очередь в ноябре 1990 г. сменил торпедный катер Т-72 (бортовой № 353) пр. 206М Балтийского флота. Т-72 перешел из порта Свиноуйсце (Польша) до острова Нокра через Балтийск и Ленинград, потом по внутренним водным путям частично под буксиром до Азовского моря, потом в Севастополь, а оттуда своим ходом через Черноморские проливы в Средиземное море, Суэцкий канал и к Дахлаку.

Советские корабли эпизодически поддерживали эфиопские войска в борьбе с эритрейскими повстанцами. Так, в декабре 1977 г. — январе 1978 г. эсминец Тихоокеанского флота «Веский» обстреливал позиции эритрейцев в районе Массауа.

Летом 1978 г. в порту Массауа высадился танковый взвод морской пехоты Тихоокеанского флота, который, не понеся потерь, обеспечил эфиопским частям захват порта и города.

14 мая 1990 г. у острова Шума четыре катера атаковали танкер Приморского пароходства «Интернационал», шедший в охранении морского тральщика «Разведчик» пр. 266М. Тральщик прикрыл танкер своим бортом и выставил дымзавесу. Катера эритрейцев открыли огонь из крупнокалиберных пулеметов и безоткатных 106-мм орудий. Командир «Разведчика» передал на эскадру сигнал «Подвергся нападению. Вступил в бой». Тральщик дал полный ход и открыл огонь из кормовой 30-мм артустановки АК-230, двух 25-мм автоматов 2М-3М и двух пулеметов ДШК, установленных на мостике. Тральщик развил небывалую скорость в 16 узлов. Один из катеров взорвался, а остальные ретировались.

Бой продолжался 8 минут. На тральщике был ранен гидроакустик, стоявший за пулеметом. Тральщик получил многочисленные мелкие повреждения и пробоины, на нем были перебиты некоторые кабель-трассы и посечена мачта. Несколько пуль попали в центральный пост РЛС, не нанеся большого вреда. Об интенсивности огня говорит то, что за время боя тральщик израсходовал 4,5 тонны боезапаса из 6 имевшихся на борту. Стреляли из всех стволов, включая личное оружие. 20 человек из экипажа тральщика были представлены к наградам. 27 мая 1990 г. катер АК-312 дважды отразил атаку четырех эритрейских катеров, потопив три из них, а сам благополучно вернулся в базу.

В октябре 1990 г. МПК-118 «Комсомолец Молдавии» пр. 1124М

подавил артиллерийским огнем две обстрелявшие его с берега батареи эритрейцев, а также уничтожил склад боеприпасов.

10 декабря 1990 г. эритрейские сепаратисты обстреляли танкер «Шексна». Сопровождавший его тральщик «Параван» прикрыл танкер и дал отпор нападавшим.

В декабре 1990 г. тральщик «Дизелист» потопил два из шести атаковавших его эритрейских катеров.

В феврале 1990 г. эритрейские сепаратисты захватили главную базу эфиопского флота — порт Массауа. Была захвачена и матчасть бригады береговой артиллерии, в том числе и 130-мм орудия СМ-4—1 с дальностью стрельбы 28 км, что позволяло сепаратистам беспрепятственно обстреливать острова архипелага. Поначалу они вели огонь бесприцельно, но постепенно огонь стал корректироваться разведывательно-диверсионными группами, высаженными на необитаемые острова и местной агентурой. Снаряды все чаще стали попадать в район ПМТО, а также на огневые позиции и места дислокации эфиопских частей.

Корабли ВМС Эфиопии и остатки разбитых воинских частей были перебазированы в порт Асэб и (с согласия советского правительства) на остров Нокра. В результате боевые действия перенеслись на архипелаг Дахлак. Туда же срочно эвакуировались и летчики советской авиагруппы из Асмеры, оставив технику, имущество и запасы.

С 12 февраля остров Нокра и архипелаг Дахлак стали систематически обстреливаться дальнобойной артиллерией с полуострова Бури. К тому времени на ПМТО находились тральщик, десантный корабль Тихоокеанского флота и ряд судов обеспечения.

Возникла угроза высадки десанта эритрейцев на архипелаг, к чему остров не был готов, поскольку никаких серьезных фортификационных сооружений и запасов боеприпасов, кроме штатного боекомплекта, там не было. Для усиления наземной обороны с БДК была высажена десантно-штурмовая рота морской пехоты капитана.

Эфиопская авиация несколько раз бомбардировала позиции береговой артиллерии, нанося удары крылатыми ракетами П-15 с ракетных катеров. Сторожевые корабли и патрульные катера постоянно вступали в перестрелку с эритрейскими катерами.

В боевых действиях стали принимать участие и местные жители, доведенные до отчаяния постоянными обстрелами. Однажды ночью афары на своих лодках подошли к береговой батарее эритрейцев и, сняв часовых, вырезали всех, взорвав орудия. Но все эти меры уже не могли повлиять на ситуацию.

19 октября 1990 г. конвой из двух БДК, МТЩ «Параван», МПК-118 и танкера «Шексна» был обстрелян береговыми батареями с острова Асаркасеверная и мыса Кароли. В ответ 76-мм артиллерия «Комсомольца Молдавии» прямыми попаданиями уничтожила батареи. На их месте поднялся столб огня от взрыва склада боеприпасов. Командир корабля капитан 3-го ранга СВ. Старый был награжден орденом Боевого Красного Знамени. И в последующем комендоры МПК отличались точными попаданиями, за что корабль прозвали «злым молдаваном».

Пришедший на замену МПК-118 в декабре 1990 г. МТЩ «Дизелист» (ЧФ) уже 19 декабря при конвоировании танкера «Шексна» (единственного источника воды и топлива для базы) уничтожил 2 из 6 атаковавших конвой катеров.

Командование базы приняло срочные меры по строительству дополнительных бомбоубежищ, запасного командного пункта и системы огневых позиций для круговой обороны, дополнив ранее имевшиеся.

Опорный пункт был оборудован дополнительными траншеями, блиндажами и железобетонными огневыми точками, бомбоубежищами. Командный пункт базы был перенесен в подземелье. Использовали для полевых укреплений даже подручные материалы — металлические бочки, залитые бетоном. Известняк, из которого состоял остров, был очень твердым материалом, и копать его было очень трудно. Даже снаряды делали в нем только небольшие углубления. Капониры для боевой техники (танков и БМП) и пулеметные гнезда были обложены мешками с песком и камнями. Из личного состава базы были созданы нештатные подразделения для наземной и воздушной обороны — пулеметный и стрелковые взводы, по боевой тревоге занимавшие окопы и дзоты и зенитчики с ПЗРК «Стрела-2» и «Шилками».

Были определены сектора ведения огня, проведена пристрелка личного оружия, огневые точки укомплектованы боезапасом. Были спланированы различные варианты отражения десанта, проведены учения с личным составом базы, отработано взаимодействие с эфиопскими союзниками. Каждый матрос, мичман и офицер базы знал свое место по боевой тревоге, в «оружейках» стояли заряженные автоматы и пулеметы, подсумки с запасными магазинами, гранатометы. Офицеры хранили оружие дома.

К ведению огня по суше были готовы и немногочисленные боевые корабли, включенные в систему обороны базы.

Положение в январе еще более ухудшилось, к артиллерийским обстрелам добавились штурмовые и бомбовые авиаудары с самолетов

МиГ-23, появившихся у сепаратистов, и ночные ракетные и пулеметные обстрелы с катеров. Участились демонстративные попытки высадок десантных групп под прикрытием ночных обстрелов.

С ними боролись экипажи врытого в землю танкового взвода ПТ-76, БТР, танки Т-55, открывая заградительный огонь по данным радиометристов с БДК, которые обнаруживали катера противника еще далеко в море. Все нападения успешно отбивались. Но от снарядов береговых батарей спасения не было — они разбивали склады и жилые помещения, падали по всей территории базы и на соседние острова. Эритрейцы старались сохранить для себя основные сооружения базы, поэтому основной огонь велся по позициям эфиопских войск и пирсам с эфиопскими катерами.

В феврале 1991 г. эфиопские войска в Эритрее были полностью разгромлены. На очереди были остатки эфиопских армейских частей и флота, закрепившиеся на островах архипелага Дахлак. Разведка докладывала о скоплении эритрейских войск и десантных судов в порту Массауа и ближайших островах. Обстановка накалялась с каждым днем.

В Москве, осознав ситуацию, срочно приняли решение о передаче Эфиопии по остаточной стоимости сооружений базы и части имущества, которое уже невозможно было вывезти, и наконец-то решили эвакуировать ПМТО, существование которого уже не имело никакого военного значения. Для оформления договора в Аддис-Абебу прибыла группа офицеров во главе с первым заместителем Главкома ВМФ адмиралом флота И.М. Капитанцем. После подписания договора была наконец разрешена и эвакуация ПМТО.

В 7 часов утра 4 февраля 1991 г. началась (под видом очередной тренировки) экстренная погрузка личного состава и имущества на плавмастерские ПМ-129, ПМ-156, БДК-101, другие корабли, вспомогательные суда и баржи. Паники не было, все проходило организованно, несмотря на близкие разрывы снарядов. Сказывались выучка личного состава и частые тренировки. Был спущен с мачты государственный флаг СССР.

Эвакуация проходила под постоянной угрозой обстрела с моря и берега и возможностью перекрытия входа в бухту. Стоило эритрейцам затопить на входе в бухту какую-либо баржу и поставить пару пушек — и флот был бы заперт и уничтожен. Многие из складского имущества и запасов базы пришлось просто оставить эфиопам. Но штатное имущество было на корабли погружено полностью. Последними опустевшую базу покинули бойцы Черноморского отряда ПДСС — 6 человек во главе с

командиром, капитаном 2-го ранга Л. Губко.

В 11 ч. 30 мин. корабли и вспомогательные суда отошли от причалов и встали на якоря на внутреннем рейде острова Дахлак бухты Мус-Нефит в ожидании приказа.

Тут не надо забывать, что уже начался развал Союза, в Москве делили власть Горбачев и Ельцин. Понятно, что ни при Брежнев, ни при Андропове такого позорного бегства допущено бы не было.

«С кораблей эфиопского флота и берега за эвакуацией с горечью следили чернокожие моряки и солдаты — теперь они оставались одни против многочисленного и жестокого врага.

Восемь дней, пока не было приказа на переход от Главкома ВМФ адмирала флота Чернавина, моряки, стиснув зубы, наблюдали, как эритрейская береговая артиллерия и катера массированным огнем беспрепятственно обстреливают острова архипелага, как горят и тонут эфиопские корабли, как медленно затонул плавучий док, получив в борт два снаряда, как поднялось пламя над складами горючего. На базе сражались и гибли их недавние союзники — эфиопские солдаты и моряки.

Наконец был получен приказ на переход в место дислокации 8-й оперативной эскадры — в Аден, и пылающий остров скрылся из виду, хотя зарево еще долго было видно в бинокли. Конвой демонстративно и бесприцельно обстреливался береговой артиллерией (всплески ложились редко и далеко). В небе была эфиопская авиация, наносившая удары по батареям.

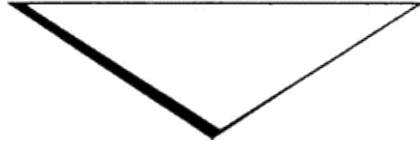
На переходе в Аден конвой попал в шторм, во время которого затонул плашкоут с пожарной машиной. Боевые корабли вернулись домой без потерь...

Свято место, как известно, пусто не бывает. Ныне на двух островах архипелага Дахлак (Фатма и Дахлак Кебир) располагается база ВМС великого морского государства Израиль, полученная за израильскую поддержку при оккупации йеменского острова Эль-Кунейш.

Там сейчас размещена РЛС для слежения за воздушным пространством Саудовской Аравии, Йемена и Судана и судоходством в Красном море. Ну что ж! Шолом, как говорится, алейхем!

А на нескольких островах (Диссеи, Дахрэт, Дур Гаам, Дур Гхела) теперь место отдыха туристов и дайверов со всего мира»^[153].

Что можно добавить к сказанному? Только то, что такого позора как в 1989—1995 гг., наши вооруженные силы не имели никогда за всю тысячелетнюю историю России. Причем это все творилось в мирное время, когда армия и флот в целом еще сохраняли боеспособность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Адмирал Ушаков. Документы / Под ред. Р.Н. Мордвинова. В трех томах. М: Военмориздат, 1952.

Андреев В.Т. До и после Наварина. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002.

Богданович Е.В. Наварин. 1827—1877. М., 1877.

Брагин В.И. Пушки на рельсах. М., 2006.

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания, М.: Захаров. АСТ, 1999.

Висковатов А. Военные происшествия в Неаполитанском королевстве 1798 и 1799 гг. СПб.: Славянин, 1828.

Владивосток. Штрихи к портрету / Под ред. В.А. Дудко. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1985.

Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др. В 18 томах. Петербург, 1911—1915.

Гангут 1941. Сборник воспоминаний о героической обороне полуострова Ханко в первые дни и месяцы Великой Отечественной войны. Ленинград: Лениздат, 1974.

Гребенщикова Г.А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. Документы, факты, исследования. В трех томах. СПб.: Остров, 2012.

Дацышен В.Г. Русско-Китайская война 1900 г. Поход на Пекин. СПб.: Альманах «Цитадель», 1999.

Директивы командования фронтов Красной армии. (1917— 1922). Сборник документов в 4 т. М.: Воениздат, 1974.

Дневники императора Николая II / Под ред. К.Ф. Шацillo. М: Орбита, 1991.

Документы внешней политики СССР. М: Политиздат, 1952.

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой, М: Логос, 2003.

Зарубежные страны. Справочник / Под ред. В. Сперанского, И. Колосова, Ю. Мельникова, Э. Микаэляна. М., 1957.

Кабанов СИ. На дальних подступах. М.: Воениздат, 1971.

Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. М.: Голос, 1999.

Кинросс Лорд. Расцвет и упадок Османской империи. М.: КРОН-

ПРЕСС, 1999.

Козырь В.В. Мы нырнем на 1000 ли. СПб.: Судостроение, 2007.

Корей А. О нынешнем просвещении Греции, СПб., 1815.

Крестовский В.В. В дальних водах и странах. М.: Центрполи-граф, 2002.

Ликин Ю. Парусновинтовой корвет «Варягъ». Калининград, 2005.

Локальные войны. История и современность / Под ред. И.Е. Шаврова. М.: Воениздат, 1981.

Матюшин Н.Ф. 17-я оперативная эскадра кораблей Тихоокеанского флота. М.: Кучково поле, 2011.

На острие глобального противостояния. 5-я Средиземноморская эскадра ВМФ СССР на защите державы в эпоху «холодной войны». Севастополь, 2012.

Новая история колониальных и зависимых стран. Т. 1 /Под ред. С.Н. Ростовского, И.М. Рейснера, Г.С. Ысара-Мурза, Б.К. Рубцова. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940.

Оборона побережья с древнейших времен до наших дней. Опыт исследования Генерального Штаба Полковника В.А. Мошнина. СПб., 1901.

Палеолог Г., Сивинис М. Исторический очерк народной войны за независимость Греции. СПб., 1867.

Перечнев Ю.Т. Советская береговая артиллерия. М.: Наука, 1976.

Россия и черноморские проливы (XVIII—XX столетия) / Под ред. Л.Н. Нежинского, А.В. Игнатьева. М.: Международные отношения, 1999.

Россия и Япония на заре XX столетия / Под ред. В.А. Золотарева. М.: АРБИЗО, 1994.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904—1905 гг. при Морском генеральном штабе. Кн. 1—7. СПб., 1912—1917.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М.: Воениздат, 1941.

Смирнов И. А. Русские военные моряки на Тихом океане. СПб.: НИКА, 2011.

Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IX. М.: Мысль, 1983.

Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура 1904—1905. М.: Воениздат, 1952.

Стреляное П.Н. (Калабухов). Неизвестный поход. Казаки в Персии в 1909—1914 гг. М.: Рейтар, 2001.

Тарле Е.В. Избранные сочинения в IV томах. Ростов н/Д: Феникс, 1994.

Тарле Е.В. Сочинения в 12 т. М.: Издательство Академии наук СССР,

1959.

Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. М. —Л.: Издательство Академии наук СССР, 1945.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море, Ладожском и Чудском озерах. Вып. 1. М. —Л: Управление Военно-Морского Издательства НКВМФ Союза ССР, 1945.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море, Ладожском и Чудском озерах. Вып. 6, 7. М.: Военно-морское издательство Военно-морского министерства Союза ССР, 1951.

Цитадель № 16. СПб.: Остров, 2009.

Шапиро А.Л. Адмирал Д.Н. Сенявин. М.: Воениздат, 1958.

Широкоград А.Б. Александр Михайлович. Несостоявшийся император. М.: АСТ, Астрель, Хранитель, 2008.

Широкоград А.Б. Короткий век блистательной империи. М.: Вече, 2012.

Широкоград А.Б. Падение Порт-Артура. М.: АСТ, 2003.

Широкоград А.Б. Персия — Иран. Империя на Востоке. М.: Вече, 2010.

Широкоград А.Б. Россия выходит в мировой океан. Страшный сон королевы Виктории. М.: Вече, 2005.

Широкоград А.Б. Россия на Средиземном море. М.: АСТ МОСКВА, 2008.

Широкоград А.Б. Северные войны России. Москва: АСТ; Минск: Харвест, 2001.

Широкоград А.Б. Франция. История вражды, соперничества и любви. М.: Вече, 2008.

Широкоград А.Б. Япония. Незавершенное соперничество. М.: Вече, 2008.

Использованы материалы сайтов:

<http://alerozin.narod.ru/angola.htm>

<http://alerozin.narod.ru/Cubal962.htm>

<http://alerozin.narod.ru/Egypt76.htm>

<http://alerozin.narod.ru/Guinea.htm>

<http://alerozin.narod.ru/red.htm>

<http://alerozin.narod.ru/SyriaTartus.htm>

http://inter-68.narod.ru/fin_8.html

<http://lib.rus.ec/b/353654/read>

http://nnm.ru/blogs/ruslender/nokra_-_rasstrelyannyy_ostrov/page2/#comment_14849458

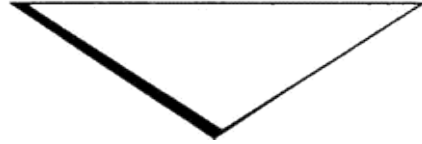
<http://vlasti.net/news/126715>

http://www.afri.su/eyewitness/index.php?ELEMENT_ID=2129

http://www.bookol.ru/dokumentalnaya_literatura_main/biografii_i_memuaryi/7308.htm

<http://www.kvzriu.org/forum/viewtopic.php?f=63&t=7256>

<http://www.proza.ru/2010/02/25/803>

СХЕМЫ

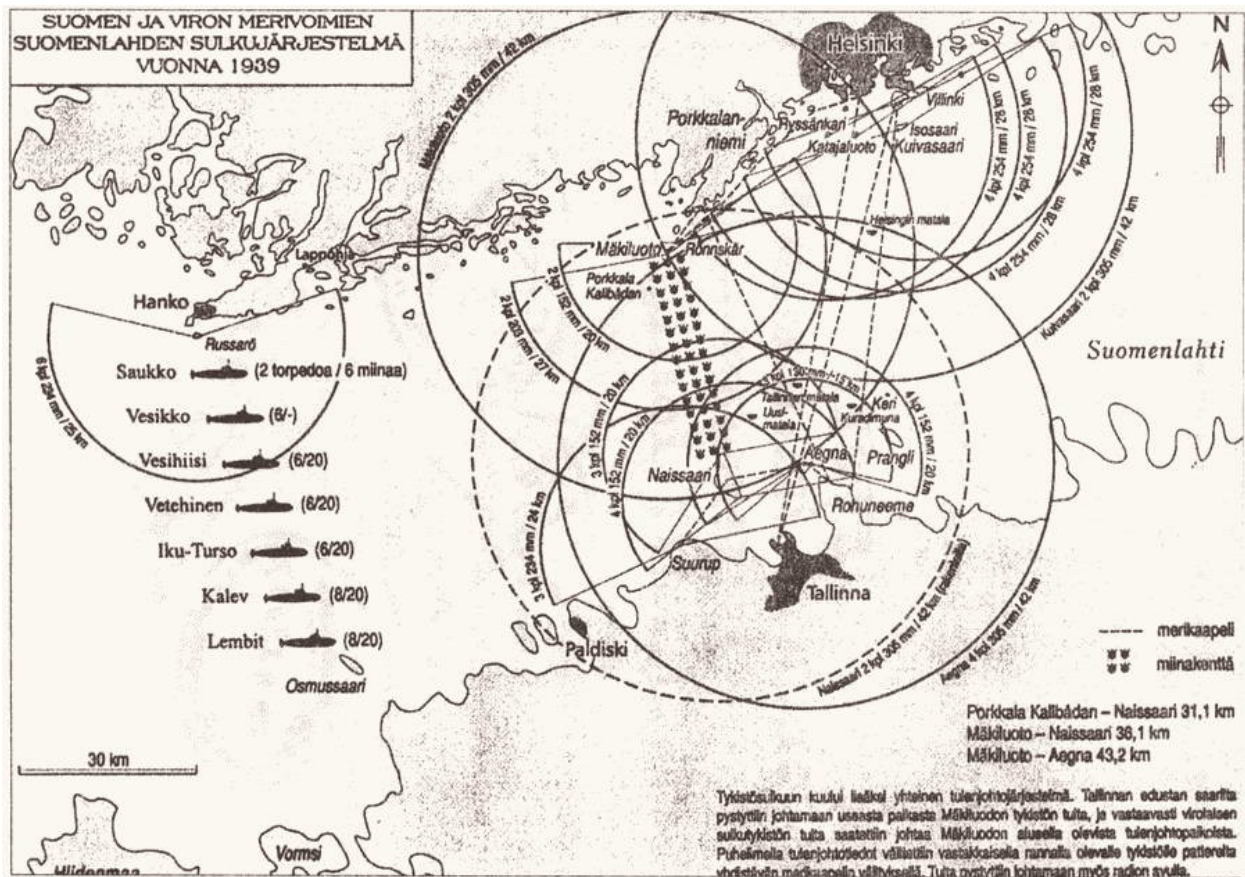

Схема 2. Титульный лист отчета о потоплении броненосца береговой обороны «Вайнаманен»

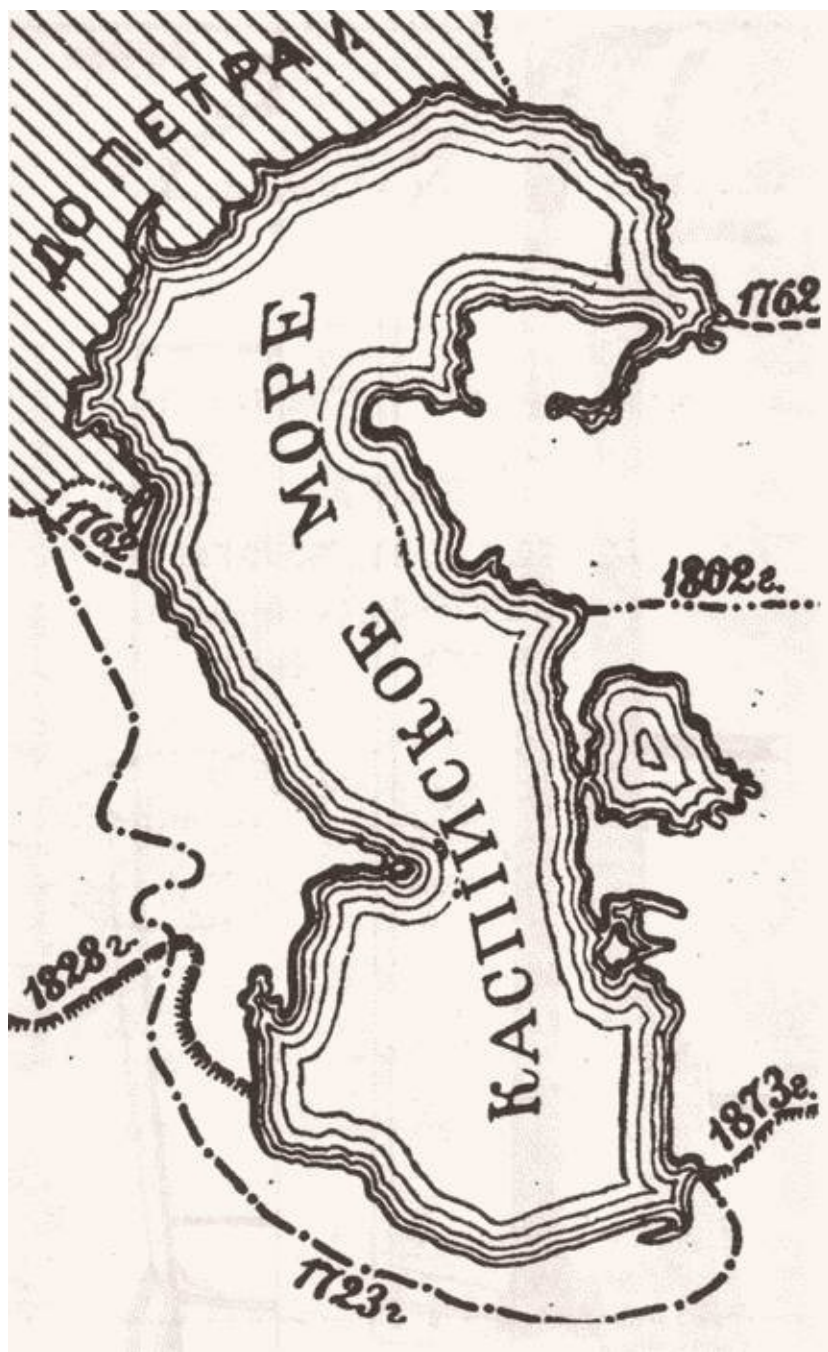
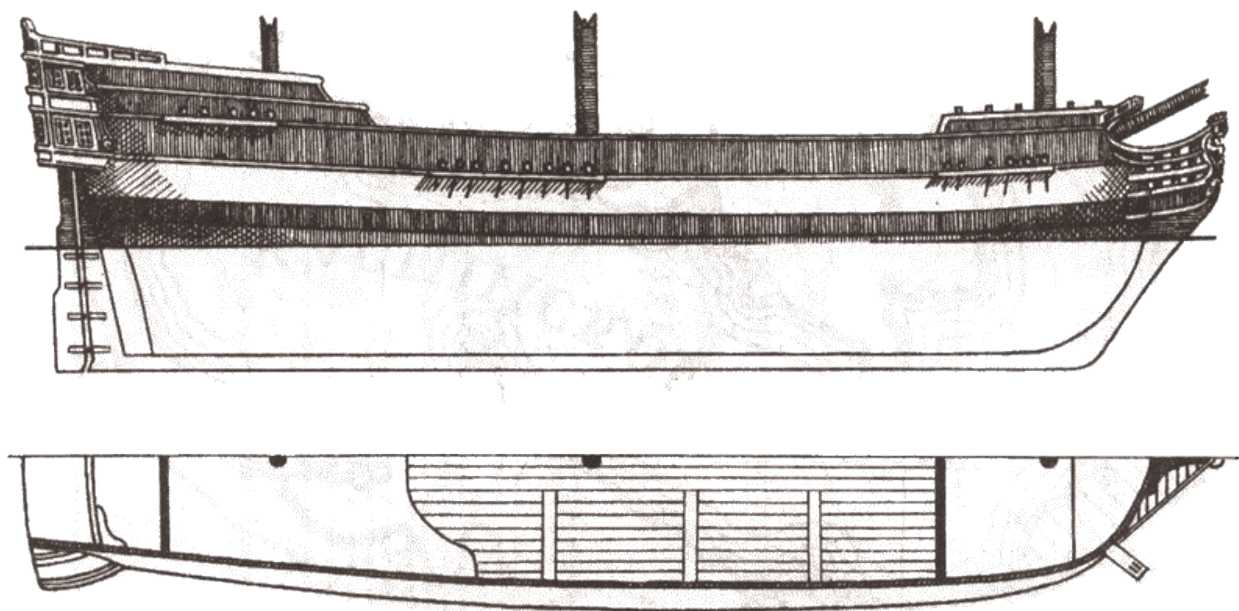

Схема 3. Присоединение к России Закаспийских земель

Схема 4. Чертеж и план верхней палубы гекбота «Астрахань»

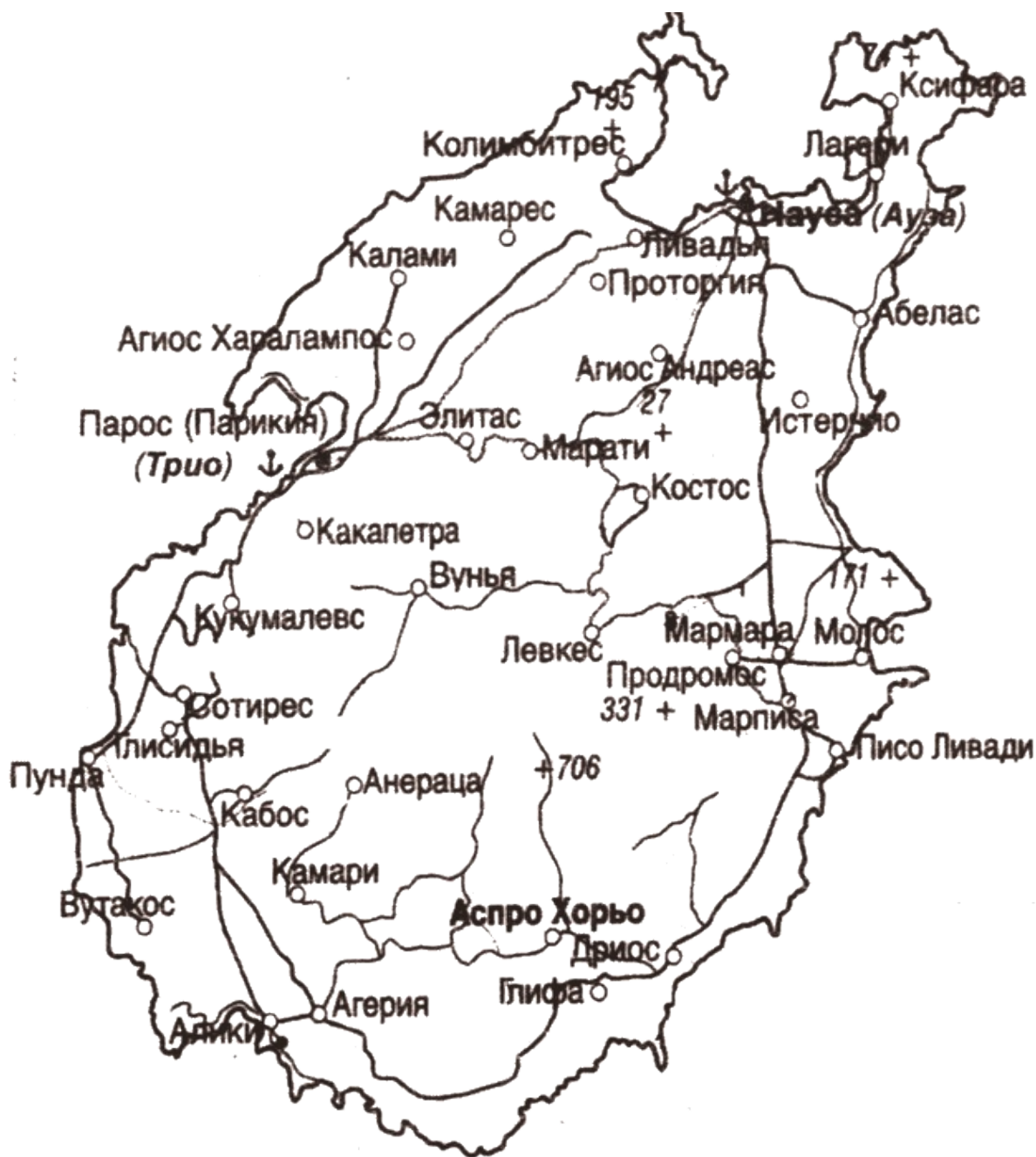

Схема 6. Остров Парос

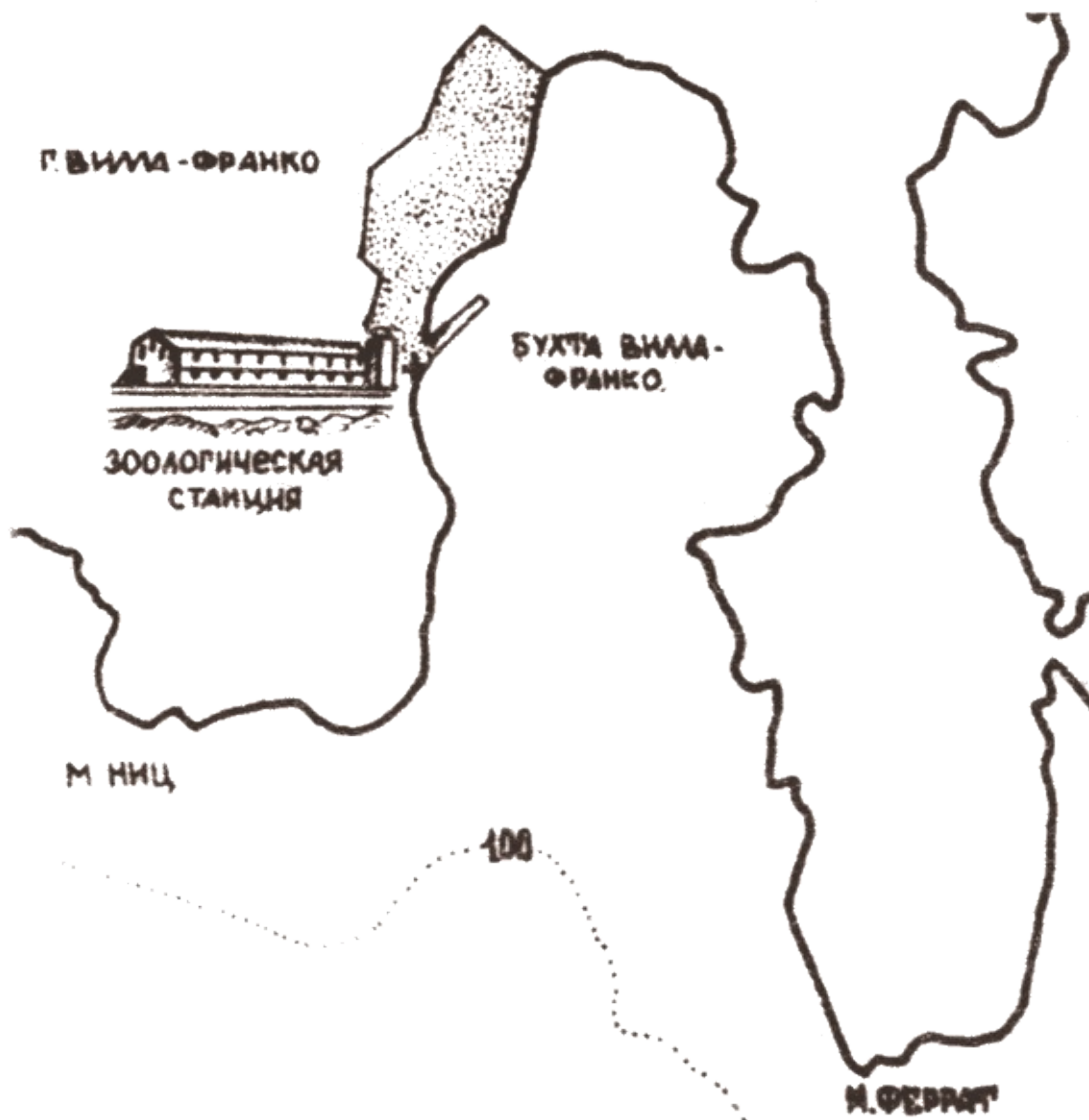

Схема 7. Бухта Вилла-Франко с показом изображения русской зоологической станции. (Схема выполнена А. В. Ивановым)

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Замаскированная установка Б-13 на Ханко

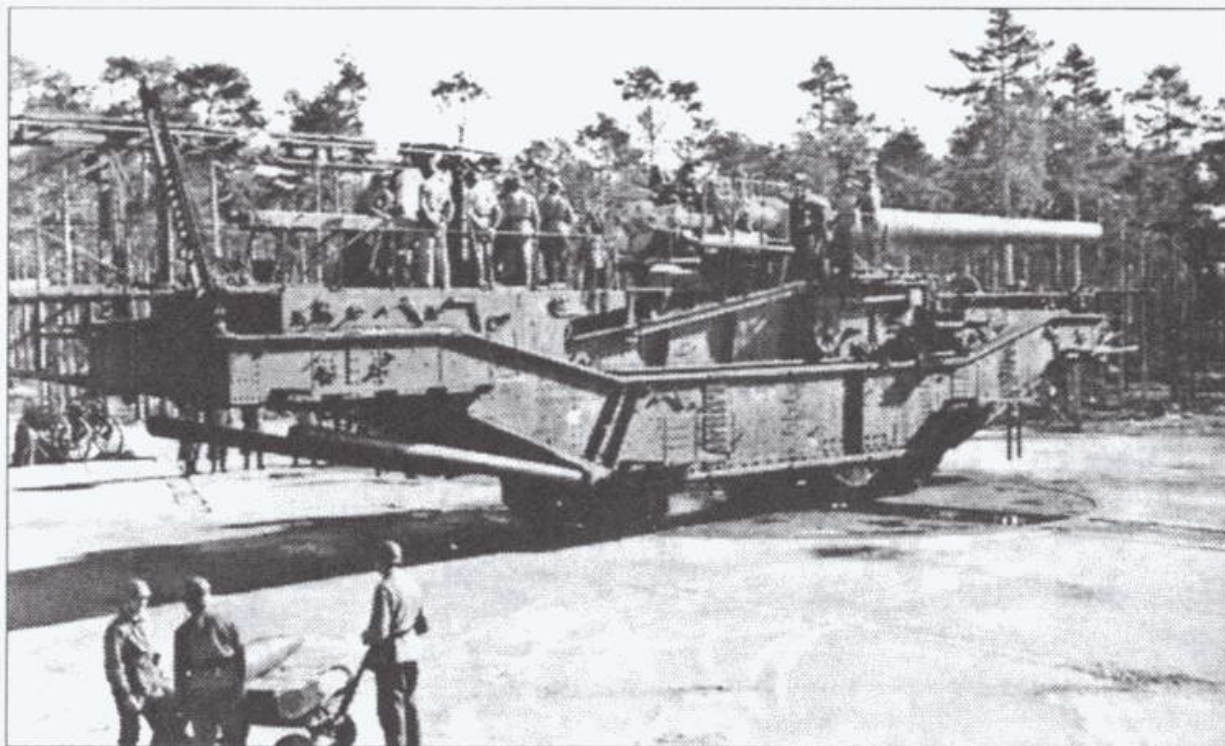

Советские летчики на Ханко

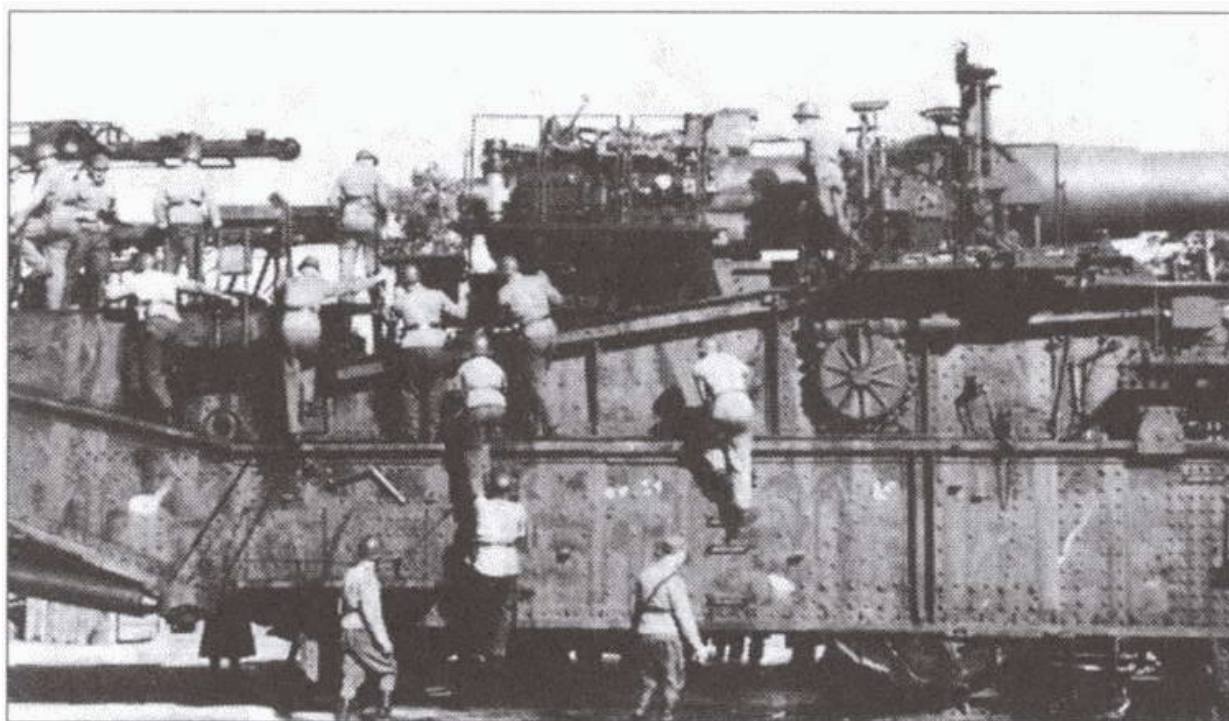

Защитники Ханко пишут письмо барону Маннергейму

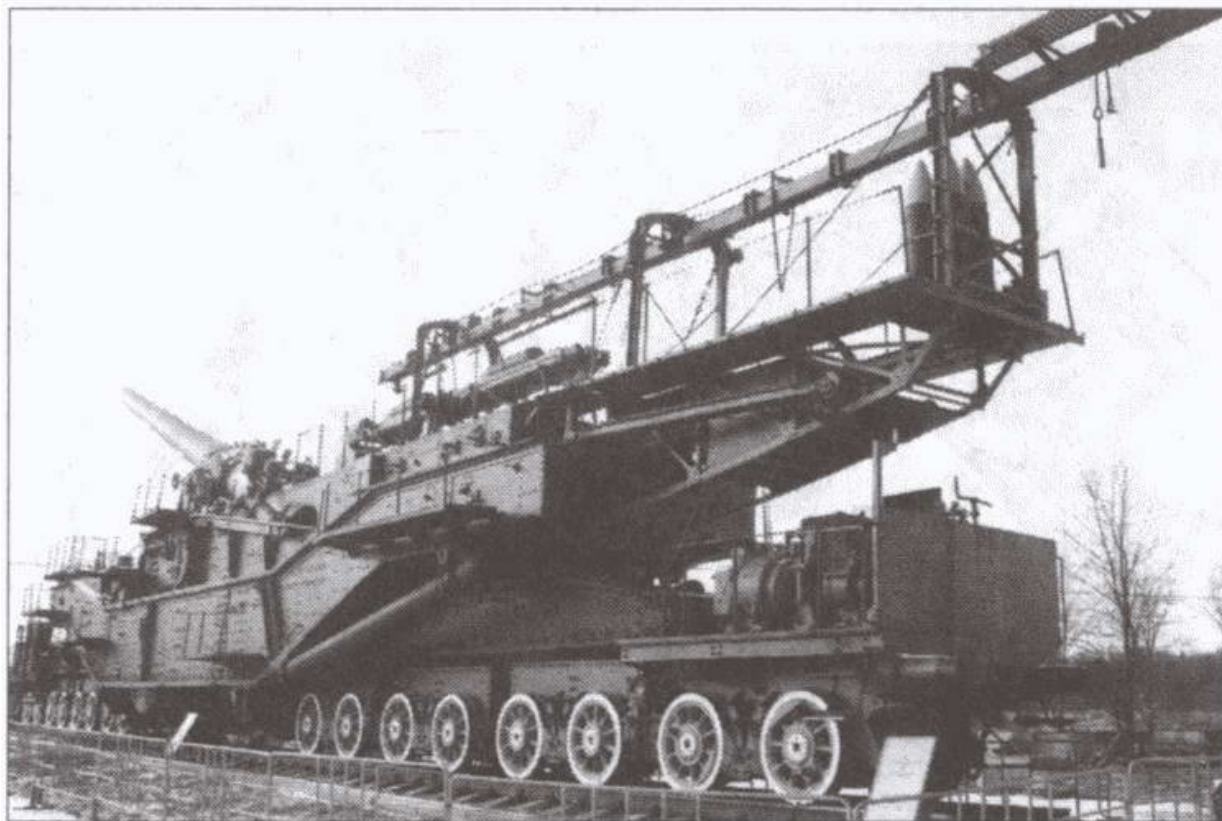

305-мм железнодорожная установка ТМ-3-12 на бетонном основании на Ханко

Финны на брошенной железнодорожной установке ТМ-3-12 на Ханко

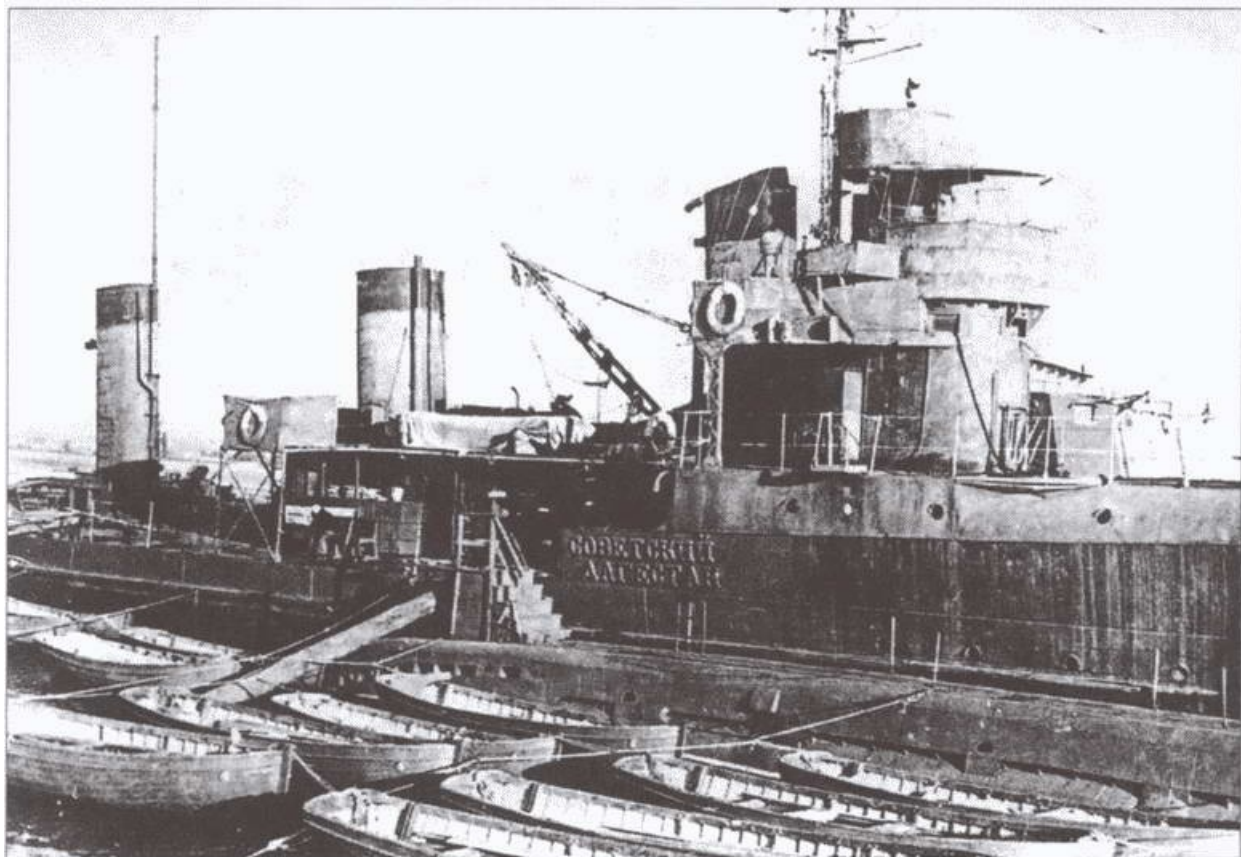

Железнодорожная установка ТМ-3-12 с базы Ханко, установленная в Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе (фото А. Широкограда)

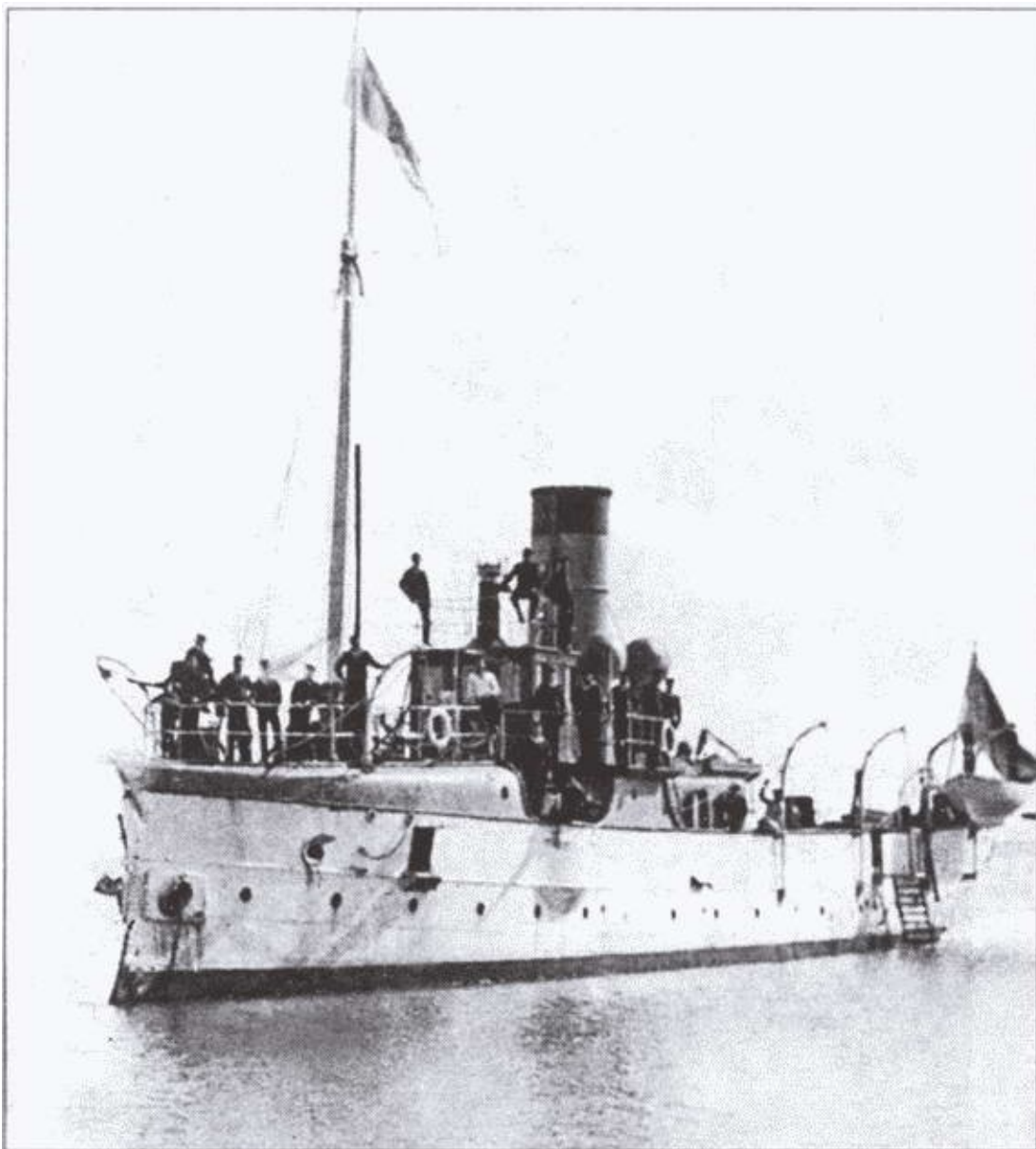

Казематная 100-мм установка ЗИФ-25. Такие установки были в Порккала-Удд

Канонерская лодка «Советский Дагестан» в Энзели

Посыльное судно Каспийской флотилии «Астрабад». 1900-е гг.

Остров Парос. Остатки форта, построенного графом Орловым (фото А. Никулина)

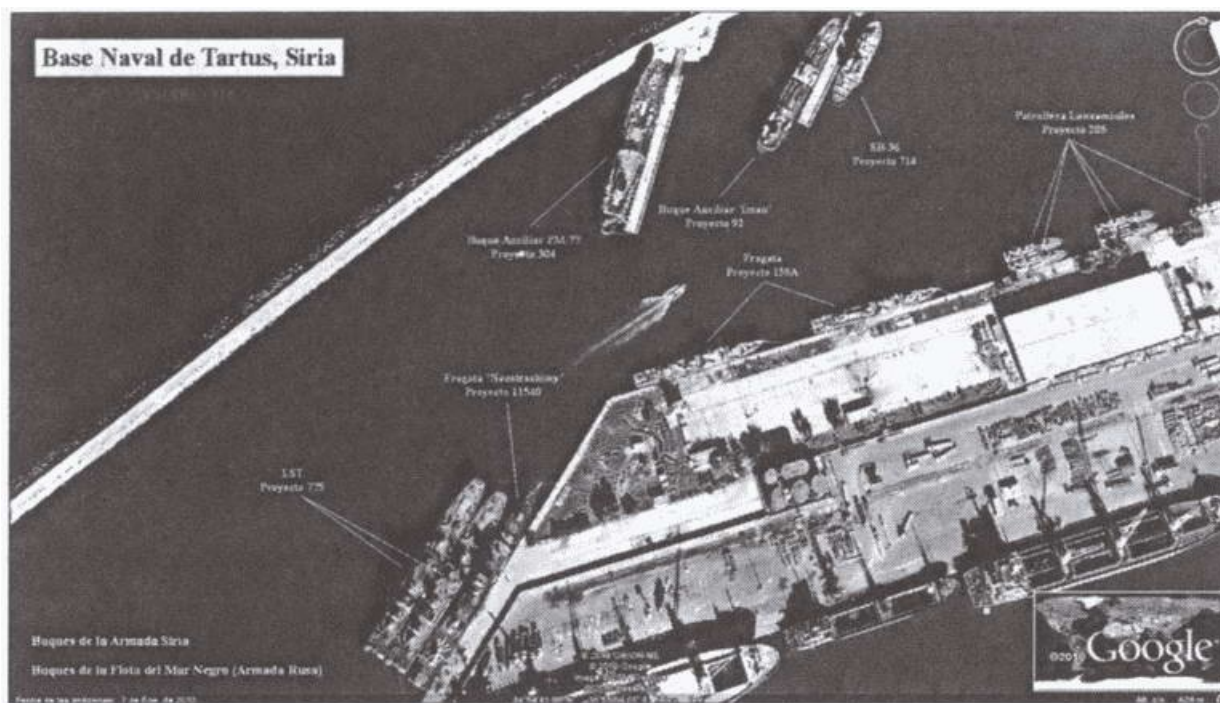

Дизельные подводные лодки пр. 613 в албанском порту Влёре (фото из коллекции В. Костриченко)

Русская пушка на Корфу (фото из коллекции Ю. Куликова)

Порт Тартус

Разведывательное судно «Лиман» (фото из коллекции В. Костриченко)

Разведывательное судно «Экватор» в Средиземном море (фото из коллекции В. Костриченко)

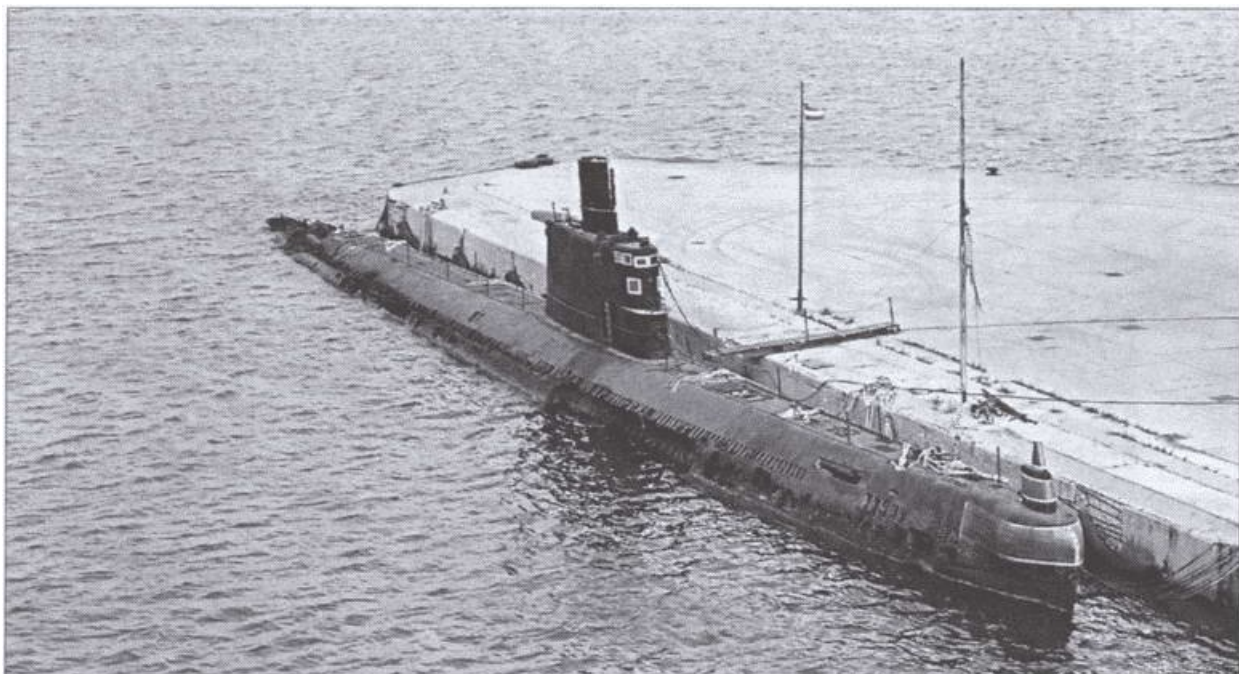

Плавмастерская ПМ-138 в Тартусе (фото из коллекции В. Костриченко)

Плавмастерская ПМ-56 (фото из коллекции В. Костриченко)

Подводная лодка в Тартусе. Июль 2005 г. (фото из коллекции В. Костриченко)

Начальник 720 ПМТО Дмитрий Жаворонков у складов ПМТО (фото Д. Стешина, Л. Коца)

Клипер «Наездник» на рейде Нагасаки. 1892 г.

Крейсера «Память Азова» и «Владимир Мономах» в Нагасаки

Японские «жены» русских офицеров. Нагасаки

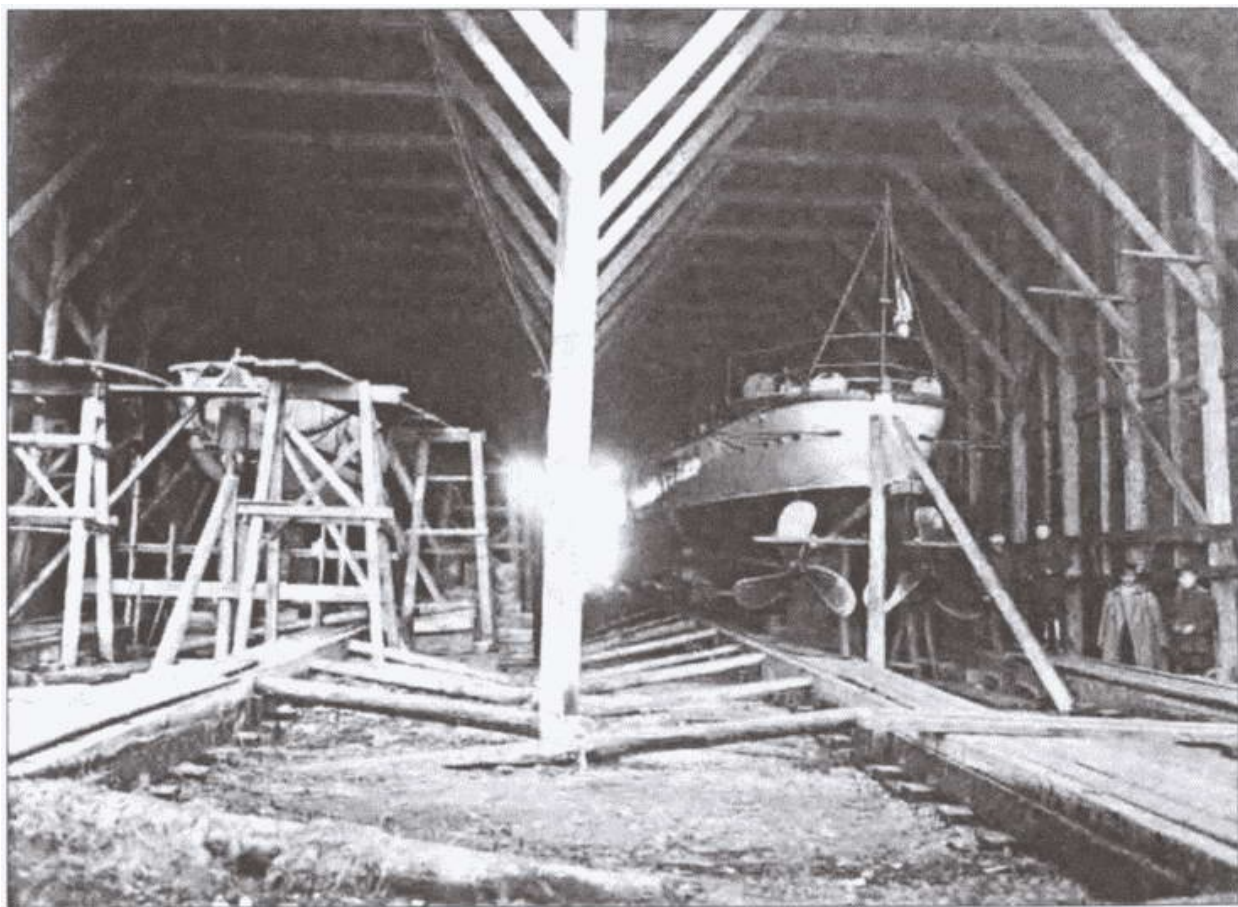

Цесаревич Николай в Нагасаки

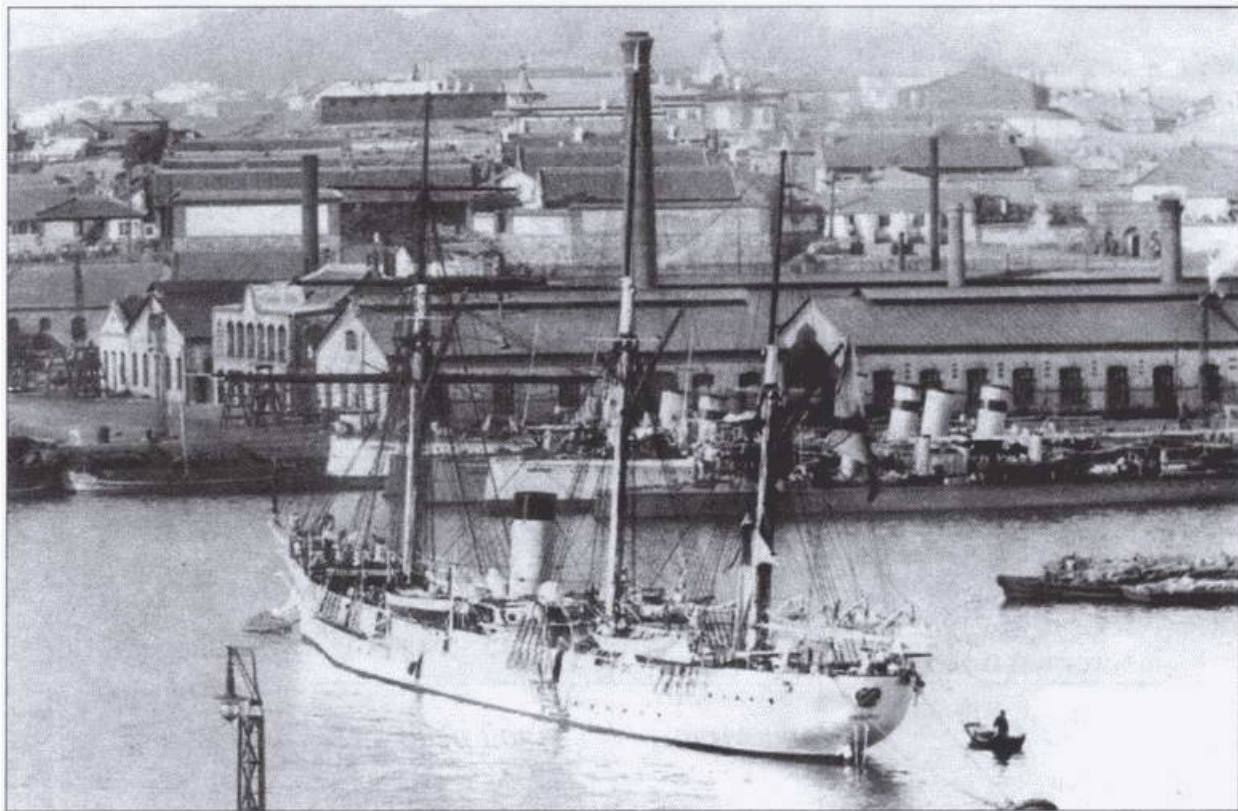

Порт-Артур. Большой рейд

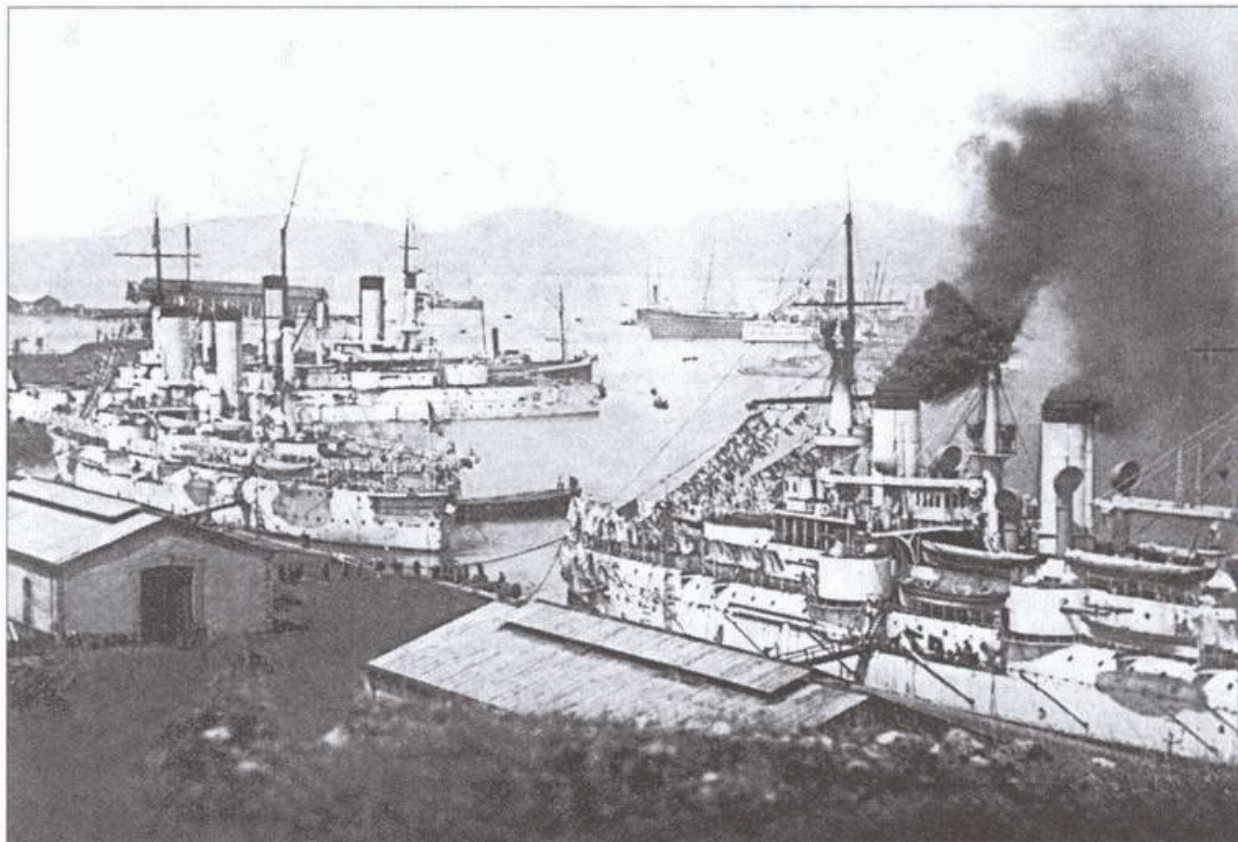

Сборка миноносцев в Порт-Артуре. 1903 г.

Клипер «Забияка» в Порт-Артуре

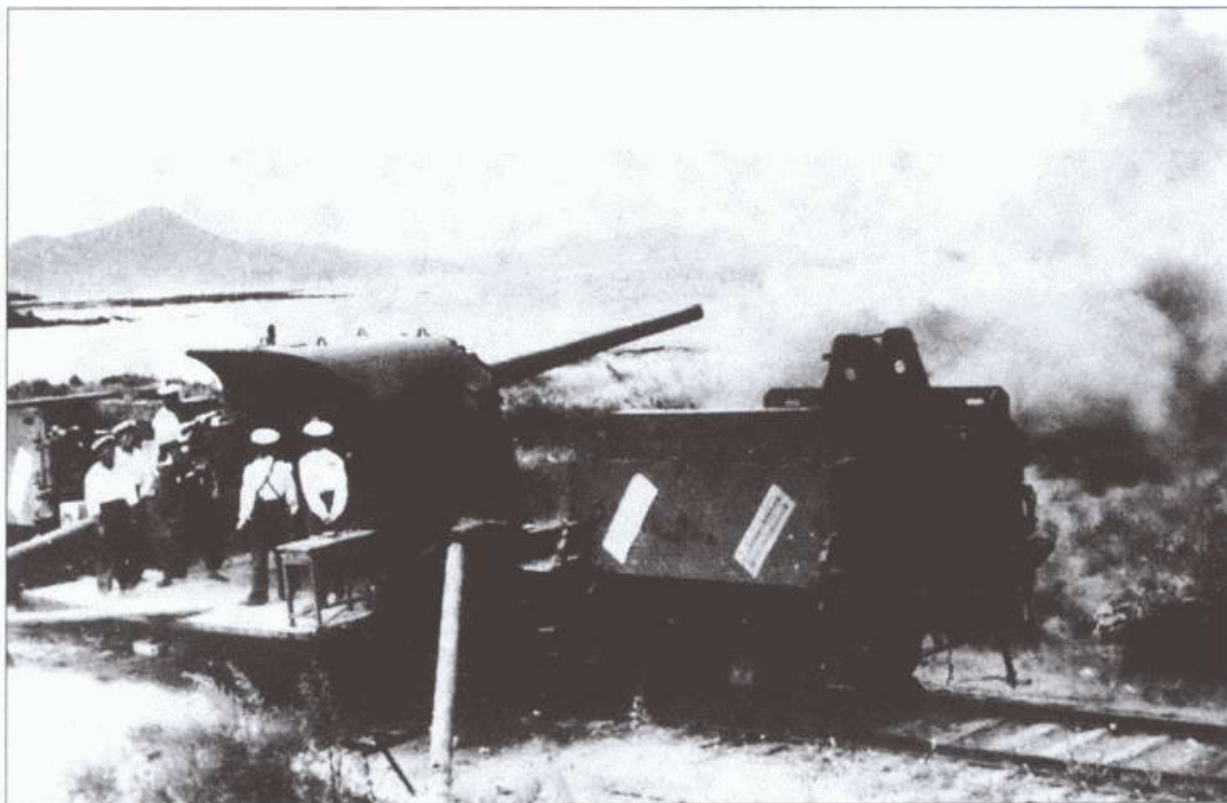

*Эскадренные броненосцы «Петропавловск», «Полтава» и «Севастополь» в Порт-Артуре.
Начало 1900-х гг.*

Сдали Порт-Артур, отметили и сфотографировались на память. В центре генералы Ноги и Стессель

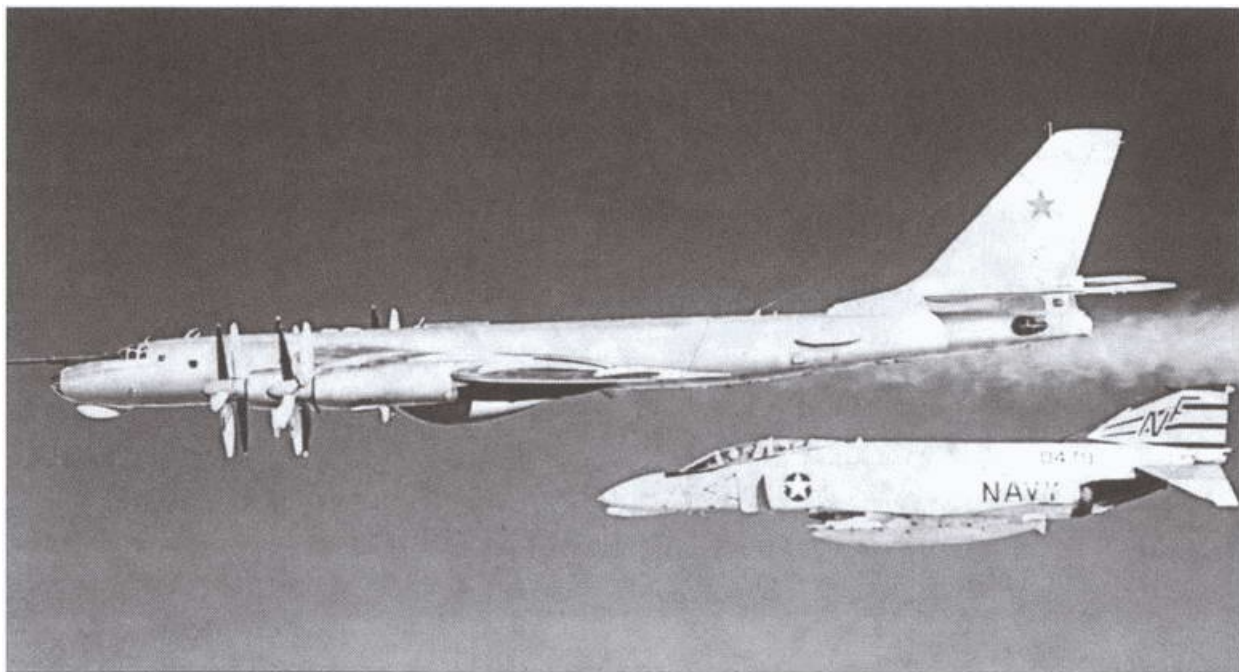

130-мм железнодорожная установка. Учебная стрельба в Порт-Артуре

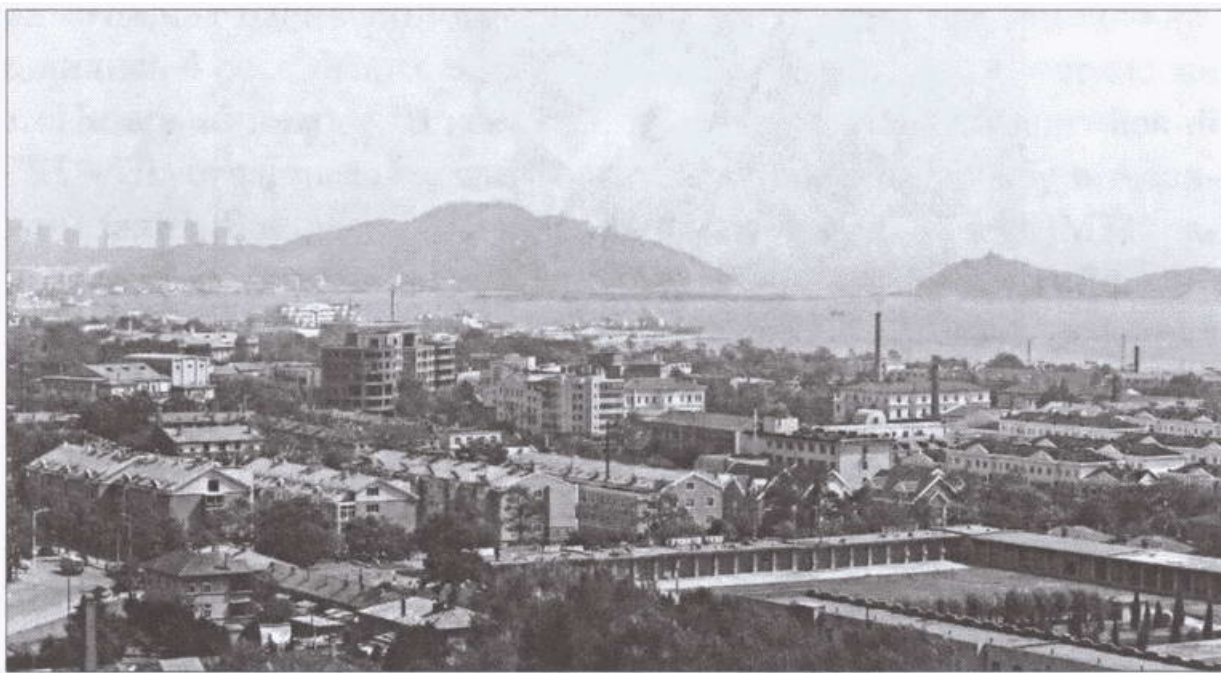

Снова в Порт-Артуре

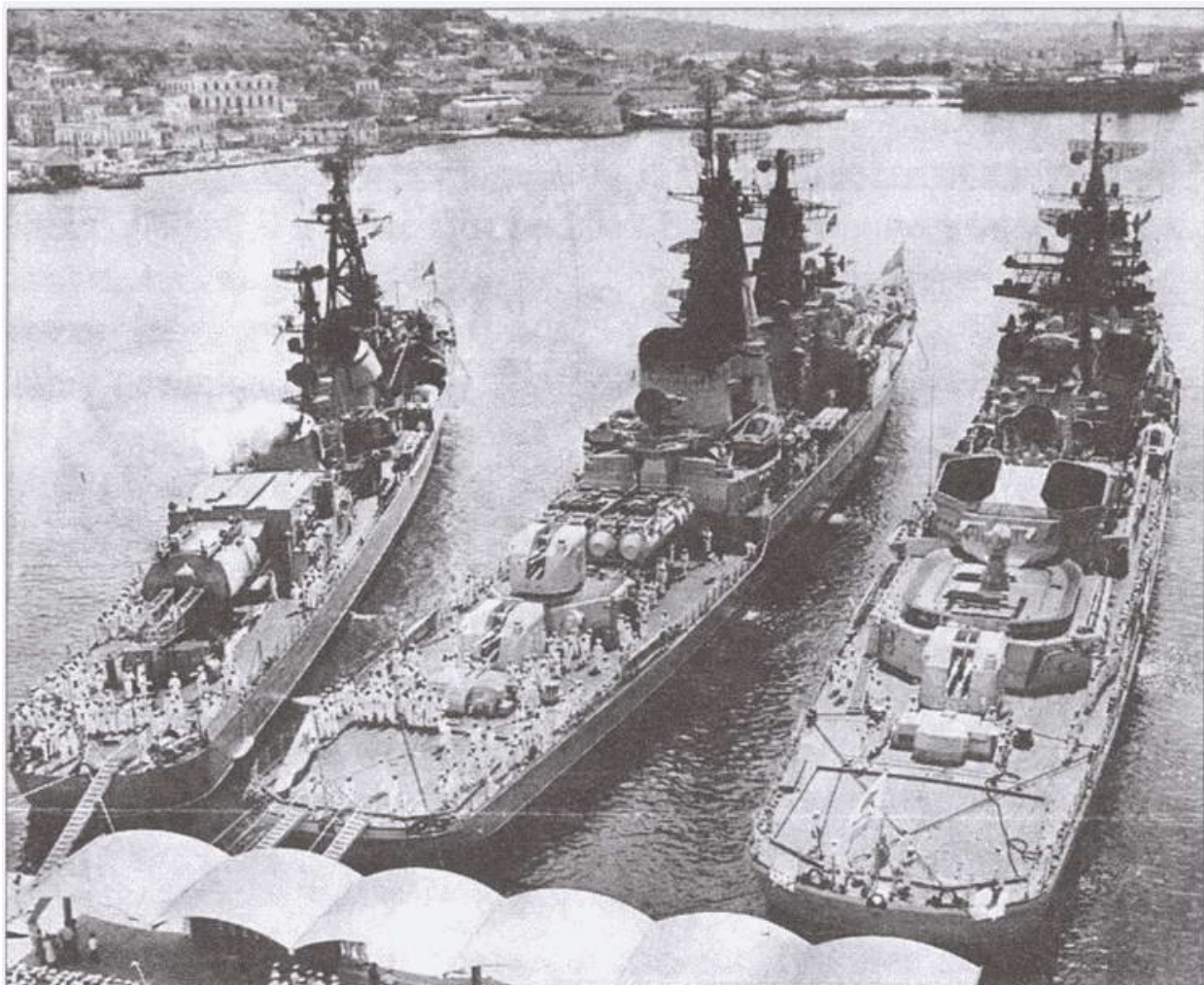

Разведчик Ту-95РЦ в сопровождении американского «Фантома». 1974 г.

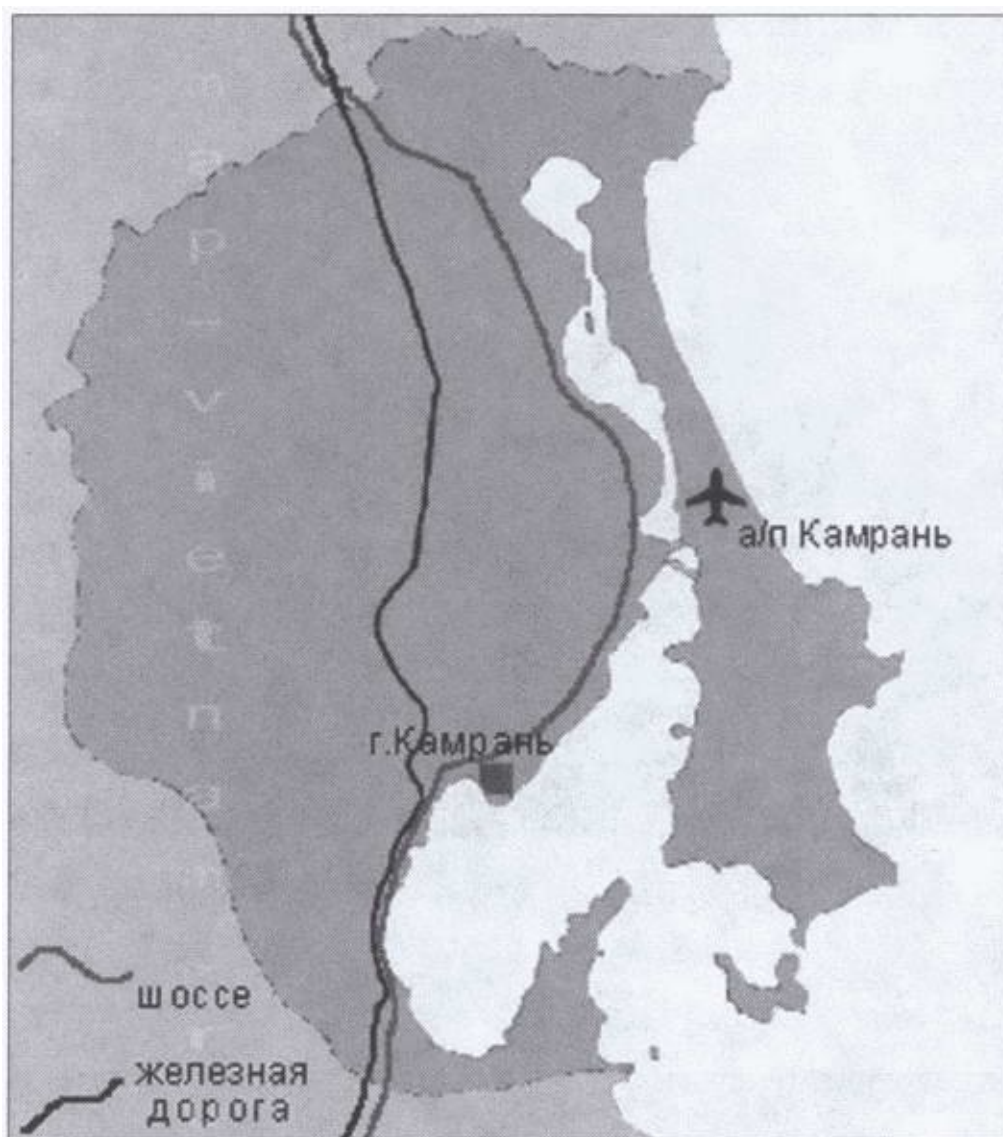

Порт-Артур сегодня (фото А.Н. Мухранова)

РКР «Грозный», BPK «Сообразительный» и БРК «Бедовый» в порту Гаваны. Июль 1969 г.

Схема базы Камрань

Высадка морпехов с БДК «Александр Торцев» на остров Нокра. 1987 г. (фото из коллекции В. Костриченко)

РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ БАЗЫ ЗА РУБЕЖОМ

В неспокойном XXI веке ни одна великая держава не может существовать без могучего океанского флота. В свою очередь флот не может быть реальной силой, не имея мест базирования для заправки топливом, продовольствием, боекомплектom, а также для ремонта кораблей и отдыха экипажей.

К сожалению, отечественный читатель почти ничего не знает о зарубежных военно-морских базах России и СССР. Автор рассказывает о создании таких баз, их функционировании и дальнейшей судьбе. Читатель впервые узнает о ряде засекреченных боевых операций нашего флота, морской пехоты и ВВС.

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

ЖЖ военные
тайны
века

ISBN 978-5-4444-1236-7

9 785444 412367

---

notes

Примечания

1

12,5 тыс. человек для бригады многовато. Но так в документе. Видимо, включены и части усиления.

Кушнер С.С. Так было // Балтфорт № 3(12). С. 94.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море, Ладожском и Чудском озерах. Вып. 1. М. —Л.: Управление Военно-Морского Издательства НКВМФ Союза ССР, 1945. С. 66—67.

Перечнев Ю.Т. Советская береговая артиллерия. М.: Наука, 1976.

Брагин В.И. Пушки на рельсах. М., 2006. С. 180.

См. схемы в конце книги.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море, Ладозском и Чудском озерах. Вып. 7. М.: Военно-морское издательство Военно-морского министерства Союза ССР, 1951. С. 163.

Там же. С. 169.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза... С. 171—172.

Далее для простоты я буду называть их просто броненосцами.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море, Ладожском и Чудском озерах. Вып. 6. М.: Военмориздат, 1951. С. 460.

Материалы сайта: http://inter-68.narod.ru/fin_8.html

Материалы сайта: <http://www.kvzriu.org/forum/viewtopic?f=63&t=7256>

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 223.

Древняя Русь в свете зарубежных источников... С. 221—222.

Ластовые суда — грузовые суда средних размеров.

Гекбот — трехмачтовое парусное судно длиной 30,5 м и шириной 8,2 м. Обычно гекботы использовались как транспорты, но в этой экспедиции они действовали в качестве бомбардирских кораблей.

Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IX. М.: Мысль, 1983. Кн. X. С. 387.

Соловьев С.М. Сочинения... С. 438.

Там же. С. 439.

Соловьев С.М. Сочинения... С. 479-480.

Керсновский А.Л. История русской армии. В 4 т. М.: Голос, 1999. Т. 1. С. 209.

Под стягом России. Сборник архивных документов / Сост., примеч. А.А. Сазонова, Г.Н. Герасимовой, О.А. Глушковой, С.Н. Кистерева. М: Русская книга, 1992. С. 304.

Бларамберг И. Ф. Воспоминания. Материалы сайта: http://www.bookol.ru/dokumentalnaya_literatura_maii^iogi^i_i_memuaiyi/7308.htm

Из донесения командира отряда военных судов в Астрабадском заливе Л.А. Вендриха российскому посланнику в Персии М.А. Долгорукому от 11 июня 1851 г.

«Русский вестник», № 6, 1857. С. 9.

«Русский вестник», № 6, 1857 г. С. 18.

В 50—60-х гг. XIX века в России крупнокалиберные гладкоствольные пушки имели номера 1—4. Самым длинным и, соответственно, имевшим лучшую баллистику, давался № 1.

Номинальная л. с. — это расчетная мощность машины. Она у первых пароходов была близка к фактической или, как ее тогда называли, индикаторной, но по мере совершенствования машин все больше расходилась с ней.

Стрелянов П.Н. (Калабухов). Неизвестный поход. Казаки в Персии в 1909—1914 гг. М.: Рейтар, 2001. С. 13.

Стелянов П.Н. (Калабухов). Неизвестный поход... С. 30.

Немитц Александр Васильевич (1879—1967) — по происхождению из дворян, контр-адмирал. В августе—декабре 1917 г. командовал Черноморским флотом. С февраля 1920 г. по декабрь 1921 г. командовал всеми Морскими силами республики и одновременно был управляющим делами Наркомата по морским делам. Затем на преподавательской работе в военных училищах. В советском флоте имел звание вице-адмирала.

Директивы командования фронтов Красной армии. (1917—1922).
Сборник документов в 4 т. М: Воениздат, 1974. С. 313.

Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др. В 18 т. СПб., 1911—1915. Т. XII. С. 439.

ЦГАВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 589.

Позже отражение этой торпедной атаки стало изучаться во всех советских трудах по военно-морской истории.

Газета «Известия», 23 мая 1920 г.

Документы внешней политики СССР. М: Политиздат, 1952. Т. П. С. 542— 543.

Так тогда именовали острова Эгейского моря. Между прочим, это море в XVII — начале XIX века называлось в русских источниках Белым морем. Турки в XV веке заменили древнее название Эгейского моря на Белое, а Русское море — на Черное.

Современный греческий остров Наксос.

Варварийские пираты — пираты, суда которых базировались на Марокко, Алжир, Тунис и Триполитанию.

Бриг — небольшое судно с двумя мачтами: грот- и фок-мачтами, на котором на грот-рее не было грота, а нижняя часть грот-мачты вооружена как бизань-мачта. Бриги использовались как торговые и военные суда. На военных бригах имелись весла, которые придавали бригу очень малый ход, но давали возможность уйти в штиль от неприятеля, как это сделал знаменитый бриг «Меркурий».

Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др. В 18 т. СПб, 1911—1915. Т. XVIII. С. 141.

Современное название Думъят, в 45 км северо-западнее современного Порт-Саида.

Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. М. —Л.: Издательство Академии наук СССР, 1945. С. 93.

Корей А. О нынешнем просвещении Греции. СПб., 1815. С. 25.

Авизо — посыльное судно. В иностранных флотах авизо состояли с XVIII по XX в. Однако в русском флоте это название не прижилось и встречалось редко.

Оборона побережья с древнейших времен до наших дней. Опыт исследования Генерального Штаба Полковника В.А. Мошнина. СПб., 1901. С. 148.

Корабельный журнал корабля «Захарий и Елисавета». ЦГАВМФ. Ф. Сборный. Д. 1064. Л. 36—41.

Адмирал Ушаков. Документы. / Под ред. Р.Н. Мордвинова. В трех томах. М.: Военмориздат, 1952. Т. II. С. 432—433.

Висковатов А. Военные происшествия в Неаполитанском королевстве 1798 и 1799 гг. СПб.: Славянин, 1828. Ч. V. С. 360.

Адмирал Ушаков. Документы. Т. III. С. 415.

Там же. С. 418.

Адмирал Ушаков. Документы. Т. III. С. 419.

Италийский Андрей Яковлевич (1743—1827). В 1799—1800 гг. русский «полномочный министр по военным делам» при неаполитанском короле Фердинанде IV в Палермо.

Вместе с Ушаковым в Стамбул пришли: корабли: «Св. Павел», «Петр», «Захарий и Елисавета», «Михаил», «Симеон и Анна», «Богоявление Господне», «Св. Троица», «Мария Магдалина», «Исидор», «Азия», «Победа»; фрегат «Поспешный»; авизо: шхуна № 1, «Панагия Апотуменгана», полака «Экспедицион», транспорт большого размера «Григорий». «Транспорт большого размера» — официальный класс, присвоенный судну «Григорий». Он был построен в 1797—1798 гг. Николаеве и вооружен 24 пушками. Фактически это был фрегат. В 1799 г. он перешел из Севастополя в Корфу, доставив бомбы и ядра на суда эскадры Ушакова, а в октябре 1880 г. вернулся в Севастополь. В 1801 г., в 1802 г. и в 1804 г. совершил три плавания из Севастополя в Корфу, доставив туда войска и грузы. В 1805 г. прибыл в Корфу и вошел в состав отряда капитана 1-го ранга А.А. Сорокина.

Адмирал Ушаков. Документы. Т. III. С. 439.

Россия и черноморские проливы (XVIII—XX столетия) / Под ред. Л.Н. Нежинского, А.В. Игнатьева. М.: Международные отношения, 1999. С. 93.

Тарле Е.В. Сочинения в 12 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. Т. VII. С. 146—147.

Фрегаты «Иоанн Златоуст», «Поспешный» (2-й) и «Крепкий».

Корабли: «Ретвизан» 966 пушек, капитан-командор А. Грейг), «Параскева» (74 пушки, капитан 1-го ранга Салтанов), «Елена» (74 пушки, капитан 1-го ранга Ив. Бычевский), «Азия» (66 пушек, капитан 1-го ранга Белле), «Петр» (74 пушки, капитан 1-го ранга Баратынский), «Москва» (74 пушки, капитан 1-го ранга Гетцен), «Селафаил» (74 пушки, капитан 2-го ранга Рожнов), «Краиил» (80 пушек, капитан 2-го ранга М. Быченский), «Ярослав» (74 пушки, капитан 2-го ранга Митьков), «Михаил» (капитан 1-го ранга Лелле). Фрегаты: «Венус» (50 пушек, капитан-лейтенант Н. Баскаков), «Автроил» (24 пушки, капитан-лейтенант Бакман), «Михаил» (32 пушки, капитан-лейтенант Марк Снаксарев), «Кильдюйн» (24 пушки, капитан-лейтенант Развозов), «Армении» (превращен в морской госпиталь, капитан-лейтенант Георгий Каломори). Бриги: «Летун», «Бонасорт», «Орел», «Феникс», «Аргус». Бригантины: «Стабие», «Карьера», «Флора», «Альсино». Шхуна «Экспедицион».

Таблица составлена по «Ведомости о числе состоящих по спискам подружейных нижних чинов в войсках, на Ионической республике расположенных». ЦГАВМФ. Сборный фонд. Д. 184. Л. 71—72. В этой ведомости нет данных о сводном батальоне морских полков. Они взяты из «Списка полковых чинов, вышедших с Сенявиным из Ревеля 5 сентября 1805 г.». ЦГАВМФ. Ф. Канц. Сенявина. Д. И. Л. 1—15.

Шапиро АЛ. Адмирал Д.Н. Сенявин. М.: Воениздат, 1958. С. 101—102.

Цит. по: Тарле Е.В. Избранные сочинения в IV томах. Ростов н/Д: Феникс, 1994. Т. IV. С. 286.

Бокка-ди-Каттаро (Бока Каторская) — залив, приморская область и коммерческий и военный (с 1898 г.) австрийский порт Далмации на берегу Адриатического моря. Город расположен в южной части Катарской бухты в подножия горы Ловгень, в 1 версте от черногорской границы. Ныне город Котор в Которской бухте в Черногории.

Кинросс Лорд. Расцвет и упадок Османской империи. М.: КРОН-ПРЕСС, 1999. С. 480.

14 июля 1789 г. в крепости Бастилия было несколько десятков солдат-инвалидов и ни одного обывателя.

РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 64.

Речь не идет о греческих судовладельцах, использовавших русский триколор, который тогда был флагом коммерческого флота, в конъюнктурных целях.

РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 2 Д. 65.

Палеолог Г., Сивинис А. Исторический очерк народной войны за независимость Греции. СПб., 1867. Ч. 1. С. 105—108.

Там же. С. 116—117.

Богданович Е.В. Наварим. 1827—1877. М, 1877. Приложения. С. 7—8.

Приказом МО СССР от 30.10.1959 г. самолет-снаряд переименован в крылатую ракету.

Заборский В.В. ПВО: Защищая воздушное пространство над «нашим» морем // На острие глобального противостояния. 5-я Средиземноморская эскадра ВМФ СССР на защите державы в эпоху «холодной войны». Севастополь, 2012. С. 605.

Цит по: Розин А. Уход СССР из Египта в 1976 г. // Материалы сайта:
<http://alerozin.narod.ru/Egypt76.htm>

Алавизм — название для ряда исламских религиозных направлений, ответвлений или сект, по мнению некоторых специалистов, стоящих на границе между крайним шиизмом (гулат) и отдельной религией.

Цит. по: Розин А. Сотрудничество СССР и Сирии в военно-морской области. Ч. 2 // Материалы сайта: <http://alerozin.narod.ru/SyriaTartus.htm>

Цит. по: Розин А. Сотрудничество СССР и Сирии в военно-морской области. Ч. 2. // Материалы сайта: <http://alerozin.narod.ru/SyriaTartus.htm>

Цит. по: Розин А. Сотрудничество СССР и Сирии в военно-морской области. Ч. 2. // Материалы сайта: <http://alerozin.narod.ru/SyriaTartus.htm>

Накамура С. Японцы и русские. М.: Прогресс, 1983. С. 198—199.

Крестовский В.В. В дальних водах и странах. М.: Центрполиграф, 2002. С. 360.

Крестовский В.В. В дальних водах и странах... С. 360—361.

Крестовский В.В. В дальних водах и странах... С. 365—368.

Тимберовка — капитальный ремонт деревянного корпуса.

Россия и Япония на заре XX столетия / Под ред. В.А. Золотарева. М.: АРБИЗО, 1994. С. 70.

Там же.

Россия и Япония на заре XX столетия... С. 181.

Россия и Япония на заре XX столетия... С. 78.

Там же.

Там же.

Россия и Япония на заре XX столетия... С. 79.

Россия и Япония на заре XX столетия... С. 79.

Там же.

Там же.

Там же.

Россия и Япония на заре XX столетия... С. 80.

Там же. С. 81.

Там же.

Дацышен В.Т. Русско-Китайская война 1900 г. Поход на Пекин. СПб.: Альманах «Цитадель», 1999. С. 36.

С марта 1902 г. — «Решительный».

В России с 1838 по 1917 г. крепости делились на морские и сухопутные. Морские крепости предназначались для защиты от неприятельского флота, а сухопутные — от армии. Тем не менее все морские крепости имели укрепления и орудия, предназначенные для защиты от сухопутных войск противника (их называли сухопутным фронтом).

Русско-японская война 1904—1905 гг. Работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904—1905 гг. при Морском генеральном штабе. Кн. 1—7. СПб., 1912—1917. Кн. 1. С. 469.

Русско-японская война 1904—1905 гг.... С. 474.

Там же. С. 475.

Величко Константин Иванович родился 20 мая 1856 г. В 1892 г. служил в крепости Ковно, а в 1893 г. — в Новогеоргиевске. В 1893 г. назначен в комиссию по вооружению крепостей, с 1895 г. — управляющий делами этой комиссии. С 1901 г. — профессор фортификации Николаевской инженерной академии. После составления проекта укреплений Порт-Артура получил чин генерал-майора. В 1903 г. стал помощником начальника Главного инженерного управления. С началом войны по просьбе Куропаткина Величко направлен в Маньчжурскую армию. Там он проектировал укрепления Ляояна, Квантунской позиции на р. Ляохэ, Инкоу, Ташичао, Хайчена, Айсандцзянской и Ляндзяньской позиции, а также (тотчас после оставления Ляояна) Мукдена, Телина, а после мукденских боев, и Харбина.

Журналы соответствующих комиссий и комитетов после утверждения их военным министром становились приказами.

Там, где не указано патронное зарядание, зарядание картузное.

Разница во временных поясах.

Дневники императора Николая II / Под ред. К.Ф. Шацillo. М.: Орбита, 1991. С. 193.

Стессель Анатолий Михайлович (1848—1915). Окончил в 1866 г. Павловское военное училище и более нигде не учился. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Командовал бригадой во время «боксерского восстания» в 1900—1901 гг. 12 августа 1903 г. назначен комендантом Порт-Артура. С 30 января 1904 г. — начальник Квантунского укрепленного района и командир 3-го Сибирского корпуса. Уволен из армии в сентябре 1906 г.

ЦВИА. Ф. ВУА. Д. 13449. Л. 46—47.

Сорокин Л.И. Оборона Порт-Артура 1904—1905. М: Воениздат, 1952.
С. 69.

ЦВИА. Ф. 504. Оп. 9. Д. 1442.

Доставлены в Порт-Артур после начала боевых действий.

Марезуке-Китен Ноги родился в 1849 г. в древней самурайской фамилии, в 1871 г. поступил на военную службу. В 1894—1895 гг. Ноги командовал 1-й бригадой, сражался с ней под Цзиньчжоу и Порт-Артуром, за что был произведен в генерал-лейтенанты и возведен в баронское достоинство. В 1900—1904 гг. находился в запасе, с началом войны с Россией вернулся на службу и получил командование над остававшимися в Японии гвардейскими частями, но вскоре был назначен командующим 3-й армией. В июне 1904 г. произведен в полные генералы (маршалы), а в 1907 г. — в графское достоинство. Верный традициям самураев, после смерти японского императора вместе с женой 13 сентября 1912 г. в Токио сделал себе харакири.

В разных источниках дается от 384 до более 400 орудий, я же привожу наиболее достоверную цифру.

Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура 1904—1905. С. 218.

Их оказалось только 76 человек.

Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура 1904— 1905. С. 218.

Их оказалось только 76 человек.

Декларацию «О дальнейшем неучастии в этой войне» подписали контр-адмирал Ухтомский и 441 флотский и армейский офицер.

Русско-японская война 1904—1905 гг. Сборник документов. М: Воениздат, 1941. С. 354.

Дневники императора Николая II. С. 250.

Материалы сайта: <http://vlasti.net/news/126715>

Приморская 39-я общевойсковая армия (второго формирования) была вынуждена в связи с конфликтом с КНР в начале 1960-х гг. дислоцироваться в Монголии.

Носик Б. Тайна Маклая. М: Радуга, 2001.

Материалы сайта: <http://www.proza.ru/2010/02/25/803>

Матюшин Н.Ф. 17-я оперативная эскадра кораблей Тихоокеанского флота. М.: Кучково поле, 2011. С. 82.

Матюшин Н.Ф. 17-я оперативная эскадра... С. 321.

Матюшин Н.Ф. 17-я оперативная эскадра... С. 322.

Матюшин Н.Ф. 17-я оперативная эскадра... С. 329—330.

ГСВК — Группа советских войск на Кубе.

РВСН — Ракетные войска стратегического назначения.

«Около» не потому, что автору неизвестна точная дальность стрельбы ракет П-6, а потому, что дальность этих ракет существенно зависит от температуры окружающей среды.

Розин А. Советский флот в «Карибском кризисе» // Материалы сайта:
<http://alerozin.narod.ru/Cuba 1962.htm>

Болтунов М.Е. «Золотое ухо» военной разведки // Материалы сайта:
<http://lib.rus.ec/b/353654/read>

Болтунов М.Е. «Золотое ухо» военной разведки // Материалы сайта:
<http://lib.ras.ec/b/353654/read>

Розин А. Африканские эпизоды советского флота. Гвинея // Материалы сайта: <http://alerozin.narod.ru/Guinea.htm>

Розин Л. Африканские эпизоды советского флота. Гвинея // Материалы сайта: <http://alerozin.narod.ru/Guinea.htm>

Розин А. Африканские эпизоды советского флота. Гвинея // Материалы сайта: <http://alerozin.narod.ru/Guinea.htm>

Розин А. Операции на море спецслужб ЮАР // Материалы сайта:
[http:// alerozin.naiod.ru/angola.htm](http://alerozin.naiod.ru/angola.htm)

Сахончик С.М. Расстрелянный остров // Материалы сайта:
http://artofwar.ru/s/sahonchik_s_m/text_0030.shtml

Розин Л. Советское присутствие в Сомали: сотрудничество и разрыв // Материалы сайта http://www.afri.su/eyewitness/index.php7ELEMENT_III=2129

Розин А. Советское присутствие в Сомали: сотрудничество и разрыв. // Материалы сайта http://www.afri.su/eyewitaess/index.php7ELEMENT_ID=2129

Розин А. Советское присутствие в Сомали: сотрудничество и разрыв // Материалы сайта http://www.afri.su/eyewitness/index.php7ELEMENT_ID=2129

Там же.

Розин А. Советское присутствие в Сомали: сотрудничество и разрыв // Материалы сайта http://www.afri.su/eyewitness/index.php7ELEMENT_ID=2129

Розин А. Советское присутствие в Сомали: сотрудничество и разрыв // Материалы сайта http://www.afri.su/eyewitness/index.php7ELEMENT_ID=2129

Розин А. Советское присутствие в Сомали: сотрудничество и разрыв // Материалы сайта http://www.afri.su/eyewitness/index.php7ELEMENT_ID=2129

Цит. по: Новая история колониальных и зависимых стран. Т. 1 / Под ред. С.Н. Ростовского, И.М. Рейснера, Г.С. Кара-Мурза, Б.К. Рубцова. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. С. 504.

Материалы сайта: <http://alerozin.narod.ru/red.htm>

Сахончик С.М. Нокра — расстрелянный остров. Материалы сайта:
http://mmi.nlogs/ruslender/nokra_-_rasstrelyannyu_ostrov/page2/#comment_14849458